

Владимир Евгеньевич Ларионов

ПРАВОСЛАВНАЯ МОНАРХИЯ

Национальная монархия в России
Утопия, или Политическая реальность



Серия: Проект "Россия"
Издательство: Издатель Быстров
2007 г.

Данная книга призвана оградить русское общество от попадания в ловушку современных псевдомонархических проектов власти.

Здесь дан ключ к пониманию проблематики монархического принципа власти в контексте современности. Доступным языком раскрываются хитросплетения вокруг потомков Кирилла Владимировича и их претензий на Трон.

Будет дана альтернативная точка зрения на вопросы династической преемственности в рамках исторического русского самодержавия с позиций дня сегодняшнего и предложен альтернативный проект для русского и - шире - российского общества по реализации священной мечты: возрождения традиционной, исторической государственности в России.

[Вместо предисловия](#)

[Введение. Псевдомонархический подлог или прозрение власти?](#)

- [Глава I. Монархическая государственность – консервативная утопия или вектор национального обновления](#)

1. [Истоки национальной трагедии](#)
2. [Постигнем ли мы смысл новейшей истории?](#)
3. [Православие, Самодержавие, Народность](#)
4. [Богословское обоснование самодержавной власти](#)
5. [Святые отцы Церкви о монархии](#)
6. [Биологический фундамент Государственности](#)
7. [Утрата и возрождение монархического правосознания](#)
8. [Третий Рим или Новый Израиль](#)
9. [Секта украинствующих](#)
10. [«Символическое» возрождение на фоне демократического некроза](#)

[государственности](#)

11. [Мировоззренческая основа возрождения государственного сознания](#)
12. [Воскрешение монархии – консервативная утопия или революционное возрождение Традиции?](#)

- [Глава II. Монархический принцип правления в XXI веке](#)
 - 1. [Вступление](#)
 - 2. [Корень государственности](#)
 - 3. [Архетип древнерусской государственности](#)
 - 4. [Архетип самодержавной государственности в традициях древности и современном осмыслении](#)
 - 5. [Понятийный аппарат государственности](#)
 - 6. [Традиционная государственность](#)
 - 7. [Государственный канон, традиционные устои народа и духовный фундамент патриотизма](#)
 - 8. [Христианский источник гражданского патриотизма в традиционном государстве](#)
 - 9. [Священные основы государства и личность](#)
 - 10. [Церковь и государство](#)
 - 11. [Необходимость монархического вектора в современном политическом движении правых сил](#)
- [Глава III. Монархизм православный и монархизм воровской](#)
 - 1. [Грехи политического монархизма](#)
 - 2. [Истоки воровского монархизма в России](#)
 - 3. [Грамота 1613 года](#)
 - 4. [Воровской монархизм «кирилловцев»](#)
 - 5. [Закон о престолонаследии и современность](#)
 - 6. [Еще раз о законе престолонаследия](#)
 - 7. [Принц Майкл, или обезьяний проект](#)
 - 8. [Рыцарская Монархия](#)
- [Глава IV. Орденская Русь](#)
 - 1. [Русская Элита](#)
 - 2. [Церковная ограда и орденская организация](#)
 - 3. [Православные братства и особенности русской орденской идеи](#)
 - 4. [Орденская идея, западный традиционализм и наши задачи](#)
 - 5. [Орденская организация и русская традиция](#)
- [Вместо эпилога](#)
- [Заключение](#)

Памяти Константина Константиновича Веймарна,
начальника Российского Имперского
Союза-Ордена посвящается

Вместо предисловия

Символ веры

Я люблю ледяную Московию,
Золотой византизм куполов,
Темных изб лубяные прогалины
Средь бескрайних полярных снегов.

Я влюблен в избяную Московию,
В ее строгий спартанский уклад,
В ее буйные будни и праздники,
В ее песен лирический лад.

О, святая, студеная Родина,
На просторах – хрустальный орарь,
Снежно-искристым убрусом убранный
Ледяной Вселенский Алтарь.

И отрадой мне топь непролазная
Среди чащи таежных лесов,

Путь-дорога в простор, безоглядная
До поморских поклонных крестов.

Звон небес благовестит нам колокол,
Пробуждая в душе вечный зов.
Наша честь, наша верность и мужество
Обретаются в вере отцов.

Не милей пепелища родимого
Все шедевры заморских творцов,
И калитка погоста старинного
Нам роднее роскошных дворцов.

Эти чувства от времени древнего
Созидали державу дедов,
То завет наших пращуров доблестных,
Легендарных в сраженьях бойцов!

Свои славные ратные подвиги
Совершая под знаком Креста,
Наши прадеды стойкими в Истине
Завещали нам быть до конца.

Нам судьба предначертана Господом
Прозревать сквозь метельный атлас
Образ Божьего Града Небесного
Через строгий Нередицкий Спас.

Василий Шарапов

Введение.

Псевдомонархический подлог или прозрение власти?

Удивительные вещи происходят в политической жизни современной России. Вроде бы все идет своим чередом. Реформы успешно толкают в тощий зад экономику по пути безудержной траты минеральных ресурсов страны в погоне за долларовой выручкой, с которой не знают, что делать.

А вернее сказать, знают. Ее надо обязательно «разделить», а лучше – «распилить». Но вот незадача, выручка сверхогромна, и как ее разворо... распределить, еще не придумали. А пока эти деньги составляют загадочный стабилизационный фонд. Стабилизируют же они продолжающуюся деградацию общественной жизни.

В политике тоже ничего особенного. Власть все так же бодро салютует либеральным ценностям, старательно заворачивая их в фантик пожухлого советского патриотизма, слегка припудренного антуражной пылью ушедшей в небытие Императорской России, и продолжает исполнять роль большой «шестерки» в большой восьмерке.

Скучно описывать эту унылую действительность. Вы, уважаемый читатель, и сами все знаете и видите, и от унылости всего происходящего становится «погано» на душе. Как бы ни кривлялись наши юмористы на тему нелепой российской действительности – не смешно все это! Давно не смешно.

И вдруг в нашей родной Государственной думе депутатам в кабинеты приносят «Политический журнал» за № 2 от 2006 года. Вроде как с первого взгляда привычный богато иллюстрированный словесный понос, подтертый обильной рекламой. Но открываем первую же статью журнала и одновременно открываем рот. Да, не так уж и скучно жить в стране после Советов.

Судите сами, автор статьи Петр Акопов серьезно, без сарказма и, вне всякого сомнения, не без санкции высокого начальства обсуждает проект реставрации в России монархии сверху, усилиями прозревших работников ФСБ под чутким руководством их державного шефа.

И это пишет не какая-то там оппозиционная газетенка, и это не шизофренический боевой листок красных патриотов сталинской исправительно-трудовой колонии с аббревиатурой СССР, а журнал, издающийся далеко не для свободной продажи, но для примечательно адресной раздачи.

Ну как тут не растеряться. Как понять, что это такое? Закономерный ли это плод переживаемого чекистского ренессанса? Может, это очередной «Трест» под №...? Надеюсь, читатель хотя бы по советским фильмам помнит о знаменательной операции «Трест».

Поразительно, но статья Акопова проникнута каким-то неподдельным пафосом. Он же сообщает читателю, что информация о тайном кремлевском проекте реставрации монархии в промежутке между 2008 и 2016 годом стала известна американцам. Что, конечно, не удивительно, раз это становится известно всем.

И вот уже два представителя Белого Дома и, разумеется, ЦРУ, мчатся в Россию, чтобы собрать демократическую общественность в единый кулак и ударить этим кулаком по авторитарному проекту «кремлевских злодеев».

Американцы никак не возьмут в толк, что кулак нашей демократической общественности годен лишь для мастурбации, и давно уже не интеллектуальной. Кроме того, эта наша пресловутая «общественность» страсть как опасается питерских кремлевцев и готова от них принять не только монархию, но и все, что угодно, хоть черта лысого.

А вот что касается немногочисленной национальной русской интеллигенции, то нам стоит крепко подумать, втаскивать ли этого наскоро слепленного «Троянского коня» в «свой огород».

С одной стороны, нет никаких сомнений, что возрождение России – и духовное, и социальное, и экономическое, наконец, – лежит исключительно на путях воссоздания в стране преемственной авторитарной, исключительно национальной власти, каковой, по природе вещей, может быть только монархия. Но монархия монархии рознь.

Ходят слухи, что сама эта монархическая шумиха и псевдомонархические проекты осуществляются на деньги А. Чубайса. Сложно утверждать такие вещи наверняка, но с абсолютной уверенностью можно говорить, что далеко не всегда тот, кто дает деньги, является истинным автором проекта и организатором его массовой рекламы. Есть силы и поважнее Чубайса.

Так давайте же повнимательнее разберемся, что же в итоге предлагают нам потомки «комиссаров в пыльных шлемах».

Монархия и ее антипод – псевдомонархия или даже антимонархия, есть устойчивая парадигма смены исторических циклов в Русской истории. Мы пережили большевизм с его ярко выраженной антимонархичностью, то есть с таким жестким устройством властной пирамиды, которая по форме (но не по содержанию) может напоминать абсолютистские азиатские монархии. Напоминать деспотизмом, низведением интеллигенции, этой псевдоаристократии Советов, до состояния подручных и надсмотрщиков за бесправным населением. Такой по форме власти, которая абсолютно лишена какой бы то ни было сакральной санкции на властные полномочия, без чего истинная монархия и немыслима.

Теперь мы вступаем в тревожное время перелома эпох, когда скрытое до времени священное Царство, как град Китеж, может обрести новую жизнь в новых формах воплощения векового монархического идеала русского народа, постигаемого сегодня большинством: иногда сознательно, но чаще – только интуитивно.

Однако именно от большинства ныне зависит, будем ли мы жить при истинной монархии, то есть в нравственно и организационно здоровом государственном и национальном организме, или в новом псевдомонархическом проекте, означающем общество нравственного распада народа; в социуме, возглавляемом специфическими органами власти, под помпезной вывеской, украшенной пышной короной газово-нефтяной псевдоимперии – полигоне по подготовке послушного человеческого стада к принятию глобального мирового государства, населенного рабами безумного потребления, во главе которого стоит предсказанный в Откровении Иоанна Богослова лжемонарх-антихрист; в кошунственной антиимперии, в которой окончательно будут погребены благородные чаяния христианского человечества о духовной свободе, высокой нравственности, цветущей культуре суверенных народов и государств.

Понимают ли авторы монархических проектов, какая опасность кроется за механической реставрацией монархии, которая всего лишь искусственно увенчает ту систему власти, которая создана на обломках СССР и деградирует на глазах, не имея абсолютно никакого внутреннего мотива, а тем более – энергетического резерва для своего нравственного и волевого катарсиса.

Вообще говоря, создается устойчивое впечатление, что политическая элита России современной не совсем отдает себе отчет в том, что она делает, что говорит и куда стремится. У государства Российского отсутствует ясная доктрина перспективы именно государственного и социального развития. Власть же характеризуется вечной озабоченностью сохранения неустойчивого баланса интересов олигархических групп и выпуском пара социального недовольства у населения. Все, никакой динамики, никакого плана на будущее. Только вялая реакция на вызовы современности. Это начало конца. А чего стоят постоянные разговоры о преемнике действующего президента! Мы что,

уже живем при династической монархии, если глава государства, еще оставаясь таковым, как византийский император, вправе короновать своего преемника? Или вспомним национальные проекты власти, которые подаются обывателю как ряд чрезвычайных мер, тогда как в нормальном государстве это обычный набор стандартных функций госаппарата.

Бред, да и только. И на фоне всего этого уморительно звучат заклинания, призванные усыпить бдительную настороженность Запада по поводу всего того, что у нас происходит, и убедить его, что мы строим суверенную демократию. Термин «суверенная» для демократии в России не случаен. Ощущение того, что, став участниками всевозможных международных организаций, мы утратили значительную долю национально-государственного суверенитета, не получив взамен ничего, вполне оправдывает и сам термин, и осмысленную попытку этот суверенитет восстановить. Вот только можно ли его вернуть на путях тупой приверженности современной системе ценностей, по глупости или по коварному лукавству признаваемой многими за демократию (т. е. народовластие), – это большой вопрос. Народ наш имеет «нонче» власть регулировать разве что резинку своих трусов, да и то – в объеме, допустимом особенностями качества китайского ширпотреба. И это все наше народовластие?!

А что же Его Величество Народ?

Народ пока безмолвствует. Но что кроется за этим затянувшимся молчанием?

В конце 2006 года социологи из ВЦИОМ провели опрос населения: «Нужна ли России монархия?» Результаты нельзя назвать неожиданными или сенсационными – каждый десятый россиянин готов принять в качестве правителя страны самодержавного монарха. Почти треть населения страны (28 %) теоретически видит пользу для страны в восстановлении монархической власти. Для 8 % из них Царь – духовный символ страны и единства народа, 9 % полагают, что династическая преемственность власти есть гарантия спокойной и законной передачи власти от одного правителя другому, а 11 % выступают за монархию как за способ восстановления в России исторической и юридической преемственности власти и возврата к живительным истокам национальной традиции. Любопытно, что опросы показывают устойчивую динамику роста монархических настроений в России. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы понимать, что эти настроения неизмеримо вырастут, когда после грядущих выборов в Думу и «выборов» нового президента РФ народ в который раз будет жестоко обманут в своих ожиданиях.

Каков же выход из явного идейного тупика современной власти? Отражен ли он в загадочном «Проекте „Россия“, о котором шла речь в „Политическом журнале“?

Сам автор журнальной статьи с нескрываемым сочувствием цитирует пассаж из указанного проекта с многообещающим названием, опубликованного не так давно без указания авторства.

Позволим себе воспроизвести ряд цитат из этой работы. «Наша идея – монарх, власть которого ограничена религией. Власть, стоящая на двух ногах – алтарь и трон. Обратите внимание, мы желаем восстановления системы и принципа, а не какой-либо монархической фамилии. Мы хотим постараться для России, а не заранее определенных лиц. Кто будет монархом, решать Богу и народу, а не нам с вами. Мы создаем организацию Идеи, а не фамилии и не берем на себя функции Земского собора. Наша задача – создать условия для возрождения самодержавия. Сначала на Руси, а потом во всем мире. Постепенно, незаметно, в черед как бы текущих само собой событий».

Начали за здравие, кончили за упокой. Получается, что пресловутый «Проект „Россия“ озабочен восстановлением монархии во всем современном мире? Думаете, это простая отрывка „совка“, когда мы помогали строить неграм социализм, а теперь, по инерции, готовы оказать им помощь в построении развитого монархизма? О, если бы было все так безобидно.

Речь, конечно, идет не о желании группы энтузиастов помочь неграм посадить на трон бананово-лимонной Лимпопо самодержца-каннибала. Это были бы просто детские шалости. Неизвестный автор говорит – и это понятно всякому православному человеку – о всемирном монархическом проекте, который увенчается приходом антихриста. А все рассуждения о Царе Святой Руси – это дымовая завеса. О какой Святой Руси вообще может идти речь, когда обязательным условием сохранения стабильности в России с приходом монарха является полная неприкосновенность прежней политической команды, да и системы в целом?

Итак, возрождение самодержавия в России видится авторам проекта «Россия» первым шагом на пути к восстановлению монархий во всем мире. Но нам-то это к чему? Ну не абсурд ли это, не повторение ли старой коммунистической утопии о всемирной пролетарской революции? А вдруг не абсурд?

Верующее сердце без труда прочитает в этом стремлении попытку навести тень на плетень. При свете дня все предельно ясно. Проект «Россия» вполне может оказаться пробным шаром для страны в системном продвижении общемирового плана по становлению не просто мирового правительства, но именно и только мировой монархии. Кто будет этим мировым монархом, христиане хорошо знают. Недоверчивых я, опять же, отсылаю к Откровению евангелиста Иоанна.

Не совсем понятно, что же в данном проекте обеспокоило ЦРУ и мировую общественность. Возможно, западные эксперты вообще боятся выпускать джинна национального монархизма из бутылки раньше определенных сроков, то есть до восстановления единственно приемлемого для них трона – в Третьем Храме Иерусалима, который будет построен к приходу сына погибели. Авторы проекта «Россия» и их рекламный агент Петр Акопов упаковывают свою идеологическую пилюлю в совершенно белоснежную обертку. Вчитайтесь: «Монархия – это принцип управления, который и по сей день используется в каждой структуре, начиная от нашего тела и заканчивая любым ларьком, заводом или армией. Государственное устройство монархического типа – это не возврат в XV век.

Монархия – это не преданье старины глубокой, а принцип единовластия. Он есть во всякой здоровой структуре. Вы можете представить себе семью, устроенную по демократическому принципу, где глава меняется каждые четыре недели? Или завод, где каждые четыре месяца меняют руководителя? Абсурдно. Но менять каждые четыре года власть в гигантском государстве еще абсурднее. Регулярная смена власти разрушает все – и государство, и семью, и завод».

С этим действительно не поспоришь. Такие откровения, даже если они есть всего лишь обертка, прикрытие истинных целей, опасны сами по себе. И это хорошо понимают режиссеры мировой закулисы, с которыми сам проект «Россия», вернее, его опубликование, вероятно, по безалаберности, не успели согласовать. Американский дипломат Гольдфарб приводит данные опроса, по которым симпатию к монархии в нашей стране в той или иной степени высказывают до 30 % опрошенных. В среде руководителей разного ранга этот показатель еще выше – аж 42 %. За десять лет число сторонников монархического правления в России выросло в два раза. И это при том, что о монархии в современной России у людей весьма смутные представления. А если действительно развернется, поддержанная мощью государственных СМИ, рекламная кампания в поддержку самодержавия, то оно может быть восстановлено очень быстро, почти так же молниеносно, как пало. И даже если мы имеем дело с очередной провокацией в стиле старой «Операции „Трест“», то ведь и ситуация изменилась. В те далекие годы в России, как это ни парадоксально, сторонников монархии было ничтожно мало по сравнению с нашим временем. А что, если джинн, выпущенный из бутылки закулисными кукловодами, вдруг перестанет слушаться хозяина? Умные люди за океаном просчитывают и такую возможность.

Для монархической общественности вроде бы наступает радостная пора исполнения чаяний. Вот только смущает ряд важных моментов. Все это действительно очень похоже на очередную операцию «Трест» с не до конца понятными целями, но вполне угадываемыми – и пренеприятными для России – последствиями.

Сегодня речь должна идти о том, что в России возможны две формы монархической реставрации. Первая – это возрождение традиционной русской православной государственности с Царем во главе, которая будет окружена кольцом врагов и которая в полном одиночестве будет противостоять миру в его безудержном стремлении в пропасть через поклонение мировому владыке – антихристу.

Вторая форма подспудно угадывается у авторов «Проекта „Россия“». В соответствии с ней остается все как есть, но голое естество истерзанной страны, сползающей в пропасть исторического небытия, будет украшено плюмажем псевдомонархического института власти, окончательно легитимизирующего тотальный криминальный „беспредел“ и распад государственной ткани. И все в этом проекте пропитано антихристианской сутью, особенно в той его части, где авторы призывают Россию раздувать общемировой монархический пожар своими больными легкими политического доходяги.

Вы спросите: а зачем антихристианскому проекту, имеющему в виду прежде всего восстановление трона для антихриста, понадобилась политическая тень монарха в Российской Федерации? Ну, хотя бы затем, чтобы исполнилось пророчество Апокалипсиса: «...и поклонятся ему цари земные». Цари земные ох как нужны глобальному мировому проекту, именно цари, а не президенты. Для уразумения сути вопроса, поверьте, приведенной цитаты более чем достаточно.

Но самый интересный, поистине интригующий вопрос – кого же хотели бы увидеть на высоком Русском Троне современные политтехнологи?

Далеко не случайно буквально бешеную активность проявляет британский подданный, принц Майкл Кентский. Ведь, по устойчивым слухам, в реализации монархических проектов Кремля именно ему отводится роль будущего Всероссийского самодержца. Именно под него готовят сложные генеалогические выкладки, призванные доказать бесспорные права принца на российский престол.

А в нашем патриотическом лагере до сих пор идет грызня сторонников и противников потомков Кирилла Владимировича. Нужно понимать, что этот ельцинский проект уже списан в архив. Новое время требует новых героев.

Принц Майкл – лицо крайне примечательное. Автор этих строк обратил внимание на его

странную политическую активность в России еще в 1998 году. Тогда же, в 1998 году, в альманахе «Лабарум» мы указали, какую опасность может таить проект монархической реставрации при Б.Н. Ельцине, «сработанный» под квазицаря «Михаила Второго», то есть принца Майкла Кентского. Через какой-то промежуток времени наши СМИ перестали его замечать, но это отнюдь не значит, что принц прервал свою подозрительно кипучую деятельность в России.

Он не скрывает своего участия во всевозможных масонских ложах. В Англии подобное не скрывают – этим гордятся. Майкл Кентский интересен и своей попечительской и просветительской деятельностью. С его предисловием, в частности, вышла книга Лориса Гарднера, посвященная поискам Грааля и прочим тайнам, кстати, давно переведенная на русский язык.

Книжица эта – предшественница безобразных антихристианских романов в стиле «Кода Да Винчи» Дэна Брауна. В предисловии к работе Гарднера Майкл Кентский не скрывает своих симпатий к антихристианскому творчеству новоиспеченных идолов читающей европейской публики. Для него это «новое и интересное слово в духовных исканиях человечества». Любопытный, однако, получается вариант монарха для православной России.

Кстати, скоро у нас грядет премьера американского сериала по книге Фредерика Форсайта «Икона». Об этом также с радостью сообщает нам автор статьи в «Политическом журнале». И совсем не случайно в сериале том будет обыграна тема приглашения на возрожденный в России Трон одного из представителей Виндзорской династии. Все это звенья одной цепи чудовищного по лукавости проекта.

Согласитесь, что более кощунственного плана по дискредитации самой идеи, самого священного принципа самодержавной власти в России и придумать сложно. Насмешка, достойная дьявола. Династия Романовых началась с Михаила Федоровича, и святые прозорливые отцы предсказывали, что если Господь помилует Россию, то нам дарован будет монарх из рода Романовых по женской линии. В этом грядущем государе мистики и прозорливцы видели укрытого до времени царя Михаила II. И какова же бесовская гримаса в исполнении современных политтехнологов – выдать англичанина Майкла за чаемого Михаила III!

Майкл Кентский действительно зачастил в Россию. Его уже видели на Урале, в Самаре, в Питере. Его благотворительная деятельность растет и ширится. Чего стоит одна именная стипендия в Плехановской академии. Вообще игры в попечителя обходятся принцу недешево. Им спонсирован Ожоговый центр в Москве, и он же, наконец, выпускает журнал для русских бездомных «Дно», который печатается в... Глазго! Одним словом – «пиар», назойливый и целеустремленный.

Принц является официальным патроном Российско-британской торговой палаты, в списке членов которой «Бритиш телеком», «Бритиш Газ», «Бритиш Эйруэйз» и другие, которые пока не светятся – «Бритиш петролиум» и «Шелл».

Майкл Кентский – серьезный лоббист прежде всего британских нефтяников. Но только ли роль бизнес-агента интересна ему в России? Он ведь, как-никак, внучатый племянник Императора Николая II и кузен ныне царствующей Елизаветы II Английской. Принц активно учит русский язык, хотя для бизнеса всегда хватает английского, тем более если он – родной. Все более чем прозрачно!

Петр Акопов в своей статье приводит слова замечательного русского патриота и нашего современника Игоря Огурцова, который искренне боится, что «нынешняя власть серьезно возьмется за монархический проект и все испоганит». Боюсь и я. Но автор журнала и авторы проекта нас успокаивают. Не бойтесь, ведь иного пути, как восстановление монархии сверху, у России нет.

Может быть, и нет. Действительно, утопично было бы ожидать сознательного революционного подъема масс, ведущего к победе светлых идеалов монархизма. Массы можно поднять только за водкой, и то не коллективно, а так, чтобы кто-нибудь, помоложе, за ней сбегал.

Но как нам поверить, что генетически связанная с разрушителями исторической России власть готова будет взять на себя небывалый нравственный подвиг по возрождению истинной православной государственности назло всему миру апостасии?

Конечно, на все воля Божия. И мы не вправе отрицать то, что везде в России есть искренние люди, патриоты. Есть они и в ГРУ, и в ФСБ. Мы даже не можем отвергать с порога мысль о том, что проект воскрешения монархии в России, если такой и родился в кремлевских кулуарах, носит истинный характер и венчает собой стремление к воскрешению исторической русской православной государственности. Мы вполне можем допустить, что авторы многочисленных проектов типа «Россия» пытаются перевести стрелку перед идущим поездом национального возрождения в псевдомонархический тупик. Разумеется, не без помощи американских доброхотов и за их же деньги.

Все может быть в стране чудес, какой была, есть и будет Россия. Но чтобы нам после очередного «чуда» не харкать кровью и не заваливать рвы своими телами и телами своих детей, предлагаю внимательно ознакомиться с материалами книги, чтобы доподлинно знать, какая она, истинная русская монархия, каковы были ее характерные особенности в прошлом и что мы чаем обрести в будущем,

чтобы ни под каким видом не принимать гибельный суррогат.

Данная книга призвана оградить русское образованное общество от попадания в ловушку современных монархических проектов власти, дать ключ к пониманию проблематики монархического принципа власти в контексте современности. Доступным языком будут раскрыты хитросплетения вокруг потомков Кирилла Владимировича и их претензий на Трон. Будет дана альтернативная точка зрения на вопросы династической преемственности в рамках исторического русского самодержавия с позиций дня сегодняшнего, и будет предложен альтернативный проект для русского и шире – российского общества по реализации священной мечты – возрождения традиционной, исторической государственности в России.

Но сначала мы рассмотрим тот общественно-политический, исторический, социальный и мировоззренческий фон в России, на котором и разворачиваются идеологические баталии за и против монархического принципа в современном мире, попробуем оценить те перемены, что произошли со страной, ее политическим окружением и русским народом за последние сто лет, и понять, есть ли предпосылки к реализации проекта возрождения самодержавной власти и насколько вообще реальны планы по возрождению такого исключительно традиционного института власти, каким является монархия, в современной постсоветской стране, называемой Российская Федерация.

Глава I.

Монархическая государственность – консервативная утопия или вектор национального обновления

Чем был монархический принцип для исторической России: формой, обусловленной историческим временем и геополитическими реалиями, неким священным кодом нашего национального бытия? Чем монархия может быть сегодня: анахронизмом или творческой идеей нашего будущего?

Истоки национальной трагедии

Удивительный, парадоксальный гений отечественной литературы Лев Николаевич Толстой в день, когда узнал о своем официальном отлучении от Российской Православной Церкви, с обидой записал в дневнике слова, ставшие, как часто бывает у гениальных людей с их необычной, мистической чуткостью к повседневности, которая большинству кажется серой и незначительной, суровым историческим приговором целому народу.

Толстой писал, что, в сущности, вмененное ему в вину Синодом, в общем и целом, общественное мнение абсолютного большинства всех интеллигентных людей России. «Так пусть Синод будет последовательным и отлучит всех» – примерно так взывал Толстой к «справедливости» в своем дневнике.

Синод не внял. Впрочем, если бы даже и последовало подобное небывалое отлучение, оно никак не могло бы изменить трагического положения дел или образумить, напугать заигравшихся в либеральные бирюльки аристократов, буржуа, разночинцев, офицерский корпус или прямо взбесившихся от страстного желания «землицы» крестьян. В Церковной ограде Императорской России оставалась лишь горстка верных Истине. К февралю 1917 года православная монархия являлась историческим фантомом: в стране почти не было пламенно верующих людей и искренне преданных идеалам монархизма граждан.

О развязке этого трагического узлового момента российской истории написано много. Узел этот был разрублен безжалостным большевистским ятаганом. Далее – моря крови. Рвы с телами некогда прекраснодушных мечтателей о всечеловеческом счастье. ГУЛАГ, набитый уже другими мечтателями, о «черных переделах». Небывалое в истории предательство ведущего слоя огромного народа своих духовных основ и безумное разрушение государственного фундамента всей политической, культурной и частной жизни народа. Прямым следствием стала братоубийственная Гражданская война и чудовищная мясорубка, унесшая миллионы жизней лучших представителей нашего народа, – титаническое советско-германское противостояние. А оно, в свою очередь, чуть было не похоронило русских как этнос, едва не превратив нас в пыль веков, гоняемую туда и сюда злыми ветрами Евразии, поднимаемую копытами лютой конницы монгольской орды или валами китайского этнического океана.

Эти факты известны и, вероятно, оценены многими соотечественниками.

Давайте поговорим о вещах не столь очевидных, о вещах, способных и сейчас вызвать

болезненную ненависть, глухое, «сектантское» непонимание огромного числа наших сограждан, буквально зомбированных советской и современной российской историографией.

Прежде чем мы с вами, уважаемый читатель, попытаемся ответить на главный вопрос данной главы нашего исследования о перспективах монархической государственности в быстро меняющемся современном мире, нам было бы неплохо хотя бы попытаться сделать первый шаг к постижению смысла нашей недавней, новейшей истории.

Постигнем ли мы смысл новейшей истории?

Есть общеупотребительная формула повествовательного дебюта, вроде того как: «Вглядываясь в прошлое с высоты сегодняшнего дня...» Так с высоты ли мы смотрим в прошлое? Боже мой, с какой там высоты! Мы с вами стоим в болотистой и смрадной низине, с трудом нащупывая под ногами твердую почву, состоящую преимущественно из обломков прошлого, скатившихся с величественных и сверкающих высот Истории. Стоя на этих великих обломках, мы с тоской смотрим снизу вверх, с той невыразимой тоской, которая сродни чувствам нашего прародителя Адама после изгнания его из Рая.

Есть ли другой смысл у Истории, кроме энтропии, вырождения и упадка всего, что некогда было величественным, прекрасным и могущественным? А если есть, то сможем ли мы его постигнуть, и, постигнув, найдем ли в себе силы действовать в соответствии с познанными истинами? Внятна ли нам замечательная восточная мудрость: знать и не действовать в соответствии со знанием – значит не знать вовсе?!

Для познания Истории прежде всего необходимо правильно ориентироваться в современности. И здесь я прошу прощения у читателя за банальности, которые вынужден повторить.

Любому психически здоровому человеку ясно, что мы живем в эпоху торжествующего Хамства, тупой сытости верхов, обездоленности низов и всеобщего, равно разделяемого и теми и другими состояния нравственного распада, почти скотства. В той или иной мере мы все с вами вынуждены делить это скотское состояние со своим многострадальным народом, являясь его неотъемлемой частью.

Глядя на все это, я с ужасом думаю – не это ли венец трагической истории Российской?

А к чему тогда были реки пролитой крови подвижниками и героями, к чему? К тому, чтобы, в точном соответствии с определением нашего национального гения, мыслителя и публициста К.Н. Леонтьева, безобразный, жирный буржуа и его собрат, вороватый посткоммунистический номенклатурщик со стеклянными глазами, только изредка вспыхивающими огоньком похоти, благодумствовали за счет обнищания сотен миллионов своих же сограждан.

И что же, в этом весь смысл нашей трагической истории? За это наши предки поливали эту землю кровью не одну сотню лет? И это мы должны признавать венцом человеческой эволюции?

Чушь! Достаточно взглянуть на лица современных властителей дум, вещающих с телеэкранов, на лица расхитителей государственных средств, управленцев самого высокого статуса современной «Эрефии», чтобы невольно воскликнуть: «Кинг-Конг, т. е. питекантроп, жив!» Он среди нас, он коллективно правит нами и навязывает нам свои первобытные ценности. Неужели смысл нашей истории только в том и состоял, чтобы удивить все человечество антидарвиновской контрэволюцией человеческого типа?

А она, в свою очередь, порождает непознанный, но наглядный процесс регресса.

Стоит ли теперь удивляться, что неожиданно возвращается в наши дома отвратительная ложь красного мифа, оказавшаяся не такой уж чуждой для современной новорусской буржуазии. И не просто возвращается, а нагло навязывается с телеэкрана, откуда ласково глядят на нас «комиссары в пыльных шлемах». Они снова герои!

На них прекращено пятилетнее (и достаточно условное) гонение ельцинского периода. Эти монстры – деды современных героев нашего политического истеблишмента, положившие в землю миллионы русских людей, вновь вырываются из преисподней, чтобы стать «героями» наших детей. Случайно ли, что за последние десять лет не снят ни один честный фильм про Гражданскую войну. Ни один герой противостояния сатанинской власти в России, по сути, не прославлен. В каждом городе стоят истуканы Ленина. В каждом городе названия улиц и площадей исковерканы фамилиями изуверов-большевиков. Великая криминальная революция не в силах отказаться от своих отцов-основателей!

Возвращение красного мифа – не просто примитивная идеологическая эклектика современного времени, лишенного идеалов и пытающегося играть на всем, на чем можно. Нет, в этом никак нельзя видеть детскую забаву современных политтехнологов, потехи ради составляющих забавные коллажи из своих любимых героев детства: матроса Железняка, железного Феликса, комиссаров в пыльных

шлемах, крокодила Гены с Чебурашкой и Мальчиша-Кибальчиша. Это не коллаж, а хорошо продуманная «религиозная» реформа, при которой тщательно возводится капище «героев» новой власти. И весь этот отвратительный интеллектуальный разврат внутренне мотивируется одной странной уверенностью его адептов: если Бога нет, то нам все позволено. В частности, позволено этого бога «слепить» из того, что под рукой, а слепив, мы заставим его бить челом всех и вся.

«А ведь его вроде как нет, – боязливо спрашивают они сами себя. – Ну, где же он? Вот ведь и космонавты были в космосе, а ничего такого не увидели. Может, прав был Ницше по поводу того, что Бог, ну, типа того, ну, как бы умер».

Значит, нужно жить здесь и сейчас, зубами рвать всех за свое счастье, официально называя его народным. За то самое счастье народное, за которое бились красные комиссары. Вот оно – голые бабы буквально во всех журналах, не исключая и «Мурзилку», и льготные выплаты российской нищете.

А что же народ? Обидно и страшно, но он, «народ-богоносец», в принципе, со всем согласен. Он вполне свикся с мыслью, что ему лучше живется без Бога и Царя. Он неплохо чувствует себя в далеко не уютном всероссийском стойле. Хозяевам этот двуногий скот обходится не так уж и дорого: содержание иного породистого скакуна дороже, чем какого-нибудь села со спивающимися мужиками. Народ-то у нас терпеливый. «Ну что тут поделаешь, раз идут реформы...»

Занятно, но о том, что они все еще идут, говорят теперь как-то глухо и стыдливо.

Даже странно, что этому народу по-прежнему невдомек, насколько его обобрали. «Экспресс-газета» – заурядная бульварная газетенка – недавно описывала одну забавную пьянку в ресторане «Прага» в Москве, где представители еврейской общины запросто скидывались на таблички, призванные увековечить имена самих жертвователей и их родных в стенах Московской синагоги. Собирали деньги бывший обер-хохмач советской эстрады Геннадий Хазанов. «В шесть секунд собрали 420 тысяч долларов», – восхищенно свидетельствует репортер. Ох и славные же будут таблички! Удивительно: люди просто достали из кармана «честно заработанную наличку» и немного отсыпали в «общак».

Ау-у-у, русский народ, ты все еще ждешь, когда тебе выплатят зарплату за позапрошлый год? Или, быть может, ты терпеливо ожидаешь, что правительство найдет недостающие средства и ликвидирует лекарственный кризис, им же самим и спровоцированный?

Чудак, лучше вставай в очередь за травой, записывай номерки на руках. Скоро тебе питаться ею, но не бесплатно, конечно.

Ты, наверное, премного удивишься, терпеливый мой народ, но люди из «Праги» и им подобные уже приватизируют и российскую траву. Так может быть, стоя в очередь за силосом, голодные и глупые, мы наконец поймем, что жизнь без Бога – жизнь животная, а может, и того хуже. Может, постигнем, что смысл нашей истории в том, чтобы забывшие Бога и предавшие Царя на поругание человекоубийцам очнулись и поняли наконец: кровь мучеников за Веру, Царя и Отечество падает на нас и детей наших особым проклятием. Особым в силу того, что мы сами отреклись от их спасительного подвига и стали послушным стадом в руках опытных живодеров. А очнувшись, сделали правильные выводы.

Смысл всех слез русских, всей русской крови XX столетия в том, чтобы искупить страшные грехи нашего народа и в преддверии конца Истории дать ему шанс очнуться от обморока и, отвернувшись от «энергии космоса», обратить свой взор к небесам, узрев простую истину – Бог есть и ждет нашего покаянного возвращения в отчий дом, в Святую Русь.

Сколько раз звучал этот призыв к нашему народу из уст праведников, из уст его истинной национальной элиты! И что же, всколыхнулся ли народ? Появилась ли надежда, что бесноватый пойдет самостоятельно в храм на отчитку? Увы!

Зато как наш «идеалистический» народ всколыхнулся от замены льгот денежными выплатами. Пусть и с помощью определенных политических структур, но завопил. Как-то незаметно, но, видимо, закономерно «народ-богоносец» стал самым мелочным, плоско буржуазным и убого-мещанским народом в Европе. То, что в Великом Новгороде, например, до сей поры в храмах XV века находятся склады гнилого картофеля и тороватые кавказцы ловко торгуют им прямо из подклетей, – это никого не обижает и не поражает, не задевает за живое. А ведь таких храмов, где молились наши предки, а теперь господствует мерзость запустения с рыночной специализацией, по России очень много. Но по этому поводу народ не бунтует. Место страшной Христовой Литургической тайны стало местом блудодеяния – а мы молчим. Не до храмов, ей-богу, когда льготы делят и раздают, раздают и делят.

Мы не народ, а навозная яма всяких нечистот. Без веры мы – смертельно больные животные. Без связи с истинной кровью мучеников и их подвигом павших за Веру, Царя и Отечество мы – пыль веков.

Отступив от Христа, мы пали ниже иудеев, распявших Бога. Оттого почти весь народ наш ныне – это бомжи, убийцы, извращенцы, алкоголики, наркоманы, идиоты. Столько зверья в человечьем

обличье нет нигде в мире. И это рекордное количество мрази нисколько не прибавляет гордости за Отчизну.

Не лучше и наши ухоженные зверьки при финансах – багодушествующие дегенераты, разжиревшие на нефтедолларах, отожавшиеся у государственной кормушки. Мы обогнали весь мир по количеству чиновников и милиционеров – воров и преступников. У нас поразительно много миллионеров при тотальной нищете народа. Криминал въелся во все слои общества. Правящая элита не воспринимается иначе, как скопище особенно хорошо вооруженных воров в законе. И закон этот – основной Закон РФ, не подумайте, что это Конституция. Впрочем, и эта последняя, при внимательном прочтении, вызывает ощущение, что она написана не совсем вменяемыми людьми и уж точно безграмотными в юридическом отношении.

Гниющая жирная голова и живущее отдельно от нее тощее народное тельце – вот биологический портрет нашего социума.

И здесь я привожу в концентрированном виде отнюдь не стенания рядовых членов КПРФ. Почти все вышесказанное, особенно про правительство, я не раз слышал из уст вполне респектабельных и состоятельных людей.

Идем от головы социума ниже, к его чреву. Социальным чревом нашего больного общества можно назвать тех, кто действительно уделяет особое внимание качественному прокорму своего, уже индивидуального, чрева. Такими у нас являются не только олигархи и чиновники, но и обслуживающая их досуг шутовская «тусовка звезд голубого экрана». Не надо быть астрологом, чтобы понять, что вот эти-то «звезды» и есть самые настоящие знаки прихода последних времен. Причем удивительно, что сие обильно питаемое чрево разрастается за счет все того же худосочного тела.

Шутовство, столь презируемое в аристократический период европейской истории, стало доминирующим типом поведения не только «звезд» шоу-бизнеса с их уморительными потугами предстать этаким элитой глупой и вечно пьяной страны. Нет, шутовство и гримасничанье стало неотъемлемой частью политического имиджа политического истеблишмента, в котором Жириновский – лишь самый талантливый клоун и мим.

Цирк в политике закономерно возникает в тот период, когда массам более не нужны никакие ценности, кроме льгот, товаров и услуг. Герой и гений для масс стали угрозой их спокойного и в меру (у всех разную) предсказуемого комфортного бытия. Жизнь человека теперь есть лишь существование от зарплат до зарплат, от пенсии к пенсии, от сделки к сделке, от ходки к ходке.

Неудивительно, что, изрядно отупев, мы, с позволения сказать, «живем» теми образами, которые нам навязывает реклама, и количество денег в кармане обывателя ничего, по сути, не меняет. Обыватель в магазине, будь то Москва или Лондон, – это всегда «мотылек, летящий на огонек распродаж». Он везде одинаков. Ведь обезьяны в зоопарке и обезьяны в цирке, по сути, тоже одинаковы, только вторых часто вывозят за границу и там показывают.

Мне могут возразить: зачем же я так сгущаю краски, чего добиваюсь – полной апатии тех, кого в России еще можно назвать мыслящими людьми? Я не сгущаю краски. Я говорю все как есть, и большинству это видно и понятно, хотя и до слез обидно. Другой вопрос, зачем я это говорю?

Если бы я хотел вызвать у человека апатию и горькое чувство безысходности, то привел бы процентов пятьдесят того негатива, что сейчас обрушил на читателя. Моя задача иная. Для правильного понимания того, что автор хочет донести до аудитории, ему крайне необходимо вызвать не сочувствие, но справедливое чувство священного гнева на тех, кто довел нас до последней черты, – гнева на самих себя за наше преступное бездействие. Нас, еще здоровых нравственно и физически русских людей, осталось не так уж много, а мы все еще пребываем в иллюзорной уверенности, что мы – многомиллионный народ.

Но даже малое стадо Христово способно завоевать мир.

Порой кажется неким чудом, что в стране, утопающей во лжи и воровстве, есть еще люди, честно выполняющие свой гражданский долг и служащие явно не за деньги, но по велению совести, по убеждению. По природе своей будучи инаковыми миру распада и подлости, эти люди остаются маяками нашего национального спасения. Милиционеры – не все, но многие – все еще честно ловят бандитов. Как правило, им дают ловить мелочь, ведь крупный бандит давно во власти. Офицеры и солдаты честно и грозно отстреливают «абреков» по приказу толстых и недееспособных командиров в генеральских погонах. Диву даешься, как вся эта система еще работает! Как люди находят в себе силы выполнять взятый на себя воинский долг, будучи стократно преданными собственным правительством и приговоренными к нищенскому рабству у жирных уголовников!

Но на этих людях держится сейчас буквально все. Их труд – ради нашего будущего, которое еще только предстоит отвоевать. Продай одежду – купи меч. Этот приказ, данный нам Спасителем, запечатлен в Евангелии и в сердцах Верных.

В наше время, когда Верных мало, мы без смущения должны выдвигать перед собой

максимальные задачи. Никакого минимализма! Политический минимализм, вызванный из неверия в свои силы и в помощь Свыше, не раз уже оставлял нас у разбитого корыта с пороссячьей хряпой. На наших знаменах должно быть написано: Россия Православная, Россия Царская, Россия национальная. Национальная монархия – немедленно! Меньшего нам не надо. Меньшее – это не просто поражение, это крах всех надежд. Не в силе Бог, а в Правде. И Правда на нашей стороне.

Для подлинного национального пробуждения нам сейчас необходимо стать истинными европейцами.

«Ну вот, – скажут поборники особого пути, – опять нас тянут в Европу». Отнюдь. Историческая Европа как грядущая политическая реальность может последний раз блеснуть в воссозданной Святой Руси!

Как нам стать европейцами? Очень просто. Для этого нам крайне необходимо стать русскими, как говорится, на все сто. Еще философ Бердяев совершенно справедливо указывал, что европеец потому и европеец, что он, прежде всего и в первую очередь, немец, бельгиец, француз. Желание стать всеевропейцем, отказавшись от всего национального, есть черта исключительно азиатская. Именно азиаты, желающие перерезать себе пуповину, связывающую их с традиционными обществами Востока, мечтают, перестав быть самими собой, автоматически стать европейцами. Если мы действительно нуждаемся в том, чтобы идентифицироваться с Европейцами, то путь у нас один. Впрочем, он у нас и так один: мы должны прежде всего стать истинными «русаками».

Наша национальная интеллектуальная элита должна перестать чрезмерно увлекаться пионерами Дикого Запада, мудрецами Уолл-стрит, героями Третьего Рейха, итальянской государственной машиной времен Муссолини или Францией католических королей. При всем уважении ко многим политическим фигурам европейского мира, смело стоявшим за традиционные европейские идеалы в борьбе со звездно-полосато-серпасто-молоткастыми ордами в последней мировой войне, у нас самое серьезное внимание должно быть обращено на наших, русских героев. Особенно это касается неизвестных для подавляющего большинства русских людей героев белого сопротивления, не запятнавших себя участием или сочувствием всяческой кадетско-либеральной гнили.

Нашими идеалами должны стать идеалы Белого движения, как они отражены в работах выдающегося философа И.А. Ильина. И это прежде всего идеалы воинов-монархистов, шедших за своими начальниками, далеко не всегда разделявшими монархических настроений своих подчиненных, но от этого не перестававшими честно и грозно служить России.

У современного русского человека должен быть свой священный пантеон героев. У нас должен быть один пламенный интерес – забытая, таящая множество тайн, абсолютно неизвестная для нас Россия.

Одной из главных наших задач является забота о русской молодежи. Здесь должна быть повторена банальная мысль: без молодежи, настоящей русской молодежи, у России нет будущего. С ней же у нас есть все шансы на победу.

В качестве небольшого отступления позволю себе высказать одну мысль, которая мне до сей поры нигде не встречалась. Впрочем, я не претендую на первенство в этом вопросе.

Размышляя над причинами поражений Белых армий в Гражданской войне, я среди прочих известных причин увидел еще одну, на мой взгляд, очень важную. Общеизвестно, что большевики в течение всей войны контролировали Европейский центр России, с исключительно великорусским населением. Так вот, именно этот этнический ресурс и стал фактически залогом их побед.

Ведь действительно, не банды же наемников: диких, но трусоватых китайцев, патологически тупых латышей и всякой прочей дряни, одетой в буденновки, от бандитов типа Котовского до безмозглой крестьянской массы, еще недавно спалившей все усадьбы в России вместе с мебелью и библиотеками, могли в военном отношении оказаться выше русского офицерства и казачества.

Все дело в том, что Белые армии пополнялись за счет окраин и далеко не стойкого в идейном отношении казачества времен великих революционных потрясений и бед. Большевики же набирали в свои конные армии крестьянскую молодежь Великороссии. Молодежь, частью уже обезбоженную, замаравшуюся грабежами и насилием в событиях 1905–1917 годов, лишенную как боевого опыта, так и страстного желания воевать как за Ленина с Троцким, так и за Деникина с Врангелем. И все же воевали, вынуждены были. И как воевали!

Сейчас больно об этом говорить, но перед великорусским крестьянином, одурманенным большевизмом, не устояли ни доблестные потомственные воины-казаки, ни Белые армии, состоявшие из кадровых военных, но не имевшие в своем составе в должном количестве этого уникального этноса, о котором еще Пушкин говорил как о рожденном в снегах для ужасов войны. Нельзя также забывать, что война тогда в большей, чем теперь, мере носила характер прямого физического контакта. Можно долго подсчитывать у воюющих сторон количество артиллерии, стволов и патронов, но в конечном счете нельзя забывать, что в войне конных армий все решало личное воинское мужество при прямом,

на расстоянии вытянутой с шашкой руки, контакте противников. Паразитируя на природно доблестной, но политически безграмотной этнической великорусской массе, большевики одержали победы на всех фронтах. Были и другие веские причины их побед, но забывать эту нельзя. Перед парнями в буденновках не устояли ни украинские самостийники, ни «гордые» горские народы, ни прибалтийские повстанческие армии, ни поляки, наконец. И ведь не случайным является тот факт, что в последнюю войну немцы как сквозь масло прошли через наших братьев в Малороссии и Белой Руси, но спотыкнулись опять же о великорусского крестьянина. У которого, кстати, повода сражаться за Советы было значительно меньше, чем у обласканных кремлевскими преступниками малых народностей. В том числе – и братьев-украинцев, получивших свою вожаделенную «незалежность» из рук банды комиссаров в пресловутых пыльных шлемах, пусть поначалу и в латентном варианте советской республики, что в итоге создало-таки политический прецедент для их современной оранжево-самостийной фронды.

Современной русской национальной элите жизненно необходимо забрать у потомков комиссаров то, что по праву принадлежит ей, а именно: саму победу, ее чувство, гордость преодоления. Эта победа, взятая в химической чистоте, без примеси большевизма и современных демократических глупостей, принадлежит нам, потомкам тех, кто выиграл сражения на полях и проиграл их в головах.

Но в силу того, что настало время интеллектуального русского реванша, отказ от ратного подвига, а тем более – отдача его на откуп мошенникам-коммунистам и современным демократам есть преступление. Чувство того, что мы способны побеждать при самых невыносимых условиях национального бытия, вселит в грядущие поколения уверенность в возможность противостоять – и победно противостоять – всему апостасийному миру. Без побед не может долго существовать здоровое национальное чувство, законная национальная гордость. Если мы будем только ныть о поражениях правого лагеря в минувшем веке, о его бездействии и порой безволии, то мы никогда не получим молодые поколения бойцов и победителей. Победы русского солдата принадлежат нам, и будущее России тоже принадлежит нам.

В свете вышесказанного нельзя не понять, что сохранность великорусов как стержневого этноса государства есть наша первоочередная задача. Только этот народ, умудрившийся на полях сражений XX века победить всех своих врагов и потерпеть при этом небывалые в истории политические поражения, доведшие его до форменного рабства, если будет здоровым и вконец не сопьется, способен будет освободить себя и бросить вызов всем мировым силам зла. Если Великороссия утонет в алкогольном море, то мировая история закончится. В этом нет никаких сомнений.

Так был ли этот миролюбивый, политически недалекий, но парадоксально доблестный и непобедимый на полях сражений русский народ на протяжении XX века политическим субъектом истории, субъектом грандиозных политических битв?

В известном смысле – не был, кровью своей оплачивая победу покорившего его режима и, самое страшное, – приближая своим военным подвигом торжество мировой апостасии. И в этом невольном грехе перед своим будущим повинны мы все.

В последней войне перед русскими людьми в поработенной России, казалось бы, был осмысленный выбор, на чьей стороне воевать. В первые месяцы войны многие бойцы, в основном из крестьян, питали некие иллюзии, что вслед за немцами идет армия Русского Царя. Вот откуда миллионы сдававшихся в плен и не желавших воевать за Сталина. Вот откуда полтора миллиона соотечественников, вставших в ряды вермахта. И ведь, не будем обманываться, – многие воевали под немецкими знаменами не за страх, а за совесть.

Про национал-социализм в условиях жесточайшей политкорректности принято писать только всяческие ужасы. Однако несомненно, что не нацисты принесли русскому народу наибольшие страдания, которые он терпел в своей истории. Не Гитлер разрушал храмы и монастыри, убивал Царя и Императорскую фамилию, уничтожал целые сословия и закапывал в землю цвет русской нации. Не фашисты травили тамбовских крестьян газом. Не немцы, а большевики убили больше русских людей, чем их погибло во всех войнах за долгую тысячелетнюю государственную историю России. Это дело рук партии Ленина-Троцкого-Свердлова-Сталина-Хрущева и т. д. Ряд этот, без натяжек, можно продолжить до недавно почившего первого президента РФ с его «гуманнейшим», в лучших традициях либеральной демократии, расстрелом Белого Дома.

Возвращаясь к Второй мировой войне, уместно вспомнить об ошибках германского руководства. Если бы после первых же военных успехов на территории России была создана национальная русская освободительная армия со статусом союзника Третьего Рейха в борьбе с мировыми силами масонства и плутократии, то Советы проиграли бы войну в считанные недели. (Собственно говоря, когда немцы оказались у стен Москвы, они ее уже проиграли.) Не были бы пролиты тогда моря русской и немецкой крови.

Сейчас у ряда русских интеллектуалов стало модно проводить своеобразную ревизию Второй

мировой войны. Национал-социалистическая Германия в построениях этих историков выглядит как священный оплот христианской цивилизации, идущей в Крестовый поход против большевизма. Нет сомнения, что очень многие бойцы вермахта и союзных с ним воинских соединений Европы именно так и воспринимали эту войну. Только вот не от большевизма они хотели освободить, вернее, оградить Европу. Русский народ, и это хорошо известно хотя бы по текстам «Моей борьбы», давно был вычеркнут из списка субъектов исторического процесса и вообще не рассматривался как его участник в случае победы Третьего Рейха. У немецкого руководства ни на секунду не возникало идеи воссоздания русской государственности хоть в каком бы то ни было виде. Борьба с коммунистической заразой велась, невзирая ни на какие потери среди русского населения. Они вообще мало волновали европейцев. Немцы шли к нам не восстанавливать историческую Россию, православное царство или хотя бы русскую республику. Они шли свергать коммунизм для того, чтобы в качестве трофея получить все то, что некогда было Россией. Не случайно, что даже вынужденные из-за трудностей на фронте терпеть русские антикоммунистические соединения в качестве подручных, немцы считали русских наименее ценным из всех европейских народов с точки зрения нового порядка в Европе после победы стран Оси. Русским бойцам полагалось самое маленькое жалованье среди всех европейских добровольцев, воевавших за Германию. Исключение делалось только для казаков, чем подогревались их сепаратистские настроения и вносились разлад и смута в русскую эмиграцию. Тяжела и незавидна роль воинов власовской армии, вынужденных терпеть такие унижения от немцев, но и не могших прекратить вторую гражданскую войну с поработителями исторической России. Не будем их судить и осуждать, ведь в конце войны Геббельс уже с почтением отзывался о власовцах, проявивших чудеса мужества на Одере.

А после войны все оставшиеся в живых генералы Рейха стали «отписываться» в мемуарах. Почти во всех этих опусах говорилось о том, что они, генералы, войну почти выиграли, но Гитлер ее проиграл. Но кроме этого, все они в один голос восхваляли небывалый героизм простого русского солдата Красной армии. Герой войны бельгиец Леон Дегрель, глава дивизии СС «Валлония», отзывался о русских как о лучших в мире солдатах. Впрочем, все наши бывшие враги отмечали безобразное руководство войсками Красной армии и бездарность офицерского корпуса, особенно в первые два года войны. Спрашивается, если русский солдат столь храбр и отважен, если его невозможно сломить в бою, что же вы, господа борцы с коммунизмом, не помогли этому солдату отвоевать Родину и вернуть себе утерянное национальное достоинство? Что же вы столь мало ценили своих антибольшевистски настроенных русских союзников?

Ответ прост. Пока Европа в который раз не получила по роже русским кирзовым сапогом, она в упор не видела очевидных достоинств русского человека. Так было при Наполеоне. Так будет и всегда. Чтобы нас любила Европа – национальная, монархическая или либеральная, – она всегда должна видеть перед своим ухоженным рыльцем наш «кирзач».

Парадокс, но победа СССР заставила все силы мира с особым восторгом и уважением смотреть на русский народ. Для них это было чудо возрождения феникса из пепла революций.

И, наверное, не случайно сейчас 9 мая, в День Победы над Германией (именно над Германией, а не над фашизмом, как бессовестно врут наши СМИ), наш народ украшает себя не красными, но георгиевскими ленточками. Не имеющими никакого отношения к советской власти, но навсегда остающимися символом русской, именно русской солдатской доблести. И уж тем более символично выглядят на торжественных мероприятиях по случаю Дня Победы наши национальные бело-сине-красные флаги, под которыми на стороне стран Оси сражались с большевизмом все русские соединения, включая и столь нелюбимую всей совокупностью людей, которых грубо, но верно зовут «совком», армию генерала Власова.

Говоря о Второй мировой войне, нельзя не отметить, что сама война не есть простое продолжение политики и идеологии. Война, ее истоки, много глубже. И зачастую на поверхности действуют те силы, о которых поначалу не думают политики и идеологи разных борющихся систем. На фронте, перед лицом неминуемой смерти, встретились не советский патриот и немецкий национал-социалист. Нет, из окопов друг на друга смотрели немец и русак. Немец пришел на нашу землю и по праву победителя овладел нашими селами, нашим урожаем, нашими семьями. Немец преступил ту грань, за которой началась наша земля. Немец, где-то вольно, а где-то и нет, пересек ту незримую, но от этого не менее реальную грань, после которой Крестовый поход против большевизма стал войной против русского народа. Униженного, поработленного, расхристанного, но спонтанно почувствовавшего угрозу своим очагам и даже изрядно поруганным уже алтарям. Удивительная загадка русской истории, оценивать, анализировать, отгадывать, наконец, которую предстоит нашим потомкам. Мы все еще слишком близко стоим от этих событий. Кровь отцов и дедов еще не позволяет нам отрешенно взглянуть на эти события, оценив их в масштабе всемирной истории.

И тогда, в далеких сороковых, вековечный голос крови подсказал нашим дедам, да и

большинству солдат Вермахта, что это все та же древняя борьба германства и славянства, которая никогда не затихала, продолжилась тогда, продолжается и теперь, в новых политических условиях. Можно негодовать, можно клеймить позором это расточительное противостояние двух талантливейших арийских народов, но оно – данность европейской истории.

Итак, война свела в окопах два народа-бойца. Идеология осталась в высоких кабинетах Рейхсканцелярии и Кремля. Говорят, что Сталин как-то обмолвился: «За идею они умирать не хотят, посмотрим, захотят ли за Россию». Сама логика войны подталкивала русского человека к тому выводу, что воевать действительно приходится уже за Россию, не думая, в чьих она сейчас руках. И если наш народ был закабален, а святыни его поруганы, то немцы впервые шли к нам, что называется, во всеоружии. У них были гениальный вождь и сильнейшая и идеологически единая армия за всю их историю. Более того, даже некая историческая правда была на их стороне: они первыми бросили политический вызов мировым силам зла в лице масонства и коммунистов.

Но немцы совершенно напрасно вычеркнули из списков серьезных исторических игроков поработанный, но не погибший русский народ. И произошло так, что война обнажила душу человека до самой первоосновы. После первой крови с двух сторон спала шелуха идеологием и политических вывесок. Тевтон почувствовал себя тевтоном, идущим на дикий славянский восток, а славянин встал на защиту своей поруганной Родины, как любой мужчина неминуемо встает на защиту своей семьи, даже если и он, и вся его семья находятся в вынужденном рабстве. Заработал древний родовой механизм определения свой – чужой, в котором нет места сложным идеологем двадцатого столетия. В действительности из окопов прифронтовой полосы друг друга выцеливали потомки тевтонского ордена и дружинников Александра Невского. Иной разговор, кто извлек из этого наибольшую выгоду. Но факт остается фактом: в определенный момент войны огромная часть русских людей стала считать эту войну отечественной, т. е. своей. Совершенно беспочвенны завывания современных слабоумных либералов и всяческих чиновников с кругозором заведующего овощной базой о победе нашего народа над фашизмом. В свете этой победы они никак не поймут тенденций возрождения из небытия русского национального самосознания, которое и мыслится вышеуказанными личностями как одно из проявлений фашистской идеологии. «И это у народа, победившего фашизм?» – патетически восклицают они.

Наш народ не боролся ни с фашизмом, ни с национал-социализмом, о которых вообще не имел ни малейшего представления. Он даже не догадывался о сущности этих доктрин. Речь, конечно, идет о народных массах. Народ наш воевал с Германией, что официально признавала и пропаганда Сталина, когда была выпущена специальная медаль: «За победу над Германией». Советское руководство, кроме пропагандистских штампов о человеконенавистничестве врага, старалось не заострять внимание общественности на тонкостях фашистской и национал-социалистической доктрин. Коммунисты справедливо полагали, что именно эти доктрины могли иметь особую привлекательность для населения, поставив его глухую и спонтанную ненависть к большевизму на крепкий идеологический фундамент. Русский народ не побеждал фашизм, так как он с ним и не воевал. Победа над Германией отнюдь не мешает русскому человеку взять из трофейного имущества поверженного противника именно то, что ему нужно. Это касается и научных выкладок, и идеологических разработок.

В какой-то момент народ действительно стал рассматривать военное противостояние Гитлера и Сталина как «вторую германскую войну», что было утрировано обыграно во многих фильмах советской поры. И это не плод большевистской псевдопатриотической пропаганды. Именно большевистская свора первой почувствовала, что древний инстинкт вражды двух великих ветвей арийского племени можно использовать. Русский народ оказался в этой войне без политического выбора, ведь Гитлер не нес ему не только национальную независимость и монархический строй, но и свободу. И не надо забывать, что войну для Сталина выиграли школьники, не знавшие Императорской России и воспитанные советским агитпромом. Их выбор был для них единственно приемлемым с точки зрения человеческой этики. Они же легко пали жертвой новой и лукавой сталинской пропагандистской уловки по реабилитации русскости.

Важно подчеркнуть еще и тот факт, что национальное крушение началось не тогда, когда власть в Кремле захватила «банда мирового интернационала», как о том всегда писала эмигрантская пресса. Оно началось в душах и умах нашего народа еще в девятнадцатом столетии, а у аристократии – и того раньше. Никакое внешнее вторжение не способно исцелить внутренний, душевный недуг народа. Никакой Гитлер не мог освободить русский народ от морока безбожия. Большевизм был лишь крайней фазой старой болезни нашего общества. Смысл победы Советского Союза над Германией в перспективе будущего можно оценивать только в том, что нам дан шанс самим излечиться от смертельной болезни. Только сами мы способны на это, и никакая внешняя помощь не может оказать никакого влияния на результат. Мы победили, чтобы, сохранив свою искаленную национальную идентичность, начать долгий и трудный путь возвращения в свой отчий дом, в свое духовное лоно,

которое, безусловно, должно быть очищено от болезнетворных микробов чужебесия.

Таинственная суть того, что ни доблестное и светоносное Белое движение, ни организация вооруженных сил под патронажем Третьего Рейха – РОА, РОНА, казацки войска и вооруженные силы КОНР – не смогли свергнуть иго большевизма, состоит в том, что он был не просто внешним и осязаемым врагом, но серьезной нервно-паралитической болезнью, охватившей все ткани национального организма. Победа над большевизмом возможна была только как исцеление народа на путях возвращения к Истинной вере отцов.

Коммунизм вроде бы пал, но вирус большевизма еще не оставил наше ослабевшее национальное тело. Впрочем, можно говорить о медленном выздоровлении.

Великая Отечественная война и русское национальное самосознание – тема, которую мы не беремся здесь раскрыть полностью и окончательно. Однако важную и парадоксальную мысль, кратко высказанную выше, необходимо выделить для нашего дальнейшего повествования.

Именно победа русского народа в ВОВ открыла нам, внукам победителей, возможность без комплекса национальной ущербности побежденной нации, народа, побитого немцами, обратиться не только к идеологическому наследию нашего дореволюционного и пореволюционного прошлого, но даже и к наследию немецкой политической мысли XX столетия, как к своему законному военному трофею. В противном случае психологическая травма народа была бы столь велика, что все немецкое, безусловно, вызывало бы лишь злобное отторжение, что, собственно, и имело место на оккупированных территориях начиная с 1943 года. Проиграв войну Сталин, и русский человек получил бы еще одну оплеуху по самолюбию, еще одно, возможно, последнее унижение, полученное на полях сражений. Это хорошо понимал генерал Деникин, который, несмотря на свою искреннюю непримиримость к большевизму, все же отчаянно желал русскому солдату победы на фронте.

Не будет преувеличением предположить, что окончательное поражение от Третьего Рейха не позволило бы новым поколениям правильно и непредвзято оценить значимость для русской истории Императорского периода, где «немецкий фон» очень значителен.

Вспомним, что последние 60 лет Российской империи были отмечены каким-то злым роком поражений. Крымская война, Японская война, неудачи 1914–1915 годов, революционный крах 1917 года и брест-литовский позор. Затем – полная неудача благороднейшего начинания в Русской истории – Белого движения. Правда, были страшные успехи Красной армии, состоявшей в массе своей из великорусского крестьянина и рабочего под управлением еще старых военспецов. И даже поражение Красной армии у стен Варшавы было не так уж и обидно для простонародного самолюбия.

Затем, увы, уже под большевистским прессом, при Сталине, начались военные победы под Халхин-Голом, трудная, кровавая, но все же победа с полным разгромом великого, сильнейшего противника – Германии, разгром Квантунской группировки Японии. Русскому человеку нельзя отказываться от этих побед русского оружия, пусть и в момент, когда Россия болела большевизмом. Голова болела тяжело, но народный организм показал необыкновенную биологическую живучесть, являющуюся следствием более глубоких, положительных аспектов национального бытия, которая стала залогом национального пробуждения и возвращения на исторические пути Святой Руси. Те самые, утерянные в подавляющей народной массе не в 1917 году, а еще в самой середине XIX века!

Выскажем и еще одну мысль, которая поначалу для многих национал-патриотов вообще покажется кощунственной. Во времена сталинщины в русском народе стало просыпаться чувство национального достоинства. Почитайте публицистику М.О. Меншикова, и вы увидите, что последнее столетие императорского периода нашей истории было столетием принижения роли русского народа в государстве, утраты всех его лидирующих позиций.

Элита дерусифицировалась. Массы теряли чувство национального достоинства, да и вообще национальной идентичности. Иностранцы с окраин стали выдвигать политические требования, а у русского народа не было ни сил, ни желания отстаивать свое первенствующее значение. Государственная бюрократия тоже не имела интереса к нуждам русского народа, который неумолимо и буквально физически стал вырождаться. А тут еще многочисленные военные неудачи и революционная пропаганда. Народ буквально исчезал как духовно-национальное целое, даже оставаясь биоэтнической глыбой, населявшей огромные пространства. Происходила медленная дерусификация Империи по всем направлениям, как в политике, так и в культуре и экономике. Реакция, имевшая своим выражением политику русификации окраин при Александре III, была не просто запоздалой, но и безадресной. В русификации нуждался прежде всего сам русский народ и его аристократия.

Ко всем невзгодам прибавьте утрату веры и монархического сознания в широких массах, и вот уже революция, да и советско-германская война предстоят не просто неизбежными, но и ведомыми по промыслу Божию, жесточайшими хирургическими операциями, только и способными спасти смертельно больной национальный организм.

Теперь поговорим о том, каково же было отношение к противостоянию Советского Союза и национал-социалистической Германии в Русском Зарубежье.

Если говорить о нашей правой эмиграции, то ее выбор в войне тоже нельзя назвать полностью свободным. Отказаться от продолжения борьбы за национальную Россию она не могла, а такую возможность ей предоставляли, худо-бедно, только страны Оси: Берлин – Рим – Токио. Однако у нашей зарубежной Руси были немаловажные преимущества. Она была политически более грамотна. Она была православна. Она познала свой политический идеал в Имперской монархической государственности. Она, и не без основания, надеялась претворить борьбу Германии и СССР в свою борьбу за Русь Святую как полноправный союзник Германии. Тем более, эти надежды возрастали, когда немцы почувствовали, что победы над русским народом на фронте им не достигнуть.

Увы, моря крови пролиты русскими людьми на фронтах Второй мировой почти впустую. Но бессмысленной для судеб России такая бойня быть не могла. Говорить так – значит отказываться от мысли, что на все есть Святая воля Всевышнего, а для православного сознания это неприемлемо. Смысл в этой войне был. Очевидно, что Россия была наказана немцем за вероотступничество и цареубийство, но также очевидно, что и победа была дана нам Господом не случайно. И ведь это при условии, что нам противостояла лучшая армия мировой истории, а русским солдатом командовали бездарные мясники вроде Жукова, тупо бросавшие людей в лобовые атаки. Большевики, Сталин, его полководцы войну эту стократ проиграли. Проиграли они ее тогда, когда офицеры Вермахта в бинокль рассматривали Москву. Войну выиграл поработенный интернационалом русский народ!

Ее выиграл не просто русский, а именно великорусский солдат. Кровь наших воинов, пролитая в последней войне, имеет смысл в том случае, если Господу было угодно не просто нас наказать, но и заставить поверить в свои силы. Силы, которые должны исцелить Россию изнутри, не ожидая прихода победоносной армии Европы, несущей нам как приз новую национальную государственность.

Один мудрый иерарх современности, Владыка Дионисий (Алферов), считает, что плодом последней войны стал рост верующих в Советской России, случившийся вопреки террору и безбожным пятилеткам. Удивительно, но православных верующих в России стало больше, чем в годы революции, когда широкие народные слои вообще охладели к вере. И раз это так, то кровь наших солдат пролита не за то, чтоб было создано государство Израиль, а Западный мир уничтожил последнюю попытку Европы вернуться на традиционный путь своего исторического бытия, а за то, чтобы Свет Истины вновь озарил сердца русских людей, чье историческое бытие только и оправдано верностью этой Истине.

Жизнь паладинов Истины есть полная опасностей жизнь в потаенной Империи, которая, хотя и будучи сейчас под спудом, есть и ныне, как и прежде, единственно возможная форма нашего национального бытия. Мы – «Срединная империя», окруженная с трех сторон варварами. С востока нам угрожают желтые орды, с запада нависли варвары рафинированные, но не менее опасные для нашего национального бытия, а с юга наступают варвары горных ущелий, одурманенные дымом кизяка и гашиша и политически взращенные еще советчиной. Никаких иллюзий по поводу «тайно православных, патриотических президентов». Весьма вероятно, хотя и страшно в этом признаваться, что мы сидим в осажденной крепости, ключи от которой у «посадника Твердилы», более всего озабоченного, кому из осаждающих их можно с наибольшей выгодой передать. В этой ситуации от каждого русского мужчины требуется быть и богословом, и воином в одном лице. Нам остается только молиться и сражаться. Отказ от воинского подвига сегодня есть не просто дезертирство, но и совершенная утрата всякого мужского достоинства.

Архимандрит Константин (Зайцев) в своей работе 1963 года «Подвиг русскости перед лицом зреющей апостасии» писал: «Одно, превыше всего, является нашим долгом, это – охранение себя в своей качественности единственного открыто являемого „подвига Русскости“. Только так можем мы оказаться годным материалом в Руках Божиих и, в потребный момент, стать точкой приложения каких-то, нам сейчас неведомых явлений, так или иначе связанных с возникновением чаемой спасительной катастрофы». Помня о том, что две трети своей истории Россия провела в войнах, русскость мужчины в России прямо зависит от его способности в любом возрасте быть готовым стать в воинский строй, будь он даже седой профессор или пенсионер.

Воин должен обрести род, чтобы стать благородным и получить возможность посвящения в рыцари. Безродных в рыцари не посвящали. Вернуться к корням – вот наша святая обязанность!

Сейчас многие говорят, что «совкам» и горстке русских в России каким-то образом надоделиться для проживания врозь. Станные и страшные мысли. Ведь граница между ними зачастую пролегает в семьях, а то и в мозгах отдельно взятого гражданина.

Разве мы не чувствуем, что ночь над Родиной темна и темнота сгущается? Или нас заморозили ночные неоновые огни городов, и мы воспринимаем их как гарантию того, что утром их сменит солнце? Не слишком ли мы благодушны? Как хочется верить и надеяться, что горстка верных в ночи

бодрствует во всеоружии на горе Спасения в ожидании ослепительной звезды, предвещающей приход последнего и грозного русского Царя, предсказанного святыми старцами. Как же хочется увериться, что эти бодрствующие – залог того, что все мы не проспим самого важного в жизни Отчизны.

Но может, мы все уже проспали? Может, Царь в образе простецком исходил всю Русскую землю и, не обретя в ней подданных, стряхнул со своих усталых ног прах на нашем пороге? А может статься, что небывалое знамение возвестит уже и приход Царя Царствующих.

Нам не дано знать заранее, но у нас есть выбор. На этот раз он у нас действительно есть, и в этом счастливое отличие нашей судьбы от судьбы отцов и дедов.

Спаситель возвестил: «Продай одежду и купи меч». Перекуйте орала на мечи. Излечитесь от своей преступной уступчивости и приспособленчества миру сему. Готовьтесь. Кто знает, близок ли, далек ли час, когда горн позовет всех нас в наш последний «ледяной поход». И сколько нас готово будет стать в воинский строй? Наша книга – это воинская повестка для всех. Прими и распишись.

Православие, Самодержавие, Народность

Еще раз отметим удивительный и по-настоящему еще многими не оцененный факт. После Гражданской войны, после небывалых репрессий, после жуткого советско-германского военного противостояния, стоившего нам небывалых в истории мира жертв, народ и интеллигенция России стали возвращаться в ограду Православной Церкви. У советской интеллигенции проснулся интерес к древней русской истории, и это не вялотекущий процесс. По сравнению с дореволюционным религиозным индифферентизмом Россия неуклонно, даже под леденящей глыбой коммунизма, вновь становилась православной. И это действительно главное чудо XX века. После краха коммунизма этот процесс стал необратимым. Мы не будем сейчас говорить о сложности и неоднозначности спонтанного прихода больших постсоветских человеческих масс в Церковную ограду. Речь сейчас о другом. Мы не вправе забывать, что через воцерковление нам должно принять тот неоспоримый факт, данный нам в наследие Церковным преданием, что Церковь имела, имеет и будет иметь свой единственный государственный идеал.

И пусть некоторые современные иерархи Московской Патриархии, Зарубежного Синода Русской Церкви или наши православные братья из других национальных церквей стараются оправдать позорную капитуляцию многих современных пастырей пред миром либерального политического разврата и апостасии словоблудием, называемым у них богословием нового времени. Мы должны твердо знать, что православная вера неотделима в своей литургической практике (и донныне!) от монархического идеала истинно христианской государственности. Для священников, переживших революционную бурю в России, стала непреложной древняя истина: «Священник-немонархист не достоин стоять у Престола Всевышнего».

Именно об этом и пойдет у нас речь ниже.

Наверное, излишне говорить, какую роль в православном богослужении играет Литургия. Не хочется повторять общеизвестных не только православным, но и вообще мало-мальски образованным людям истин.

Только для совершенно внешних скажем, что Литургия – это главный нерв жизни Церкви.

Разные части литургического действия возникали в разное время. Один из важнейших моментов Литургии – молитва «Господи, спаси благочестивыя». Возникла она в конце IV или в начале V столетия и с тех пор является неотъемлемым членом евхаристии по сей день.

Напомним, за кого издревле и поныне Церковь возносит сию сугубую молитву.

О происхождении и значении молитвы «Господи, Спаси благочестивыя», и особенно так называемых выкличек на Архиерейском служении, как и всего малого входа Архиерейской литургии, доподлинно известно следующее. В древности до окончания третьего антифона (или запов. Блаженства) ни священники, ни Епископ не вступали в алтарь. Входили же они к моменту чтения Евангелия, в сопровождении прочих священнослужителей. Со времени высшего расцвета власти византийских Императоров и кодификации церемоний императорского двора к малому входу священнослужителей приурочивалось и вхождение в церковь самого Императора. Обыкновенно Патриарх встречал Василевса у дверей притвора и вместе с ним вступал на середину храма. Затем Патриарх первый входил в алтарь. За ним входил Император. Следовали взаимные поклоны и приветствия: «Исполла эти деспота». Когда Император, войдя в алтарь, совершал поклонение престолу и каждение, протодиакон возглашал приветствие: «Господи, Спаси благочестивыя». Следовательно, в этом приветствии прежде всего издревле имелись в виду лица Царского звания.

За кого же мы с вами сегодня возносим эту молитву? Трон пуст, и ввиду этого никак нельзя согласиться, что под благочестивыми вполне уместно сегодня понимать всех верующих христиан. Как

можем мы сохранять наше благочестие, когда важнейший член литургического действия не отражает реальности нашей национальной жизни, обращен буквально к пустоте, в онтологическом смысле, незанятого Трона. Несовершенство не может порождать совершенных, и благочестие Верных весьма умалется при искаженном понимании и игнорировании священного смысла сей важнейшей части Божественной Литургии.

Литургическое действо – это не правила хоккея или футбола, когда сначала играют по одним правилам, а затем, для зрелищности, их произвольно изменяют.

Литургия исторически не развивалась, но раскрывалась к полноте. Попытки отменить ее части или придать им иную смысловую нагрузку есть умаление истины, данной нам в полноте ее исторического раскрытия к совершенству.

Эти же слова мы вправе отнести и к еще одной части Литургии, появившейся в относительно недавнее историческое время, но от этого нисколько не умаленной в своем освященном в таинстве достоинстве.

Восемнадцатым членом Литургии оглашенных до революции была молитва за Государя. После чтения Евангелия и сугубой ектении следовала трогательная молитва за Государя, установленная Св. Синодом после трагической кончины государя императора Александра II в 1881 году. Церковь возносила молитву горю о ниспослании не только здоровья и долголетия Государю, но и молитвенно испрашивала возможность Государю исполнить свой долг во славу Всевышнего и во благо народу своему.

Иными словами, общецерковное сознание не мыслило полноценной и благодатной народной жизни без возглавления ее тем, за кого она, Церковь, молилась во время главного Таинства – Литургии. Игнорировать этот факт сегодня – значит далеко отступать от веры отцов в сторону, ведущую к пропасти.

Можно бесконечно витийствовать на тему того, что догматы Православия не содержат точных указаний на верность принципам монархического правления. Но нельзя же, право, прекрасно зная, что, кроме догматов, у Церкви есть и еще одно легкое, которым она дышит (да простят мне не слишком удачное сравнение), а именно – предание, отказываться от наследия, донесенного до нас этим самым преданием и запечатленного в литургической практике и церковном обиходе.

Приведем еще примеры вышеуказанных практики и обихода.

В навечерие Рождества Христова до революционных потрясений совершались отдельно от Литургии «Царские часы». Царскими их называли потому, что на них положено было возглашать полное многолетие Государю Императору, всему Царствующему Дому и всем православным христианам. Царские часы отличались от обыкновенных тем, что на них читались особые, соответствующие празднику паремии, Апостол и Евангелие. После полудня же совершается Литургия Св. Василия Великого с Вечернею, на которой поются стихиры на «Господи возвах». В них, с одной стороны, изображается внутреннее значение воплощения Слова Божия, благодаря чему разрушилась распря между Богом и людьми, а с другой – изображается внешняя картина Рождества Христова: славословие ангелов, смятение Ирода и, между прочим, единение всех людей под властью Императора Римского Августа. Того, что по древнему римскому преданию сподобился таинственного видения в небесах Святой Девы, которая принесет миру Искупителя. Видения, бывшего ему не где-нибудь, а прямо на Капитолийском холме.

В этой службе Церковь определяет свое особое отношение к императорской власти, пусть еще языческого Рима, как освященной свыше самим фактом Рождения Христа, который при переписи населения в Иудее при Императоре Августе в «Римскую власть вписался», став Вечным Гражданином Вечного Рима.

Торжество Праздника Рождества Христова в Русской Церкви увеличивается воспоминанием избавления России и Церкви от нашествия галлов, и с ними – двадцати языков, в 1812 году. Поэтому после Литургии бывает особый благодарственный молебен, на котором до революции обязательно провозглашалось многолетие Государю и Царствующему Дому, а равно и вечная память Императору Александру I.

При богослужении в Праздник Сретения Господня пелся кондак: «Утробу Девичу освятивый Рождеством Твоим и руце Симеоне благословивый яко же подобаше, предварив и ныне спасл еси нас, Христе Боже; но умири во бранех жительство и укрепи Императора, Его же возлюбил еси, едине Человеколюбче».

Существовали и отдельные молебны – Царские. Они были совершаемы после Литургии в Царские дни. На Царских молебнах, кроме ектении (великой и сугубой), бывало пение: «Бог Господь», тропарь, кондак, чтение Апостола и Евангелия и коленопреклоненная молитва о здравии и благоденствии Государя Императора и Его Августейшего Семейства, равно и других членов Царствующего Дома. В конце молебнов провозглашалось «многолетие».

Во дни молитвенного поминовения воинов вспоминались не просто павшие, но живот свой положившие «за Веру, **Царя** и Отечество».

Такое поистине религиозное почитание священной особы Царя не было следствием христианизации славян, но имело значительно более глубокие корни. Древний арабский текст «Худуд ал-Алам» сохранил для нас сведения о языческих воззрениях славян на природу верховной власти: «Они считают своей обязанностью по религии служение Царю»!

Совершенно естественно, что в христианстве эти воззрения получили форму оформленного, догматически осознанного, религиозного акта.

Не только сознание Церкви, но и практика созидания ее институтов были исконно монархичны, что являлось необходимым условием ее нормального существования в истории, в государстве, в социуме для исполнения своей миссии. Например, по избрании кандидата в Епископы Св. Синодом происходило утверждение его Государем, и лишь затем наречение кандидата епископом.

Это правило царственного утверждения берет свое начало в глубокой древности. Например, в 731 году на римскую кафедру был избран папа Григорий III, сириец по происхождению. По заведенному порядку в Константинополь к Императору было отправлено посольство с извещением о новом избраннике и ходатайством об императорском утверждении избрания Папы Римского!

И не стоит думать, что в этом было некое порабощение Церкви земным обстоятельствам. Отнюдь. Государь, являясь как бы «внешним епископом Церкви», был ее важнейшим членом, без которого, в определенном смысле, немыслима была ее полнота в земной ипостаси как Церкви Воинствующей.

Незаслуженно забытый в силу своего нечестивого эдикта против иконопочитания византийский Император Лев Исавр, тот самый, кто, по сути, спас Европу от нашествия арабов, разгромив их под стенами Константинополя в 718 году, в официальных документах называл себя: «Я Царь и Первосвященник». Что являлось, в определенном смысле, продолжением дохристианской традиции Рима, в котором Император действительно был языческим первосвященником, верховным понтификом. Крайне важно, что этот титул был незаконно присвоен папами римскими. Незаконно потому, что еще в 730 году, отвечая на иконоборческую политику все того же Льва Исавра своим обличительным посланием, папа Григорий тем не менее признавал законное право именно Императоров на титул понтифика и иерея! В частности, в папском послании были следующие строки, призванные уязвить самолюбие Императора: «Ты написал: я Царь и вместе с тем иерей. Да, таковыми действительно были твои предшественники, которые создавали церкви и вместе с архиереями заботились ревностно и прилежно об исследовании истины православия. Ты же, приняв царскую власть, не соблюл заветы отцов, но, нашедши церкви Божии блистающие золотыми украшениями, опустошил их и обнажил». Тем не менее у пап не было сомнения в том, что благочестивые Цари – суть достойные иереи Церкви. Это крайне важно, так как без царственного иерея Церковь, безусловно, лишена своей исторической полноты, что не может не сказываться пагубно на всем строе церковной жизни. С этим фактом бесполезно спорить, имея перед глазами трагический опыт прошедшего века, века потери Церковью Василевса-иерея в лице Русского Царя.

В свое время патриарх Константинопольский писал Великому князю Василию Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского: «Невозможно иметь Церковь и не иметь Царя».

Понимание Царя как иерея было свойственно и древнерусскому сознанию. При венчании на царство Иоанна Грозного митрополит, вместе с иными регалиями, вручил Царю и наперсный крест, что свидетельствовало именно о священническом характере Царской власти. Феодора Иоанновича же помазали благовонным миром, как при поставлении в священники, что символизировало все тот же характер власти Государя на Руси. Не случайно, начиная с Бориса Годунова, на всех официальных царских портретах Государи изображены обязательно с наперсными крестами! Кроме этого, на всех портретах с XVI века Цари изображались не в светских одеяниях, не в парадных доспехах, но в одеянии, представляющем род священнического облачения.

Крайне важно отметить и следующий немаловажный факт. В Императорской России при наречении епископом кандидат на вопрос архиерея: «как исповедуеши вочеловечение Христово» подробно излагал исповедание собственной веры и после третьего вопроса обещал со своей стороны всегдашнюю, неизменную верность святой православной Церкви и Императору. Затем он принимал благословение от иерархов, и после многолетия Государю, Св. Синоду и новоизбранному все возвращались в алтарь.

Интересно, как заменен этот чин сегодня. Автор теряется в догадках. Уж не российской ли конституции обещается в верности кандидат в епископы? Право, это даже смешно, и тем не менее. Чин исповедания верности Православия и Царю указывал на особые, священные и нерасторжимые узы Церкви Воинствующей, земной и Православного Государства во главе с помазанником Божиим – Царем. И – о ужас! – почти все иерархи Российской Православной Церкви как-то спокойно, даже не

заботясь о каком-нибудь наспех выдуманном чине отрешения от клятвы верности, с марта 1917 года хладнокровно возглашают в храмах «долгие лета Временному правительству». А затем, на Соборе 1917–1918 годов, никому даже в голову не пришло, что поголовная часть Собора составила из клятвопреступников. А ведь если они не устояли в верности престолу, где же гарантия, что эти люди устояли в верности Христу? Приговор вынесли сами себе, приговор смертный, но не сразу это осознали. Правды ради скажем: многие из них кровью своей запечатлели-таки верность Кресту у края могильного рва под прицелом у комиссаров все в тех же пыльных шлемах и без оных.

Стоит ли удивляться, что, потеряв смысл своего исторического бытия, в первую очередь в лице тех, на ком лежало бремя духовного водительства, Россия начала буквально самоуничтожаться.

И давно осознано лучшими русскими умами, что спасение наше – в полном и бесповоротном возврате в лоно Церкви, но только Церкви, полностью восстановившей свою духовную и историческую преемственность по отношению к Русской Церкви царского и императорского периодов. Церковная организация, не способная восстановить живую ткань духовного преемства, не заслуживает права называться Православной, ибо неправо славит она Господа и не права в своей ущербной богослужебной практике.

Но возвращение наше затягивается...

Вспомним, наконец, что и сам чин коронования Русских Царей был не просто исторической формой легитимизации власти земной в глазах верующих христиан, но особым священным актом молитвенного испрошения Благодати Божией на весь народ, подаваемой, через посредство боголюбивых Государей, во освящение всей земли. Русь Святая не мыслилась православным человеком таковой без Царя – проводника Свыше подаваемой Благодати своей земле, так как святость ее в таком случае была бы невозможна по существу. Без Царя землю ожидали неурожай и непогода. Именно по этой причине, в силу такой веры, никого на Руси не удивили страшно неурожайные годы при Царе Борисе, чья легитимность после угасания Царственного Дома Рюриковичей была далеко не очевидной для русского средневекового сознания и на ком подозревали кровь отрока-царевича Димитрия.

После чтения Евангелия и возложения на Государя порфиры чин коронования Императора Всероссийского включал и следующее моление Митрополита Московского о Царе: «Одей Его силою с высоты, возложи на главу Его венец от камне честнаго, и даруй Ему долготу дней, даждь в десницу Его скипетр спасения, посади Его на престоле правды, огради Его всеоружием святаго Твоего Духа, укрепи Его мышцу, смири пред им вся варварския языки, хотящия бран, всей в сердце Его страх Твой, и к послушным сострадание, соблюди Его в непорочной вере, покажи Его известного хранителя святых Твоя Кафолической Церкви догматов, да судит люди Твоя в правде, и нищия Твои в суде, спасет сыны убогих, и наследник будет небесного Твоего Царствия. Яко Твоя держава, и Твое есть Царство».

Вот так. Не Царство Романовых и буржуев так страстно разрушали наши предки, в лучшем случае оставаясь безучастными, но Царство Того, Кто есть Источник всего сущего. И не поделом ли всем нам?!

После этой молитвы митрополит подавал корону, которую Государь надевал сам. Митрополит же произносил: «Благочестивейший, Самодержавнейший, Великий Государь Император Всероссийский! Видимое сие и вещественное Главы Твоя украшение, явный образ есть, яко Тебе, Главу Всероссийского народа венчает невидимо Царь славы Христос, благословением Своим благостынным, утверждая Тебе владычественную и верховную власть над людьми Своими». Далее митрополит вручал Государю скипетр и державу, которые почитались как: «Еже есть видимый образ данного от Вышняго над людьми своими самодержавия к управлению их и к устройению всякого желаемого им благополучия». Государь с царственными регалиями восседал на Троне и от себя возлагал корону на Императрицу. После ряда молений певчие пели «Тебя Бога хвалим». Далее начиналась Литургия обычным архиерейским служением, и, после причащения священнослужителей, совершалось миропомазание Государя и Государыни на Царство.

Через Царские врата Царь подходил к Престолу и причащался Святых Таин по **священному чину (т. е. отдельно Тела и Крови Христовых)**. Так совершалась величественная служба, во время которой Русскому Царю и Царице сообщались особые Дары Св. Духа для прохождения великого и многотрудного служения.

Для нас необходимо понять, что во время Священной Коронации совершалось торжественное и таинственное, жизненно необходимое единение Церкви с Государством в неразрывное целое. Это был действительно священный Дар благодати Св. Духа – говорим это в обличение ложного мнения рационалистически воспитанных людей о том, что отделение Церкви от Государства есть благо для обоих.

В таинстве Миропомазания со стороны Государя давалось торжественное свидетельство блюсти

«святость и господство православной веры и содействовать, при помощи Царя царствующих и Господа господствующих, процветанию и благополучию своих верноподданных». Со стороны же иерархов выражалось согласие молитвенного и деятельного споспешествования царственным заботам, направленным к устроению земного бытия православных сынов Церкви и Отечества.

Богословское обоснование самодержавной власти

Собственно такое обоснование мы находим уже в Священном Писании, которое есть и пребудет единым и главным источником любых интеллектуальных построений, когда речь идет о столь серьезных вопросах человеческого бытия, как государственное строительство, чьим источником не может быть лишь человеческий интеллектуальный поиск, волевой импульс или воодушевление, но всегда более глубокие духовные инспирации.

Слово Божие однозначно, не допуская «интерпретаций», в качестве непреложного условия правильно организованного социокультурного бытия ставит перед человечеством совершенно определенную задачу организации истинно государственной жизни. В Священном Писании говорится следующее: «Итак, будем покорны всякому человеческому начальству, для Господа: Царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1 Петр. 2, 13–14); а также: «Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надо повиноваться не только из страха, но и по совести» (Рим. 13, 4–5).

Священное Писание учит нас, что истинная власть земная есть не эволюционирующее во времени творчество социума, но исключительно творение Божие на благо людей. Она есть часть вселенского Божественного миропорядка. Власть, пренебрегающая своей органической связью с Божественным истоком всякой земной власти вообще, не является богоданной, но только попущена за грехи наши нам же в назидательное наказание.

Святой Иоанн Златоуст писал в этой связи: «Неужели всякий начальник поставлен от Бога? – не то говорю, у меня теперь речь идет не о каждом начальнике в отдельности, а о самой власти. Существование властей, причем одни начальствуют, а другие подчиняются... все это я называю делом премудрости Божией. Поэтому Апостол не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен не от Бога, но рассуждая вообще о существовании власти, говорит: „нести власть, еще не от Бога, сущие же власти от Бога учинены суть“ (Рим. 13,1). Власть как Божественное установление есть по сущностной природе своей добро. Как и любое Божие творение, она может злоупотребить своей свободной волей и, пренебрегая своей природой, превратиться в начало, покровительствующее злу во всех его проявлениях, от тайных до явных.

Мы можем смело утверждать, что Царская власть в России, со всеми ее падениями и ошибками, стояла на страже священных устоев истинной христианской государственности и являлась, без кавычек, Исполнительницей добра. Ничего подобного о властях, захвативших Россию в 1917 году, мы сказать не можем. Нельзя это сказать и про сегодняшнюю власть в Российской Федерации.

Необходимо помнить, что монархия – это не просто механически исполняемая власть одного человека над народной толпой, но сложный народный организм. Структура монархического социума есть органическая система его взаимосвязанных институтов и коллективов, спаянных единой верой. Поэтому формальное воссоздание царской власти в России, повинующейся в своем высшем служении Божественным заповедям, не принесет должного плода без воссоздания внутренней живой структуры церковного народа, без возрождения системы противления злу на всех этапах государственно-общественной лестницы, начиная с семьи и индивидуума.

Но и без возрождения монархии в России невозможно полностью выполнить задачу по восстановлению органической структуры общества, пронизанного христианской верой. Эти две задачи взаимоувязаны.

Апостолы и святые отцы оставили нам учение об истинном государстве как о монархии. Древние прекрасно видели то зло, которое происходит только от единой допускаемой возможности захватить верховную власть исключительно по прихоти или страстному желанию править. Буйство человеческих страстей на верхушке социальной пирамиды приобретает адски разрушительный размах. Укоренение во зле у таких искателей «трона» происходит еще на долгом пути борьбы за власть. Демократическая процедура выборности главы государства преобразует «политическое поле» народа в пастбище именно для таких отпетых негодяев.

Очень важно здесь показать, что именно Священное Писание свидетельствует о том, что институт монархии должен быть институтом сугубо национальным. Корень национальной государственности мы вправе усматривать именно в Библейском законодательстве. По вопросу

таинственного взаимоотношения крови и души Священное Писание свидетельствует: «...кровь есть душа...» (Втор.12, 23).

Не случайно в этой связи в Моисеевом законодательстве читаем: «Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе... и скажешь: „поставлю и над собою царя, подобного прочим народам, которые вокруг меня“, то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев своих поставь над собою царя...» (Второз. 17, 14–20).

Необходимость царя из среды братьев своих не есть голый биологический национализм древних, но правильное понимание того, что национальность государя и его духовный акт прямо взаимосвязаны, и это не должно быть в пренебрежении у того народа, который является прежде всего народом-Церковью, хранителем Истины. И это тем более важно для монарха христианского, особенно для монарха такой державы, как Россия, созданной потом и кровью именно русского народа.

Отметим, что вечное преимущество монархии перед республикой именно в том, что к власти приходит не рвущийся к ней любым путем, а тот, кому Божиим промыслом указан подвижнический путь исполнения правды – истинный Царь, чья законность безусловна и исключительна в свете Священного Писания и Священного Предания.

Святые отцы Церкви о монархии

Эту главу мы посвятим исключительно цитатам, что вроде бы и не принято в книгах. Однако на самом деле совершенно излишне, глупо и самонадеянно, вредно, наконец, для душевного здоровья пишущего и читающих вторгаться в текстовую ткань, «сшитую» людьми, достигшими еще при жизни святости и навсегда ставшими путеводными маяками церковного народа.

Святой Иоанн Златоуст писал: «Имея попечение о благоустройстве людей, чтобы многие из них не жили бессмысленней зверей, Бог учредил власть начальников и царей, как бы бразды для управления кораблем». Златоуст же говорит: «Итак, должно воссылать великую благодарность Богу и за то, что есть цари, и за то, что есть судьи».

Св. Исидор Пелусиот свидетельствовал: «Начальство и власть царская установлены Богом. Но если какой злодей-беззаконник восхитит сию власть, то не утверждаем, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему».

Свт. Григорий Богослов утверждает: «Блажен, кто многотрудными руками чтит Царя и для многих служит законом жизни».

Свт. Дмитрий Ростовский учит: «Лицо и сан Царя христианского на земле есть живой образ и подобие Христа Царя, живущего на небесах».

Преп. Серафим Саровский наставляет: «После Православия они (цари) суть первый долг наш русский и главное основание истинного христианского благочестия». А также: «В очах Божиих нет лучшей власти, чем власть Православного Царя».

Неоднократно высказывался на тему монархической власти и митрополит Филарет (Дроздов). В частности, он писал: «Благо народу и государству, в котором единым, всеобщим и вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит Царь, свободно ограничивающий свое неограниченное самодержавие волею Царя Небесного, мудростию яже от Бога... Народ, чтущий Царя, благоугождает через сие Богу, потому что Царь есть устроение Божие... Бог по образу Своего небесного единоначалия утвердил на земле Царя; по образу Своего небесного вседержительства устроил на земле Царя самодержавного; по образу Своего царствия непреходящего... поставил на земле Царя наследственного».

Св. праведный Иоанн Кронштадтский учительствовал и по-отечески наставлял: «Запомните: если не будет монархии – не будет и России. Только монархический строй дает прочность России, при конституции она вся разделится по частям». Он же предупреждал: «Держись же, Россия, твердо веры своей, и Церкви, и Царя Православного, если хочешь быть непоколебимою людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя Православного». К нам обращается Всероссийский пастырь из прошлого: «А вы, друзья, крепко стойте за Царя, чтите, любите его, любите Святую Церковь и Отечество и помните, что самодержавие – единственное условие благоденствия России; не будет самодержавия – не будет России».

Вторит ему преподобный Варсонофий Оптинский: «Наш Царь есть представитель воли Божией, а не народной. Его воля священна для нас, как воля Помазанника Божия; мы любим его потому, что любим Бога. Славу же и благоденствие дарует нам Царь, мы принимаем это от него как милость Божию. Постигает ли нас бесславие и бедствие, мы переносим их с кротостью и смирением, как казнь небесную за наши беззакония, и никогда не изменим в любви и преданности Царю».

Св. Патриарх Тихон обращался к верующим: «Царь есть „батюшка“ для народа, как трогательно

называет его сам народ. Мы же, братия, будем молить Господа, дабы Он и на далее сохранил для России Царя самодержавного и даровал ему разум и силу судить людей и державу Российскую в тишине и без печали сохранить».

Есть и примечательные высказывания зарубежных иерархов. Например, Антоний IV, Патриарх Константинопольский, утверждал: «Невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь Царя. Ибо Царство и Церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга».

Григорий IV, Патриарх Антиохийский, говорил: «Святая, Богом благословенная и Ему угодная форма государственного правления есть самодержавная, возглавляемая самим Богом поставленным Единодержавным Скипетродержцем Царем, который есть не обыкновенный человек, а Помазанник Божий, получивший при священном помазании сугубую благодать на великое и трудное дело управления народом». Он же подчеркивал следующее: «Укреплять святую мысль через Писание, быть верным защитником Православной веры, самодержавного Царя и Отечества есть славное и святое дело, самое главное, дело первостепенной важности и приятное Богу».

Митрополит Антоний Храповицкий внушал своей пастве: «Неразумны и неправдивы те люди, те писатели и ораторы, которые говорят, будто Православная Церковь Русская могла и может существовать при всяком государственном строе, начиная с республики. Надо голову потерять, чтобы говорить такие несообразности. Никакой другой власти, кроме власти богопомазанного Царя русского, наш народ не будет доверять... Если мы не примыкаем к обоим бунтам 1917 года, то есть к бунту господскому, или февральскому, ни к бунту солдатскому, или еврейскому, или октябрьскому, то должны признать, что согласно Законам, согласно древнему разуму и примеру прежних Государей... Власть Царскую получает законный наследник сам по себе, то есть прямо от Промыслителя Господа без всякого избрания...» Здесь позволим себе сделать маленькое отступление. На эту последнюю фразу очень неадекватно, радостно реагируют современные ревнители несуществующих прав на Российский Трон Марии Владимировны, дочери В. кн. Владимира Кирилловича. Используя тот факт, что после провозглашения самого себя императором отец Владимира Кирилловича, Кирилл Владимирович, принимал у себя владыку Антония, и указывая на благожелательные отклики последнего о Кирилле Владимировиче, они уверяют, что Русская Зарубежная Церковь соборно решила видеть в Кирилле Императора Кирилла I. Ссылаясь на Закон о престолонаследии Павла I, который сам по себе во многом не согласовывался с Преданиями Церкви относительно брака христианина и перечеркивал древнюю исконно русскую династическую традицию в вопросе бракосочетания, «кирилловцы» договариваются до того, что Трон онтологически не может быть пустым. Якобы Закон предусматривает непрерываемую линию наследования. И таким образом, считают они, даже без самопровозглашения Кирилл Владимирович автоматически был Императором Всероссийским, а Церковь просто признала этот «законнепреложный» факт. Однако достаточно указать на то, что никто из первоиерархов Русской Церкви за границей даже не пытался миропомазать на Трон новоиспеченного Императора, как все эти вымыслы относительно безупречной легитимности и законных прав на Трон становятся очевидными даже неискушенному человеку. Окормляя Кирилла Владимировича как сына Церкви, уважая его как члена династии, Церковь не признала его законным Императором. В противном случае, и если бы Трон действительно по закону не мог оставаться пустым, акт миропомазания состоялся бы. Но он действительно онтологически далеко не пуст. Просто «Кирилловичам» всегда не хватало самой малости – истинной веры. Православие они исстари рассматривали только как один из атрибутов Русского монарха, но атрибута, значительно уступающего в их сознании законам Российской Империи, рухнувшей под водительством именно этих законов.

Трон действительно не пустует. Царица Небесная со своим Предвечным Младенцем есть от начала времен наследница Трона и тронов, о чем красноречиво свидетельствует верующему сердцу икона Державной Божией Матери, явленная в селе Коломенском в день отречения святого Императора Николая. У Трона этого незримо предстоит молитвенники за нас и за Россию – последний русский Царь, его семья и их слуги.

И Промыслитель Господь, конечно, найдет способ доходчиво явить нам свою волю и указать законного Царя, помимо давно упраздненных историей законов, под юридическое действие которых давно не подпадает ни один генетический наследник бывшего императорского Дома Романовых.

И закончим мы цитирование мыслей знаменитых учителей и пастырей Церкви мыслями прот. Иоанна Восторгова. Он писал: «Вместе с верою и любовью к Богу непоколебимая, веками утвердившаяся и освященная церковью любовь к Царю служила могучим оплотом нашей народности в исторических судьбах ее... Господь Бог устроил Царя в Свое место, посадил на царском престоле суд и милость».

Сегодня, посягнув на священные основы нашей государственности на монархический строй,

упорствуя в нежелании признать очевидным факт, что самодержавие не анахронизм, а единственное условие нашей национальной и государственной жизни, мы, сами того подчас не понимая, бросаем безумный вызов Божественному промыслу о нас. Упорствуя в сатанинской гордыне, в неприятии непреложной истины, мы роем себе и нашим детям не просто могилу, а прямо пропасть в зев ада.

Биологический фундамент Государственности

Любому здравомыслящему и в меру ученому человеку понятно, что любое государственное образование – исключительное политическое творчество одного народа. Никаких многонациональных государств в строгом смысле слова не существует. Когда вы читаете в учебниках истории о том, что Рюриковичи правили в многонациональном государстве под названием Древняя Русь, знайте – вам лгут. Русь есть плод государственного таланта исключительно и только русского народа и его исконной, священной династии, связанной в представлении еще наших языческих предков с высшими мирами через сопричастность божественным предкам – чурам и прямо миру древних богов.

Державный народ создает особую политическую форму своего существования, присущую только ему, так же как одной человеческой душе присуще ее собственное тело, которое с этой душой неразрывно связано. Народ имперский есть народ – носитель универсальных духовных ценностей, которые он приносит другим народам. Часто эти ценности навязываются силой. Часто более слабые народы сознательно принимают всю систему ценностей народа-завоевателя и становятся его союзниками, партнерами по государственному строительству.

Но дух государства, его кровь и плоть – это выражение души, нравственных идеалов и физических усилий одного единого народа. Государства рождаются как результат исключительных усилий конкретного этноса, и они неминуемо гибнут, когда державный этнос растворяется в море покоренных народов. Когда его ценности и идеалы подвергаются ревизии и пересмотру, когда они размываются чужими ценностями и идеалами.

Все империи утрачивали свои ярко выраженные национальные черты вследствие необдуманного допущения завоеванных народов в тело государственности на равных правах с народом – носителем государственной идеи. И утрата национальных черт всегда и везде вела к гибели империй.

Властной элите никогда нельзя забывать, что сила государства – в его национальности. Это не подразумевает угнетение народов, входящих в состав имперского государственного тела, но и не является поводом ущемлять государствообразующий народ в его первенстве прав только из боязни обидеть «национальных малышей», пасынков государственности. Государство – не оплачиваемая сердобольная сиделка с непослушными детьми. Государство – это прежде всего народ-руководитель, народ-начальник, который обращается с работниками таким образом, чтобы они исполняли свои обязанности честно и имели за это справедливое вознаграждение. И никакой лирики на тему дружбы и большой семьи народов! Не бывает такой семьи. Семья может разрастись только до определенных пределов, и история положила таким пределом национальность. За ее границами правила семейных отношений не работают, какими заклинательными усилиями их ни пытались бы гальванизировать.

Исходя из того, что любое здоровое государственное образование имеет своим становым хребтом государствообразующий народ, нужно понимать и те главные задачи государственной власти, которые лежат далеко не в сфере регулирования экономических и финансовых отношений в обществе, как сейчас многие ошибочно полагают.

Главным фактором процветания и прогресса государства во всех сферах должна быть национальная идея. Государство призвано пестовать лучшие черты народа, создавать такие условия жизни, когда эти черты могут беспрепятственно раскрываться. Именно этой цели и должна служить власть, а не исполнению материальных прихотей той немногочисленной части народа, сплотившейся в некое сообщество через специфические механизмы фильтрации нравственно худших представителей социума, которые ныне, по недоразумению, служат инструментом выделения элиты, оказавшейся у кормила государственного корабля.

Подробнее об этом вы сможете прочитать в заключительной главе данной книги.

Утрата и возрождение монархического правосознания

Первая государственная власть, по мнению испанского мыслителя Ортеги-и-Гасета, рождается в обществе именно в тот момент, когда религиозно оформляются его представления о мире. Именно тогда и только тогда появляется первый постоянный авторитет и первая постоянная государственная функция в виде управляющего «священнофункциями», т. е. царя-жреца, верховного понтифика. Такой правитель действительно является царем милостью Божией, а не в силу особых физических и

интеллектуальных заслуг. Он избран свыше, а не многоязычным выбором от «человеков». «Первоначальная легитимность, прототипная, единственная, компактная, насыщенная, всегда принадлежала у всех народов Царю по милости Божией. В чистом виде другой нет», – свидетельствовал Ортега-и-Гасет. Он же подчеркивал, что «монархическая легитимность первородна, образцова и прототипна. Поэтому она единственная является первоначальной, и в скрытом виде она продолжает присутствовать под всеми другими формами».

Полная и безоговорочная легитимность власти – это всегда и только монархия. В определенном роде, в своем максимально возможном «чистом химическом виде» она была воплощена в державе Русских Царей. Лучшие русские умы прекрасно отдавали себе отчет, что сколь бы несовершенной ни казалась порой монархическая власть в России, особенно после утраты характерных традиционных черт времен Московских Царей и заимствований с Запада в период Империи, все равно, в случае ее устранения, рухнут абсолютно все общественные устои.

В итоге рухнула сама Россия. Канули в небытие и простые человеческие понятия о добре и зле.

Нельзя сказать, что все происходило в одночасье, явившись лишь следствием коварного заговора жидомасонов, хотя и отрицать его, в свете многочисленных опубликованных документов, глупо.

Священные понятия о Троне и алтарях стали привычкой и у нас, и у европейцев. Эти формулы перестали восприниматься серьезно. Для подавляющей массы населения они уже не несли в себе никакого священного смысла. В условиях мирного времени с ними мирились как со старой мебелью, которую когда-то, постепенно, нужно будет менять на новую. Но в условиях мирового кризиса, а именно мировой войны 1914–1918 годов, эти формулы были подвергнуты огненному испытанию на прочность. В итоге именно народные массы и не выдержали этого испытания. Ценности самодержавия, святыни веры окончательно потеряли для масс свою привлекательность. Но парадокс состоит в том, что в общеевропейском масштабе первыми от этих ценностей отшатнулась аристократия. Отшатнулась и потеряла свою абсолютную ценность в глазах самих монарших особ и их многочисленных династических родственников, равно как и всякий авторитет в широких народных слоях. Народ интуитивно почувствовал внутреннюю неуверенность буквально зависшей в социальном вакууме верховной власти в своей истинной легитимности перед лицом истории в период величайших катастроф и позволил пасть венцам в пыль. Это не значит, что в народах полностью иссякла вера в монархию как высший символ или иссякла до конца вера в Бога. Просто на Тронах народ вдруг не обнаружил тех, кто, так же как он, безоговорочно верил этому символу и полноценно олицетворял его.

Если же говорить о России, то трагедия нашего последнего Государя состояла в том, что он-то как раз был «последним из могикан», кто не только верил в символ самодержавия, но и максимально воплощал в себе священный архетип истинно христианского монарха. Однако, по словам архимандрита Константина (Зайцева), автора многочисленных трудов, посвященных пореволюционной России, наступали времена, когда идеал «Святой Руси» потерял свою привлекательность для высших и средних слоев общества, а сама Святая Русь к концу 1917 года буквально «скукожилась» до границ чуть ли не Царской семьи и их верных слуг.

И если западные монархи и представители владельческих домов, отринутые во времена небывалой исторической драмы, без всякого драматизма ушли в частную жизнь как частные люди, то Царь Русский ушел в вечность как святой мученик за национальный идеал государственности, неразрывно связанный с верой народа. Уже в этом «уходе» начиналось его возвращение к нам как святого заступника и небесного покровителя своего народа. И этот уход был и остается залогом нашего истинного национально-государственного возрождения. Корона Российской Империи не была сдана, подобно венцам западных монархов, в антикварную лавку. Но, будучи вырванной руками палачей, она не потеряла своей священной огненной природы и, содержась под охраной в Алмазном фонде, являла и являет собой арестованный, «временно задержанный до выяснения обстоятельств» символ неоконченной Русской истории. Истории, которая не может не быть продолжена путем решительного преодоления смуты и бесплодных политических исканий, продолжена исключительно на путях абсолютного возвращения на свой, единственно возможный, исторический путь.

Падение монархического сознания было тесно связано и с переменами в умонастроениях христианских народов Европы. И хотя столь решительного ухода из церквей европейцев, каковым был их катастрофический бег из-под сени монархической власти, когда монархи, в силу разных причин, утратили живую связь с народом, не наблюдалось, можно с уверенностью говорить о кризисе церковной общины в целом. Ради эфемерных свобод и братства всех и вся люди потеряли понятия ценности связей в маленьких коллективах. Даже семья перестала казаться для индивидуума пристанью счастья пред лицом мирового братства, начавшегося с мировой бойни и ей же завершившегося. Растущее отчуждение от Церкви у нас в России, на первом этапе, никак нельзя связать с растущим атеизмом народных масс и аристократии, как нельзя было связать и отсутствие патриотизма с изменой монархической присяге. Расслоение Трона и государства привело к падению первого, зато от второго в

условиях «свободы» ждали небывалого расцвета. Нельзя не видеть, что государственная машина поспособствовала падению монархии и получила в награду полный хаос керенщины, закончившийся большевистским концлагерем. Государство потерпело крах уже тогда, когда полагало, что сумеет напитать государственный патриотизм живыми энергиями взамен верности Трону и народности. Оказалось, что такой патриотизм, по крайней мере в России, невозможен. Ему просто не на что опереться ни в истории, ни в повседневной жизни. Он может только лгать, причем – совершенно невольно, не пытаясь изначально обманывать граждан, а просто по природе несводимости исторических задач русского народа и его национальной души к той форме существования, которую ему предложило Временное правительство и предлагают сейчас. Пытаясь искусственно связать современный патриотизм с системой либеральных ценностей, государственный аппарат уже подготовил его фиаско. Если у пролетария, по ленинскому определению, не должно быть Отечества, но оно оказалось, то у современного буржуа хоть и должен быть патриотизм, т. е. любовь к Отечеству, но его-то как раз у него и нет. Не считая того, что легко уместается в кошелек. Либеральный патриотизм – это фикция. Любовь к своему обухоженному домику на Рублевке не есть любовь к Родине.

Завтра любовь с домика на Рублевке найдет себе иной объект недвижимого почитания на Багамах и так далее, вплоть до вожделенного получения американского гражданства, которое может гарантировать безопасность банковских вкладов, непонятно как нажитых, там, где массам населения внушается беспочвенная любовь к Родине, которую у них отняли. И эта новая любовь четко увязана с безопасностью вкладов. Это самые простые иллюстрации того, чем является современное государство для тех, кто сделал его своей временной кормушкой. И им, и нам понятно, что подобная схема псевдогосударственной жизни ведет к тому, что это причудливое здание государственности, возведенное на обломках фундамента рухнувшего СССР, тоже скоро обрушится. Косметический ремонт вроде современной «стабилизации» есть побелка стен у дома, который медленно, но верно сползает с фундамента. Из руин, которые окружают это эклектичное здание под аббревиатурой РФ, оставшихся как от гибели Империи, так и от падения СССР, восстает встречное движение народного сопротивления, консервативно-революционное движение русского национализма, не желающего гибели, и уже окончательной, русского народа под обломками «Эрефии». И хотя это движение носит еще хаотический характер, уже прослеживается отрадная тенденция чувства сопричастности молодежи русского народа своему историческому предназначению. Если угодно, то это и есть подлинная демократия, только и возможная в сегодняшнем российском обществе. Нация, лишенная поддержки всех традиционных институтов, включая и государство, страстно желает взять решение своей судьбы в свои руки. Энергичное участие в политической жизни – это лишь первая ступень в возрождении истинной суверенности русского народа, давно лишенного таковой.

Массы в России сегодня стихийно приобщаются к ценностям традиционной русской государственности, что формирует сопричастность народа к политической жизни в целом. Эта сопричастность предполагает достижение целей восстановления такого политического порядка, в котором русский человек будет уверен, как в порядке, отражающем его представление о праве и правде. Сопричастность предполагает и постижение священных основ государственности, постижение той системы ценностей, которая гарантировала бы этой государственности ее легитимность в глазах Церкви, такой, какая была бы освященной авторитетом искренней народной веры. Стихийным подъемом снизу этих целей достичь невозможно. Истинный демократический, т. е. народный, национализм отличается от формальной демократии современности тем, что он инициируем сверху. Будут ли это интеллектуалы, духовная элита нации, или государственный аппарат – это вопрос условий и времени. Встречное движение народной стихии и интеллектуальных поисков элиты в определенной точке соприкосновения будет поставлено перед выбором дальнейшего поступательного движения в сторону революционной ломки или эволюционного преобразования социальных институтов.

Сейчас развитие сценария нельзя предположить, но вполне вероятно «чудесная» ситуация, когда на вершине политической пирамиды окажется группа людей, разделяющих идеологию восставших масс. Тогда преобразование Российской Федерации в истинное государство русского и союзных с ним народов пройдет по наименее кровавому сценарию, в чем остро заинтересованы все, и в наибольшей степени – национальные меньшинства, живущие на территории России, но имеющие свои национально-государственные образования за пределами современной РФ.

Истинная демократия, безусловно, заключается в возможности для самых широких масс населения быть сопричастными политической жизни государства, сопричастности власти у себя в стране, осознанной сопричастности своей исторической миссии и судьбе. Но такая сопричастность не может быть естественным плодом стихийного пробуждения масс, озлобленных бедностью и постоянным враньем властей предрекающих. Носителем и главным выразителем национального

исторического идеала во всех сообществах была и будет национальная элита, чьи социальные границы в современном социуме достаточно размыты. Характерной особенностью таковой в современной России должно быть четкое осознание своей миссии как носительницы исторических, традиционных, национальных ценностей, миссии, которая сегодня не так легко выполнима, как кажется.

Современный мир жестко отторгает подобных людей на обочину жизни, где им приходится просто выживать. В этих условиях велик соблазн отказаться от тяжелой ноши носителя идеала, особенно учитывая, что массовое сознание по привычке не ищет вожakov на обочинах жизненных дорог, но страстно выискивает их на экранах телевизора – там, куда попадают только те, чья профнепригодность на звание национальной духовной элиты подтверждена самим правом участия в телевизионном зомбировании сограждан. Но без консолидации национальной элиты, без консолидации тех людей, кому сейчас нелегко в быту, немыслимо сознательное движение национально проснувшихся масс народа. Лишь элита может знать, в чем заключается предназначение нации, и транслировать это знание вниз, в массы. Лишь она способна коллективно постичь взаимосвязь между ценностями нации и ее политической жизнью. Лишь она имеет право заявить нации, что принадлежность к ней накладывает на всех осознанное обязательство свято хранить и нести перед собой, как хоругвь, священные идеалы. Только общество единых ценностей высшего порядка может называться нацией. Ценности есть характернейшее свойство нации. Через них выражается сущность народа, его духовный центр – центр, смещение которого ведет к национальной гибели.

И именно этот живительный нерв нашей национальной жизни был гениально выражен формулой графа Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». По определению гениального русского мыслителя И.А. Ильина, последнее определение не может пониматься иначе, как творческий национализм.

Наверное, нужен был нашему народу трагический «вавилонский плен большевизма», чтобы мы не просто вернулись к своим национальным ценностям, но и подняли этот идеал на еще большую духовную высоту.

Впрочем, лучшие русские умы, предчувствуя неминуемую трагедию, сделали все, чтобы придать духовному идеалу, интуитивно разделяемому массами простонародья, научную достоверность через отчеканенную точность формулировок. Назовем русских мыслителей дореволюционной поры К.Н. Леонтьева и К.П. Победоносцева, вспомним капитальный труд Л.А. Тихомирова «Монархическая Государственность». Не забудем и яркие публицистические работы М.О. Меньшикова с твердыми, безупречными формулировками кризиса, охватившего русский народ как биологическую единицу. Из священной Триады нашего национального символа он подвизался именно на стезе разъяснения и уяснения третьего члена символа – национализма. Он же виделся ему как единственное спасительное средство против болезненной утраты русским обществом императорского периода своего национального лица. Первой политической организацией, открыто провозгласившей священные принципы бытия нашего народа и государственности, стал в 1905 году «Союз Русского народа», известный еще как «Черная сотня», чья деятельность смогла разбудить определенную часть русского общества. И хотя предотвратить революционную катастрофу «Союз» был не в силах, его роль в пробуждении русского национального самосознания огромна.

После революционной катастрофы и Гражданской войны, в которой национальные русские силы потерпели военное поражение, настало время действительного идейного пробуждения. Уже к 1921 году абсолютному большинству русской эмиграции стало ясно, что причиной всех русских бед была утрата веры и верности государственному монархическому идеалу.

Давайте же проследим этапы становления этой новой монархической мысли пореволюционного русского периода, позволяющей нам заявить, что выбор в пользу монархии есть единственно приемлемый и концептуально обоснованный лучшими умами выбор, обеспечивающий подлинное возрождение России и ее народов.

Весной 1921 года легендарный предводитель Азиатской дивизии Р.Ф. Унгерн фон Штернберг издает в Монголии приказ за номером 15. В частности, в нем не просто объявляется по войскам начало Крестового похода против безбожных сил, захвативших Россию, но и начало священной войны за восстановление Тронов, и не только Российского. На своем Желтом знамени Унгерн помещает изображение Спаса Нерукотворного, а с другой стороны – вензель с буквой «М» и римской цифрой II. Да, Унгерн верил в то, что законным наследником Трона в России является брат Императора Николая – Михаил. Однако совершенно правы те исследователи, которые видят в вензеле на знамени указание на определенный эсхатологический фон, мистический настрой руководителя Азиатской дивизии. Унгерн шел в бой за грядущего императора, предсказанного в Священном Писании, за таинственного и сокровенного монарха последних времен – Михаила, в котором не обязательно видеть непременно брата Императора.

Это был первый осознанный политический шаг русского народа на пути возвращения к своим

национальным государственным святыням, главными из которых есть и будут Православие и Самодержавие.

Осенью 1921 года в баварском городке Рейхенгалле состоялся съезд правой русской эмиграции, на котором не только было принято приветственное воззвание к Унгерну, но и впервые высказана идея о необходимости восстановления Трона в России как единственного гаранта национального и государственного существования русского народа. В том же году для упорядочения политической работы монархического фронта в Зарубежье был создан и Высший Монархический Совет, существующий и поныне. В нем мы вправе усматривать и первую попытку создать основу для легитимного Русского Заграничного Правительства. ВМС был создан из пожилых людей, занимавших должности высших сановников в Империи, и потому изначально был лишен боевого настроения.

26 июля 1922 года Великий князь Кирилл Владимирович выпустил обращение к Российскому воинству и Русскому народу, объявив себя блюстителем Государева Престола. В этом обращении он писал: «Всероссийский Земский Собор возвестит нам, кому на Руси быть законным Государем». Увы, два года спустя Кирилл Владимирович самовольно объявил себя Императором, чем внес серьезный раскол в русское монархическое и вообще освободительное движение.

В 1922 году на Дальнем Востоке, на последней свободной от большевиков территории, состоялся Земский Собор под председательством генерала Дитерихса – первая ступень на долгом пути законного восстановления исторической русской государственности. Собор призвал всех русских людей по выходе из политической смуты созвать Всероссийский Земский Собор, на котором будет указан законный Монарх и наследник Трона. Тогда же было признано, что только такой представительский орган всея Руси, как Земский Собор, имеет исключительное, легитимно бесспорное право восстановить законную русскую государственность. До созыва же такового Собора всякая власть в России есть, по сути, узурпация и беззаконие.

В апреле 1926 года в Париже проходит Российский Зарубежный съезд, значение которого для будущего легитимного государственного возрождения исторической России огромно. Съезд собрал делегатов всего русского рассеяния из 26 стран. И хотя это грандиозное мероприятие и не закончилось столь, казалось бы, логичным на тот момент созданием правительства в изгнании, на нем были провозглашены основные принципы возрождения государственности, не устаревшие и поныне. Крайне важно, что большинство участников съезда было настроено монархически, и он единодушно принял решение считать национальным вождем, вокруг которого должны объединиться все национальные русские силы, Великого князя Николая Николаевича, дядю последнего Императора. Интересно, что на это решение съезда крайне негативно отреагировал самопровозглашенный «император» Кирилл Владимирович, поставив себя в оппозицию к широкому национальному движению Зарубежья и занявший позицию неприятия этого объединения вместе с либерально-кадетским «болотом» господ Милюкова и компании.

В 1929 году в Париже же был сделан еще один важный шаг на пути восстановления исторической России – создан Российский Имперский Союз (РИС).

Он был задуман как боевая единица Высшего Монархического Совета, в котором православные, истинно русские люди Зарубежья видели единственно возможную базу для создания Русского Заграничного Правительства, обладающего всей полнотой легитимной преемственности по отношению к Императорской России. ВМС и сейчас является старейшей действующей русской организацией в Зарубежье. В 1921 году ВМС собрал в своих рядах высших чиновников Империи и часть монархически настроенного генералитета. Не объявляя себя официально правительством в изгнании, по причине того, что на эту роль со времен Гражданской войны претендовали левые круги Зарубежья, ВМС официально провозгласил себя полным юридическим воспреемником Российской Империи, существовавшей юридически до момента вынужденного отречения Государя Николая II. РИС, впрочем, не стал филиалом ВМС. В новую организацию входили молодые люди, не хотевшие предаваться безвольной идеализации дореволюционных порядков и полные желания сражаться за национальную Россию. ВМС и РИС не стали одним политическим организмом – у Имперского Союза началась своя политическая история, но две родственные организации сохраняли теснейшую связь, в которой ВМС порой играл роль нравственного центра.

Первым председателем боевой имперской организации стал Н.Н. Рузский – блестящий офицер лейб-гвардии конного полка. Генеральным секретарем являлся Гардский, затем М.П. Тризна. Имперцы издавали газету «Имперский клич», выходившую в Париже в 1932–1936 гг. под редакцией В.А. Мшанецкого, затем Н.А. Кикина. Лозунгом имперцев от начала был: «Мы русские – с нами Бог». Орденом Союз стал в сороковых годах по инициативе одного из ярчайших его начальников – Глобачева. Эта идея была горячо поддержана Сахновским, человеком уникальной судьбы. Кроме активной деятельности на ниве просвещения (он переиздавал работы Л.А. Тихомирова), Сахновскому еще в период Второй мировой войны удалось создать и боевые подразделения РИС-О, которые

участвовали в боевых действиях в Испании против коммунистов, а также входили в состав дивизии «СС» Валлония под руководством Леона Дегреля. Не без ведома этого легендарного борца за христианскую Европу Сахновский на территории СССР, оккупированной немцами, создает боевое подразделение из советских граждан, объединенных девизом: «За Веру, Царя и Отечество». Сахновский заказал для этого подразделения черные рубашки, на которые должен был крепиться в качестве нагрудной нашивки восьмиконечный крест с надписью в перекрестье: «Сим Победиши». Цвет рубашек должен был подчеркнуть преемственность по отношению к черносотенным организациям Императорской России, а равно указать на солидарность с русскими фашистами Маньчжурии и Европы, питавшими особые симпатии к чернорубашечникам Муссолини как провозвестникам Новой Европы. Заказанное обмундирование так и не удалось получить. Судьба же этих людей, предтеч новых бойцов за идеалы Царской Руси, трагична: почти все они погибли при выходе из окружения в Корсунь-Шевченковском котле. Но память о них должна навечно остаться в русских сердцах.

Это было **единственное** воинское формирование русских людей Второй мировой войны, выступивших под монархическим знаменем Императорской России!

Под руководством Сахновского Орден вел независимую политику. Сам руководитель неоднократно высказывался по поводу того, что РИС-О и ВМС – разные организации. Впрочем, это никак не отражалось на сходстве их идеологической базы. Даже печатные органы одно время были общими. Более того, впоследствии сам Сахновский был все же принят в ВМС, когда организацию после Кньюффера возглавил Д.К. Веймарн, бывший при последнем вице-председателем. Были приняты в ВМС и начальник РИС-О К.К. Веймарн, и возглавивший после него Орден И.Р. Яблоков.

Имперский Союз с самого начала своей истории был орденом не только на словах. Первый устав Союза – ярчайший пример построения в новейшей русской истории действительно орденской политической единицы. Многие члены РИС-О давали обет безбрачия, посвящая себя делу служения России целиком. С момента своего становления РИС-О являлся действительно боевой и самой активной частью всех белых монархических организаций Зарубежья.

Уже в восьмидесятых годах XX века Имперский Союз и ВМС волею судеб стали не просто близкими организациями, но фактически – тем самым единым политическим организмом, каким он виделся в конце двадцатых годов монархическим кругам эмиграции. После блестящей эры Сахновского обе организации возглавили братья Веймарны, причем старший, Константин Константинович, возглавил РИС-О, а младший, Дмитрий Константинович, получил из рук Тихона Николаевича Куликовского-Романова право официально возглавить ВМС. Таким образом, произошла некоторая рокировка. Организации как бы поменялись местами старшинства. Не декларируя полного единства, они шли и идут к полному сближению курсов вплоть до естественного слияния, которое может и должно произойти уже в России, на новом этапе работы.

ВМС и РИС-О – это единственные до сих пор существующие организации Русского Зарубежья, которые не просто сохранились физически и юридически, но и остаются на прежних идейных позициях, чего нельзя сказать, например, о современной Национальной Организации Витязей в Париже и Брюсселе, созданной великим русским патриотом, убежденным монархистом Н.Ф. Федоровым. Напомним, что почетной соратницей РИС-О долгие годы была последняя легитимная наследница Российского Престола Е.В. княжна Вера Константиновна, младшая дочь Великого князя Константина Константиновича, известного поэта «К.Р.».

В 1972 году в рядах РИС-О произошел раскол, спровоцированный «кирилловцами» во главе с Колтыпиным. Для решения вопроса, кто будет обладать всей полнотой правопреемства, был созван третейский суд, возглавил который человек, сочувствующий «кирилловцам». Но личная честь третейского судьи оказалась сильнее политических привязанностей, и права наследования суд закрепил за «антикирилловской» линией Сахновского, которому, по рекомендации нынешнего главы Ордена Игоря Романовича Яблокова, наследовал К.К. Веймарн. Это решение совершенно незаконно игнорируется раскольниками, которые продолжают использовать символику и имя РИС-О, обслуживая все более и более становящиеся прозрачными эгоистически-коммерческие интересы потомков Кирилла Владимировича в России.

Дмитрий Константинович Веймарн и ныне возглавляет ВМС, а Константин Константинович скончался, передав руководство РИС-О И.Р. Яблокову. Нынешний начальник РИС-О – старейший соратник как Ордена, так и ВМС.

ВМС и РИС-О на данном историческом этапе не являются мощными организациями Зарубежья, поскольку их действующих членов почти не осталось. Но это последние не замаранные политическим соглашательством структуры, несущие нам Белую хоругвь истинной Русской Церкви, чистой монархической идеи, отличной как от кирилловского соглашательского направления, так и от псевдомонархической стихии анархо-патриотовщины с частыми обострениями постсоветской

шизофрении, выраженной в сочувствии культу Сталина и прочих несусазицах.

Для организационных структур, желающих нести это Белое знамя в России, принципиально важно наследование всей полноты духовного и политического багажа ВМС и РИС-О, осуществляемое через организационное единство. Последнее гарантирует духовно-нравственную преемственность и юридическую легитимность от старейшей организации Русского Зарубежья, что, в свою очередь, позволяет с полным правом утверждать о законно приобретенных правах правопреемства по отношению к Императорской России. Бесспорность этого факта определяется тем, что Высший Монархический Совет и его законное детище в лице РИС-О – действительно единственные русские организации, которые сохраняют легитимную преемственность к властным структурам Императорской России. На определенном историческом этапе для всех истинно русских людей в эмиграции ВМС играла роль Российского правительства в изгнании. Вне зависимости от того, что состав организации сократился вследствие естественной убыли потомков русских беженцев, ВМС и РИС-О сохраняют свой высочайший статус среди всех иных эмигрантских русских организаций. Рано или поздно в России встанет вопрос о восстановлении юридически безупречной и этически необходимой легитимности Верховной власти. И тогда ВМС и РИС-О будут единственным юридическим звеном, которое может связать воедино историческую правопреемственность власти в России. В данный момент ВМС играет роль интеллектуального и нравственного центра Российского Имперского Союза-Ордена.

Когда современный политический режим в России, сколь надежным и устойчивым он ни мнился бы сейчас, неминуемо окажется в глубоком кризисе, а чуждый исторической России современный строй на наших глазах будет рушиться, в России должна оказаться политическая сила, способная стоять как маяк спасения, высоко держа хоругвь христианской нравственности и знамя юридически безусловной и исторически наследственной легитимной преемственности по отношению к погрязшим институтам власти Императорской России. Эта политическая сила должна быть накрепко связана с Русской Православной Церковью, с ее лучшими глубинными силами, хранящими Истинную веру вопреки и помимо раздела единого тела церковного на юрисдикции, и быть всецело готовой восстановить политическими средствами Государство Российское как державу русского народа во главе с Православным Монархом.

Созидание такой политически организованной силы должно стать первостепенной задачей всех истинно русских людей.

Такая организованная сила должна являться хранителем чистоты имперского сознания, традиций русской имперской государственности в ее первозданной самобытности, обязана хранить и транслировать русскую традицию во всех ее аспектах. Русский народ в целом, его духовное ядро верных хранителей истинного Православия должны соборно прообразовывать собой сокровенное единство верных чад мистически единой Русской Поместной Церкви, несущее во времени неповрежденную святоотеческую веру нашей Русской Православной Церкви.

Или мы действительно будем отвечать нашему сверхисторическому призванию – быть до конца времен Новым Израилем, или мы станем исторической пылью, под которой будут погребены остатки некогда великолепного здания исторической России.

В Русском Зарубежье пробуждению истинно русского самосознания способствовали и фундаментальные философские труды русских гениев: Ивана Александровича Ильина и Ивана Лукьяновича Солоневича.

И коль скоро после всех революционных потрясений к лучшим русским умам пришла мысль о том, что возрождение нормальной жизни в России совершенно невозможно без возвращения всей массы русских людей в лоно православной веры, без настоящей, фанатичной преданности сокровищу нашей религии, то неминуемо встал законный вопрос и о возрождении монархии как неотъемлемой части веры русского человека. Монархия всегда понималась православным народом как единственная законная дочь Матери-Церкви, призванная от начала христианской эры нести послушание государствовоительству.

Современное секулярное государство, в принципе, может быть только атеистическим или же специфически политеистическим, со множеством сект и мистических групп, как в США. Общегосударственная мораль в таком государстве, как правило, уже не базируется ни на каких религиозных принципах как таковых и носит отвлеченный характер. По-иному обстоят дела в государстве, которое не может отречься от принципов христианской этики, чтобы не потерять самое себя.

Если речь идет о России и ее будущем, то ни о каком секулярном государстве не может быть и речи. Построение и тем более добровольное согласие граждан на такое государство означало бы смерть, окончательный распад того, что всегда было Россией. Секулярное общество у нас может либо поддерживаться жесткой диктатурой тоталитарного образца – не очень долгий период, в который тем

не менее государство вынуждено обращаться за этическим идеалом все к тому же христианскому источнику, делая это тайком или вообще неосознанно, либо симулировать верхами, пытающимся обратить вовне этот косметически «подкрашенный» фасад социума, как того требуют правила политической игры современности. А внутри происходят совершенно взаимоисключающие процессы, которые буквально разрывают на части омертвевшую ткань постсоветского общества. Не случайно все чаще и чаще государство в поисках «новой идеологической партийной линии» прибегает к услугам Церкви, впрочем, стремясь поставить себе на службу внешнюю, религиозную атрибутику, лишенную внутреннего содержания, как суррогат нового идеологического фундамента для разваливающегося социума. Но даже такие усилия знаковы.

Россия при любой власти, вольно или невольно, обращается к ценностям Православия, в которых, собственно, и содержится «ДНК» нашего национального бытия.

Протоиерей Михаил (Аскул) (цитата взята из журнала «Царский опричник» № 1 за 2006 год), в частности, совершенно справедливо указывает: «В IV веке свят. Григорий Богослов (развивая мысли Аристотеля по этому поводу. – *Авт.*) отмечал, что существует три основных формы правления: монархия, правление одного, содержащая в себе веру в одного Бога или, по крайней мере, в высшего Бога; полиархия или аристократия, правление меньшинства или лучших, связанное с политеизмом; и, наконец, власть большинства, которое свят. Григорий Богослов называет анархией (демократией), идущей рука об руку с атеизмом. Святая утверждает при этом, что православные почитают монархию, поскольку она подражает единству Бога, в то время как полиархия предпочитает рассеивание Его могущества, разделение его сущности между несколькими богами. И, наконец, анархия, правление народа, богословски заключает в себе распыление Божией сущности, иными словами, власть оказывается настолько раздробленной, что при ней становится уже почти невозможным постичь само существо Бога (Theol. Ora. III, 2).

Постараемся правильно понять эти слова свят. Григория Богослова. Святитель не утверждает, что народы всегда делают сознательный философский выбор, но из его слов скорее следует, что между богословием и политикой всегда имеется прямая связь. Эта последняя особенно очевидно проявилась в том, что можно условно назвать «политической христологией и богословием» христианского Рима, где монархия и империя подражали Боговоплощению. Подобно тому, как Иисус Христос есть одновременно Бог и человек, так и православное общество имеет два измерения: земное и небесное, соединенные между собой, как две природы Христа. При этом Василевс или Царь, империя, Император представляли собой как бы человеческую природу Христа, тогда как священство по аналогии знаменовало собой Его божество. Трудясь вместе, они способствовали совершенствованию христианского общества, наподобие того, как Совершенный Богочеловек Христос совершает дело спасения мира. Иначе говоря, Император заботился прежде всего о теле, священник же – о душе. Само собой разумеется, что подданные Императора и сам он были членами Церкви, потому что в действительности и сама Империя была Церковью». Причем такое понимание священной природы Верховной власти идет еще от античности, со времен классической греко-римской культурной традиции, сосредоточенной всецело на идее гармонического сочетания духовных и физических основ бытия, описываемого идеалом «эвритмии», т. е. понимания нормативного социального порядка как отражения порядка божественного. В христианстве «эвритмия» мыслилась как необходимое условие для «синергии», т. е. такой творческой человеческой деятельности, которая имеет своим истоком и нравственным императивом веру в Бога и в нем же находит источник энергии, подаваемой по благодати Свыше. Только таким образом, справедливо полагали древние, происходит не просто упорядочивание неструктурированной человеческой массы в коллектив, но и внесение в нее умного начала, благодаря которому эта масса облагораживается, получает способность осмысливать свои цели и задачи, а через это становится в полном смысле дееспособной.

В действительности, и это было подтверждено Четвертым Вселенским собором Церкви в Халкидоне в 451 году, отношения между Империей и Церковью со времен Константина равноапостольного были вполне сравнимы с двумя природами Спасителя: божественной и человеческой. Они соединялись, не теряя своей индивидуальности. Этот незыблемый образец истинно христианской государственности был увековечен в назидание потомкам в 6-й новелле императора Юстиниана Великого, известной как «Новелла о симфонии властей» – императорской власти и власти священства. Императоры управляли Империей, не вмешиваясь в дела Церкви, Церковь же оставляла за собой право моральной оценки деятельности Императора без посягновений на участие в светской власти.

Протоиерей Михаил (Аскул) подытоживает вышесказанное нами: «Православная Церковь всегда жила при монархии... Некоторые утверждают, что поскольку Церковь пребывает в мире, будучи сама „не от мира сего“, то ей безразличны политические структуры, и она не должна иметь никакой с ними связи... Для начала подчеркнем, что для Православия важно жить при правительстве, которое не

враждебно ему и, более того, – которое благоприятствует его физическому и духовному росту. Мир принадлежит Православию, как принадлежит он Богу, поэтому Православие должно соединиться с миром, чтобы освятить его и освободить его от власти Дьявола. Ведь если Господь заповедал обратиться „все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Мф. 28,19), то мы должны допустить, что и правительства всех этих наций призваны также стать христианскими. Поэтому слова „не от мира сего“ не следует слишком упрощенно применять ни к Церкви, пребывающей среди мира, ни к народам, обращенным в христианство. Мне трудно вообразить православную демократию, особенно современную демократию – с ее плюрализмом, индивидуализмом и секулярностью. Ни одна из демократий не способна на обращение к Богу: „да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...“

Бог – Господь и неба, и земли. И если небо и земля принадлежат Богу, то землею должен управлять помазанник Божий, а православному народу нужен православный правитель. Поэтому мы можем утверждать, что ни один православный, достойный этого звания, не может не испытывать неудобства в обществе, которое не творит волю Божию».

А не творящие Его Святую волю неминуемо начинают служить злой воле обезьяны Бога – дьяволу.

Напомним слова и одного иерарха пореволюционной смуты в России. Сказано было совершенно справедливо, что священник-немонархист не имеет морального права служить у престола Всевышнего в храме.

Две тысячи лет Церковь не знала иного вида правления, который отвечал бы ее священным задачам путеводительства людей к Царствию Небесному. Не знала не потому, что не обладала информацией об иных видах правления, как то: аристократия или демократия, но потому, что отдавала себе отчет в невозможности исполнять свое служение в полной мере при этих режимах власти. Совершенно очевидно, что перед русской общественностью встала задача возрождения монархической идеологии в понятийный аппарат политической мысли и воскрешение Русского Трона как такового в новых исторических реалиях. Выбор у нас невелик: или мы продолжаем жить в театре современного политического абсурда, в условиях беспринципной антисоциальной лже-демократии, или возрождаем, революционно и бескомпромиссно, истинную государственность в России – народную монархию.

Третий Рим или Новый Израиль

Как антагонистические тезисы эти два судьбоносных для России понятия были осмыслены покойным талантливейшим православным публицистом П. Паламарчуком. В своей одноименной работе он противопоставлял, как ему казалось, языческий имперский идеал Третьего Рима и идеал христианский – народа – носителя истинной веры, Нового Израиля. Ему совершенно справедливо оппонировали многие, в том числе и наш замечательный современник Михаил Назаров, который справедливо указал, что русский средневековый человек понимал и под Третьим Римом, и под Новым Израилем две неразрывно связанные вещи. Новый Израиль, т. е. истинный православный народ Божий, в рамках истории может существовать только государственно, и не просто государственно, но в форме имперской нации, в силу того, что ценности христианства и ценности носителей христианской веры – универсальны и не могут быть уложены в прокрустово ложе какой бы то ни было «уютной» сугубо этнической государственности или безгосударственной, вечно кочующей этнической единицы.

Вроде бы противопоставление, заявленное Паламарчуком, снято. Однако антитезу эту предлагает нам сама Новейшая история, несколько смещая понятийные акценты.

Современный православный публицист, один из авторов журнала «Царский опричник», пишет буквально следующее: «Итак, Третий Рим уже был (Россия до 1917 года) и пал, четвертому, как известно, не бывать. Русскому же народу предстоит стать вторым Израилем (разница между Израилем и Римом в том, что Израиль – Богоизбранный народ и вместе с тем – государственное образование Богоизбранного народа, Рим же – империя). Если станем новым Израилем, наша миссия будет выполнена».

Итак, снова противопоставление, причем серьезное. Автор призывает отказаться от имперской миссии России и встать на путь создания национал-теократического государства Святой Руси, которое, по словам нашего известного публициста и мыслителя А. Дугина, могут и обязаны создать новые фанатики православной веры, в чьих руках единственная возможность спасти Россию.

Вопрос о фанатиках предельно ясен. Здесь не о чем говорить и спорить. Любой здравомыслящий русский человек, а таковой по определению не может не быть православным верующим, в чем мы фанатично уверены, должен подписаться под следующими словами Владимира Петрова, которые

звучат как декларация наших прав и обязанностей на текущий момент: «Пассионарность народа ныне в глобальном масштабе определяется его религиозностью. Именно в этом сейчас в первую очередь отстают русские, а не в рождаемости, или продолжительности, или уровне жизни. На самом деле выбор у нас, русских, невелик: если мы не станем народом православных фанатиков, русский народ исчезнет. Чем отличаются православные фанатики от всей остальной „оппозиции“? Их нельзя запугать и подкупить».

Автор данной «декларации» вспоминает и одно весьма примечательное предсказание, сделанное в пореволюционное время. На вопрос, для чего даны испытания России и русскому народу, прославленный во святых Божиих протоиерей о. Алексей Мечев ответил, что в «тонком сне» Господь ему открыл: «...чтобы сделать в России один народ с одним сердцем и одной душой, и очистив его огнем, Я сделаю его Моим народом, вторым Израилем. Я возвеличу Православие в земле русской, и оттуда оно возсияет на весь свет».

Суть вопроса состоит в том, что нам предлагается выбирать, цепляться ли за «призрак» «Третьей Римской империи», тратя на это последние национальные силы, или становиться действительно сугубо национальным государством – Русью Святой. Но национальным не в сугубо биологическом смысле, но в смысле духовном, что не отменяет и биологических дефиниций, конечно, в смысле теократического сообщества истинно верующих, православных граждан, в смысле государственно организованного народа-Церкви.

Безусловно, уместно прозвучат здесь возражения в том духе, что как же нам быть с идеей Третьего Рима, с идеей универсальной христианской империи? Что земное бытование предопределено до конца времен фактом рождения во время переписи населения Империи времен Императора Августа младенца Христа, который «вписался в римскую власть», то есть стал ее гражданином, предопределив ее онтологическое, неуничтожимое бытие в рамках Истории. Совершенно очевидно, что два понятия – Третий Рим и Новый Израиль – сейчас должны быть согласованы и приведены к одному знаменателю, который мы не собираемся логически обосновывать, но обязаны просто постигнуть как заданную свыше парадигму нашего национального бытия.

Может быть, противопоставление того, что является целым, родилось в сознании наших сограждан под впечатлением потери бывших территорий Российской империи; под впечатлением трагического распада русского народа на части; под впечатлением растущего национализма окраин и животного национализма малых народов, чье историческое существование вообще обусловлено энергетическим полем действительно исторически значимого народа русского.

Наверное, это так. Тогда тем более уместно обратиться к совершенно не известной нам истории Византии, события исторической жизни которой во многом играют промыслительное значение для нашего отечества, ставшего законным правопреемником Второго Рима.

Историк и исследователь Византийской империи Ф.И. Успенский, описывая небывалую утрату империей территорий и народностей в результате натиска арабов в VII веке, указывал: «Как в нынешней Турции освобождение находившихся под властью ее чуждых народов способствовало сеплению и национальному возрождению турок, так и в прежней Византии потеря областей с инородческим населением сопровождалась усилением эллинского национального самосознания, выразившегося в выработке идеи ортодоксальности. Хотя византийское православие с отпадением... областей утратило в своем объеме, но взамен того оно выиграло в цельности и крепости. Реакционные элементы на перифериях группируются в усилившихся религиозных сектах; православное же византийское царство, опираясь на эллинское национальное начало, приобретает тот характер исключительности и филетизма, с которым Византия вступает в Средние века и который отличает византизм как исторический принцип».

Важнейшая, принципиальнейшая мысль кроется в этом пассаже для нашей современности. Нам буквально явлен ключ к постижению смысла последних событий в жизни нашего народа. Нам дан шанс свыше!

Действительно, Византия была лишена арабами областей с семитским (или симитским) населением, к тому же областей, не принявших решений Четвертого Халкедонского Вселенского собора и отпавших от православия в монофизитство. Но перестала ли Византия от того быть империей, быть Вторым Римом? Нисколько! Более того, эллинский национальный византизм и единоверие православных граждан вкупе с отсечением от имперской нации «зараженных» окраин позволили Империи, бывшей в VII веке на краю пропасти, прожить новую историческую жизнь длиной в восемьсот лет!

Очень важно здесь отметить, чем же был в действительности истинный византизм, воспетый нашим национальным гением Леонтьевым и встреченный с непониманием национально настроенными мыслителями, например Астафьевым, полемизировавшим, и, в общем-то, по существу, с Леонтьевым, не принимая его грекофильства с отчуждением от славянской стихии.

В действительности позиции наших мыслителей вполне примиримы. Византизм, в отличие от PAX ROMANO, отказавшись от этнически размытой имперской супернции, сделал ставку на этнически монолитный эллинский элемент и этим спас Империю. Так и сегодня русский народ получил неожиданный и негаданный подарок судьбы, когда не надо больше тянуть за собой азиатские окраины, когда нет надобности разбавлять кровь своей аристократии кровью кавказских и среднеазиатских родов, когда, наконец, в силу обстоятельств от нас отделена часть русского народа, заболевшего смертельным недугом украинства, усугубленного предательством православной веры. Речь, конечно, не идет о всех малороссиянах. Часть из них, верная заветам своих казачьих предков, никогда не считавших себя ни украинцами, ни окраинцами, ни околоточными, ни приобоченными, но частью единого русского народа, отстаивает свое право на веру отцов и на честь и право называться святым именем русича, русского, – честь и право которые они имеют наравне с жителями Великой России и Белой Руси.

У нас появилась уникальная возможность стать единым народом с единой верой в национальном государстве, возможность реализовать программу русских Царей – Одна вера, один Царь, один народ. Такое государство действительно будет Новым Израилем, Святой Русью, но не перестанет при этом быть и универсальной империей с универсальной миссией нести свет Истины в мир, т. е. останется до конца времен Третьим Римом, который и сейчас прикровенно живет под глыбами рухнувшего Советского Союза и неплодоносным слоем пепла Российской Федерации. Мы останемся империей хотя бы уже в силу того, что многие народы Евразии с незапамятных времен искренне и честно связали свою судьбу с имперским русским народом и отдают себе отчет в том, что их историческое бытие напрямую связано с нами. Наши успехи – их успехи. Наша гибель – их конец.

Секта украинствующих

Теперь мы просто обязаны пояснить, почему, вопреки стенаниям многих современных патриотов из разных политических лагерей о трагедии разрыва с Украиной, мы не видим ничего негативного в том, что огромная часть некогда русской, а ныне зараженной смертельным недугом территории ушла в карантин со смешным даже для неполноценного постсоветского государственного образования названием – Украина (т. е., переведя на современный русский язык, Окраина).

Древние говорили: в имени предзнаменование. Ну что можно ожидать от страны, «гордо» заявившей о своем желании быть до скончания веков Окраиной, закоулком, обочиной?

Смешно читать нелепые опусы современных украинофильствующих дурачков об особой миссии украинского народа, о вести, которую ряженные в шаровары «хохлы» несут миру. Какая там весть, какая миссия! О чем гуторят эти хуторские хлопцы? Ах, оказывается, о свободе. Да полноте, «грамотей» сельских школ. Все это уже было явлено миру в принципах кровавого 1789 года. Были уже и свобода, и равенство, и братство. Ничего нового в этом понятийном поле вы миру не принесете, даже если нашьпигуете старую триаду салом с чесноком.

Но не унимается вечно закомплексованный от сознания этнической неполноценности, которая генетически заложена в самом понятии украинства, малороссийский коллективный чубатый парубок. Нет, видите ли, настоящая свобода явлена была миру в «козаковании».

А по сути заключалась эта свобода в вечном непостоянстве казацкой старейшины своему слову. То они присягали панам, но предавались москалям, то бежали от тех и от этих под крыло турецкого султана. Потом со слезами умиления встречали шведов и с ними же драпали.

И все это вопреки тому, что подавляющее большинство простого народа считало себя русскими и хотело жить с царскими подданными Московии в едином государстве, единым православным народом. Однако верхушка, да и не только казацкая, но еще старая родовая аристократия, заражена была каким-то смертельным вирусом предательства родных святынь. Сначала на западе Руси предали веру отцов, за сохранение которой были пролиты моря крови, и перешли в униатство, а затем предали и само священное имя русских, чтобы по указке вроде бы ненавистных панов стать небывалыми от века украинцами. Кстати, за то, что это ущербное понятие хотели насильно навязать всем простым русским честным людям Малороссии еще в 1918 году, предательской интеллигенщине простые селяне, сохранявшие рыцарскую верность русскому имени и православию, попросту били морду. И в этом мордобитии было значительно больше здравого политического смысла, чем во всех сегодняшних деяниях Верховной Рады. Но в итоге вирус украинства не без помощи большевиков разъел и широкие массы народа. Украинство, зарождавшееся в умах наших вечных врагов – поляков, выпестованное в яслях Австро-венгерского генерального штаба, получило прописку в жизнь от пламенных ленинцев, и не только прописку, но и свою ущербную разбойничью псевдогосударственность. На Западе, в Галиции, украинство от своего рождения было классической тоталитарной сектой с примитивно

лживой, но агрессивно навязчивой слабоумной доктриной. Ни у кого из украинствующих западнцев никогда не было действительно стройной доктрины, говорящей внятно о том, что же такое «широе» украинство, что от него остается за вычетом ненависти к «москалям» и вообще ко всем, кто сохранил верность русскости. Не существовало и какой бы то ни было стройной государственной доктрины, кроме шизофренической и исключительно эмоциональной «незалежности». Украинский язык – это искусственный суржик, питавшийся и продолжающий питаться лексикой из польского словаря, да еще и насыщенный языковыми очистками немецкого, венгерского и английского происхождения. Даже стыдно говорить о том, что этот чудовищный новояз мог родиться путем естественного развития в рамках отдельного «незалежного» этноса.

Современные украинофилы своими филологическими упражнениями, не задумываясь, самым позорным образом фактически устанавливают памятник национального унижения вековой зависимости русских людей Малороссии от поработителей поляков, австрийцев, венгров и новых хозяев жизни – американцев. Естественно, этот позор никоим образом не пятнает славы тех истинных казаков и членов православных братств, а также огромной массы русского народа Малороссии, кто все эти века порабощения не склонил головы и продолжал героическую борьбу за православие и русскость. Увы, их потомки наплевали в их могилы, точно так же, как дети, уловленные в сети тоталитарных религиозных сект, отказываются от своих родителей. Чтобы закончить диагноз болезни огромной части русского народа, вдруг возмнившего себя в горячечном бреде украинцами-«окраинцами», скажем и об украинской неогосударственности.

Парадокс состоит в том, что Украина как государство приговорена, вольно или невольно, воспроизводить государственный архетип советчины. Получив желанную «незалежность» из рук большевиков, эта «незалежность» получила из того же источника и все шаблоны политических институтов. А из-за того, что иных шаблонов у самостийников не было и быть не могло, современная Украина приговорена в своей политической жизни воспроизводить «совок», и не просто «совок», но «совок», отягощенный какой-то прелюбодейной страстью со всей своей «незалежностью» отдаться на политической панели новым хозяевам жизни – американцем. Цена «незалежности» – всего-то лишь плата политической проститутке за оказываемые услуги. Это начали понимать все умные люди на Украине, даже те, кто еще недавно были самыми яркими фигурами украинствующей фронды. Я имею в виду, прежде всего, бывшего лидера УНА-УНСО Дмитрия Корчинского. В силу безусловных умственных способностей и таланта мыслителя, Корчинский неминуемо излечится от осложнения после болезни москвофобией, перенесенной в политической юности. Найдут ли в себе внутренние силы к излечению его нынешние сограждане – это большой вопрос. Для будущего России санитарный кордон с Украиной на данном этапе просто спасителен.

Все вышесказанное, с определенными поправками на специфику, может быть отнесено и к современной Белоруссии, чье нынешнее государственное бытие не просто есть продолжение Советского Союза на отдельно взятой этнической территории, но и вообще будет под вопросом в случае ухода Лукашенко, чьи, видимо, близкие к гениальным государственно-административные и волевые способности позволяют говорить о Белоруссии как о государственном феномене. Этот феномен без Лукашенко просто не найдет себе фундамента, помимо тягостной пролонгации жизни «совка» с постепенным, а возможно и молниеносным, но точно болезненным угасанием.

Не будучи патриотом нынешней Российской Федерации и тем более канувшего в Лету СССР, крайне негативно относясь ко всем современным разновидностям национал-большевизма, я все же имею смелость утверждать, что через лед советского режима, через пепел нынешней Федерации просвечивал и просвечивает не только подлинный лик России, но и ее незабываемый монархический архетип, о чем речь пойдет в следующих главах книги.

А пока отвлечемся на символы, которые есть не что иное, как отблески подлинной реальности, не только отображенной в иконографии символа, но и до определенной степени находящей в них свое ипостасное выражение.

Недаром утверждал французский мыслитель-традиционалист Рене Генон ту истину, что «символика есть наилучший способ научения истинам высшего порядка, религиозным и метафизическим, то есть всему тому, что отталкивает и чем пренебрегает современное сознание». Так не станем же пренебрегать Истиной.

«Символическое» возрождение на фоне демократического некроза государственности

Российская Федерация, как жестко это ни прозвучит, есть безусловный политический шизофреник, что проявляется не только в актах реальной политики, в идеологической каше в голове у властей предрежащих, но глубинно и одновременно вполне зримо – на уровне национально-

государственной символики.

Мы с вами живем в политической ситуации, прямо противоположной той, что существовала при христианских Императорах и Царях.

Святой Император Константин основал христианскую Римскую Империю, в которой царская и светская власть соединены были в священной симфонии политического целого. В этом, в частности, заключается и символика двуглавого византийского орла, ставшего гербом Третьего Рима, после того как под ударами турок пал Рим Второй – Царьград.

Мы с вами живем в так называемом демократическом государстве, гербом которого также является двуглавый орел. Какой политической реальности может сейчас в России соответствовать данный символ? Только одной – возрожденной монархии. Никаким образом герб этот не может нести на своих «крыльях» ценности современной либеральной демократии. Это идиотизм в самом прямом медицинском смысле.

То же касается и нашего трехцветного флага. Напрасно пытаются навязать цветам российского триколора символику, ему абсолютно чуждую и исторически за этой цветовой гаммой не закрепленную, по крайней мере у нас. Никакими «свободами, равенствами и братствами» от этих полос в русское сердце не веет и не веяло. С таким же успехом можно серьезно утверждать, что цвета эти символизируют ценности советской молодежи семидесятых: мир, дружба, жвачка.

Замечательные мысли по поводу нашего трехцветного флага высказал в эмиграции автор «Владимирского вестника» К. Попов. В частности, в № 70 (цитирую по публикации в книге И.П. Якобия «Император Николай Второй и революция», выпущенной под редакцией С. Фомина) Попов совершенно справедливо говорит о том, что в России сложилась прискорбная ситуация с символикой флага. Если в других странах при смене власти, династии или формации всегда менялся и флаг как главный символ власти и государства, то у нас в России бело-сине-красным флагом беззастенчиво воспользовались сначала Временное правительство, затем вожди Белого движения, боровшиеся отнюдь не за восстановление Трона, а затем его использовали самые разные политические силы в эмиграции. Теперь же это символ современной Российской Федерации, позиционирующей себя на международной арене как классическая европейская демократия. Правомерно ли пользоваться сейчас этим флагом этой власти? Конечно, нет.

К. Попов совершенно верно пишет: «Флаг этот не только русского народа, а общеимперский – Российской Империи... и развеялся этот флаг не только на кораблях торгового флота, но и на всех правительственных учреждениях, которые ничем не торговали... Это был символ целого комплекса понятий. Это флаг Российской Самодержавной Монархической Империи». Попов верно обвиняет в лукавстве и вождей Белого движения, взявших как символ этот флаг: «Ведь вопрос этот очень серьезный, гораздо более серьезный, чем принято думать: вот я, например, штабс-капитан Попов, сражаясь в рядах Белой армии под старым Императорским флагом, был уверен, что сражаюсь за восстановление Самодержавной Монархии... И вдруг! Выиграли бы мы войну, и оказалось, что мы на своей спине провезли масонскую контрабанду: демократическую республику... В эмиграции этим флагом имеют право пользоваться лишь те политические организации, которые стремятся воссоздать Российскую Империю с Самодержавным монархическим строем, и никто больше... Трехцветный флаг – это символ той России, которую мы потеряли, образ которой мы бережно храним в своем сердце. Эта Россия строилась на девизе: „За Веру, Царя и Отечество“. Другой России не было. Была только эта. И само имя Отечества – Россия – принадлежит Православному Царству».

Напомним соотечественникам и еще один факт, который мало кто знает. Сейчас у школьников часто спрашивают: а что символизирует собой наш флаг? Никто не в состоянии ответить. Право, не знаю, что говорят ученикам их учителя. Трудность в том, что официальной интерпретации цветовой символики триколора в России до революции не было, и все же она была известна достаточно широким слоям русского общества. Святой Феофан Затворник еще в XIX веке восклицал, что Россия не погибнет, пока не изменит своим принципам бытия: Православию, Самодержавию и Народности, выраженным в ее святом трехцветном знамени. Сказано это было про общеизвестный тогда в народе бело-сине-красный флаг, а не про черно-желто-белый, как полагают некоторые, во времена св. Феофана не имевшего вообще никакого хождения, тем более в российской глубинке. В начале XX века появилась и еще одна трактовка цветовой символики полос: под ней предлагалось понимать официальную титулатуру Государя – всея Великия, Малыя и Белья Руси, известной со времен Царя Алексея Михайловича. При таком понимании символики цвета, соответственно, «прочитывались» снизу вверх. Впрочем, это второе прочтение всей символики флага не противоречило первому и главному.

Бело-сине-красный флаг был и останется символом Русской монархии – и ничем более. Что соответствует этому символу в современной России – вопрос риторический. Наша символика обличает в наших правителях узурпаторов Трона Царей, а в нас с вами, сограждане, – безумцев, не понимающих

всего трагикомичного идиотизма несоответствия идеала государственности, заданного символикой, и действительности политической жизни современной Российской Федерации.

Как писал в своей работе «Макроистория» наш замечательный современник, мыслитель Русского Зарубежья И.Н. Андрушкевич: «История – это борьба культур за свое существование, которая происходит разными путями и способами. По отношению к нашей культуре эта борьба выразилась в уничтожении обманном путем ее внешней символики и в глубокой перестройке ее государственной оболочки с конечной целью уничтожения самой культуры и ее религиозной сердцевины. До сердцевины все же не смогли добраться, но за символикой и государственной оболочкой пострадала сильно и наша культура, как в своих духовных, так и материальных аспектах». Впрочем, как уже отмечалось нами не раз, прототипная, исходная легитимность, имеющая своим воплощением законную монархию, прикровенно существовала в России. Спрятавшись в воды озера Светлояра, она не переставала оказывать и оказывает сейчас свое потаенное влияние на ход событий в России, в том числе и в политической жизни, и идеологии масс.

В первую очередь это влияние особенно отразилось на государственных символах власти.

«Государственная символика сигнализирует не только об общей принадлежности всех живущих в данный момент сограждан к одному и тому же государству, но также и об их соборной солидарности со всеми предыдущими поколениями граждан этого же государства... Государственная символика не должна подвергаться переменам, искажающим ее смысл, чтобы не разрывать связь поколений. Поэтому любые предложения о частичном сохранении традиционной символики, да еще в искаженном виде, нарушают историческую соборность и в конечном итоге являются провокационными», – писал Андрушкевич.

Вообще с нашей национально-государственной символикой происходят весьма таинственные и потому примечательные преобразования.

В данный исторический момент символика государства Российского не отвечает ни одной политической реальности, которую она, символика, ясно и емко отображает. Но чудесность ее современного вида заключается в том, что, пройдя нелегкий императорский период западных влияний на свою иконографию, символика современного герба и флага вновь вернулась к своему изначальному истинному значению и традиционной русской иконографии. В этом факте нельзя не видеть предзнаменования. Ведь все преобразования с символическим рядом, выражающим суть нашей государственности, прошли вопреки воле, знаниям и пониманию сути проблемы подавляющим большинством верхнего эшелона политической власти в России. Это спонтанное возвращение к корням на уровне символики сулит такое же спонтанное, но и необходимое возвращение к национальным корням и всего нашего народа.

Рассмотрим наш триколор и его связь как с государственным гербом России, так и с древней русской и Византийской традицией.

Национально настроенная общественность, с тех пор как позорно отдала этот исключительно монархический символ в руки демократов, на чем свет стоит ругает бело-сине-красный флаг, даже не пытаясь узнать о нем правду.

Бытует совершенно ложное представление, что флаг этот то ли Царь Алексей Михайлович, то ли его сын Петр Великий заимствовали у голландцев. Другие уверяют, что первый флаг при Царе Алексее Михайловиче был не полосатым, а крестовым, т. е. синий прямой крест делил полотнище на четыре части, из которых первая и четвертая части были белого цвета, а вторая и третья – красного. Еще одна группа людей, вообще не вдаваясь в подробности происхождения и бытования этого символа, обзывает этот флаг «торговым», подразумевая его «порочную» связь с неблагородным делом – торгашеством. Ряд исследователей не любят его за «демократические» цвета времен Французской революции и считают, что России подобает на цветовом уровне подчеркнуть свою связь с Византией, которой, ни на чем серьезном не основываясь, приписывают исключительно черно-желто-белые цвета.

Именно эта расцветка появилась в середине XIX века в период либеральных реформ в России в качестве альтернативы народному бело-сине-красному флагу. Еврей немецкого происхождения, чья семья перешла в протестанство, по прибытии в Россию стал позиционировать себя как известный европейский геральдист. Фамилия этого человека была Кене. Именно с его подачи у нас появился флаг, повторяющий цвета тевтонского ордена и символически восходящий к цветовой раскладке государственного герба императорского периода. Действительно, в императорский период наш герб изменил цвета. Стали изображать черного двуглавого орла на золотом поле, полностью позаимствовав эти цвета у Австро-Венгрии, а вернее – у Священной Римской Империи германской нации. В то время бытовала версия, что именно в таком виде и в таком цветовом решении герб существовал в Византии. Это совершенно неверно. Византия не знала таких цветов, зато они с X века действительно символизировали Священную Римскую Империю германской нации. И если сначала у этой Империи орел был одноглавым, то с XV века гербом становится двуглавый орел. Безусловно, самого двуглавого

орла европейцы заимствовали из Византии. Уже в XIII веке он стал широко применяться в западноевропейской геральдике и тогда же стал гербом Бремена именно как черный двуглавый орел в золотом поле. Балканские страны заимствовали этот символ у Византии еще раньше западноевропейцев. Справедливо мнение, что изначально двуглавый орел не играл в Византии роль общегосударственного имперского символа. Вероятнее всего, сам этот символ имеет корни в церковной символике Византии. Не случайно двуглавый орел появляется в декорах церквей в Болгарии, Сербии и на Руси уже в XIX веке. В Македонии с византийских времен принято на архиерейском коврике в храме изображать не орлеца, как у нас, а именно двуглавого орла, и исключительно желтого (золотого) цвета на красном поле, как и на гербе у царственного византийского рода Палеологов. Именно красный фон для орла определял византийскую традицию. Это видно и из древних гербов Сербии и Черногории, где, соответственно, белый и золотой двуглавые орлы располагались на красном фоне. Именно желания наложить свою руку на не принадлежавшее им никогда византийское наследие побудило Албанию изобразить черного двуглавого орла на красном поле. Еще раз повторимся, что гербом Палеологов – последней императорской династии Византии – был именно золотой орел на красном поле. Такое цветовое решение можно видеть на многочисленных фресках и иконах XIV века, где изображаются византийские императоры. Золотой орел на них всегда украшает или красные императорские сапоги, или красную подушечку под ногами императора, или изображается на красном плаще Царя. Известны иконы святых Константина и Елены XIV века и более поздние. На красном плаще Императора Константина – золотой орел, такой же орел, только на зеленом плаще, – у его матери св. Елены. Позднее золотой двуглавый орел на зеленом плаще стал изображаться на иконах св. Екатерины. Заметим, что орел всегда золотого цвета. Именно такое цветовое решение этого древнего символа и было занесено на Русь. Фреска XIV столетия в храме Спаса на Ковалеве в Новгороде, изображавшая святых князей Бориса и Глеба, дает нам об этом полное представление. На красном плаще Бориса изображен золотой двуглавый орел, и точно такой же – на зеленом плаще у его брата. В XVIII веке была частично утрачена фреска Киевского Софийского собора, изображавшая князя Ярослава Мудрого с семьей, но по рисунку, датированному веком раньше, ученые реконструировали облик и, главное, одеяние Ярослава Владимировича. На красном плаще, в области плеча, у князя видна птица желтого цвета, причем за счет изгиба плаща у нее видна только одна голова. Ученые считают, что это одноглавый орел. Точно такая же фигура «одноглавой» птицы известна на утраченной фреске, изображающей ктитора строительства – князя Ярослава Владимировича в храме Спаса на Нередице в Новгороде. И если фреска с Ярославом Мудрым датируется XI веком, то новгородская – концом XII. И все же, исходя из византийских прототипов и известной фрески святых Бориса и Глеба из Ковалевского храма, мы можем подозревать, что перед нами – подражание византийским императорским одеяниям, а значит, и орел должен быть двуглавым. Очень похоже, что лишь в угоду художественной достоверности, изображая естественные складки плаща, художник вынужден был изобразить на этих фресках только одну голову двуглавному геральдическому символу.

Очень важно и цветовое решение этой гербовой фигуры на плащах князей, а именно: это всегда красный фон и золотая (желтая) фигура птицы!

До времен Царя Алексея Михайловича, когда золотого двуглавого орла стали изображать на знаменах на белом фоне, орел всегда изображался на красном, за редким исключением. Известно седло Государя Иоанна Васильевича Грозного, хранящееся ныне в Оружейной палате Кремля. На красном бархате этого седла золотыми и серебряными нитями вышит двуглавый орел.

При Царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче Романовых предметы царского обихода, такие, как парадный саадак, и ряд других, всегда были выполнены с использованием дорогой красной материи и расшиты золотыми двуглавыми орлами. Известна и завеса XVII века к трону Царей (также хранящаяся в Оружейной палате), на которой золотой орел вышит на белом бархатном квадрате и обрамлен красным бархатом, на котором уже, в свою очередь, изображены гербы земель.

При первых Романовых у нас прекрасно знали, что именно такая цветовая гамма гербовой фигуры и щита отображает древнюю византийскую традицию. Доказательством тому является замечательная икона – «Чудо в Хонях с деяниями св. Архангела Михаила», написанная московскими мастерами в начале XVII века, находящаяся в Успенском соборе Московского Кремля. Не лишним будет напомнить, что это – главный храм Русского государства, и иконы в нем должны рассматриваться как целостный ансамбль, выражавший через православную символику идею воплощенного в русской государственности Православного Царства как земной иконы Царствия Небесного.

Так вот, в восемнадцатом клейме этой иконы изображен Архангел Михаил с миндалевидным щитом красного цвета с желтой каймой. В середину щита помещен желтый же двуглавый орел с опущенными вниз крыльями. Рядом с Архангелом – коленопреклоненный византийский Император,

также с красным щитом, на котором изображена желтая голова, увенчанная рогами. В иных клеймах данной иконы мы можем видеть и красные императорские стяги, и условное графическое изображение двуглавого орла на щитах воинов.

Все эти факты говорят об особом символическом значении красного и золотого цветов не только для Византии, но и для Русского Царства. Уместно вспомнить, что ополчение Великого Устюга в 1612 году шло на освобождение Москвы от поляков под зеленым знаменем с золотым двуглавым орлом, прямо повторяя цветовую раскладку этого символа с плаща царицы Елены древних византийских икон и с плаща св. Глеба на фреске храма Спаса на Ковалево в Новгороде.

Видимо, ополченцы считали себя не вправе использовать исключительно царскую прерогативу – золото-красные цвета, каковой они в действительности и были, что так наглядно показывают нам цвета шнуров царских печатей на древних актах.

Красный цвет вообще играет в русской символике особое место. Надо начинать с того, что в самом нашем этнониме – «русские» – уже содержится древняя индоевропейская лексема, означавшая красный цвет. Византийцы, называя наших предков русами, одновременно подразумевали, что они действительно красные, видимо, румяные. Одна из малочисленных партий ипподрома Константинополя называлась русиями, т. е. красными, противостоя более многочисленным и главным политическим партиям болельщиков – голубым (которые, кстати, назывались венетами!) и зеленым. Все известные нам знамена древних русичей исключительно красного цвета. Святое для нас знамя ополчения князя Пожарского и гражданина Минина было также темно-красного (малинового) цвета.

Во время геральдических баталий, разгоревшихся в России в конце ее императорского периода, в самом начале XX столетия, сторонники черно-желтых цветов герба заявляли, что цвета флага должны совпадать с цветом герба. Таковы были формальные требования новой европейской геральдической науки. При этом белую полосу они считали символическим изображением Георгия Победоносца с герба, изображаемого в груди двуглавого орла. Митрополит Московский Филарет (Дроздов), вообще неодобрительно относившийся к черно-желто-белому флагу, в частности, протестовал против такого «прочтения» белой полосы, совершенно справедливо указывая, что в Православии вообще не принято изображать святых символически, тем более только полосой и тем еще более, что сам цвет полосы может соотноситься только с цветом коня святого всадника. Сторонники немецких правил построения геральдических символов, забывая, что сами эти правила устоялись лишь в XIX столетии, когда уже давно сложились все древние гербы Европы, считали – и считали неверно, – что желтый цвет щита для черного орла – это наше византийское наследство.

Но более всего удивляет какое-то странное пренебрежение не только родными геральдическими символами, но и святынями государственности Российской со стороны всех спорщиков того, да и нынешнего периодов.

С давних пор в Оружейной палате хранится Государственный щит России, который предание связывает с именем древнего русского князя Мстислава – то ли сына Мономахова, то ли Мстислава Удалого. Круглый щит этот, обильно разукрашенный бляшками, красного цвета. Вот главный аргумент и главный символически и церемониально обусловленный фундамент того, что щитом для фигуры двуглавого орла в России должен быть не просто геральдический щит, а совершенно конкретный церемониальный красный щит Оружейной палаты. Вспомним, что церемониальные одежды царских сокольничих времен Алексея Михайловича также носили древнюю цветовую символику Царства – золотые двуглавые орлы на красных кафтанах.

Единственным возражением против бесспорного принятия того факта, что в палеологовский период именно золотой двуглавый орел был гербом династии и опосредованно – самой Византийской Империи, является факт использования в качестве церковного символа в современной греческой православной церкви желтого флага с черным двуглавым орлом.

Однако иконография самого орла на таких флагах выдает их позднее происхождение. Скорее всего, тут мы имеем дело с обратным заимствованием, когда греки, потеряв и государственность, и государственные символы, вернули их себе через посредство символики Западной Европы и Российской империи.

С XVIII века заблуждение насчет того, что именно черный орел в золотом поле был символом Римской империи, стало устойчивым. Не случайно Петр Великий, меняя традиционные золото-красные цвета герба на черно-золотые, заявлял претензии Третьего Рима на все римское наследство, отнюдь не имея в виду простое заимствование цветов у Австрийского императорского дома Габсбургов. Этим же геральдическим мифом руководствовалась и греческая церковь, заявляя о своем первенстве в вопросах веры и преемственности к той же римской императорской традиции. Истинные знания о настоящих символах и их цветовом решении древней Византии были забыты.

В том, что настоящие гербовые цвета Византии были золото-красными, мы можем убедиться, рассмотрев, кроме вышеуказанных фресок и икон, ряд других источников.

В кафедральном храме в честь Апостола Андрея в городе Патры, в Греции, рядом с ковчегом с его святой главой стоит хоругвь, повторяющая, как это водится, более древние образцы, вероятнее всего еще византийского времени. На темно-красном бархате изображен золотом косой «Андреевский крест». Верхнюю часть хоругви украшает золотой двуглавый орел с единой короной. Сама хоругвь и цветом, и строением очень напоминает Орифламму – святое знамя французских королей, хранящуюся в соборе Сен-Дени в Париже.

Собственно византийские знамена, каковыми они были в действительности, а не в воображении романтиков XIX века и политиков века XX, изображены на некоторых общедоступных документах. Например, на цветной средневековой карте Габриэля Вальсека многие земли помечены геральдическими символами той эпохи. Так вот, земли Византийской империи помечены красными флагами с золотым двуглавым орлом!

В западноевропейской геральдической традиции известен еще один флаг, который считался военным знаменем Византийской империи. Знания об этом флаге в Европу принесли крестоносцы, и с тех пор он публиковался во многих европейских геральдических атласах. Флаг этот представлял из себя полотнище, разделенное на четыре части. В первой и четвертой четвертях на белом поле изображен прямой красный крест св. Георгия – символ, усвоенный позднее английской геральдической традицией. Вторая и третья части военного флага были украшены прямым золотым крестом в красном поле. В четвертях, образованных крестом, изображалась схематично греческая буква «В», что значило – Базилевс. Этот символ был заимствован сербской геральдикой, а буква «В» переосмыслена как «С» славянского алфавита. Таким образом, мы видим, что красно-золотые цвета были исконной византийской цветовой гаммой, усвоенной императорской властью и ее символизировавшей. Наряду с этим для царских парадных одеяний использовался пурпурный цвет – смесь синего и темно-красного, однако обувь Царя неизменно была красного цвета, что было его особой привилегией. Комната Дворца Императоров в Константинополе, где появлялись на свет наследники престола, была также убрана красными тканями. Родившийся в такой комнате отпрыск царского рода назывался «порфирогенет» («краснорожденный»). Это значило, что ребенок рожден в законном браке, его отец – царствующий Император, а он – законный наследник престола. Красно-золотые цвета обозначали высшую монархическую власть во всей Европе. У Карла Великого были, как он сам считал, «римские знамена» – полотнища красного цвета с золотыми одноглавыми орлами. Императоры Священной Римской Империи также изображали своего, уже черного, одноглавого орла не только на желтых и белых, но и на красных знаменах. Красный цвет знамен и золотые геральдические символы и эмблемы были известны и языческой Руси. Прежде всего, мы имеем в виду традицию красных щитов и знамен русичей, а также эмблему Рюриковичей – двузубец, который стал при Владимире Святом трезубцем. В дальнейшем общерусской традицией стало изображать на красных знаменах золотой восьмиконечный крест, что мы видим на многочисленных древних иконах.

Итак, современный герб Российской Федерации по своему цветовому решению совершенно удивительным образом вернулся к древней византийской традиции и к традиции русских князей и царей до времен Петра Великого включительно. Этот символ никогда не уходил из геральдического обихода и в имперский период. В таком цветовом решении выполнялись троны Русских Монархов, орден св. Александра Невского также несет золото-красную символику древнего государственного герба. Тронные залы дворцов также часто украшались изображениями именно золотых орлов на красном поле.

Почему этот великий символ преемственности Москвы от Второго Рима – Царьграда вернулся к нам в столь далекое от традиций русской государственности время?

Все ли дело только в личных симпатиях к такому цветовому решению, а равно и в глубоких познаниях главного современного знатока геральдики России Г.В. Вилинбахова и Е.И. Ухналева – художника, выполнившего герб современной Российской Федерации по его предложению? Наверное, нет. Есть в этом символе предзнаменование перемен. Перемен таких, которые способны привести этот державный символ в соответствие с политическими реалиями России. Время покажет. Напомним и еще одну немаловажную деталь. Дело в том, что всадник, изображавшийся со времен Иоанна Грозного в груди двуглавого орла и бывший до этого главным символом Московских Царей, не был св. Георгием Победоносцем. Официально всадник этот назывался «ездец», а позднее – «Царь на коне». Именно Царь на коне был и остается символом Москвы.

Лишь Петр Великий приказал считать геральдического всадника с герба св. Георгием Победоносцем, однако же он никогда не изображался с нимбом, как это принято при иконописном изображении святых!

А что же наш бело-сине-красный флаг, о котором мы начали говорить вначале, когда эта тема отвлекла нас, по причине глубокой символической взаимосвязи герба и флага России, на проблему цветовой символики именно герба?

Во-первых, нам надо рассеять недоразумения, существующие вокруг этого флага в широких массах российской общественности. Этот державный символ впервые появился на первом корабле, построенном для больших плаваний при Царе Алексее Михайловиче. Корабль назывался «Орел» и был заложен в 1667 году. По запросу голландского строителя судна капитана Бутлера, каков делать флаг на судне, ему было велено делать флаг с применением материи красного, белого и василькового цветов. Многие полагают, что капитан Бутлер по своему почину составил для русского корабля свой голландский флаг, только поменяв полосы местами. Флаг корабля «Орел» действительно был полосатым, а не крестовым, чему есть документальное подтверждение. На гравюре «Астрахань» из книги Я. Стрейса, датированной 1676 годом, есть изображение и этого корабля, и его кормового флага. Флаг состоит из трех полос, причем белая полоса находится в середине. Гравюра исполнена всего девять лет спустя после постройки «Орла». Видимо, самой гравюре предшествовал более ранний рисунок. Сложно представить, что гравер ошибся, но даже если гравюра не точно отражает расположение полос на нашем триколоре, то, по сути, это ничего не меняет. Во-первых, флаг действительно изначально был полосатым. Во-вторых, подбор цветов на русском флаге для корабля «Орел» не имел аналогий в международной геральдике того времени.

Вероятно, именно Петр Великий поменял полосы во флаге своего отца местами. Вопрос, для чего? Может быть, для того, чтобы он действительно совсем не походил на голландский, особенно издали.

Вот что для нас имеет принципиальное значение, так это то, что в те времена верхняя полоса голландского флага была не красной, а оранжевой. Это был родовой цвет штатгальтеров Оранских, правителей Нидерландов, до сих пор сохраненный голландцами в качестве цвета их национальных сборных в различных видах спорта. Иногда в то время центральная белая полоса голландских флагов была шире верхней оранжевой и нижней синей. Капитан Бутлер, выполняя приказ из Москвы по составлению флага, не мог самовольничать и примитивно шить на русский корабль голландский флаг. Для этого ему, по крайней мере, не хватало материи оранжевого цвета. Но и не это главное. Если верить гравюре, рисунок флага для корабля отчасти повторил рисунок голландского флага, только вместо оранжевой полосы сверху у русского корабля, вероятно, была красная. Если бы это было не так, то получилось бы, что Бутлер без затей сшил голландский флаг вопреки своей же записке на имя Царя Алексея Михайловича, где утверждал, что каждая держава должна иметь на кораблях свой особый, всеми узнаваемый флаг. Такое самовольство в то время было немыслимо, да и русские не были полными профанами в вопросах государственной символики. За такие вещи капитана Бутлера могли и казнить, усмотрев в его геральдических опытах попытку увести первое русское судно под голландским флагом к себе домой из-под носа государевых людей. Флаг был пошит красно-бело-синим, и при Петре, вероятно, были переставлены местами полосы. Сама старинная европейская гравюра с белой полосой посередине на изображенном флаге корабля «Орел» говорит о том, что наш триколор не был заимствован из Голландии, не нес «фирменного» голландского оранжевого цвета и изначально был красным, белым и лазоревым. В XVII веке такого сочетания цветов еще не носил ни один европейский флаг, включая и голландский.

Сама «полосатость» флага тоже не есть нечто сугубо западноевропейское, а, скорее наоборот, нечто, изначально не свойственное Европе католической и протестантской. Там распространение получили флаги с символическими и геральдическими фигурами и крестовые флаги, прототипом которых был, по-видимому, византийский же флаг св. Георгия и датский флаг «Данеброг» XIII века.

Наоборот, в Польше, судя по сохранившимся гравюрам, полосатые флаги известны, по крайней мере, с XVI века. Русские миниатюры позволяют нам сделать вывод, что полосатые флаги с нашитым на них крестом известны у нас с самого начала XVII века. Никакого прямого западноевропейского влияния в создании полосатого триколора при Алексее Михайловиче усмотреть невозможно. Флаг этот был вполне самобытен, и даже более того.

Совершенно ошибочно думать, что флаг этот из военно-морского вскоре превратился в исключительно торговый, как об этом часто пишут даже специалисты. Это неверно. Петр Великий использовал эти цвета на военных знаменах. До времен Анны Иоанновны офицерские шарфы в армии были тоже бело-сине-красные и только по ее указке стали черно-золотыми, что было сознательным подражанием немецким образцам. Что касается символа коммерческого флота, то для него Петр избрал особый гербовый флаг – на белом поле черный двуглавый орел. С 1709 года это был частный флаг торговых судов. Как сам Государь изволили его описать, флаг сей сделан был «по московскому гербу». И несмотря на то, что таковым был и в том числе коммерческий символ, это не помешало Царю именно под таким флагом выиграть Полтавскую баталию. Знатоки геральдики совершенно справедливо утверждают, что коммерческие флаги во времена Петра были одновременно и общегосударственными символами. По-другому и быть не могло. Торговля в России для Петра была тогда делом государственным, а не частной инициативой индивидуума. Сняв с нашего триколора

обвинения в «торгашестве», напомним, что флаг сей освящен кровью бойцов Белого движения, подвига которого для России и ее будущего во всей полноте еще не оценили по достоинству современники.

В отношении этого флага можно привести и еще один интересный, по-своему символический, а в некотором роде – и знаковый факт. В Софийском соборе Киева, о котором мы уже говорили выше, сохранилась уникальная мозаика XI века. Христос Вседержитель на ней изображен в подкупольном пространстве в круглом медальоне, окольцованном десятью разноцветными ободками. Так вот, ближайшие к Спасителю ободки именно: белый, синий и красный.

Мало кто знает, что флаг сей, или, по крайней мере, его цветовое решение как символическое ядро, появился раньше флага корабля «Орел». Нам известно изображение цветного шитого военного русского знамени XVII века. На нем изображен св. князь Владимир с воинами, и – о чудо! – один из этих воинов несет над головой князя, увенчанной нимбом, его знамя: белый равносторонний крест в синем поле с красной каймой. Этот флажок с большого древнего знамени удивительным образом прообразовал эмблему Национальной Организации Витязей – организации русской молодежи, созданной Н.Ф. Федоровым в Зарубежье. Н.Ф. Федоров ничего не знал о древнем знамени, но его значок – почти копия флага князя Владимира, только весь рисунок вписан в ромб, а не в квадрат, как на древнем знамени. Но самое главное вот что. Ряд национально настроенных авторов желают видеть византийское наследие в цветовом решении черно-золото-белого флага Кене. Наследие, которого в этом символе в действительности нет. Сам Кене в брошюре для немецкой публики С.-Петербурга проговорился, что вдохновлялся при составлении рисунка флага цветовой символикой тевтонского ордена. Ничего собственно русского или византийского в этом флаге нет. Не случайно, что даже особая комиссия 1911 года, к чьей работе вообще можно предъявить массу претензий в плане игнорирования русской символической и исторической традиции, принимая черно-золото-белый флаг в качестве государственного, все же рекомендовала перевернуть его белой полосой вверх, чтобы он хотя бы соотносился с русскими военными георгиевскими цветами.

Флаг, утвержденный нашим последним Государем, был четко описан в указе от 11 сентября 1914 года, в котором предписывалось использовать: «...исключительно бело-сине-красный флаг и не допускать подъема... нового флага, содержащего в своем рисунке Императорский штандарт». Напомним, что за полтора месяца до этого указа Царь разрешил в частном быту использовать бело-сине-красные флаги с нашитым на две первые полосы квадратом желтого цвета с черным двуглавым орлом, т. е. с Императорским штандартом на полосах белого и синего цветов в крыже. Очень важно, что знаменитая ныне мироточивая икона Государя Николая Александровича, написанная в Русском Зарубежье, имеет кант из национальных бело-сине-красных цветов. Так вот, настоящие русские и, главное, византийские традиции стоят за бело-сине-красным флагом. Известна раннесредневековая византийская миниатюра, изображающая коронацию Императора Феофила в 829 году. За троним Императора – два сине-красно-синих флага. Флаги эти состоят из трех полос, прикрепленных к квадратному отрезку красной материи, на которой неясно изображен какой-то символ. Синий и красные цвета императорских византийских флагов не случайны. Именно эти цвета в византийской геральдической традиции при смешении давали пурпурный цвет, усвоенный для одеяний Императора.

Таким образом, наш триколор, совершенно очевидно, может рассматриваться не только как символ русских, но и как наследие, выраженное красным и синим цветом, заставляющее вспомнить о Византийской имперской традиции.

В действительности ничто лучше не может символизировать идею Царской власти и идею России как Третьего Рима, чем наш современный и одновременно очень древний Царский гербовый символ – золотой двуглавый орел на красном щите и бело-сине-красный флаг, отображающий священный идеал нашего национального бытия: Православие, Самодержавие, Народность.

Не настало ли время задуматься, каким образом наша политическая и повседневная жизнь могла бы быть приведена в необходимое соответствие с нашей древней священной символикой Царствия?

Мировоззренческая основа возрождения государственного сознания

Современность наша диктует нам крайнюю необходимость выработки совершенно однозначного политического мировоззрения, которое на современном языке сможет донести до россиян важнейшую истину о том, что у нас нет своей государственности в настоящем значении этого слова. А без истинного государства народ русский, как народ сверхгосударственный, не только по дарованиям, но и по исторической своей судьбе, обречен на гибель. Новое государственное мировоззрение должно объяснить гражданам, какая ценность для каждого из них содержится в том сложном, символическом, мифологическом послании из прошлого, которое ныне определяется одним понятием – Традиция.

Именно из Традиции вырастает национальная идеология, которая есть определенная сумма идей и норм, привычек жизни, коренящихся в религиозных представлениях народа и организующих нацию в органическое целое. Национальная идеология отличается от национальной религии тем, что является более широким, секуляризованным понятием религиозной этики, включающим в себя религиозные представления и нормы жизни в качестве своего смыслового ядра и дополняющим их идеями и нормами, имеющими политический, социальный, культурный и хозяйственный характер. Национальная идеология является главным смысловым языком нации. Это не язык слов и словесных конструкций, а язык более сложных, символически выраженных понятий, с утратой которых ее члены оказываются неспособными на взаимопонимание и разумную совместную деятельность.

Народ, утративший свою национальную идеологию, обречен на исчезновение из истории, если он не осознаёт причины своего разрушения и не возродит те идеи и нормы, которые способны заново сплотить его из хаотического атомарного состояния в живой организм нации.

Мы обязаны преодолеть двойственность и антагонизмы современных политических доктрин самого разного толка и представить народу нечто целое, неделимое, которое только и может претендовать на звание истины.

Современная российская власть, имея сводный документ, где заключено ее кредо, в последнее время как-то стыдливо начинает этот документ замалчивать. По крайней мере, давно не слышно, чтобы власть вдохновлялась им, строила концепции развития, опираясь на него. Речь идет о современной Конституции. И такая стыдливость по отношению к «главному закону страны» не случайна. Не только теория, но и практика вопиют против нелепости бытования подобного свода законов в России.

Наша Конституция – это обличительное свидетельство того, что доморощенные либералы не способны учиться у истории, вообще не способны к творческой умственной работе, да и просто не могут делать выводы по причине клинической невменяемости. Кроме всего, наша Конституция сама по себе, вне политической оценки, есть документ, полный самых причудливых нелепостей, что обличает интеллектуальную убогость ее творцов.

В политическом смысле нынешняя Конституция как бы легализует те разрушительные начала, которые погубили историческую Россию и продолжают губить ее коренные народы. Творцы Конституции (серьезно или нет – не известно) полагали, что, копируя западные либеральные ценности, они принесут в Россию долгожданный прогресс. Опыт февральского бедлама 1917 года и последних пятнадцати лет показывает, что надежды эти утопичны. Современная Конституция не просто противоречит вековым основам национального бытия России, она вообще отстала от жизни как таковой, и не только у нас. Она, прежде всего, не отражала и никогда не будет отражать действительных чаяний людей, населявших и населяющих Россию. Наша Конституция совершенно не учитывает и изменений, произошедших в самое последнее время в сознании общества, которое, вопреки всем прогнозам, резко и по-настоящему правее, становится национальным в подлинном, глубинном смысле. Защитники Конституции мнят ее гарантом единства государственного тела, игнорируя тот факт, что такое единство возможно только в форме национального единения народа в едином национально-государственном теле. Конституция же исходит из того, что крушение исторической России необратимо и гарантирует дальнейшее развоплощение государственности и самой русской идентичности. Она не в силах воспринять тот факт, что глубинные силы вновь просыпаются в народе и оборванные корни истории, пока незримо, срastaются в глубине народного духа.

Парадокс – Конституция современного государства служит государственному развоплощению, выхолащиванию самого понятия – государство. Наш народ долгое время был слишком аполитичным, чтобы понять, что без выработки настоящей и насущно потребной национальной идеологии нам не выжить в XXI веке, тем более, если Конституция наша есть памятник заблуждений веков XVIII и XIX.

Без единых для всех ценностей не может существовать ни одна политическая общность. Этих ценностей у нас нет, кроме пустопорожного словоблудия про давно никем не соблюдаемые права личности, которую низвели до роли винтика в современных либеральных конструкциях. Без осмысления и восприятия вековых ценностных установок народ не в состоянии выполнять свою историческую миссию и сходит с дистанции истории. Усилия национал-патриотов за последнее десятилетие пробудить национальное сознание народа наталкивались на глухую стену отчуждения. Народ жил «сегодняшним днем», занимался хозяйственными делами и зарабатывал деньги. Людям казалось, что счастье столь близко и достижимо, что стоит только еще заработать денег, и...

Современное государство это вполне устраивало. Пока большинство населения страны было занято бесконечной гонкой стяжательства, не чувствуя жизненной пустоты, заполняющей пространство вокруг всех и каждого липкой субстанцией безысходности, государство или корпорация бизнесменов по приватизации бывшего СССР, назвавшаяся государством, работала на самих себя.

Постсоветский социум, лишенный государственной скрепы, вдруг оказался скопищем законченных индивидуалистов и эгоистов, которые не в силах сплотиться даже для решения своих жизненных задач по физическому выживанию. И совсем неудивительно, что это были те же самые люди, что с детства привыкли шагать строем, куда укажет партия и государство.

Долго так продолжаться не могло. Вдруг стало ясно, что собственно государства у нас нет. И в этот самый момент именно те, кто позиционирует себя его главными выразителями, стали лихорадочно имитировать его наличие. Тут и патриотическая риторика, и идеологический салат из Петра Великого, комиссаров в кожанках и гениальных полководцев из сталинского гнездовья, и имитация заботы о народе. Государству потребовалось хоть чем-то заполнить образовавшуюся пустоту между ним и подданными. Ему понадобилось, наконец, идеологически обосновать странную привычку своих подданных видеть в нем авторитет. Весь современный патриотизм постсоветского периода обречен. Он лжив и пуст. Он полон противоречий и недомолвок. Он не открывает народу главного: в чем его, народа, историческая ценность перед лицом вечности. Он не говорит, как ценности высшего порядка, которые априори реализуемы только посредством истинно государственной жизни данного народа, реализуются в плане земного бытия.

Истинное, традиционное государство всегда опиралось на Алтарь и Трон. Оно питалось живительными струями энергетических потоков, идущих из этих двух таинственных источников этносоциальной самоорганизации. Монархия брала поистине отеческую ответственность за сохранение формы, т. е. тела и жизни народной, оставляя индивидууму огромное социальное пространство для личной свободы и экономической самостоятельности.

Церковь пестовала и берегла его дух. Две сферы слились воедино: отечески земное дополнялось отечески небесным и возникало то нерасторжимое единство, которое только и может быть названо государством в истинном смысле слова.

Артур Меллер Ван ден Брук, известный немецкий мыслитель тридцатых годов прошлого века, выразил эту мысль в великолепной формуле: «Трон и алтарь гарантировали постоянство земных дел согласно надвременным установкам. И государство было их поверенным».

В государстве как таковом подданные видели сосредоточение определенного этического идеала, имеющего неземное происхождение, но находящего себе символическое отображение именно в государстве традиционного типа.

В чем же причины упадка, в том числе того, что привел к краху историческую Россию? Разве идеал был ложен?

Да нет же. Увы, но идеалу должны соответствовать и люди. Упадок и крах государственности начинается с падения одного человека, с умаления его духовных сил и волевых установок.

Дадим слово Артуру Меллеру ван ден Бруку, автору судьбоносного труда «Третья Империя», в котором он замечательно описал симптомы и протекание той болезни, которая сгубила Россию и может окончательно погубить и наш народ: «...С течением времени исходный смысл выветрился из обоих понятий (из понятий трона и алтаря. – *Авт.*), выветрился он и из патриотизма. Эти понятия... стали привычкой, а потому утратили свое предназначение».

Понятия стали обертками муляжей в сознании масс. Вера в святость традиционных государственных институтов в народе потухла задолго до революционного взрыва страстей в 1917 году.

Потеряв веру в истинность того, что почиталось самым святым, народ утратил всякую способность к пониманию добра и зла и пошел, со звериным гоготанием бесконечных «безбожных» карнавалов, к своему самоуничтожению как субъекта истории.

То, что мы до сих пор живы и осознаем себя русскими, т. е. законными наследниками истории Российской, есть несомненное чудо!

Казалось бы, русская историческая миссия окончена. Вернее, она осталась невыполненной по причине нашей национальной несостоятельности, проявившейся в предательстве исконных начал нашего национального бытия, нашего народного духа. И верно, в Промысле Всевышнего нам отводится еще один шанс вернуться в Историю не навозом для чужих цивилизаций и культур, но национальной личностью с осознанным предназначением и миссией.

Воскрешение монархии – консервативная утопия или революционное возрождение Традиции?

Для того, чтобы прояснить те позиции, на которых стоят современные православные мыслители-монархисты, и в частности для того, чтобы у читателей и просто интересующихся не возникло впечатление, что, когда мы говорим о монархии, речь в основном идет о чем-то невразумительном, не

имеющем практического политического значения для современности, мы вынуждены были рассмотреть один документ, появившийся в Интернете в 2006 году.

Адрес сайта мы не будем называть по той причине, чтобы у читателя не создалось ложного впечатления, что мы переходим на личности. Ничего личного, только документ и оценка тех негативных последствий, которые он может спровоцировать.

Разбор тезисов, предложенных т. н. «правым манифестом», позволит читателю понять, что есть истинного и ложного в самой постановке вопроса о возрождении давно утраченных традиционных государственных институтов, уразуметь, утопией или реальностью самого ближайшего времени может обернуться обсуждаемая тема монархического возрождения. Важно, что после продолжительного бытования в электронной версии документ, который мы будем разбирать, был выпущен и отдельной брошюрой.

Сам пафос документа заслуживает уважения. Люди решили привести, путем декларирования бесспорных политических тезисов, всю современную разномастную «национал-патриотику» к единому знаменателю, договориться о единых принципах, знаковых символах и о единстве ценностных установок. Манифест русских консерваторов примечателен тем, что его авторы мнят себя яркими представителями национал-консервативного политического крыла современного патриотического лагеря. Но так ли это?

В плане эмоций это так. В плане идейного багажа авторов – нет!

Имеют ли ценности и идеалы, заявленные в манифесте, какое-то отношение к историческим ценностям русской нации? Местами это не совсем так, местами – совсем не так. И читатель себе должен четко представлять, что там, где истина и ложь сливаются в единое месиво, не может быть творческого акта возрождения священных начал национального бытия. К большому сожалению, мы имеем дело именно с таким идейным винегретом.

Тщательный разбор манифеста обусловлен тем, что у нас есть возможность, как говорится, от противного сформулировать те ценностные установки, которые действительно отражают традиционный политический идеал русского народа, за который он может и имеет право вступать в политическую борьбу единым фронтом.

Жаль авторов и подписантов документа, которые, без сомнения, будучи искренними патриотами, не нашли в себе силы тщательней проработать тезисы манифеста, чтобы не подставляться под убийственную критику наших оппонентов. Предвосхищая их рвение, возьмем на себя обязанность покритиковать соратников, тем более что эта критика поможет читателю лучше понять те мысли и исповедуемые нами идеалы, которые ему будут предложены в следующих главах книги.

После прочтения манифеста русских консерваторов в том виде, в котором он представлен на интернетовском сайте, создается впечатление, что его авторы не совсем верно представляли себе коренную суть той позиции, адептами которой они себя заявили.

Называя себя консерваторами и, очевидно, желая указать общественности на необходимость серьезной альтернативы либеральной идеологии, авторы манифеста продемонстрировали, что, несмотря на весь государственнический пафос и чрезмерное использование таких терминов, как «священный», «традиция», логика их «императивов», понятий и установок, да и весь терминологический аппарат, не выходит за пределы границ все тех же либеральных фетишей.

Трудно избавиться от впечатления, что авторы «манифеста» хотели понравиться всем и всякому и поэтому не сформулировали последовательной, хотя бы консервативной позиции, а наоборот, предложили некий экзотический салат из либеральных, коммунистических и правоконсервативных лозунгов. Будто бы и не подозревали, что современные, стоящие у руля власти неолiberaлы стремятся преодолеть свой совершенно очевидный мировоззренческий кризис точно такой же мешаниной из рыночных утопий и пафосного патриотизма.

Кушанье подобного рода готовится легко. Ведь и консерватизм, и либерализм, и фашизм, и коммунизм – есть лишь следствия или реакция на тотальный «прогрессизм». Это лишь различные проявления, манифестации наступающего антитрадиционализма.

Различия вышеуказанных проявлений ярки, но поверхностны, а глубинная суть, как и происхождение, едина.

Так что же нам предлагают? Некий акт политической правды или приглашение к участию в коммунальных склоках претендентов на очередную партию власти, занимающую по указке сверху заботливо приготовленную политическую лузу?

Будем исходить из того, что авторы «манифеста» взялись за написание его из лучших побуждений, и путаница в их головах не имеет под собой ничего нечестного, никакой игры.

Поэтому попробуем с позиций тех «граждан» России, которые действительно «объединены традициями», к кому, собственно, и обращен данный документ, тщательно, «по косточкам» разобрать этот «манифест».

Прежде всего, вызывает категорическое возражение непродуманное использование понятия «консерватизм».

Данный термин из английского политического словаря изначально, и всегда в дальнейшем, определял политическую группу лиц, которая видела благо социума в твердом охранительстве тех политических и экономических институтов, которые были в наличии на данный момент и являли собой некие законченные формы, имеющие долгую (или не очень) историю развития.

И здесь мы должны четко осознать, что на разных отрезках европейской истории консерватизм и традиционные ценности не всегда совпадали. Вернее, чем ближе к нашему времени, тем этих совпадений меньше.

Уже буржуазный консерватизм ратовал за сохранение таких порядков, которые далеко не согласовывались с традиционными институтами старой Европы.

Особенности его консерватизма были и в России. Тут они в еще меньшей степени соотносились с русскими традиционными духовными и государственными ценностями и идеалами.

«Охранительство» добуржуазного периода Тихомирова, Леонтьева, Победоносцева и буржуазное, с определенной долей условности, «охранительство» Львова, Керенского и Гучкова есть вещи принципиально разные. Консерватизм Леонида Брежнева и Егора Лигачева вообще прямо противоречил духовным основам российской государственности. Так что же хотят законсервировать сегодняшние консерваторы? Есть ли в нашей современной жизни ценности, которые требуют бережного сохранения через консервирование, или нет – вопрос серьезный.

Фраза авторов «манифеста» о том, что традиции формируют консервативные ценности, по сути не корректна. Уже определенная иерархия ценностей и есть то, что подразумевается под традицией. Консервативные ценности могут опираться на традицию, а могут и противоречить ей в общем и в частностях. Например, исторически известные нам европейские консерваторы XX века никак не могут почитаться охранителями некоей древней духовной традиции матушки-Европы. Наоборот, по отношению к ней они были революционерами.

Политический консерватизм в России вообще не существовал. Была яркая консервативная политическая мысль: те же Леонтьев, Катков, Победоносцев, но политической организационной силы классического консервативного толка в России не было. Не считать же таковыми «октябристов», в самом деле.

Консерватизм – это далеко не открытость при устойчивости перед чужими влияниями, как утверждают авторы «манифеста». Консерватизм – это по возможности максимальная закрытость, в первую очередь от влияний внутреннего, зачастую – вполне объективного характера. Консерватизм – это глухая защита того, кто надеется в защитной стойке переждать напор противника и сломить его в затяжной схватке. Отдадим должное честности Победоносцева, который не пытался выдать консерватизм за такого «тяни-толкая»: вроде как мы за все хорошее, но против всего плохого, – а честно призывал Россию подморозить, предчувствуя, что ветер перемен, пусть он теплый и нежный, с прекрасными ароматами надежды на лучшее, сметет Россию без остатка.

Надежда на то, что все «прошлое» можно оставить как есть и что «прошлое» можно «заново осознать и улучшить» за счет новых идей, новых веяний, что их можно контролировать и распоряжаться ими, выбирая «все хорошее» и отбраковывая все плохое, – надежда напрасная, смертельная иллюзия.

Новое надвигается единым девятым валом, где нельзя сразу и понять, что приемлемо, а что нет. Кроме того, этот вал нового всегда гомогенен и не поддается членению. Он или сметает старое, или разбивается об него. Компромиссы, на которые мне могут указать в истории, всегда носили лишь временный характер и всегда были не в пользу консерваторов. Как только революция набирала достаточную силу, она сметала остатки прошлого, или, в лучшем случае, совершалась подмена, когда над отжившим свой век политическим организмом или институтом оставалась одна вывеска безо всякого реального содержания. Примером могут служить все современные европейские монархии.

Неуместное использование термина «консерватизм» всегда будет загонять нас в логические ловушки.

«Консерватизм – это верность себе», – утверждают авторы «манифеста».

Консерватизм европейский – это, конечно, в определенном смысле верность себе. Но верностью себе является и сатанинская вера первых большевиков-изуверов в свое «правое дело».

Но вот верности историческим идеалам нации и ее духовным ценностям консерватизм, по определению, не обеспечивает, примером чему могут служить консерваторы Европы всего XX века, предпочитающие охранять хлам материального благополучия и не рисковать ничем ради Святых Истин.

Так что национальные интересы народа на данном историческом этапе и консерватизм правящего класса – вещи далеко не всегда тождественные. Консерватизм не всегда национален!

Поэтому любые разговоры о политической платформе консервативного характера для объединения русского патриотического лагеря могут быть политологически корректными, только если делается попытка реанимации недавнего прошлого в обертке национал-большевизма. Думается, авторы «манифеста» как раз этого-то и не желают.

Видимо, осознавая свои натяжки в определении консерватизма как некой панацеи национального спасения, они пытаются спрятаться за софизмы о том, что «консерватизм – это любовь к историческому облику», а «будущее – есть улучшенное прошлое».

Любой здравомыслящий человек сразу спросит авторов «манифеста», какое конкретно прошлое нужно улучшить, чтобы вышло непременно светлое будущее? К какому конкретно историческому облику мы должны испытывать трепетную любовь, кем мы хотим быть завтра: комиссарами в пыльных шлемах, павловскими гвардейцами с косами из пакли, стрельцами царевны Софьи или ушкунниками? Хотелось бы уточнений.

Кстати, у современного либерализма в России тоже появилась тяга к «историческим обликам», т. е. историческому маскараду. Тут вам и приемы в Константиновском дворце под Питером, и гвардейцы кремлевского полка в мундирах XIX века – нате-с вам! – и дворянские собрания в столицах и по уездным городам.

А ведь ни для кого не тайна, что либерализму противостоит не консерватизм, а то, что называют традиционализмом, хотя и это понятие, по необходимости, заимствовано из западноевропейской историософской мысли, и оно, увы, тоже не способно описать всю полноту духовного и исторического опыта России.

Традиционализм тем и отличается как от либерализма, так и от консерватизма, социал-демократии, коммунизма, фашизма, глобализма, фундаментализма и, главное, от атеизма и религиозного индифферентизма, что имеет своим сокровищем и духоносным центром не ценности прошлых эпох и не ценности новые, «общечеловеческие», а ценности **горние**, ценности **вечные**. Он не просто признает «творческую силу своего народа», но и всегда, каким бы светским ни было общество, помогает видеть действие **Силы вышней, Воли священной** в делах повседневности, силы, определяющей как прошлое народа, так и его будущее.

Так что, если мы не хотим лукавить и притворяться, не хотим быть марионетками в чужой большой игре, то необходимо определяться, на какой стороне баррикад мы желаем оказаться в идеологическом противостоянии.

Только через это мы сможем поставить верный диагноз болезни нашего общества, предложить пути выхода и найти или, скорее, сформировать те силы, на которые мы сможем опереться.

Авторы «манифеста» обращаются к «патриотическим силам» с призывом «отложить споры о приоритетах и частностях» и объединяться. Дескать, и так «большинство граждан России объединены традициями».

Но под традициями не стоит понимать походы в баню с друзьями под Новый год. Необходимо всецело опереться на ту систему государственной, политической, хозяйственной, культурной, семейной деятельности человека и человеческих коллективов, органически вырастающую из коренных основ народной жизни, которая не просто прослеживается в продолжительном историческом периоде России, но дает поразительные исторические примеры реализации духовных и нравственных ценностей, нашедших свое оформленное воплощение в религиозной системе данного общества – в Православной вере русского народа. В ней долежно обнаруживать константу поведенческих мотиваций этноса во всех сферах жизнедеятельности. В этом и есть традиционная точка зрения правой политической системы ценностей.

Хочется спросить авторов «манифеста» и подписавшихся под документом лиц, какие именно «традиции» они имеют в виду и с кем именно на их основе можно объединяться?

«Большинство граждан» России давным-давно не только не объединены никакими традиционными связями, кроме застолий по бывшим советским праздникам, но и вообще не знают никаких истинных традиций, кроме хождения на кладбище с крашеными яйцами в Пасху, когда ничтожное меньшинство народа, имеющее хоть малейшее понятие о действительной традиции, стоит на праздничной службе в Церкви.

В России не осталось ни одного традиционного института, за исключением семьи и Церкви.

Сразу оговоримся, что и семья, как она понимается современным российским законодательством, и Московская Патриархия давно не являются всецело традиционными институтами. Их состояние сегодня можно назвать чрезвычайно болезненным. Семья стала у нас и в Европе, куда мы стремимся, лишь договорным союзом сексуального партнерства при экономической самостоятельности супругов и их исключительно индивидуальной связи с обществом и законами государства. Где уж тут говорить о традиционной семье как неделимой первичной ячейке традиционного социума, о православной семейной «малой церкви».

Много вопросов и с легитимной преемственностью РПЦ по отношению к Поместной Русской Православной Церкви Императорского периода. В определенном смысле мы можем говорить о параномии существования нынешних Церковных институтов в России и в Русском Зарубежье (имеется в виду Московская Патриархия и Зарубежный Синод).

Это состояние параномии усугубляется законодательным отделением Церкви от государства, что вообще немыслимо для традиционного общества, построенного на истинной церковности народа и христианских идеалах жизни.

Быть может, авторы манифеста согласны с современным публицистом С.Ф. Кара-Мурзой и считают СССР классическим государством традиционного типа?

Безусловно, некоторые функциональные общественные институты в СССР были построены в некотором подобии с традиционными институтами старой Европы. Переход маленького человечка из детского состояния в юношеское осуществлялся в школе путем принятия октябренька в пионеры, переход из юношеского состояния в состояние полноправного члена общества хотя и был связан с получением паспорта, но предварялся для многих приемом в комсомол. Во всем этом не сложно усмотреть симуляцию «традиционного посвящения», когда человек, пройдя определенные испытания, обретал через ритуал новое качество в рамках традиционного социума.

Вспомним, что были созданы профессиональные союзы писателей, художников и т. д. с попыткой возродить в новых, социалистических условиях некую феодальную цеховую этику. Была и попытка моделировать новые сословия путем поощрения преемственности профессии. Все мы помним время, когда прославлялись потомственные сталевары, врачи, военные. А чего стоит закрепление спортивных обществ типа «ЦСКА», «Спартак» или «Динамо» за определенными профессиональными институтами: за армией, за МВД и за профсоюзом пищевиков соответственно. Как тут не вспомнить Византию с ее партиями болельщиков, сходящихся на ипподром Константинополя, когда аристократы-«синие» болели за одних наездников, а мещане-«зеленые» – за других, а потом и те и другие били «красных» – не подумайте, что коммунистов, – вообще непонятно за кого болевших и на чьей стороне бывших.

Опять же, нетрудно увидеть в таком членении болельщицкой массы в СССР попытку каким-то образом расслоить общество на псевдосословные группы, симулировать традиционные сословные сообщества для придания устойчивости всему государственному зданию Союза, очевидно страдавшего от тотальной унификации всех и каждого.

Однако даже поборников «советского традиционализма» нужно огорчить. Уже и от этих институтов не осталось камня на камне. Ведь не считать же таковым, например, современную российскую армию – некое учреждение на голодном пайке, где служат за возможность получить крышу над головой в необозримом будущем. Или, быть может, кто-то возьмется утверждать, что современные болельщики футбольных клубов реально отождествляют себя и свой выбор с собственной профессиональной принадлежностью? Или кому-то кажется, что Союз писателей России не есть угасающая тень недавнего советского прошлого? А где мы можем обнаружить следы псевдопосвящений? Только в армии, когда «деды» издеваются над «молодыми».

Главный вопрос современности: кто из нынешних патриотов откликнется на призыв к восстановлению «полноты исторической государственности», понимая, что такая полнота государственности России без полноты воцерковления народа, без симфонии Государства и Церкви невозможна?

Народ русский вошел в Церковь не племенами, а всецело государственно, по указу великого князя Владимира. И государство наше стало внешней оградой Поместной Церкви. Разделить Церковь и государство в России – значит разорвать традиционное единство, лишив государство священной санкции на историческое бытие, а Церковь поставить перед угрозой потери своей «неотмирности» и инаковости по отношению к человеческим учреждениям, подчинения земным институтам власти, превращения ее в суррогат «нравственной полиции» при минимизации возможностей как-то действительно влиять на ситуацию даже в рамках этих обязанностей.

Вообще говоря, этот «манифест неоконсерваторов», названный «императивами национального единения», начинается с прямо неверного посыла: «Призываем все патриотические силы России, отложив споры о приоритетах и частностях, объединиться на основе этих императивов в национально-консервативный союз, создать силу, способную восстановить полноту исторической государственности».

Последняя фраза тезиса мобилизует прочитавшего ринуться на восстановление «полноты исторической государственности». То есть подразумевается, что в неполном виде мы ее уже имеем. Полный абсурд.

Никогда прежде наше общество не было столь далеко от традиционной исторической русской государственности. Ее у нас просто нет – ни полной, ни тощей. Не полноту ее надо восстанавливать,

откармливая современный бюрократический строй, а вообще воскресать из небытия эту самую государственность в России.

Более того, совершенно непонятно, как авторы «манифеста» сподобились дойти до императивов возрождения, отложив споры о приоритетах. А ведь без них, то есть без главных векторов политического осмысления реальности и перспектив развития, программного документа не получится.

Споры о «приоритетах и ценностях», господа создатели объединительного «манифеста», откладывать нельзя. Более того, именно с них необходимо начинать. А если эти споры отложить, то «частностью» всегда, без исключений, оказывается в конце концов сам Господь Бог.

Конечно, патриотам необходимо объединяться. И не нужно отвергать ни тех, кто называет себя коммунистами, ни «медведей», ни кого-то еще. В условиях, когда на политическом поле нет ни одной силы, которая бы отстаивала традиционалистскую позицию, политически активные люди, близкие по взглядам, реализуют себя, где могут, даже среди маргиналов от политики. Или вообще устраниваются от любой политической активности.

Понимая, что в России императив объединения здоровых политических сил может быть только один – христианский, рассмотрим теперь «императивы национального возрождения» каждый в отдельности, по тезисам, и дадим на каждую из идеологических максим «манифеста» пояснительный комментарий.

Тезис: «Ближайшие годы России – это годы общенациональных свершений. Большинство граждан, готовых и дальше делить со своей Родиной ее исторический путь, объединены традициями, формирующими консервативные ценности. Консерватизм – это верность себе, своему историческому и духовному пути, способность, сохраняя открытость, не поддаваться чужим влияниям. Будущее есть заново осознанное и улучшенное прошлое. Движение общества в сторону консерватизма – залог успешности Русского прорыва в будущее. Консерватизм всегда национален: национальный консерватизм – это прежде всего любовь к историческому облику и признание творческой силы своего народа».

Комментарий. Про ближайшие годы свершений сказано сильно, но, совершенно определенно, в состоянии транса, на медиумическом сеансе у экстрасенса. «Манифест» не должен начинаться с волхвований. Это даже не попытка футуристического прогноза, а прямо заклинание стихий.

На других, очень спорных утверждениях мы остановимся ниже, в заключительной части главы. Определенной части этих постулатов мы уже касались в начале.

Тезис: *«Россия играет ключевую роль в мировой истории. Государство, веками обеспечивавшее справедливый мировой порядок, имеет свой самостоятельный геополитический проект: это Восточно-Христианская цивилизация. Вписывание России в рамки иных геополитических образований неприемлемо».*

Комментарий. Россия, конечно, играет роль в мировой истории, но, строго говоря, речь должна идти в первую очередь о русском народе. В Священном Писании неоднократно указывается, что субъектом Священной Истории (а другой, с позиций христианства, и быть не может) выступает именно народ с коллективной «вменяемостью», о чем можно судить хотя бы из того факта, что именно народы предстанут на Суд перед Престолом Всевышнего! Далее следует совершенно нелепая фраза о том, что наше государство веками обеспечивало справедливый мировой порядок. Это неверно, по сути и в частности. Мировой порядок вообще находится в деснице Божией. Государство может и обязано воспроизводить «Божие установления» только на подвластной ему территории. Само словосочетание «мировой порядок» есть отвратительный политологический жаргон последних времен, когда понятие об истинном порядке вещей в целом было безвозвратно потеряно человечеством. Воспроизводить это жаргонное словосочетание в документе русских правых политиков весьма неумно. Далее – совершенно странная фраза о том, что государство имеет свой геополитический проект. О чем речь? Государство традиционного типа имеет задачи и Задачу, но не строит проектов. Задача христианского государства задана «сверху», и здесь государство есть объект внешнего сакрального воздействия. Если у него возникают свои проекты, то оно уже не является государством в традиционном понимании этого слова. Безусловно, у любого традиционного государства могут возникать определенные политические планы, вызревать и меняться политические приоритеты, но все это существует в рамках единой задачи. Для России это – быть внешней оградой Вселенской Православной Церкви. Когда авторы «манифеста» пишут о том, что у государства Российского был исторический геополитический проект построения и охраны особой Восточно-Христианской цивилизации, то это означает только то, что, прочитав книги Тойнби, они не удосужились ознакомиться с русской историей. Само словосочетание «Восточно-Христианская цивилизация» звучит чудовищно. До Тойнби такого интеллектуального выверта никто не знал, тем более на Руси. Была книга Данилевского «Россия и Европа», где автор смоделировал теорию о некой новой славянской цивилизации, идущей на смену романо-германскому миру. Но эта теория, к сожалению, опиралась на политические миражи позднего

панславизма, а не на реалии истории. Даже сам романо-германский мир, как он виделся Данилевскому и Тойнби, есть не продукт длительной истории, а лишь плод (возможно, «внебрачный») эпохи Возрождения. Традиционно и в Европе, и в России мы воспринимали друг друга как единую Христианскую ойкумену. Весь вопрос был только в том, кто представляет истинную Церковь, за кем право первородства – за Римским престолом или за Православными патриархами? Для России ее, если угодно, геополитическим проектом, сверхзаданием было государственное охранение Истинной Церкви, или, пользуясь современным политическим «новоязом», Истинной Христианской Цивилизации, которая может быть только одна, как Истина, и не распадаться по территориальному признаку (не абсурд ли?) на Восток и Запад. Замечательно писал об этом Хомяков, о чем авторам «манифеста» нужно было бы знать. Помилуй Бог, не странно ли читать, что у России есть некий проект, который прописал для нее английский мыслитель Тойнби в своих недавних книгах? А до него-то мы как жили?

Истинная образованность состоит в неразрывной связи индивидуума со своим национальным интеллектуальным богатством, а не с поверхностной начитанностью книгами западноевропейских умников, давно утеравших способность к постижению истинной истории как священного процесса. В древней формулировке «Москва – Третий Рим» мы обязаны видеть (если не полные идиоты) не Восточно-Христианский проект, а исключительно – Панхристианский, не нами для себя выбранный, но данный нам как Задание Творцом всего сущего!

Тезис: «Русская нация несет ответственность за судьбу Российского государства. Волей истории она оказалась разделенной. Убывание населения создает угрозу государственности. Исходя из этого, демографический рост – норма общественной жизни, а преодоление раздробленности русской нации – самая насущная задача».

Комментарий. Хорошо было бы указать, перед кем и чем несем мы ответственность за Государство и его судьбу? Перед предками, будущими поколениями, перед инородцами, перед мировой тусовкой? А может быть, и прежде всего, перед Богом?! Давайте определимся.

Затем, я не стал бы демонизировать историю в целом и наваливать на нее, бедную, всю ответственность за то, что нас по нашей же вине разделили.

Далее, совершенно необходимо указать, что не простой демографический спад, а именно и только изменение структуры населения, когда катастрофически сокращается его творческое государственное ядро, имеет для нас первостепенное значение! После этого странно звучит фраза о том, что демографический рост – норма общественной жизни. Это когда же он стал у нас нормой, и как его вообще нормировать? Вот загадка загадок! Но самое страшное, что и демографический всплеск, если такой, паче чаяния, случится, может не только не привести к стабильности и процветанию, но, при существующей системе общенародно разделяемых ценностей материального благополучия, вообще разрушить до основания все то, что, хотя бы по виду, является государственной системой. Нужно четко понять для себя, что же есть правильное отношение традиционного политика демографической ситуации в России? Простое стремление во что бы то ни стало предотвратить убывание демографической массы есть явное свидетельство интеллектуальной зависимости авторов «манифеста» от либеральных оценок, для которых характерно количественное отношение к проблеме, когда демографическая масса имеет четкую корреляцию с массой налоговых сборов, и только.

Тезис: *«Русский народ, создавший и защитивший на протяжении столетий Российскую государственность, в силу этого имеет первенство чести в семье братских народов России, где неприемлемы проявления ксенофобии, шовинизма, расизма».*

Комментарий. Позволю себе некоторую слабость и не постесняюсь показаться суеверным. Боюсь, что термины, взятые из словаря современных правозащитников и либералов, сами по себе уже провоцируют вышеуказанные эксцессы. Если же говорить серьезно, то эти аморальные проявления есть законный продукт распада традиционного государства и традиционных национальных сообществ. Уж коли мы хотим возродить традиционную государственность, давайте избегать ловушек, расставленных нашими врагами. В Русском имперском государстве станут невозможны вражда и нетерпимость между братскими народами единой имперской Отчизны. Вот и весь сказ по этому вопросу, и не надо гальванизировать страшилищ, созданных в больном сознании либералов, давших этим призракам вполне реальную материальную жизнь. Давайте укажем виновников подобных эксцессов и заверим, что с устранением их с политической арены уйдут и эти страшные проявления.

Теперь позволим себе комментарий по поводу первенства чести. Фраза эта, понимаю, что невольно, все же задевает чувства всех народов, населявших и населяющих Россию. Наверное, сейчас самое неподходящее время, чтобы мериться честью. Приоритет национальной чести – субстанция столь хрупкая, что ею не надо так грубо помахивать перед носом не меньше нашего задвинутых на понятия мужской чести мусульманских народов. Вспомним, что в традиционном Имперском государстве вообще не мог ставиться вопрос о чести того или иного народа. Сословия – возможно. Но

честь – понятие, которое в традиционном обществе закреплялось за индивидуумом и определялось всегда только его службой. «Моя честь – моя верность» – вот девиз человека традиционного общества. И верность, прежде всего, священным, фундаментальным ценностям коллектива, выраженным в том или ином институте власти. Не будем до поры вообще политизировать понятие чести, учитывая, что традиционный человек, живший, в отличие от нас, в бытии как в священной реальности, а не в нашем профаническом, сугубо рационализированном мире, имел о чести более высокие понятия, чем современность. Если авторы хотели подчеркнуть определенные приоритетные позиции, которыми должен обладать русский народ, то бесспорна лишь одна – это государство создано великорусами, и без их лидирующей роли в деле государственного строительства оно обречено на гибель, что, в свою очередь, принесет столько горя и страдания всем народам России, что не дай Бог. Скрипя зубами, факт этот признают все, так как это действительно факт, а не благое пожелание.

Тезис: «Православная Церковь – средоточие истории России, центр духовной и общественной жизни нации. Традиционные российские конфессии не являются альтернативой Православию. Именно Православие обеспечивает преемственность различных периодов Российской государственности – от святого Владимира до наших дней».

Комментарий. Первая фраза некорректна. Церковь является сосредоточением всей мировой истории, ее духовным и смысловым центром, а не только России. Центром духовной и общественной жизни нации лучше назвать Православную веру. Фраза о традиционных российских конфессиях – тоже не самое гениальное изобретение последних лет политологической мысли в России. Лучше говорить о традиционных конфессиях народов России, тогда и фраза о центральном месте Православия как нерва Русской государственности будет более обоснованной. Россию строил православный народ, и именно Православная вера является единственной традиционной конфессией России как государства! Затем, не стоило говорить о том, что только Православие обеспечивало преемственность периодов Русского государства. Государство у нас создано до принятия Православия, и его преемственность по линии единой династии обеспечивалась до и после принятия истинной веры. Наверное, это все-таки не функция Православия – обеспечивать преемственность власти, или далеко не главная его функция.

Тезис: «Народное Благо и Народная Воля – два неразрывно связанных между собой священных принципа. Развитие народа прочно только тогда, когда идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая возможность воплотиться в жизнь, проходит через сознание и волю народа».

Комментарий. Заглавный девиз украсил бы начало любой либерально-демократической конституции. Более того, сей лозунг не постесняются выбить над фасадом масонской ложи любого обряда и послушания. Это кто же додумался объявить химеры раннего русского, и не только, либерализма – «Народное Благо» и «Народную Волю» – священными принципами? Что мы читаем, правый манифест или якобинскую листовку? На что же опирается их «освященность»? Кто освятил эти принципы разрушения традиционной исторической Русской государственности? Может быть, кровь Императора Александра II?

Надо выразиться предельно четко: что есть благо для народа, сам народ как совокупность индивидуумов понять и сформулировать не может, и никогда не мог по простой причине – он никогда не обладал и по природе своей обладать не может единой волей. Это примитивная либеральная демагогия XIX века. Объявление этих химер священными в правом манифесте – верх безрассудства и крайний антитрадиционализм. Составители «манифеста», видимо, забыли, как через «сознание и волю» народа ему, этому народу, навязывались и навязываются нашей властью антинациональные проекты.

Тезис: «Государство Российское – это социально-представительное государство с сильной и преемственной Верховной властью. Власть священна для каждого и всецело ответственна за каждого. Власть не привилегия и не инструмент обогащения. Это служение не за страх, а за совесть».

Комментарий. Традиционалистская (или консервативная, если угодно) мысль давно и четко выразилась, что власть государственная в традиционном понимании – это уже сила. Истинная власть несильной быть не может. В противном случае она не власть вовсе. В правом манифесте такие вещи хорошо бы учитывать. Тем более это верно для власти преемственной, не важно, каким образом эта преемственность легитимизируется.

Для каждого власть может быть священной только в том случае, если она освящается Свыше. И в таком случае она действительно несет ответственность за каждого, ответственность перед Богом. В противном случае светская власть современного образца в принципе не несет ни пред кем ответственности, так как не является преемственной и не имеет Высшей санкции и священного права.

Совершенно непонятна фраза о социально-представительном государстве. Это что, пожелание или констатация свершившегося факта? Если государство сословно-представительное, то, по идее, каждое сословие через представительные органы власти или местного самоуправления имеет

возможность оказывать влияние если не на политику государства в целом, то на политику в социальной сфере. Но истинных сословий в России давно нет.

Социально-представительное государство в переводе на русский язык – общественно-представительное государство, в котором никак не структурированная общественность оказывается совладельцем властных прав с сильной и преемственной властью. Все это словоблудие удивительно точно описывает современный властный расклад в РФ, безумно далекий от любых традиционно-консервативных форм государственности. И это мы называем консервативным манифестом? Караул!!!

Тезис: *«Армия и флот – главные союзники России в окружающем ее мире. Пропагандистские кампании, подрывающие безопасность страны, неприемлемы».*

Комментарий. Единственный пункт, который не вызывает возражений по существу. Но сам документ таков, что трудно отказаться от желания и здесь хихикнуть. Дело в том, что, когда Император Александр III произносил эту замечательную формулировку про армию и флот, в России не было авиации как отдельного рода войск. Сейчас она есть, и я хотел бы узнать у составителей манифеста: авиация за нас или против?

Далее следует заключение манифеста.

Тезис: «Консервативные ценности – предмет согласия государства, общества, Русской Православной Церкви и традиционных конфессий. Русский консерватизм сегодня – это единственная идеология, способная сохранить суверенитет страны. Русские – народ священной истории. Русский человек не возник из ниоткуда и не исчезнет в никуда: он живет в истории и в традиции с ее границей и иерархией».

Комментарий. Ну, во-первых, традиционные ценности фундаментальны и имеют своим источником для нас, русских, – Писание и Предание нашей Святой Церкви. Предметом какого-либо договора между государством, обществом и шаманами традиционных конфессий российских малых народов они в принципе быть не могут. Это чушь собачья. Заметим, очень характерно в этой фразе масонское разделение государства и общества. Для правого манифеста это пикантная подробность. Для традиционного государства – нонсенс. В нем общество есть живая ткань государства.

Русское государство всегда охватывало все общество целиком.

Вне государственных границ у нас никогда и никакого общества не возникало. Все были на службе у Государя и у государства. Такое положение вещей сложилось потому, что само государство у нас органически выросло из рода, племени и союза родственных племен, завершившись самодержавным Царством. У нас не было завоеваний извне, когда завоеватели и завоеванные после долгой социальной и политической борьбы разграничивали сферу полномочий и компетенций. В феодальной Европе это привело к разделению общества в лице корпораций и собственно государства в лице элиты, зачастую – потомков завоевателей.

Над авторами «Манифеста» явно довлел авторитет Руссо с его фантазиями относительно общественного договора в деле созидания государства, которое в своей традиционной основе само по себе относится к фундаментальным ценностям. Фраза о том, что русский человек живет в границах традиции с ее иерархией, при современном положении вещей лжива. А вот то, что мы живем в границах истории, есть несомненная истина, впрочем, подчиненная тому непреложному факту, что мы все живем в границах жизни.

В общем и целом, «манифест» – подарок для Жванецкого и Задорнова, которые с удовольствием сделают из этого документа доходную хохму.

Постоянное использование авторами «манифеста» понятий из современного либерального политического словаря совершенно неуместно и не объяснимо для их консервативной позиции. Стоит ли вслед за либералами прибегать к пустословию про угрозы фашизма, фундаментализма, терроризма, расизма, которые не имеют в современном обществе ничего, что можно было бы назвать их реальным, а не массмедийным проявлением? Речь же не может идти о провокациях СМИ, которые сначала конструируют виртуальный фашизм и расизм, а потом с ними борются. Эта борьба с ветряными мельницами есть необходимое условие существования современной либеральной системы. Псевдоманифестация этих явлений и виртуальная борьба с ними придают устойчивость данной системе, и только. Не смея определить политических соперников вне государственных границ, где, по определению классического неолиберализма, обитают только экономические конкуренты, система ищет врагов внутри себя, или вообще изобретает их. Дело в том, что противопоставление «свой – чужой» необходимо для устойчивости любой политической системе, хотя бы как универсальное средство для сбрасывания ненужного напряжения в нужном направлении, с предсказуемыми последствиями. Вопрос этот многопланов и тщательно изучен философией нового времени, поэтому сейчас нам достаточно просто констатировать данный факт.

Итак, современное либеральное общество, исчерпав возможность демонизации внешних политических противников (Иран и КНДР, вооруженные ядерным оружием, – последняя возможность

для этого), ищет врагов внутри своей системы. Тут вам и безликий, принципиально внеконфессиональный и интернациональный терроризм с непонятной для обычного человека внутренней мотивацией своей террористической активности, и злобные фашисты, расисты и ксенофобы, чьи жертвы исчисляются пальцами на одной руке. Наверное, нетрудно догадаться, что, пока не будет точно определен враг, использующий методы террора, против которого современное общество действительно бессильно, не будет и победы над ним. Не надо надеяться на устранение опасности новых чудовищных актов и многочисленных жертв. Всем же понятно, что у современного террориста есть и национальность, и четкая конфессиональная принадлежность. Но признать этот факт – значит уже самым взорвать собственный миф о прогрессе и благополучии под долларовой сенью «единственно верного учения».

Это, конечно, общие рассуждения, но для нас принципиально вот что. Насколько необходимо правым консерваторам участвовать в сомнительном мероприятии по приданию этой системе стабильности путем совместной борьбы с фетишами, навязываемыми общественному сознанию? А не достаточно было бы просто заявить, что все указанные негативные явления, все эти расисты-террористы – суть законное «дитя» современной либеральной системы, опирающейся на единственный этический фундамент измышленных неотъемлемых прав автономной и от всего эмансипированной личности. Если угодно, то, для несколько эпатированного определения своей позиции, можно даже воспользоваться таким парадоксальным на первый взгляд заявлением: «Уничтожьте всех антифашистов, и в обществе не останется ни одного фашиста».

Именно и только среда, которая неустанно прессингует традиционные национальные ценности и идеалы, волей-неволей создает условия для реакции на этот прессинг со стороны отдельных эмоционально пограничных субъектов в виде агрессии на бытовом уровне. Но назвать это фашизмом, ксенофобией, расизмом можно только в том случае, когда за следствиями не хотят или не могут видеть причин. Это свойственно современному лагерю демократов и правозащитников. Неужели и консерваторы готовы играть в эти игры с тщетной надеждой на победу, в игры, где у хозяев «стола» вся колода давно мечена? Нужно избавляться от иллюзии переиграть систему на ее поле. Только окончательно и бесповоротно разорвав отношения с либеральной системой ценностей и оценок, мы можем надеяться на победу, а равно и на то, что с победой нашей системы ценностей в России, по существу, не будет места никаким проявлениям современных фетишизированных фобий на общественном уровне.

Путаность ценностных понятий и ориентиров приводит авторов «манифеста» и к обращению к таким странным для правового сознания категориям, как «народное благо» и «воля народа». Запуская в толпу эти бумеранги ложных либеральных понятий, связанных с политикой масс, с политикой чистого количества, а не качества, как это должно быть у истинно правых, мы рискуем не поймать эти хитрые орудия варварского гения, промахнувшись по цели. И они, вне всяких сомнений, снесут нам головы. Ведь в России нет, да и никогда не было политически единых народных масс, равно как никогда не существовало единого для всех и равно понятного для всех же блага. Это сугубо либеральное словоблудие уже дорого обошлось нашему доверчивому народу. Стоит ли пытаться опять разыграть эту битую карту «восстания масс», о которой писал и предупреждал об опасности такого моделирования политической ситуации еще в XIX веке Гюстав Лебон?

У авторов угадывается очень смутное представление о тех реальных ценностях нашей истории, о традиционных институтах, в которых только и может правый взгляд усматривать определенный инструмент в деле возрождения в России традиционного государства в целом.

Зато у них присутствует вот такая установка: желая понравиться всем и всякому, они предпочитают винегрет и мешанину либеральных, коммунистических и правоконсервативных понятий, воображая, что этот салат – есть высокий образец современного политического творчества. При этом и не подозревая, как мы указали выше, что в действительности находятся в одном окопе с современными неолибералами, стремящимися преодолеть совершенно очевидный мировоззренческий кризис системы такой же точно мешаниной из рынка и патриотизма. Эта толерантность происходит только от незрелости собственной позиции, от непоследовательности в отстаивании традиционных, «консервативных», если угодно, ценностей.

Вообще такой кисель никак нельзя назвать фундаментом некоего чаемого правового единения. В документе нет четкости структурного мышления, трезвого понимания того, в чем источник фундаментальных ценностей России, как исторически существовавшего традиционного общества.

Все ошибки «манифеста» вытекают из неумения его авторов поставить правильный диагноз того давнего заболевания, которое переживается Россией на протяжении как минимум последних 150 лет. А ведь неправильная диагностика ведет и к неправильному лечению. Впрочем, язвы современного общества, его самые уязвимые болезненные точки, определены в сущности верно. Вот только, пользуясь лекарствами современного мира, болезни этого мира не вылечить!

Для современного правового движения крайне важно избавиться от позорной интеллектуальной зависимости от словаря и символов либералов. Использование вышеуказанных вербальных инструментов определения действительности, даже меняя плюсы на минусы, не делает людей автоматически консерваторами, а оставляет их, в лучшем случае, на уровне «либеральных еретиков» – как для самих либералов, так и для людей, исповедующих традиционные ценности.

Для верных политических ориентиров мы должны дать себе отчет в том, что такое, собственно, есть Традиция, в четкой, отточенной формулировке, которой сможем определить правильный путь к духовному и политическому возрождению русского народа и сформировать верный понятийный политический словарь правового лагеря. И мы сделаем шаг в этом направлении в следующей главе книги.

Не просто из «чудесных камней прошлого возведем прекрасное будущее», как призывал Рерих, но непременно и только из краеугольных камней вечных духовных ценностей мы можем воссоздать Храм нашей национальной жизни! В силу только этого следует отказаться от смешивания таких понятий, как «верность традиции» и «консерватизм».

Поняв это, мы можем только улыбнуться, прочитав призыв к обществу начать движение к консерватизму для обретения счастья. К консерватизму нельзя двигаться, это не динамика, а статика, какими бы софизмами нам ни пытались сейчас доказать обратное. Тем более прорыв в будущее абсолютно немыслим при попытке консервации старого багажа. Здесь авторам надо определиться, кто они: крепящие тыл завхозы исторического антиквариата или бойцы штрафных рот, идущие в прорыв без оружия, в нашем случае – идеологического, если не считать «берданки консерватизма», вычитанного в умных книгах вчерашними пионерами и комсомольцами.

Я вовсе не за использование понятия «Традиция» в пику консерватизму. Просто оно – продукт западной историософской мысли, не способное описать полноту духовного и исторического опыта России. Но за неимением лучшего, берем «научный традиционализм» временным рабочим инструментом на потребу дня.

Чтобы «манифесту» иметь определенную политическую ценность и стать фундаментом объединения правых сил в России (или даже катализатором такого единения), ему необходимо действительно быть, а не называться «правым», отказавшись от либеральной риторики и прогрессистских идолов современности. Только полное изживание либеральной утопии, тотальное обращение к традиционным ценностям может обеспечить документу строгую внутреннюю логику. В его же настоящем виде «манифест консервативной идеологии» не только не способствует формированию истинно правой политической силы в России, но и подрывает возможность хоть как-то отстаивать необходимость такой силы на идейном поприще.

Только действительно традиционные ценности, основанные на христианском императиве, могут обеспечить документу единственно необходимый философский базис, без которого ни объединительная, ни созидательная политическая работа немыслима.

Именно этот императив и положен краеугольным камнем в нашем дальнейшем повествовании.

Глава II.

Монархический принцип правления в XXI веке

Каковы возможности возрождения монархии в нашей стране сегодня, а также надежды и опасности, связанные с бездуховной монархической реставрацией

Вступление

Современное состояние общественно-политического сознания в деле осмысления произошедшей с Россией катастрофы 1917 года и последующего за этим Советского периода, с крахом последнего и утратой всяких разумных и самобытных перспектив развития общества и государства, не может не удручать. Все споры последнего времени, гротескные поиски некой национальной идеи на фоне совершенно разрушительного копирования западных общественно-политических образцов построения республиканского государства с институтами, показавшими свое чудовищное противоречие с традиционной национально-государственной культурой многих европейских этносов (и особенно русского), заставляют серьезно задуматься о нашей способности не только правильно ответить на вопрос, что есть государство в целом – современное государство как определенный этап развития или деградации сего института, и русское государство в частности, в его исторической ретроспективе и перспективе, – но и правильно наметить возможные пути истинного, исторически обусловленного и

нравственно оправданного возрождения России и ее народов.

Но мы обязаны найти ответ на этот вопрос, чтобы перестать двигаться на ощупь в потемках ветхих, отживших свой век теорий государства эпохи Руссо и Великой Французской революции. Теорий, низведших уже не одну блистательную европейскую монархию до второсортной по сегодняшним политическим меркам страны, с трудом балансирующей на грани между лоском внешней атрибутики европейского гранта и внутренним содержанием полубанановой республики. Речь идет не только о России, но и о самой родине этих разрушительных идей – Франции.

Сначала отметим один потрясающий парадокс, взятый из области нашего общеупотребительного лексикона, который вскрывает глубинные пласты подсознательного восприятия не только массами, но и интеллектуальной элитой истинных основ государственной власти в России, если угодно – фундаментального кода, своеобразного ДНК нашей национально-государственной жизни.

С формальной точки зрения сейчас в России установилась та самая республика со всей классической атрибутикой, о которой мечтали столько поколений выродившейся в паразитарный класс аристократии, либеральной интеллигенции, мещан и русских буржуа. У нас выборный президент и выборный парламент. К этому антуражу добавляем Конституцию и три ветви власти: исполнительную, законодательную и судебную. У нас «вожделенная» демократия. И речь сейчас даже не о том, что в реальности народные массы еще никогда не были так отчуждены от власти и государства в целом. Мы отметим иной аспект.

Обсуждая проблемы России, ее экономические и социальные задачи, никто никогда не употребляет такие речевые обороты, как: «у нас в республике», «республика заботится о своих гражданах», «в республике решаются задачи по обеспечению экономического роста» и т. д. Но всегда и везде мы слышим словосочетания: «наше государство», «государственные задачи», «государственное строительство». Ведь это поразительный этимологический парадокс, что, живя в республике, мы называем ее государством! Дело не в простом словоупотреблении, ведь «государство» и «республика» – отнюдь не синонимы. За этими словами совершенно разная реальность существования народа или народов в определенных границах, разное понятие суверенитета, взаимоотношений личности и власти. Такое смешение или прямая подмена понятий происходит не по злому умыслу властей предержащих или таинственных жрецов-кукловодов. Здесь перед нами налицо полное непонимание традиционных основ государства современным обществом и властью. Но ведь народ интуитивно чувствует корневую необходимость этих основ, их фундаментальную заданность всей нашей историей, всем нашим национальным духом, характером. Перед нами важнейший аспект интуитивного национального чувствования необходимости священных основ власти. Именно так! И именно по этой причине Россия для нас всегда – Государство и никогда не республика.

Так не пора ли нам самим себе ответить на вопрос, что есть государство?

Но дать очередное или старое определение государства – значит, по сути, не ответить на наш вопрос вообще. Многочисленные определения были даны, но в действительности они не описывают никакую реальность вообще. Всегда определяется некое абстрактное государство, не существовавшее в природе. Иногда обобщения носят столь расплывчатый характер, что, будучи верными по существу, они не дают ответа о конкретных параметрах институтов государственной структуры. По Гегелю, государство есть творческое начало истории; политика – это история. Маркс же мыслит историю вне государства, он смотрит на нее как на борьбу партий, очерченных конкретными хозяйственными интересами. Сугубо материалистический, рационализированный до предела подход к истории и проблеме государства есть исключительно узконациональный, а не универсальный, английский подход. Такой подход совершенно не способен описать реалии Русской истории, ее основные мотивы, индивидуальную и коллективную мотивацию поведения ее участников. Мы до сих пор не способны дать определение, что есть традиционное Русское государство, в котором чаем обрести вектор современной национальной идеи для обретения перспективы национального возрождения. Разумеется, если по недоразумению не считать таковым химеру современной государственности под брендом «Российская Федерация».

Все вышесказанное важно уже потому, что понимание истории и государства на Руси традиционно было религиозным, что сейчас упорно игнорируется политологической мыслью ангажированных искателей новой идеологии, способных только заретушировать современную очевидную стагнацию государственной машины.

Верное суждение о государстве у русского народа всегда происходило из верного понимания источника всякой власти на земле. Но, кроме этого, русский народный гений четко понимал, почему на Руси есть Государство и что такое истинная государственная власть. Истинное и единственно верное определение Государства было у наших предков в определенном смысле догматом, одинаково доступным к пониманию как верхами, так и низами социума. Но оно позорно утеряно потомками, кичащимися своей образованностью, которая не способна дать им в руки научный инструмент, чтобы

понять, что есть государство как таковое в своей метафизической сущности. Только вернувшись к традиционному пониманию государства и власти, мы сможем дать на современном политическом языке такое определение этого института, которое в действительности будет описывать реальность, а не абстракции. Реальность, имевшую место в Русской истории, действительность, которая и сейчас должна являться для нас маяком далекой и родной пристани, от которой мы отплыли, но к которой должны прийти.

И только тогда наше употребление слова «государство» будет действительно соотноситься с некой реальностью, правильно описывать ее и позволит нам составить верное суждение о болезненном состоянии современной политической действительности в России, которое прямо противоречит истинному смыслу государства.

Корень государственности

«Государство – это я!» – отчеканил формулу государственности король Франции Людовик XIV. Сколько нелестных отзывов получил этот монарх от своих потомков, дегенерировавших в процессе смены одной кровавой республики на другую. Досталось ему и от русских, и не только от либералов. Нет, даже наши монархисты-народники усматривали в этой формуле квинтэссенцию никуда не годного абсолютизма. А ведь король был абсолютно прав, и это ясно для любого здравомыслящего европейца – католика, протестанта и тем более православного, если этот европеец не утратил те последние тонкие нити, что могут связывать его с подлинно традиционной точкой зрения на институт власти как таковой! Нет государя – нет и государства. Каролинг, объезжающий своих сеньоров, Рюрикович, идущий со своей дружиной в полюдье, Византийский император, стоящий лагерем вдали от блистательной столицы, – это и есть полноценное государство независимо от количества людей, сопровождающего своего монарха. Государство – это не территория, а личные отношения между Государем, его дружиной и подданными, отношения, которые прежде всего индивидуализированы и только потом – обобществлены. В силу этого даже стольные грады средневековых европейских государств часто менялись. Столицей автоматически становился тот город, в котором определенное время пребывал государь и двор.

Возьмем пример из русской истории. Гостомысл призывает на новгородский стол своего внука Рюрика, призывает из своего стольного града Новгорода, тогда еще Словенска. Гостомысл умирает, и Рюрик садится в Ладоге, укрепляя ее и борясь с новгородским боярством. Ладога становится столицей юной Русской государственности. Далее Рюрик селится в Новгороде, который заново отстраивает или расширяет, за что древний Словенск и получает во всех отношениях новое имя – Новгород. Его наследник и родич Олег объявляет уже Киев матерью городов русских, т. е. метрополией. Князя Мономахова дома переносят столицу во Владимир, хотя власть духовная в лице митрополита продолжает иметь свой стол в Киеве. Далее наступает черед Москвы, где власть светская и духовная вновь соединяются перед началом небывалого государственного подъема. Именно и только государь определяет место, где находится столица, а значит – и сосредоточение государственной власти!

Замечательной иллюстрацией к этой мысли служит то понимание Государя, которое сложилось под влиянием Православной веры в Византии.

Коренное убеждение Христианского Востока состояло в том, что духовная свобода, а равно и ответственность личной веры ни в коем случае не должны были быть подавляемы или опосредованы коллективным или сугубо юридическим началом. Духовная ответственность индивидуума становилась поистине всецелой. Отсюда и индивид, облаченный высшей императорской властью, в идеале переживал свое служение так, будто он действительно один стоит на ветру истории и от его решений зависит судьба Христианской ойкумены и Империи. В лице императора именно как Василевса фокусировалась вся полнота власти в силу его уникальной и абсолютной ответственности перед Всевышним за судьбы христиан мира. Только в глубинах Православия монархический идеал получал свою божественную санкцию. Однако нельзя сказать, что такая роль монарха, как человека, лично воплощающего собой делегированную свыше теократию, являлась вполне уникальной только для того периода, когда Римская империя приняла Христову веру.

Императоры позднего Рима именовались *Rex Pontific*, «царственный священник», и являлись главою государственного культа, а впоследствии – и объектом религиозного почитания. Каждый подданный империи был подчинен власти в двойном отношении: как гражданско-административном, так и священной иерархии. Важно подчеркнуть, что эту двоякую власть воплощал индивидуально императорский принцип правления поздней империей. Православная Церковь предоставляла Императору право быть помазанником на Царство, находясь в алтаре, наблюдать за богослужением и быть «внешним епископом» Церкви.

Отметим, что функции военного вождя и верховного жреца сочетали в себе и предводители германских и славянских дружин. По убеждению древних, истинная власть не может дробиться, как не может дробиться истинный источник власти – Бог. Власть – едина по своей сверхприродной сущности.

Здесь мы сделаем небольшое отступление и поразмышляем над природой власти, вернее сказать – над манифестацией этой природы из мира Горнего в мир дольний. В свое время, в конце пятидесятых годов прошлого столетия, американский юрист и мыслитель Юлиус Паркер Йоки в своей интереснейшей книге «Империум», за которую он, собственно, и страдал до самой смерти от американского «правосудия», высказал парадоксальную и по виду – совершенно пантеистическую мысль о природе власти. Йоки считал, что в мире существует некая константа метафизической субстанции власти, всегда неизменная и всегда данная нам свыше. Он наделяет ее некоторыми личностными чертами, считая возможным рассматривать власть эманацией или даже полагая власть ипостасью некоего разумного и творящего космоса. Этот всегда равный одной сумме монолит власти и делят на земле люди и политические группы. Сумма власти остается неизменной, но ее количество, которое присваивается силой и волей политических игроков, может исторически меняться и географически перераспределяться. Сколь ни был бы для православного человека такой подход к природе власти сомнительным, отдадим должное интуиции автора. Власть действительно дана нам Свыше, и исторический опыт показывает нам, что мы вправе полагать в качестве некоторой рабочей гипотезы, что сумма власти на земле действительно не увеличивается, но только перераспределяется, отбирается у слабого в пользу сильного. Власть будто бы действительно субстанциональна. Условимся, что это только схема, макет реальности, возможно – далекий от сокровенной природы власти, но подобная схема позволяет нам понять и некоторые структурные изменения властных полномочий в границах одной социально-политической группы. Из учебников истории мы знаем, что большевики буквально взяли власть в России. У кого взяли, мы тоже представляем. Почему взяли, не секрет для всех, интересующихся отечественной историей. Вопрос же в другом.

Главная загадка, несмотря на всю глубину скрываемой ею проблемы, лежит на поверхности. Почему большевики, вроде бы чуждая исторической России сила, берут власть, а не созидают ее заново, исходя из своих философских представлений и политических задач? Почему они готовы разрушить все до основания, а затем... но структурные эманации власти, институты государственности сначала захватываются, затем используются и только затем преобразуются в советскую систему власти, которая шаблонно отражает структуру предшествующих ей имперских властных структур. Можно, конечно, спорить о частностях, но факт остается фактом – ничего принципиально нового в структурном плане государственного строительства большевики не принесли. И пресловутые Советы – лишь бледная тень бывших земских учреждений.

Вопрос о том, кто у кого взял власть и что стоит за этими словами, лежит не в плоскости филологических размышлений. Он действительно философский. Власть ведь действительно взяли, власть всю, целиком, и целенаправленно наполнили ее новым содержанием. Я, конечно, рискую быть обвиненным в пантеистическом видении природы власти в обществе, но ведь именно такое понимание власти как изначально данной, условно субстанциональной, неизменяемой суммы дает нам возможность правильно оценить, что же произошло в 1917 году с Россией. Если, как полагала Белая эмиграция, власть взяла в России международная интернациональная банда, то мы должны были бы быть свидетелями ее перераспределения по географическому признаку, распыления той ее части, которая была накоплена исторической Россией, по просторам иных континентов, заново концентрируясь в иных центрах политического притяжения. Но этого не случилось. Более того, был момент, когда часть общемировой власти (назовем ее, пользуясь понятийным аппаратом Йоки, мировой властью), и большая ее часть, сосредоточилась в СССР. Значит, не зря считал Иван Солоневич СССР не черным провалом в Русской истории, не Анти-Россией, но именно Россией. Тяжело, почти смертельно больной, сознательно лишенной своей национальной государственной элиты, но все-таки Россией, даже при тоталитарном антирусском режиме правления сохраняющей свою таинственную сущность страны с огромным властным капиталом. Тем, что большевики использовали по своему усмотрению для целей, далеких от насущных потребностей русского народа, его политических и культурных задач.

Ведь только такое видение проблемы в целом и позволяло надеяться русским людям на воскрешение России, вернее, на ее выздоровление. Больной исполин обладает властью и может ей воспользоваться при своем выходе из недуга. Мертвое тело властью не обладает и обладать уже не будет. Власть мертвеца давно перераспределена – это универсальный закон для любой численности человеческого коллектива. Пользуясь схемой Йоки и отдавая себе отчет в том, что за видимыми пантеистическими формулировками стоит правильное видение проблемы власти с точки зрения человека Традиции, мы можем понять важную истину касательно последнего периода нашей истории. Периода трагической утраты национальных форм государственности и культуры, но сохранения самой

властной матрицы, которая даже коммунистами воспринималась как матрица России, а не СССР, игравшего роль внешнего колпака (если не саркофага) над больным телом государствообразующего народа. Сохранение этой властной матрицы и сделало возможным начать выход из периода болезни и культурного упадка, выход через поиск новых форм традиционной, национальной и имперской государственности.

Не лишним будет сделать и такое замечание. Катакомбная Россия жила и сохраняла свой потаенный лик для грядущего проявления не в последнюю очередь и потому, что в СССР не дробили единую, доставшуюся в наследство от Империи властную матрицу государственности. «Власть», похищенная из живого тела национальной государственности и заключенная в новую форму поллой сферы, под аббревиатурой СССР, развернувшейся темным небом над вечной Россией, как бы сохранялась, а иногда и преумножалась, для того чтобы в будущем у политически здорового и зрелого народа была возможность вновь вернуть ее в свое природное тело, отвоевав «животворящую энергию» власти, разбив стеклянную сферу, придавившую историческую Россию под своей тяжестью, но не убившую ее.

И вроде бы благодатная влага освобожденной «власти», пролившись над высохшей от большевистского безвременья Россией, должна дать всходы новой национальной жизни под новым небом. Но этого пока не происходит.

Современная болезнь России заключается в том, что, начав возрождение форм национального бытия в условиях новой государственной структуры, мы сталкиваемся с феноменом разделения властных полномочий демократического государства. А феномен этот разрушает исторически сложившуюся властную матрицу страны, сложившуюся издавна и пережившую не только крушение исторической государственности, но и долгий тоталитарный период национальной деградации, не давшую дойти этой деградации до критической отметки тепловой смерти национально-культурного организма государствообразующего народа.

Поставив такой неутешительный диагноз, вернемся, однако, на привычное православному и, шире, – русскому человеку поле рассуждений, свободное от искусственных схем и построений, без которых, однако, не всегда можно обойтись. Да и не всегда нужно непременно обходиться, особенно когда мысль отвлеченная нуждается в условно иллюстративном материале.

Государство пронизано сакральностью исторического бытия, священные институты пронизаны государственностью. Иными словами, истинное государство и истинная Церковь – это единый живой организм с разнящимися функциями, по природе своей неразделимыми. Правды ради отметим, что такое традиционное единение государства и религиозных институтов вообще было характерно для всех древних традиционных сообществ.

Истинная власть всегда обладает абсолютной силой и абсолютным авторитетом как делегированная теократия. В таком случае необходима ее преемственность, ответственность высшего порядка, о которой мы говорили выше, ее легитимность и священная санкционированность, которая достигается исключительно наследственной передачей всей полноты власти, что невозможно вне истинной монархической государственности вообще. Церковь всегда отдавала себе ясный отчет в этом и закрепила это понимание на Константинопольских Церковных Соборах. Монархическая власть стала неотъемлемой частью Церковного предания, которое верующие люди воспринимают всецело как Двуетный источник веры, наряду со Священным Писанием. Об этом сейчас не любят вспоминать церковные чиновники, готовые формулировать любые социальные доктрины под любую власть, иными словами – до сих пор молятся «за благословенное временное правительство...». Строчная буква в названии правительства, за которое возносятся молитвы современных пастырей, неслучайна, хотя начало такой духовной гуттаперчевости было положено именно тогда, когда это правительство писалось с заглавной буквы.

Ныне понятие государства подверглось окончательному запутыванию. В силу этого обратимся к филологии и кратко проанализируем, а что же из себя представляет слово «государство», каков его изначальный семантический, смысловой корень.

Прежде всего, слово «государь» происходит от более древней славянской формы – господарь, которая и ныне фиксируется в славянских языках. Не будем бояться обвинений в привлечении сомнительного для научных выкладок подхода с позиций «народной этимологии» и скажем уверенно, что «государь» есть в семантическом смысле тот, кто получил дар от Господа, и даром этим является всеобъемлющая власть. Безусловно, для христианских государей этот дар был еще и «ответственным заданием». Не лишним будет вспомнить и вежливую форму обращения к вышестоящему на социальной лестнице человеку в императорской России «господин». Не будем сейчас говорить о том, что из вежливости так называли и просто незнакомых людей, хотя и не только из вежливости. «Господин» – это в определенном смысле еще и некто Господень, Свыше поставленный над нами. И эта общественная иерархическая лестница господ имела в традиционном обществе самого последнего

господина на вершине – государя. Далее был уже только Господь. В практическом смысле русское «государь» совпадает с греческим словом «монарх», т. е. самодержец. Если исходить из той простой мысли, что слова всегда и везде должны отражать реальность, навечно закрепленный за ними смысл, то государство есть прежде всего и только – самодержавная монархия. Или это не государство в самом точном и исчерпывающем смысле слова!

Современные монархии мира есть не что иное, как обычные республики. Власть в них принадлежит не государю, а узурпировавшим его монаршие полномочия ветвям власти – «исполнительной», «законодательной» и «судебной», чьим самым верным зримым воплощением был, есть и будет трехголовый Змей Горыныч русских былин – личность, далеко не случайно наделенная мудрыми предками всевозможными отрицательными чертами характера.

Важно учитывать и такой аспект проблемы. В силу беспрецедентно заниженного, а по сути – отмененного избирательного ценза (нынешние возрастные ограничения можно не считать) все современные республики, или, выражаясь на языке мудрых эллинов, демократии, имеют сильнейший охлократический оттенок (в современном российском варианте – охло-олигархический). Поэтому применение четкого термина «государство» к современным государственным образованиям с чисто юридической точки зрения также неправомерно.

Аристотель допускал три варианта управления полисом – монархия, аристократия и демократия. Отметим, однако, что полис древних греков нельзя приравнять к полноценному государству. Это скорее всего высшее из возможных состояние общины, в данном случае – территориальной. Тот же Аристотель видел, что полисная монархия вырождается в тиранию, полисная аристократия быстро превращается в олигархию, ну а полисная демократия становится пошлой охлократией. Современные антитрадиционные государственные образования показали, что в них охлократия, олигархия и тирания идут рука об руку, будучи перемешаны в самых причудливых комбинациях. Пример послереволюционной России дает тому множество ярчайших, просто эталонных примеров.

Но форма правления – это еще далеко не все, чем исчерпывается само понятие государственности. Ныне произошла подмена важной сути государства как такового. Исторически и метафизически государство – есть политическая составляющая земной жизни человека. Не экономические, но исключительно политические предпосылки лежат в основании любого истинного государства. Номо *politicus* есть нормальное состояние человека и гражданина, реализовывающего себя в рамках государства. Номо *esopoticus* – чудовищный проект по отчуждению человека от самого института государственности. Человеку экономическому государство не нужно, ведь оно для него источник расходной части, но никак не доходной. Не случайно сейчас вся политика, в сущности, подменена экономикой. Точнее, исконное понятие политики сведено к экономике. Материалистически понимаемое благосостояние граждан ныне оказывается для властей предпочтительнее (по крайней мере, на словах), чем духовное, нравственное и политическое воспитание вверенных им людей.

И тут мы вправе задаться вопросом: а что, собственно, понимают под властью те, кому она вроде бы сейчас принадлежит, каковы их философские взгляды на государство?

Архетип древнерусской государственности

Говоря об архетипе государственности, мы подразумеваем существование некоего канона, выражаемого через набор определенных традиционных институтов власти и их иерархическую структуру. Сохранением знаний о священных «началах», истоках всего существующего, занята Традиция. Форма сохранения и трансляции этой Традиции облечена в канон. Исторически сохранение канона обеспечивалось следованием определенному архетипическому образцу, который воспроизводил изначальную сакральную константу земного бытия. Канон являлся принципиальным условием функционирования определенного священного или культового пространства, выраженного определенным же государственным образованием или храмовым комплексом соответственно, и играл роль существенного организатора и регулятора социально-политической жизни человеческих сообществ. Канон организовывал «топос», если под «топосом» мы прежде всего понимаем священное местоприсутствие. Если говорить о каноне царства, то важно при этом помнить, что, по замечанию современного исследователя «топоса» культовых комплексов Шкурова, «возникновение своего эпистемологического поля в каждой отдельной религиозной культуре предусматривает акцентированную и разнообразную комбинацию топологических признаков, логику спряжения форм и смыслов». Он же считает, что «каждая отдельная вероисповедная доктрина, отправляющаяся от своего Св. Писания, способствует утверждению комбинаторных особенностей, группировок и перегруппировок топологического смысла» всей социальной системы. Из понимания канона вырастает и понимание заданной парадигмы развития и существования культурно-исторической общности,

парадигмы, понимаемой как теоретическая модель, представленная через эталонный образец, выраженный в священном каноне. Духовная традиция, в таком случае, становится решающим фактором интерпретации и ретрансляции «внутренних смыслов» системы, ее внутреннего духовного содержания внешней материальной среды. Таким образом, традиционный подход к построению сакрального пространства социума предусматривает не просто реконструкцию, но постоянное возобновление исторически сложившихся основ и принципов системы, которые сохраняются благодаря взгляду на каноны как на сакральные константы бытия. Историческое сохранение канона обеспечивается неуклонным следованием определенным образцам, имеющим своим истоком седую древность и обладающим определенной знаково-символической системой, выражаемой мифом. Таким образом, в истории становления и развития традиционного общества и государства всегда, при всех эволюционных изменениях, содержится определенный канонический алгоритм. И в этом смысле мы можем говорить о канонической государственности или прямо о государственном каноне.

Для того чтобы осветить тему канонического архетипа отечественной государственности как некоей изначальной сакральной матрицы социального бытия, которой, как определенному эталону, следовало древнерусское общество в лице его верховных классов, обратимся к работе А.В. Петрова «От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада». Речь в этой замечательной книге идет о становлении новгородского «республиканского» строя.

Сейчас в исторической науке принята несколько упрощенная схема, по которой Русь Владимирская развивалась со времен Андрея Боголюбского как монархическое государство, Русь Галицкая – как классическая средневековая олигархия, Русь же Новгородскую рассматривают исключительно как светоч национальной демократии, отдавая дань сегодняшнему поветрию на все «демократическое».

В книге А.В. Петрова убедительно показано, что Новгородская вечевая республика в самый начальный, да и зрелый период своего существования не имела ничего общего с сегодняшним расхожим представлением о демократии.

Более того, вопреки распространенному ошибочному мнению о прогрессивности республиканского строя в целом, автор показывает, что специфический вечевой уклад Новгорода представлял собой устойчивую общеславянскую архаику построения «классического» языческого социума. В нем не исключалась и очень важная, «монаршая» роль князя – предводителя дружины и верховного правителя, не лишённого сакрального отношения к себе со стороны подданных, роль жречества (впоследствии – духовное лидерство власти архиепископа) и власть полноправных членов новгородской общины, выраженная вечем и персонифицированная в образе посадника.

Очень похожее классическое построение древнеславянского общества можно найти у арабских авторов IX–X веков, когда они описывают древних вятичей (Вантит). Здесь мы тоже видим сакрального владыку на троне, который имеет много жен и чья функция заключается в самой персонификации верховной власти, имеющей неземной, по воззрениям язычников, источник. Рядом с верховным князем обязательно находится воевода, предводитель дружины. Высока в древнеславянском сообществе и роль волхвов и кудесников. Уже в то время у всех славян существуют также зачатки вечевого строя, т. е. совета полноправных общинников. Любопытно, что этот же архетип построения древнего социума нашел себе выражение и в древней Хазарии.

Новгородская вечевая республика нам интересна прежде всего тем, что эти древние институты развивались там и в более позднее время, приспособляясь к новым реалиям христианского социума, что для Руси стало явлением необычным.

Обратимся непосредственно к мыслям А.В. Петрова. Он, в частности, пишет: «...строй древнерусских вечевых собраний свою первоначальную санкцию получил в рамках дохристианского сознания и нес на себе его отпечаток. Важнейший признак русского средневекового права – неделимость верховной власти, нераздельность действий ее форм восходит к „одиначеству“ вечевой эпохи, предполагавшему как христианскую, так и языческую трактовку. Вечевое „одиначество“ имело не только политический, но и религиозный смысл, которое Христианство стремилось переработать в своем духе». Нетрудно заметить, что именно в этом «одиначестве» и за этой постоянной вечевой фрондой, столь досаждавшей князьям и царям Московским, уже крылись те принципы единоличной власти Самодержца, которые будут раскрыты и поняты соборным русским сознанием позднее и зафиксированы в Грамоте 1613 года.

Новгород интересен исследователю архетипических устоев древнерусского социума еще и своей своеобразной дуальной системой бытия. Разделенные рекой Волхов, Софийская и Торговая стороны города являлись вечными политическими соперниками вечевых собраний. Что же крылось за этим соперничеством?

А.В. Петров приводит в своей работе на этот счет мысли замечательного русского этнографа А.М. Золотарева, доказавшего универсальность дуальной системы как первичной формы социальной

организации человечества. В частности, А.М. Золотарев писал: «(дуальные) роды четко разграничены один от другого, не признают между собой родства и, несмотря на постоянные обменные браки, смотрят друг на друга как на чужаков. Отсюда постоянное соперничество между родами... В то же самое время первоначальные роды связаны между собой тесными брачными взаимоотношениями, совместной защитой от общих врагов. Отсюда – взаимность и общность многих функций: исполнение похоронного обряда над человеком противоположного рода, взаимная инициация мальчиков, обмен пищей во время различных церемоний; два вождя, представляющие первоначальные роды, во главе племени; наконец, каждое племя осознает себя как некое двуединство, как органическое соединение двух различных и в то же время тесно связанных родов».

Не повторяет ли данный архетип древности наше разделение и соперничество с частью русского народа, неожиданно ставшего называть себя украинцами? Сходство просто разительное!

Следующим этапом развития государственных институтов в Новгороде были уставы Ярослава Мудрого. По сути, актом монаршей воли и вопреки родовой аристократии Ярослав, утверждая вечевую республику на фундаменте равноправия свободных мужей, делал эту общину главным контрагентом княжеской власти в новгородско-княжеских отношениях. Тем самым он принимал на себя обязательство апеллировать именно к этому целому, а не править посредством аристократической верхушки. Обязательство князя мыслить Новгород как единое целое без предпочтения отдельных его составных, сословных или административных элементов стало весьма актуальным в XIII веке в связи с процессами внутригородской консолидации. Безусловно, своими действиями князь Ярослав укреплял личную власть в борьбе с родовой аристократией. В его планы нисколько не входило стать формальной фигурой республиканского строя. Действительно, он способствовал определенной консолидации и солидаризации разных новгородских сословий в условиях, когда перед лицом княжеской власти они оказывались равны. Любопытно, что именно эта социальная матрица получит свое дальнейшее теоретическое развитие в работах замечательного русского мыслителя И.Л. Солоневича и свою окончательную теоретическую формулу – в его труде «Народная Монархия».

Вообще историки отмечают, что в домонгольской Руси сложилась, и причем повсеместно, устойчивая матрица общественно-государственного устройства. Тройственная форма Верховной власти характеризовалась следующей структурой: князь, боярская дума, вече. И если на юго-западе единой Руси над вечем преобладала боярская рада, то на северо-востоке – князь. В Новгороде долгое время существовало устойчивое равновесие трех начал, пока не возобладало вече. Однако надо помнить слова русского историка А.Е. Преснякова, согласно которому «ни о единоличной, ни о коллективной государственной верховной власти древнерусских князей говорить не приходится, если не злоупотреблять словами». Г.В. Вернадский утверждал, что не только в Новгороде и во Пскове, но и по всей Руси именно вече держало в своих руках «дела высшей политики» земель-волостей. Верховная власть на Руси существовала в рамках довольно древнего «тройственного союза», не укладывающегося в рамки современных политико-юридических определений, в виде князя, веча и епископа.

Повторюсь: говоря о позднем периоде существования независимой Новгородской республики, ученые раньше, да и теперь злоупотребляют термином «демократия», искажая для современников облик истинной Новгородской державности, или «державства», выражаясь официальным языком XVI века. Именно так называл новгородское политико-территориальное образование в своих письмах Царь Иоанн Грозный. Если в Новгороде в XIV–XV веках и была демократия, то для нее мы вправе употреблять термин «теократическая демократия». Летописные списки главных должностных лиц Новгородского державства (а не Государства, так как государственная полнота власти принадлежала Царям Московским и всея Руси) содержат списки пяти высших категорий сановников: князья, посадники, тысяцкие, архиепископы и архимандриты. Последние особенно интересны уже в силу того, что эта важная политическая и властная должность всегда выпадает из внимания ученых. Новгородские архимандриты играли весьма важную роль в системе боярской республики. Дело в том, что архимандрит монастыря и архимандрит Новгородский – две разные должности по объему власти и функциям, и титулы эти совпадают лишь формально. Архимандрит монастыря есть настоятель пасомой им братии, архимандрит всея Новгорода есть важнейший сановник в социально-государственной структуре. Сейчас не время и не место углубляться в дальнейшие изыскания на этот счет. Отметим лишь, что наряду с архиепископом в верховных властных структурах есть и еще одно духовное лицо – архимандрит.

Что касается архиепископа, то напомним, что в его власти были даже собственные вооруженные силы – особый архиепископский полк. Власть и авторитет архиепископа постепенно вытесняли власть и авторитет приглашенных князей и посадников. В его власти мы видим все тот же древний индоевропейский архетип неразделенных властных полномочий царя и жреца в одном лице, столь ярко выраженный в древнем Риме, по-своему проявившийся в светской власти римских пап, носящих

древний царский титул верховного понтифика, присущий царям древности как верховным жрецам национального культа. Средневековые легенды о таинственном пресвитере Иоанне, правителе далекой христианской Индии, по-своему воскрешают этот древний архетип Верховного владыки, сосредотачивающего в своих руках власть духовную и светскую.

Древнейшие мифы Индии, отображенные, в частности, в «Бхагаватгите», говорят о том, что в глубокой древности жрецы-брахманы исполняли воинские функции, а цари из кшатриев, т. е. воинского сословия, совершали жреческие жертвоприношения. Речь об этом пойдет ниже.

Возвращаясь к политической роли архиепископа в Новгороде, напомним, что, кроме воинского подразделения, лично у него на службе были и дворяне. Например, потомки Григория Пушки в XV веке служили как Московским Великим князьям, так и новгородским владыкам. В свете этих данных можно заметить, что новгородцам, и в целом русским военным и государственным традициям, не так уж чужда была орденская, рыцарско-монашеская традиция наших средневековых соседей – ливонских немцев. И все эти данные в совокупности говорят о том, что феномен позднего Новгородского державства вполне корректно называть феноменом «теократической демократии», органически связанной с Верховной властью монарха.

Древнейшие корни монархической власти в России, да и в Европе лежат в древнейших функциях князя. Первоначальной формой княжеской власти, которая являлась повсеместным институтом языческих, раннеклассовых обществ, была власть племенного предводителя-военачальника. Племенные вожди не погибли вместе с породившим их родоплеменным строем, но заняли видное место в социальной пирамиде при новых условиях. Предводитель-князь оставался необходимым элементом социально-политического устройства племени и племенных союзов, предшествовавших раннефеодальному государству, выполняя ряд необходимых функций, главной из которых оставалось военное руководство. Но со временем к нему стали переходить и верховные жреческие функции, которые у многих индоевропейских племен были закреплены не за собственно жреческим сословием, а за царями-жрецами или старейшинами рода. Само слово «князь» относится к лексике, связанной с родоплеменными отношениями, и первоначально означало старейшину рода, имевшего также функции главного жреца. Не случайно в польском языке слово «князь» со временем стало обозначать священнослужителя – «ксендза». Однако заметим, что превращение родового вождя в сакрального монарха – процесс не простой и не линейный. Безусловно, монархия изначально строится по модели большой семьи, которая, совершенствуясь, создает развитые и прочные над-этнические институты, основанные на определенном праве, равно понимаемом всеми соотечественниками, что мы и видели на примере Новгорода. Возглавляет эти институты власть божественных избранников – священная и, безусловно, являющаяся таковой в глазах всего социума. Такая власть подобна отражению или персонификации власти Верховного божества в силу самого, зачастую чудесного, избранничества, а не только в силу старейшинства в роду. Иными словами, у истинно монархической власти, кроме аспекта биологического, появляется сакральное измерение, что и выделяет ее из арифметической суммы совокупности властных полномочий, традиционно закрепленных за старшим в роду как носителем нового властного качества. Часто появление сакрального государя в мифах и легендах отчетливо противоречит сложившемуся, «законному» порядку вещей. Это или чудесное рождение «от морского чудища», как у предка династии Меровингов, или незаконнорожденность от морганатической связи властвующей матери или отца. Типичным примером такого правителя в истории являются король Артур и наш князь-креститель Владимир.

Противореча законам земным, такой человек, рожденный незаконным, обретает власть по законам священного порядка, которые были зачастую более очевидными для сознания человека традиционного общества. И его личность, личность священного вождя, овеянная неземной славой, пронизанная сакральными энергиями, которые через него транслировались всему сообществу, через свою сопричастность первообразу Верховного божества способствовали формированию народной массы в единый национальный организм. Сказанное выше применимо как к сообществу языческому, так и к пониманию роли и значения христианского Государя.

В работах этнографа Д. Фрэзера показано, что на определенной стадии развития общества считалось, что Царь и жрец наделены сверхъестественными способностями и являются некими воплощениями божества. В соответствии с этими воззрениями полагалось, что ход природных явлений зависит от их деятельности. «Божественная личность является источником как благодетелей, так и опасности; ее надлежит не только оберегать, но и остерегаться. Священный организм вождя столь хрупок, что может прийти в расстройство от малейшего прикосновения, вместе с тем содержит в себе мощный заряд физической и духовной силы, разряжение которой может иметь фатальные последствия для всякого, кто приходит с ним в соприкосновение. Вследствие этого изоляция богочеловека необходима не только для его личной безопасности, но и для безопасности других». Считалось также, что Царь может утратить часть своей божественной природы, если будет править вопреки священным

законам миробытия, определенным в конкретных религиозных системах как универсальный, космический закон, например «рта» у древних арьев. Именно такое понимание сути царского служения и его сакральной природы лежит в основе столь удивительных фактов, как наличие царя у древних славян, который, по данным арабских источников, фактически ничего не делает и даже не сходит со своего Трона, своей недвижимостью как бы сохраняя неизменным священный порядок бытия. И именно из той дальней эпохи, когда такое воззрение на Царя и верховного владыку было повсеместным, по мнению многих современных историков, идет традиция располагать резиденцию князя поодаль от основного городского поселения. Более того, на нее налагалось табу, и простым смертным было воспрещено входить туда. Вероятно, именно такой резиденцией поначалу было Рюриково городище вблизи средневекового Новгорода. Важно отметить, что с древнейших времен и вплоть до падения Царской власти, в России считалось, что именно через сакральную фигуру Царя, в котором видели олицетворение божественного архетипа единоличной вселенской власти, и благодаря наличию на троне Царя, народу подаются блага Свыше. И именно Царь является гарантом того, что эти божественные благодеяния по отношению к народу не прекратятся.

Подчеркнем особо, что древний «тройственный» принцип власти не мог функционировать без «одиначества». Иными словами, это не было сегодняшнее разделение властных полномочий между судебной, законодательной и исполнительной властью. Власть мыслилась единой, и этот принцип составлял существенную черту древнерусского вечевого уклада. Без единодушия веча и нераздельности форм власти как нормы и обязательного правила подобный уклад функционировать не мог. И это «русское начало единомыслия» характеризовало весь политико-юридический быт и Руси домонгольской, и Руси Московской.

Именно из него, а не из некоего деспотизма князей или царей выросла органичная единоподержавная Русская монархическая власть!

А.В. Петров, автор уже упомянутой нами книги «От язычества к Святой Руси...», отмечает: «В политическом „одиначестве“ на Руси со временем воплотилось нечто большее, чем потребность в устроении власти. „Одиначество“ заявило о себе и как религиозно-нравственный принцип народной жизни, готовый и способный к христианизации. В определенном и важном смысле традиционные институты дохристианской Руси становятся теми „новыми мехами“ для „вина нового, учения благодатного“, о которых писал митрополит Иларион». И это единомыслие стало основой не только нравственной жизни христианского этноса, но и крепким фундаментом такой государственной организации, которая в наибольшей степени отвечала нормам и этике этого «одиначества» – самодержавной монархии. Из древнего вечевого «одиначества» органически вырастала единоличная царская власть, следовавшая установившемуся издревле политическому порядку, стержнем которого являлась строгая централизация и безусловное подчинение неделимой верховной власти всех сословий. Сами корни нашей Самодержавной власти имеют несомненно народоправственную, демократическую, если угодно, природу».

В.О. Ключевский совершенно верно писал, что Московское государство не было «договорно-правовым», но, строясь и вырастая, среди упорной борьбы за свое существование, представляло собой «вооруженную Великороссию, боровшуюся на два фронта». В боевом стане, которым было Русское государство, на первый план выдвигались не права сословий, цехов, корпораций, но обязанность всех и каждого бороться за веру и отечество. Одни служили с оружием в руках, другие платили подати в казну. «И над первыми, и над вторыми возвышалась власть московского Государя, неизбежно большая по объему, чем власть современных ей монархов Европы, приобретающая религиозную санкцию и своеобразный отечески-покровительственный оттенок», – замечает А.В. Петров.

Но строй посламонгольского Великорусского государства, ставшего блестящим историческим ответом на суровый вызов внешней угрозы, не стал в русской истории концом «мирской» политической традиции. Земское самоуправление всегда бытовало в России, и уничтожение новгородского веча не означало уничтожение народоправства как такового. Собирая воедино Русь, Москва собирала и особенности местных укладов, органически включая их в уклад общегосударственный. Эпоху максимального вечевого народовластия в Новгороде и времена становления Московского Самодержавия прочно связывает воедино древнерусское начало «одиначества», единомыслия и неделимости власти как таковой, неделимости по ее природе, что было абсолютно ясно для русского сознания, мирского и религиозного, тогда и теперь.

Вне учета и понимания этого факта нам не удастся объяснить ни характера и особенностей самой Московской монархии, ни ее нравственно-религиозного, общемирового значения как максимально возможного на земле, воплощенного идеала христианского общества, ни характера Земских соборов и боярской думы, ни взаимоотношений этих уникальных русских властных институтов, ни их роли в структуре самодержавной власти.

Архетип самодержавной государственности в традициях древности и современном осмыслении

Из всех древних традиционных обществ особый интерес у нас вызывает Индия, и это неслучайно. Наследие древних арьев, нашедшее свое отражение в священных текстах вед, в мифах и сказаниях, в легендах, литературе и законах, дает наибольшее представление о тех священных истоках всей индоевропейской цивилизации древности, о тех сакральных архетипах власти и построения государства, которые с древних времен до наших дней незримо, подчас прикровенно, являются жизнеобразующими факторами для многих современных социально-политических систем.

С определенной долей условности в отношении индийского наследия мы можем говорить о наиболее ярком и последовательном воплощении и развитии тех традиций и воззрений на священные основы монархии и самого государственного организма, которые были в той или иной мере присущи всем индоевропейским народам седой древности.

В Индии не существовало политической философии как таковой, однако наука управления государством всемерно развивалась. До наших дней дошел целый ряд письменных памятников, посвященных этому вопросу. «Данданити» (Наука о наказании) или «Раджанити» (Политика Царей) были науками вполне практическими. Сами эти тексты только вскользь касаются философского аспекта политики, но они дают подробные советы относительно организации государства и ведения государственных дел. В поздневедической литературе иногда сообщаются некоторые сведения о политической жизни и теории в добуддийский период. Вполне информативен по этой проблеме и буддийский палийский канон. Однако самой ранней и значительной книгой, посвященной вопросам управления государством, является «Артхашастра», приписываемая Каутилье, знаменитому министру Чандрагупты Маурья. Важным источником для нас может служить и великая эпическая поэма «Махабхарата», двенадцатая книга которой, известная под названием «Шанти-парва», представляет собой собрание, в сущности, самостоятельных сочинений об управлении государством и правилах поведения, введенных в основной текст в первых веках нашей эры. Тексты об искусстве управления государством можно встретить и в других частях «Махабхараты», а также еще в одном знаменитом эпосе, «Рамаяне». Наконец, кроме источников, напрямую касающихся практики и теории политического управления, много сведений дает вся индийская литература, начиная с самой священной книги арьев – «Ригведы».

Особенным вниманием в политических текстах, разумеется, пользуется царская власть как таковая. Самую раннюю из легенд о ее происхождении мы находим в «Айтарее брахмане» – одном из поздневедических текстов, относящихся к VII веку до Р.Х. Это произведение повествует о войне богов с демонами, в которой боги терпели поражение. Тогда они собрались на совет и порешили, что им необходим раджа, т. е. Царь, который руководил бы ими в сражении, тем самым взяв на себя функции военного вождя. После избрания таким Царем Сомы победа не заставила себя ждать. Этот «царский» миф убедительно показывает, что верховная власть считалась основанной на естественной потребности социума в военном предводительстве. Это и стало первой обязанностью Царей. Позднее этот миф повторяется в «Тайттирия упанишаде», но в несколько иной редакции: поверженные демонами боги не избирают раджу, а приносят жертву верховному божеству Праджапати, который ставит над ними Царем своего сына Индру. Здесь сохраняется понятие о Царе как о военном вожде, но не только. В его военном предводительстве уже есть определенная сакральная черта, которая не просто организует толпу в войско, но и является обязательным условием его боеспособности как духовного свойства человеческой природы. «...те, у кого нет Царя, не могут сражаться», – говорится в тексте. Верховная власть в этом мифе получала божественную санкцию и сама становилась божественным институтом, у истоков которого стоял бог громовержец, Царь бессмертных богов, который стал прототипом земных владык, занимая свой Трон по назначению Всевышнего. Еще до эпохи Будды Царь в глазах древних арьев был вознесен намного выше простых смертных, благодаря огромной магической силе ритуала. Его облакала божественной властью церемония царского посвящения, «раджасуя», предшественница миропомазания православных самодержцев, которая в своей полной форме длилась более года и состояла из ряда жертвоприношений.

Во время этих обрядов Царь отождествлялся с самим богом Индрой, «ибо он кшатрий, и он же – приносящий жертву», и даже с самым высшим богом Праджапати. Приносящий жертву Царь становился вровень с жреческим сословием брахманов, предвосхищая таким образом функцию Христианского Царя как «внешнего епископа Церкви», наделенного как царскими, так и священническими полномочиями. В «раджасуе» Царь делал три шага по шкуре тигра, тем самым магически отождествляя себя с богом Вишну, чьи три шага охватывают небо и землю. Главный жрец обращался к богам со словами: «Могущественной властью обладает тот, кто посвящен; отныне он стал

одним из вас; вы должны защищать его». По сути, Царь считался соратником богов, если не самым земным богом.

Магическая сила, приобретенная Царем в посвящении, поддерживалась и увеличивалась на протяжении его правления дальнейшими священными обрядами: ваджапея – своего рода церемония омоложения, и ашвамедха – жертвоприношение коня, которые не только способствовали возвеличению Царя, но и обеспечивали царству процветание и изобилие. Главным смысловым стержнем всего ритуала была идея о божественном предназначении Царя, и хотя позднее «раджасуя» была заменена более простой церемонией «абхишекой», т. е. уже прямым помазанием, она сохраняла первоначальный сакральный смысл.

Этот смысл не терял своего значения и в дальнейшем. Автор «Артхашастры», вполне рационально осознавая земную природу царей, понимал, что легенды о небесном происхождении самодержцев имеют важное обрядово-магическое значение для устойчивости власти вообще.

Ашока и другие цари из династии Маурья принимали титул «милый богам». В точности так же прозывался и русский князь Андрей Юрьевич «Боголюбский».

Маурьи не претендовали на полное равенство с богами, но подданные, в соответствии с традицией, продолжали смотреть на них как на полубожественных существ. Представление о вселенском правителе джайнов зафиксировано в эпических поэмах. Многие легендарные цари – например, Юдхиштхира или Рама – именуются дигвиджайинами – покорителями четырех сторон света. Вселенский правитель мыслился как предопределенная божеством личность, которой отводилось особенное место в космической схеме, поэтому он находился на положении полубога. Это предание вдохновляло монархов Средневековья принимать титул вселенского императора.

Племена шаков и кушанов принесли с собой в Индию новые веяния. Их цари, следуя практике персидской династии Селевкидов, принимали полубожественный титул «тратора», эквивалентный греческому «сотер» («спаситель»). Они не удовлетворялись простым титулом раджи, который носил великий Ашока, но по персидскому обычаю становились «великими царями» («махараджами») и даже «царями царей» («раджатираджа»). Кушаны принесли с собой и особый царский титул – «девапутра», что значило «сын богов». Все эти титулы способствовали тому, что открыто провозглашалась доктрина божественного происхождения царской власти.

Раньше всего она появляется в эпосе и в «Законах Ману». В последних эта мысль провозглашается в возвышенных выражениях:

«Когда люди, не имеющие царя, рассеялись во все стороны от страха, владыка создал царя для охраны всего этого мира...

Извлеки вечные частицы Индры, Анилы, Ямы, Солнца, Агни, Варуны, Луны и Владыки Богатств (Бог Кубера)...

Так как царь был создан из частиц этих лучших из богов, он блеском превосходил все живые существа...

Даже (если) царь – ребенок, он не должен быть презираем (думающими, что он только человек), так как он – великое божество с телом человека».

Идеал вселенского правителя еще больше возвеличивался возрождением таких брахманских обрядов, как жертвоприношение коня, которое, очевидно, утратило свое значение в период династии Маурьев, но было воскрешено Шунгами и совершалось многими более поздними царями на севере и на юге Индии. Через него даже мелкие государи претендовали на титул легендарных вселенских властелинов.

О Царе говорит и знаменитая «Рамаяна»:

«В стране без царя увенчанная молнией громогласная туча не окропляет землю небесной водой...

В стране без царя ни сын не повинуетя отцу, ни жена (мужу)...

В стране без царя люди не создают радостно ни дворцов для собраний, ни прекрасных садов, ни храмов...

В стране без царя богатые не имеют защиты, земледельцы и пастухи ложатся спать с запертыми дверями...

Как реки без воды, как лес без травы, как скот без пастуха, – страна без царя».

Мифопоэтический рассказ о первочеловеке Ману в «Махабхарате» имеет много схожего с Библейской традицией происхождения человека. Буддийская легенда дополняет этот образ, повествуя, что люди, утомленные бедами и неправдами, наносимыми друг другу, обратились за помощью и советом к богу Брахме, и тот дал им в качестве божественного царя первого человека Ману.

Своим божественным архетипом земное царство имело царство небесное. В одном из мифов царство верховного бога громовержца древних арьев – Индры описывается так: «Когда была добыта амрита из вод океана и боги победили асуров и изгнали их в подземный мир, Индра воцарился над

вселенной, и наступили счастливые времена. Тучи проливали обильные дожди, земля дарила богатые урожаи, жители миров благоденствовали, следуя стезей благоденствия и долга. Цари правили по законам справедливости, заботясь о благе подданных, брахманы совершали предписанные обряды и исполняли благочестивые обеты в мирных лесных обителях. И могучий Индра, победитель асуров, видя, что все живые существа во вселенной наслаждаются миром, счастьем и процветанием, сам преисполнился великой радости.

И он правил мирно в своем небесном царстве, в тысячевратном городе Амаравати, полном золота и драгоценных камней. Путь в тот небесный город лежит через северные склоны, до вершины Меру и от нее далее по звездной дороге; но прекрасный город небожителей невидим для глаз грешника. Близ города Индры зеленеет дивная роща Нандана, место отдохновения богов и небесных мудрецов. У входа в город стоит на страже божественный слон Айравата, огромный, как облако, прародитель слонов, возникший из вод молочного океана; на нем объезжает свои владения Индра, когда мир стоит во вселенной и отдыхает его боевая колесница. В самом городе – сто великолепных дворцов, но самый большой из них – украшенный лотосами дворец Индры, который он сам построил. В том дворце Индра восседает на троне под белым опахалом со своей супругой Шачи, окруженной богами и святыми мудрецами. Туда, в царство Индры, уходят герои, павшие в битвах. Там простирает ветви с благоухающими цветами чудесное дерево Париджата, которое Индра добыл при пахтании океана и подарил богине Шачи. Там вечно цветут сады, и ни холод, ни жара не угнетают обитателей небесного града. Они не ведают ни старости, ни недугов, ни страха. Взоры их услаждают плясками прекрасные апсары, а гандхарвы нежат их слух восхитительными мелодиями. Но только благочестивых и добрых людей, исполнивших свой долг на земле, и доблестных воинов, не отвративших лица перед смертью в бою, принимает в своей блаженной обители Индра». Нетрудно заметить, что перед нами описание утерянного рая, образ которого преломлен через религиозные и психологические особенности и традицию восприятия священного древнего ария.

Связь земных царей и священного миропорядка открывается нам в мифе о войне царя-демона Раваны с кшатриями. Царь Марутта совершал жертвоприношения, когда услышал о наступлении войска демонов. Он схватил свой лук и стрелы и готов был ринуться в бой, однако брахман Самварта заступил ему дорогу и предупредил: «Ты не должен прерывать это жертвоприношение, иначе гибель грозит всему твоему роду». И Царь незамедлительно вернулся к своей священной обязанности. В мифологическом повествовании «Равана в подземном мире и на небесах» мы находим следующий сюжет. Проведя ночь на вершине горы Меру, Равана вступил во владения бога луны Сомы. По пути туда он увидел воина в богатых одеждах, ехавшего по небу на колеснице. Множество прекрасных божественных дев – апсар следовало за ним.

Пикантная подробность: небесные девы осыпали воина поцелуями. Равана спросил случившегося поблизости небесного мудреца: «Скажи мне, о брахман, кто этот бесстыдный гуляка на колеснице, окруженный апсарами? Или ему неизвестно, что близко грозное войско ракшасов?» Мудрец ответил: «О, сын мой, это – благочестивый Царь, отличившийся доблестью в своей земной жизни и неукоснительно почитавший богов предписанными обрядами. Ныне он следует в небесное царство, чтобы вкусить после смерти плоды своего добродетельного поведения. Не должно причинять ущерба праведному, о владыка ракшасов!»

Иногда Цари в земной жизни серьезным образом преступали дозволенные границы. В мифологическом повествовании о Царе Вена и сыне его Притху сказано, что Вена со стороны матери унаследовал дурной нрав. Когда после кончины своего отца он провозгласил себя государем, то немедленно пошел войной на соседей. Покорив же их и возвысившись над ними, Вена очень возгордился. Он запретил жрецам в своем царстве приносить жертвы богам и объявил повсюду, что отныне никто из его подданных не смеет почитать их, молиться им и восхвалять их в гимнах и что брахманы не будут больше приносить дары ни серебром, ни золотом.

«Только я один достоин, – говорил надменный Вена, – величаний и славословий, только мне подобает принимать дары и жертвы. Боги возвещают свою волю моими царскими устами – я на земле их наместник».

Брахманская традиция, донесенная до нас многими литературными памятниками, неоднократно обращается с предупреждением к царям, что они, пренебрегая священными законами своей земной миссии и склоняясь к мирскому образу жизни, могут накликать на себя гнев богов. Более того, многие цари древности пали жертвами интриг брахманского сословия, когда, по мнению последнего, сходили со священного царского пути. В «Махабхарате» выражено явное одобрение мятежа против царя-угнетателя или царя, неспособного к выполнению обязанностей по защите подданных. Такой царь, говорит «Махабхарата», вовсе не царь, и должен быть убит, как бешеная собака.

Но в древней Индии брахманское сословие и освященные традицией нормы были не единственными преградами царскому самовластью. Все руководства по государственному

управлению советуют царям прислушиваться к совету своих министров, которым, в свою очередь, рекомендуется быть бесстрашными в споре. Зачастую эти благие пожелания приводили к тому, что цари падали жертвами интриг своих советников.

Власть ведийского раджи ограничивало и народное или представительное собрание. Хотя в последующие времена эти собрания утратили свою политическую роль, царю тем не менее советовалось прислушиваться к мнению народа и не оскорблять его явно. Интересно, что, в соответствии с «Рамаяной», царь Рама, который был идеалом для последующих правителей, изгоняет свою супругу по причине того, что подданные подозревают ее в неверности.

Представление о государстве как о едином организме, возвышающемся над своими составными частями, всегда существовало в древней Индии, хотя и в несколько расплывчатой форме. Согласно излюбленной классификации древнеиндийских мыслителей, насчитывалось семь обязательных элементов государства, так называемых «анга», что означает члены или части человеческого тела. В некоторых рукописях «Артхашастры» добавлен и восьмой элемент – противник. Этот восьмой элемент заставляет нас вспомнить политическую доктрину Карла Шмита, изложенную в середине прошлого века, о необходимости противника для внутреннего сплочения и самоорганизации любой политической структуры.

Однако в целом общественная жизнь древней Индии основывалась на вековых религиозных и варново-кастовых традициях существования социума, которые ставились выше государства или вообще почитались независимыми от него. Царская власть должна была служить устоявшейся структуре варнового общества, и государство представляло собой орган, а вернее – инструмент этой власти. Традиция такой рыхлой государственной структуры, конечно, была не в силах противостоять натиску мусульман и в итоге уступила на севере Индии государственную сферу именно мусульманским самодержцам, проявив, однако, живучесть в области религии и социальной стратификации.

Что касается священных обязанностей индийских царей, то они были следующие: защита территории от внешних врагов, защита жизни, имущества, веры и обычаев народа от врагов внутренних. Он должен был строго хранить чистоту сословий и каст, следя за тем, чтобы не нарушались кастовые обычаи. Он охранял институт семьи, наказывая за супружескую измену. Он являлся гарантом справедливого распределения наследства. Царь защищал вдов и сирот, беря их под свою опеку. Он защищал богатые слои общества от грабителей и бедняков – от вымогательства со стороны богатых. Царь своими дарами обязан был поддерживать храмы и брахманское сословие. Зачастую его благорасположением пользовались и неортодоксальные религиозные секты. Царь являлся инициатором крупных ирригационных проектов, вел борьбу с голодом и вообще поддерживал экономическую устойчивость страны. Быть благодетелем для своего народа – к этому идеалу следовало стремиться каждому монарху. Из индийских самодержцев не только Ашока утверждал, что все люди – его дети, и находил истинное удовольствие в неустанной государственной деятельности. В «Артхашастре», где, в общем и целом, одобряется любая бесчестная деятельность, если только она нацелена на захват власти, тем не менее в сильных выражениях описывается идеал исполнения царского долга, который не устарел и сегодня для любого правителя любой державы.

Сравнивая Царя и аскета, автор этого произведения говорит:

«Ведь обет Царя – это его деятельность, его жертвоприношения, его повеления по делам...

Счастье Царя в счастье подданных – в том польза Царю.

Поэтому Царь, всегда напряженный в работе, пусть велит делать, что нужно. Корень того, что нужно, – это напряженность в работе, противоположное – корень вреда».

Совершенно в духе древнеиндийских трактатов смотрел на государство и знаменитый китайский мудрец Конфуций. Он утверждал, что гармонический миропорядок осуществляется через правильное политическое устройство с монархом во главе, который является гарантом необходимого для мира и социальной гармонии благословения небес.

В Японии в раннем Средневековье у кормила реальной политической власти в стране становятся сегуны-военачальники, но императорская власть остается священным принципом самого существования государственности и гарантом священного порядка в стране. Император остается личностью, осененной божественным присутствием в глазах японцев и самих сегунов. Такое двоевластие мы видим и у многих европейских народов, и в Хазарском каганате.

Интересно, как взгляды на идеальное царство на Востоке отобразились в западной традиции. В этой связи в первую очередь обращает на себя внимание древнее европейское предание о Царстве пресвитера Иоанна далеко на Востоке, в преддверии Рая. Это предание стало известным в эпоху Крестовых походов, когда европейцы ближе познакомились с восточными странами. В «Великолепном трактате о расположении царств и островов в Индии, равно как об удивительных вещах и разнообразии народов» мы находим описание жизни и правления пресвитера Иоанна,

великого патриарха христиан Индии и Эфиопии. В трактате говорится: «Имя „пресвитер Иоанн“ у индийцев и эфиопов является повсеместно принятым обращением к их верховному понтифику. Оно свидетельствует о его смирении, точно так же, как и римские понтифики обычно называют себя „раб рабов Божиих“ и воспринимают это выражение как самый высокий титул. Это наихристианнейшие и истинные почитатели Господа нашего Иисуса Христа: в Эфиопии они приняли крещение сначала от апостола Матфея, а затем евнуха царицы Кандакии, а в Индии блаженный апостол Фома обратил людей в веру Христову. И всеми этими христианами и народами правит верховный понтифик и император пресвитер Иоанн. Ему поклоняются семьдесят два царя, ежегодно приносящих ему дань». Интересно, что число царей соответствует преданию о том, что после вавилонского смещения человечество разделилось именно на такое количество языков. На Западе про пресвитера Иоанна рассказывали, что его владения простираются на сто шестьдесят два архиепископства, а его столица расположена в городе Бибрик. Когда пресвитер выступает в поход против врагов Христа, то впереди его огромного войска несут двадцать богато украшенных крестов. Когда же пресвитер Иоанн отправляется куда-либо, то, по обычаю архиепископов, повелевает нести перед собой простой деревянный крест в память о страстях Господа Иисуса Христа, а сзади – золотой сосуд, наполненный землей, – как напоминание о дне своей смерти. Царство пресвитера Иоанна описывается как идеал справедливости и гармонии жизни, отчетливо напоминая древние предания Индии, приведенные нами выше. Образ этого владыки надолго стал эталоном священного царского служения для средневековых европейцев.

На протяжении последних двух столетий западная мысль неоднократно обращалась к теме традиционной государственности как таковой в силу того, что именно на Западе началось крушение этой государственности.

Великий итальянский мыслитель Юлиус Эвола, к авторитетному мнению которого мы еще не раз будем обращаться, писал: «Запад больше не знает государства, государства как ценность, как Империю, как синтеза духовного и царского, как пути к „сверхмиру“, таким, каким оно было во всех великих культурах древности».

Подозреваю, что православная публика, особенно из числа неофитов, отличающихся особым «талмудическим» нетерпением к неправославным авторам, будет фыркать в негодовании. Тем не менее рискну дополнить свое исследование вопроса мыслями этого неординарного философа нашего времени.

Во избежание подробных ссылок, которые утомляют зрение творческого читателя, сразу оговорюсь, что к рассмотрению мной взята единственная книга Эволы «Люди и руины» в прекрасном переводе В.В. Ванюшкиной.

Будучи знатоком древних цивилизаций, Эвола четко определял отличия государства органического и традиционного от тоталитарного, которое всегда есть законный продукт предшествующей либеральной системы ценностей в обществе. Например, он совершенно справедливо считал, что характерной чертой итальянского фашизма был его тоталитаризм: интересы государства в нем ставились выше духовной личности индивидуума.

Между тем в основе традиционных ценностей всегда стоит духовная человеческая личность, противостоящая простой индивидуальности. Эвола подчеркивал, что личность есть дифференцирующая сущность, лежащая в основе фундаментального неравенства людей. Индивидуум и современный либеральный индивидуализм – это простое сведение человеческого существа к атомарной единице. Тоталитаризм всегда характеризуется крайним централизмом и навязываемым универсализмом. Органическое государство – это антитеза государству тоталитарного типа. По мысли Эволы, органическая структура централизована только по отношению к своему фундаментальному Принципу, неразрывно связанному с духовной Традицией, но ее отдельные части вполне автономны. То, что в фашизме представлено фигурой вождя, в органическом обществе представлено принципом власти, исходящим из духовной традиции общества, его веры, и воплощается в сакральной фигуре Государя, правящего по воле Божией, проводником которой на земле он, в известном смысле, является. Власть монарха опирается не непосредственно на народную массу, но через систему иерархически соподчиненных социальных страт пронизывает все общество. Его автономность выражается еще и в том, что в органическом государстве Государю, до известной степени, совластен руководящий политический класс – подлинная аристократия. Фашизм Эвола считал «слишком плебейским» и демагогическим. Таково же и мнение О. Шпенглера касательно немецкого национал-социализма, который мыслитель считал тоже слишком плебейским и называл национал-социалистов «пролетарийцами». В целом и итальянский, и немецкий мыслители усматривали в тоталитарных системах XX столетия последний и закономерный продукт либерализма. Эта мысль более всего справедлива в отношении большевизма и его сталинской тоталитарной системы.

Для сего дня особенно интересными для нас являются мысли французских ученых и деятелей

культуры, которые были вынуждены заново осмысливать сам институт канонической традиционной государственности после вакханалии Французской революции. Ужасы революционного террора и последующего увядания великого Французского государства королей и кардиналов при республиканском строе заставили по-новому осмыслить древнюю государственную традицию и прийти к выводам, которые более чем актуальны и сегодня не только для Европы в целом, но и России. Для иллюстрации этих мыслей и настроений воспользуемся статьей Юрия Арсеньева, написанной еще в 1930 году для парижского издания «Младороссъ» и воспроизведенной недавно в журнале «Европеец» № 1(11). Статья носит название «Французский неороялизм».

«Вот, например, свидетельство знаменитого писателя Поля Буржэ, который заявляет, что, по его мнению, „монархия является единственной формой правления, соответствующей новейшим данным науки“. „Очень знаменательно, – говорит он, – что идеи, которые вызвали в свое время революцию, оказываются теперь противоречащими тем принципам, которые современная наука на основании данных опыта признала законами политического здоровья. Таков, например, закон непрерывности эволюционных явлений жизни, который, если его приложить к социальным организмам, окажется прямо противоположным идее народного суверенитета, основанной на численном превосходстве. Если источник верховной власти – в сегодняшнем большинстве, то страна не имеет возможности развивать последовательную и длительную деятельность“.

«Другой закон развития жизни, – продолжает Буржэ, – это – закон отбора, то есть установленной наследственности, которому в области социальной ничего не противоречит как равенство... Это совпадение монархической доктрины с истинами, ныне признанными наукой, является одним из утешительных фактов переживаемой нами печальной эпохи. Значение этого факта не меньше, чем было в свое время значение созвучия республиканского образа правления с философией Руссо»... Программа монархистов является поэтому, по мнению Поля Буржэ, «самой широкой, самой разумной и самой обоснованной из всех программ, которые ныне предлагаются добрым французам».

Интересно, что даже мысли о традиционном институте монархии западный человек должен облекать в антитрадиционные одежды научной доказанности и рациональности. Ну что поделаешь – веление времени. Тем более, что в этом вопросе Буржэ действительно прав. Даже современная рационалистическая наука вынуждена признать, что республиканский способ правления с его постоянными выборами, отсутствием преемственности власти и элиты, с его угождением мнению толпы, которая сама не понимает своего блага и желания которой часто оборачиваются ей же во вред, есть наименее рациональный способ существования развитого социума.

В то же время французские пореволюционные монархисты выступали со следующей программой. Пункты процитируем по статье Арсеньева.

«Вот главные пункты этой программы:

- 1) Наследственность верховной власти – ее сила и постоянство, соответствующие (параллельные) силе и постоянству нации.
- 2) Уничтожение парламентаризма, несовместимого со свободой и ответственностью монарха.
- 3) Децентрализация: территориальная, административная, профессиональная, религиозная.

Монархия, – говорится в программе, – будучи явлением постоянным, дает постоянство всему, что ее окружает, так как всей своей силой она обеспечивает действительность своих мероприятий. Поэтому она без риска может быть смелой и, некоторым образом, дерзновенной. Республиканская власть, напротив, – власть слабая, по самой своей природе. Это – власть кратковременная и изменчивая, в силу своей коллективности. Пределы, ею устанавливаемые, рамки, ею создаваемые, – непрочны и постоянно колеблются. Ей свойственно поддаваться воздействию стихийных безответственных сил. Она всегда заходит дальше, чем того желала. Приходится опасаться малейших ее починов, ибо все с ее стороны всегда опасно, всегда подозрительно».

Далеко не случайно за эту власть выступают все антигосударственные и антисоциальные, антинародные элементы и группы, паразитарное существование которых только и возможно при такой форме власти.

«Республика не может возвыситься над задачами дня до понимания задач государственной жизни в ее целом, на что способна только монархия».

Из всех указанных пунктов программы, приведенной выше, интересен в особенности третий. Децентрализация действительно возможна при монархии, когда Государь может одновременно поддерживать живое единство страны и давать возможность развития региональных и национальных особенностей подданных. Он достаточно могущественен, чтобы как гарантировать единство подданных, так и обеспечить их своеобразное и культурное различие на бытовом уровне. Республика в процессе децентрализации неминуемо деградирует и распадается, что мы можем наблюдать по сегодняшнему дню. Республика всегда стремится укрепить себя за счет жесткой централизации и укрепления вертикали власти, неминуемо готовя почву новым тоталитарным эксцессам. Сохранять

государственное единство и свободу национального и культурного развития без насильственного нивелирования народных обычаев способна только монархия. Централизация при республике означает, что центральная власть возлагает на себя всю ответственность. Но для того чтобы с этой ответственностью справиться, республиканская власть, вопреки своей природе, должна поглощать все свободы и требовать для себя максимального авторитета. Это протоптанная дорожка к тоталитарной диктатуре. В настоящее время этот синдром республиканского «цезаризма» особенно заметен в России. Однако именно этот факт вселяет в нас оптимизм, так как это есть несомненная стадия постепенного перехода России к органической государственности, столь свойственной ей и ее пространствам, ее историческому пути. Только монархия обладает тем постоянством и обеспечивает прочность и законность общественного строя, которые являются необходимыми условиями для творческой деятельности социальных групп и индивидуумов.

Французский политический деятель Шарль Моррас считал, что «только монархия настоящим образом обеспечивает свободу и права граждан. Гарантии, даваемые гражданину республиканским государством, абсолютно теоретические. На практике они совершенно исчезают. Монархическая же система, уважая высшие права государства (которых республиканская теория не хочет признавать), дает гражданину гарантии практические, фактические, которые хотя и не являются в теории не нарушаемыми, однако на практике нарушаются с трудом. Свобода в республике является правом, но только правом, тогда как в национальной монархии она есть факт определенный, осязаемый». Моррас считал, что государственный порядок состоит из двух элементов: авторитета и свободы, причем в нормальном государстве господствует гарантирующий авторитет, а в республике – свобода, его отрицающая. Республиканская свобода не требует от гражданина никакого реального политического действия, кроме, часто абсолютно бездумного, голосования. Таким образом, демократическое государство отучает граждан от самостоятельности и самостоятельного устройства своих дел, усыпляет в них истинную гражданственность, превращая гражданина в невежественного и малодушного лентяя, вытравливая из него политическую волю. С другой стороны, республиканское, демократическое государство вмешивается во все, даже в «продажу спичек», и контролирует все стороны жизни, не имея возможности полноценно осуществлять долгосрочное государственное планирование и руководство. Все это ведет к неминуемой деградации общества и отдельного человека. Замкнутый, порочный и алогичный круг демократической государственности заключается в том, что те же люди, которые отучают гражданина мыслить политически и разрешать знакомые для него вопросы обыденной жизни, дают тому же самому гражданину-избирателю абсолютное право выбора и суждения в недоступных для него сферах государственного строительства. Впрочем, с этим мнением затем и не считаются. Такое положение вещей Моррас называл «самой поразительной из всех конституционных фикций».

Критика демократии у Морраса совершенно совпадает с мыслями нашего соотечественника Л.А. Тихомирова. Республика действительно не способна организовать социальные силы нации в здоровый государственный организм.

«При парламентском режиме социальный строй нации вырастает вне государства, которое признает себя лишь суммой отдельных граждан, а не суммой свободно сложившихся социальных групп. Поэтому опека над гражданином становится уделом администрации, поэтому „казенщина“ вытесняет гражданство, и самоуправление граждан осуществляется не в реальности местных условий, а лишь в тех исполинских рамках, в которых всякое самоуправление становится лишь фикцией, – в рамках общегосударственных».

Такой нелепый порядок вещей может быть устранен только при монархическом правлении. Моррас полагал, что национальная монархия реально может сочетать в себе авторитетную центральную власть с широко развитым, свободным общественным самоуправлением. Такое видение монархического государства совпадало у французских роялистов со многими мыслями об органическом монархическом строе в трудах Л.А. Тихомирова, младоросской концепцией соборной монархии и с мыслями И.Л. Солоневича, изложенными им в труде «Народная Монархия».

Традиционная национальная монархия становится покровительницей и поощрительницей всего выдающегося и талантливого, что есть в народе. Именно по этой причине ей необходимо опираться на передовые, отборные элементы нации.

И в этом вопросе и западная, и российская монархическая мысль возвращаются к истокам европейской цивилизации – к древнегреческой мудрости, давшей эталонные представления о сущности государственности как таковой.

Древнегреческий историк Полибий говорил, что страна поистине блаженна, когда в ней пребывают в гармонии верховная монархическая власть, аристократия и народ, обладающий действенными низовыми демократическими институтами самоуправления. Все эти воззрения в конечном счете восходят к седой арийской древности и нашли свое каноническое воплощение в

трудах философа Платона.

По Платону, совершенное государство подобно перворожденному, корневому первопредку, давшему рождение другим государствам, которые, по природе вещей, являются вырожденными потомками этого совершенного, наилучшего, идеального, государства. Идеальное государство Платона не есть просто фантазия, мечта, игра нашего воображения, философская идея-матрица. Учитывая его каноническую неизменность, можно утверждать, что оно более реально, чем все современные псевдогосударственные образования, которые пребывают в текучем состоянии и в любой момент могут исчезнуть. Платон полагал, что закон вырождения включает в себя и морально-нравственное вырождение человечества. Как политическое вырождение прямо связано с моральным вырождением граждан, так и моральному вырождению предшествует физическое, являясь следствием смешанных браков и потери чистоты типа государствообразующего народа.

В своих трудах «О Государстве» и «Тимее» Платон развивал мысль, что первоначальной или исходной формой общества, которая в то же время в наибольшей степени была подобной форме или идее государства – «наилучшим государством», – было царство мудрейших и богоподобных людей. Этот идеальный город-государство был настолько совершенен, что трудно даже представить, как он мог вообще изменяться. И все же распря – движущая сила всех перемен привела к деградации первоначального государственного идеала. Согласно Платону, внутренняя распря, классовая война, подпитываемая эгоистическими и материально-экономическими интересами, является главной силой социальной энтропии. Четыре наиболее характерных периода или «вехи в истории политического вырождения», которые одновременно являются важнейшими разновидностями существующих государств, описываются Платоном следующим образом.

Первой на смену совершенному государству приходит «тимархия» – господство благородных воинов. За ней идет «олигархия» – правление богатых родов. Из нее возникает отличная от нее «демократия» – царство свободы, следствием которой является беззаконие. А четвертым и последним заболеванием государства является «тирания» – законное дитя демократии. Российская история с блеском продемонстрировала в XX веке, как можно за пять лет пройти все этапы государственной деградации. Платон выделяет в своей «Политике» шесть типов вырожденных государств. Существуют три консервативные, в определенном смысле законные формы государственного бытия и три совершенно порочные. Монархия, аристократия и консервативная форма демократии являются в порядке убывания их ценности законным подражанием совершенному государству. Однако демократия может вырождаться в незаконную олигархию, что мы наблюдаем в родном Отечестве сегодня, а последняя, по Платону, заканчивается все той же тиранией. Беззаконие немногих становится беззаконием одного.

Каждая из характерных стадий вырождения государства – следствие соответствующих стадий вырождения человеческой души, телесной природы, человеческого рода вообще. Моральное вырождение, по мнению Платона, вытекает из биологического вырождения человека. История падения совершенного государства – это история вырождения человеческого рода. Таков урок античной мудрости, принесший нам не только понятие о государственном совершенстве, но и изложение его связи с человеческой природой, с духовным настроем общества. Христианство, в целом принявшее концепцию Платона, убедительно показало, что именно духовное падение народа предшествует биологическому вырождению и ведет за собой исчезновение законных государственных форм.

На пути духовного обновления возможно только построение процветающего органического общества, истинной государственности.

Понятийный аппарат государственности

Не постесняемся обратиться к богатейшему наследию нашего национального гения Ивана Александровича Ильина.

Итак, государство как совокупный субъект права может быть или «корпорацией», или «учреждением» – такова мысль Ильина. Забегая вперед окончательных выводов ученого, скажем, что все относящееся к «корпорации» никак нельзя признать функциональными особенностями иной, не учредительной государственности. Скорее речь должна идти о псевдогосударственности, каковой она, т. е. корпорация, вполне и проявила себя в истории.

Корпорация или кооператив состоят из активных, полномочных и равноправных членов. Они объединяются в некое организационное единство по своей собственной воле с правом выхода из этого единства в связи с утратой интереса. Разве можно здесь говорить о государстве?! Корпоранты часто имеют временный общий интерес и, признавая его, тем самым наделяют сами себя полномочиями для воплощения задуманного в жизнь. Кооперация начинается с индивидуума, с его мнения, изволения,

решения, с его свободы и интереса. Она строится снизу вверх солидарностью заинтересованных деятелей, где все вопросы решаются голосованием, а вопрос о принуждении не может стоять в принципе. Таким образом, корпорация никак не может стоять у истоков государства. Тот факт, что современные демократии симулируют некую корпоративность своих институтов, показывает только двойственную природу, нецельность, а в итоге – и лживость всех демократических институтов в любом государственном образовании.

Напротив, жизнь учреждения строится не снизу, а сверху, волевым решением индивидуума. Последнее доводится вниз через подчиненную его воле активную группу проводников его решений. Эта группа может разделять с индивидуумом властные полномочия, но только в том объеме, в котором они им делегированы. Люди, заинтересованные в жизни такого учреждения, получают от него пользу и блага за четко выраженной лояльностью, но они никак не формулируют ни интереса этого учреждения, ни его общей цели. Учреждение строится по принципу опеки над людьми, но опеки, которая требует от них определенного служения. Государство есть учреждение в самой своей корневой основе. Народные массы в нем не могут всецело участвовать в управлении и блюсти одновременно каждый свой личный интерес. Народ в учреждении воспитывается, опекается, повинуется. Таково истинное государство, и другим оно не может быть по природе.

Сторонники современной демократии уверены, что государство тем лучше организовано, чем более оно уподобляется корпорации, не понимая при этом, что при такой динамике именно государственность подобной институции будет весьма проблематичной. Сторонники чистого учреждения уверены, что лучший, «химически чистейший» тип государственности – тоталитаризм.

Мы уже упоминали Аристотеля, который предвидел, что монархическая государственность имеет своим антиподом тиранию. Но вот есть ли тирания действительно законный плод последовательно построенного государства – это большой вопрос. По большому счету, Государство в своей начальной фазе было не совсем учреждением и не совсем корпорацией. Государство начиналось с дружины, где дисциплина и повиновение вождю строились на добровольных началах. Речь не могла идти о простой опеке. Для человека, добровольно вступавшего в дружину (аспект корпорации), важен был вновь обретаемый статус. Придание же человеку в традиционном обществе статуса, освященного прямой и непосредственной связью вождя с богами, осуществлялось через инициацию, которая и была первым и самым традиционным актом вхождения индивидуума в гражданскую общественную жизнь, то есть в Государство как священную реальность земного бытия, в котором вождь, дружина и племя представляли собой органическое единство, воплощенное в священно-функциональном варновом строе древних индоевропейцев.

Государство в своем здоровом основании всегда, оставаясь учреждением, имеет в себе корпоративные черты, позволяющие гражданам осуществлять свободный выбор судьбы, не ощущая себя заключенными исправительно-трудовой колонии. Но нельзя также забывать, что столь важнейшие современные институты государственности, без которых само государство невозможно представить, как армия и полиция, строятся исключительно на принципе авторитарного управления. Здесь не может быть никакой корпоративной составляющей, никаких солдатских комитетов. В противном случае – развал. Именно поэтому армия в корпоративной системе чувствует себя неуютно, она чужда этой системе в целом. Желание полностью перевести армию на контракт – глупейшая попытка перевести авторитарную систему в несвойственный ей режим корпорации, попытка порочная и преступная. Никто никогда не пойдет умирать за деньги. Деньги нужны для жизни. Никто никогда не пойдет умирать за жилье, возможность получения которого маячит только в конце службы. Командир, посылающий бойцов в бой и на смерть, должен обладать безусловным нравственным авторитетом в глазах подчиненных, а таким авторитетом его может обеспечить только авторитетное, нравственно ответственное, единолично управляемое государство. Человек может идти в бой лишь за сверхчеловеческие ценности, которые лежат в основе только традиционных государственных институтов. Либеральная идеология отвергает эти ценности, ставит благополучие индивидуума в материальном плане на первое место и уже этим лишает армию всякого смысла существования. Не жутко ли вдуматься, что, когда сегодня в Чечне посылают солдат на верную гибель, в это время в Москве золотая молодежь обкуривается в клубах, буржуазия предается всевозможным дорогостоящим утехам, а мещанство пьянствует. Так за кого идут умирать сегодняшние воины, за какие идеалы общества их призывают проливать кровь? Стоит только сказать правду о сугубо экономической подоплеке всех сегодняшних военных конфликтов, как желающих участвовать в них по доброй воле не останется.

Если у России исторически есть только единый союзник в лице ее вооруженных сил, а это, безусловно, так, и если Россию без ее армии тут же сожрут, то все это говорит только об одном – Россия приговорена быть автократическим государством!

Важно заметить, что традиционный человек был, прежде всего, человеком – носителем

священного статуса. Его жизнь вне сакрального служения вообще не имела смысла. В этом аспекте человек был членом религиозного сообщества, вне которого, во внешнем недружелюбном мире, он выступал исключительно как *homopoliticus* от лица своего сообщества. Это происходило в силу того, что экономические функции человека были заключены в жесткие регламентированные рамки внутри его коллектива и имели неразрывную связь с его священным отношением к своим функциям жизнеобеспечения родного сообщества. Однако, и это очевидно, политика всегда требовала от человека всецелого поглощения. Для большинства людей такое поглощение всего их времени политикой было технически невозможным, ведь политика всегда была и будет растратой жизненных сил вовне. Именно строй учреждения, в отличие от корпорации, склонен не растрачивать народные силы, но экономить их. Политическое дело требует особой компетенции, возможной только для меньшинства. Государство есть всегда учреждение с единой властью и дисциплиной, где самый главный аспект его деятельности, а именно – политический, в силу природы вещей требует централизации власти. Из этого вовсе не следует, что принцип самоуправления исключается из государственной жизни вообще, а индивидуум исторгается из политики, просто сфера его применения ограничена целесообразностью, которая определяется верховной властью.

В своем развитии государство неминуемо уходит от первоначальных, общественно-родовых и племенных форм существования и, если хватает сил, неминуемо стремится стать империей, т. е. сделать свои национально-государственные идеалы по возможности универсальными. Постепенно меняется и технология осуществления властных полномочий, наличествующих в данном государственном образовании.

С развитием государства его структура усложняется, что требует адекватного изменения властных функций. Условиями существования и полноценной жизни и развития государства становятся такие особенности, как:

- 1) территория (важны ее географические пределы);
- 2) плотность населения;
- 3) однородность или неоднородность населения;
- 4) державные задачи государства;
- 5) хозяйственные задачи страны;
- 6) религиозная принадлежность народа или народов государства;
- 7) социальная структура общества;
- 8) культурный уровень народа или народов;
- 9) уклад народного характера или характеров.

Из этих характеристик мы видим, что единого мерила, некоего образцового строя в природе существовать не может. Кроме того, понятно, что на долю Российской империи выпали трудности самого разного характера в деле приведения всех разноплановых характеристик страны к единому знаменателю полноценной государственной и гражданской жизни. Идея государства-учреждения, представленная в истории монархическим началом, стала поистине творческой идеей для России, в рамках которой только и мог быть возможен настолько невозможный имперский проект при наличии столь разновекторных «вводных». Впрочем, история столь грандиозных империй, как Российская и Британская, свидетельствует о возможности корпоративного начала и даже желательности его на нижних ярусах общественно-государственной пирамиды. И все же государство, по самому своему существу, есть организация не частноправовая и добровольно-свободная, наподобие кооператива, а «публично-правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная», по определению И.А. Ильина.

И этим одним уже предопределено, что оно не может и не должно превращаться в кооперативную «шарашку», когда один из членов кооператива, ответственный, например, за Чукотку, берет и на кооперативные средства покупает лично себе подарок – футбольный клуб в Англии. При этом он уверяет членов кооператива, что купил клуб на средства, которые не являлись кооперативным фондом, а были теми деньгами, которые мама давала ему на школьные завтраки, а он их сэкономил, дабы воплотить детскую мечту, и т. п.

Творческая задача государственного развития не может позволить существование в теле государства таких паразитарных объединений. Самовольное изъятие общественного ресурса из копилки учреждения невозможно. Уже сам факт покупки губернатором Чукотки футбольного клуба на экспроприированные средства из кооперативного «общака» свидетельствует о том, что мы с вами живем где угодно, только не в государстве. Да и в корпорации под вывеской «РФ» не все в порядке с корпоративной дисциплиной. Но это общеизвестный факт. Важно заметить, что словосочетание «демократ-государственник» есть нонсенс по несовместимой природе двух начал!

Но есть и еще один примечательный парадокс современной политической и экономической ситуации в России. Не секрет, что в государстве, которое на словах озабочено исключительно

экономическими проблемами, совершенно невозможно заниматься частным бизнесом. Оно в лице чиновничества не только душит поборами частную инициативу, но и не дает ей жить вообще. Дело в том, что современная власть в России видит себя исключительно в роли распределителя денежной массы и кондуктора ее движения. Частный бизнес – невыносимый конкурент для сегодняшней околосударственной корпорации на этом, столь дорогом во всех смыслах, поприще. Поэтому и нет для частной инициативы большего врага, чем современный корпоративный клан, узурпировавший государственную власть. Либерализм же, вопреки всем заверениям, есть тормоз на пути развития такой инициативы, поле внеэкономического соперничества индивидуумов и групп, которое лукаво называется рынком. Честное экономическое соревнование возможно только в сильном государстве с независимой от партий и выборов авторитетной и наследственной властью!

Еще античные философы убежденно говорили, что править в государстве должны лучшие. Никто никогда с этим не спорил. Демократия могла бы заслуживать поддержку у сторонников традиционной государственности, коли она могла бы по природе своей осуществлять подбор и продвижение наверх лучших людей. Но, увы, – вся история человечества свидетельствует о том, что демократия, возведенная в государственный принцип, осуществляет набор не лучших, а худших, неминуемо становясь охлократией. С другой стороны, аристократия, предоставленная самой себе, вырождается в олигархию, которая неминуемо срастается с подпирающей снизу охлократией, поэтому мы имеем в РФ, да и в Европе, то, что имеем. Подлинной же аристократией в государстве может быть та, которая не вырождается и не вредит общегосударственному делу, поскольку открыта для вхождения в нее лучших сынов народа.

Что же может уравновесить, сохранить и соблюсти здоровую меру в столь необходимых для общественной и государственной жизни институтах демократии и аристократии? Только монархия. При этом и сама она нуждается в подлинной аристократии, которую подлинная демократия подпитывает снизу лучшими сынами народа, чтобы не выродиться в тиранию!

Для истинного государственного деятеля важно духовное и нравственное качество личности. В этом его государственная политическая ценность. Разве может партия, сословие или класс, исходя только из своих корпоративных интересов, выдвигать наверх столь уникальный человеческий материал? Никогда! Государственное дело ищет единого, общего, всенародного интереса, а не частных вожделений. Народный же интерес не может определяться только из политических пристрастий группы или индивидуума. Он вообще непознаваем вне длительного исторического процесса и не может быть составлен из арифметической суммы потребностей дня. Тоталитарный владыка, халиф на час, не способен выявить это народное благо из опыта своего правления или из своих политических убеждений. Интерес народа есть сокровище долгого исторического опыта этноса на его путях к высшим, религиозным идеалам. Подобное благо может быть правильно оценено только такой верховной властью, которая сама проходит с народом долгим историческим путем побед и поражений, удач и трагедий – исключительно наследственной монархической властью!

Россия как национально-политическое явление была создана сильной государственной властью. Строго говоря, само выражение «сильная власть» должно считаться странным и излишним, ведь власть сама по себе есть общественно-обособленная и организованная сила. В этом ее сущность и назначение. Власть есть средоточие и живое воплощение уполномоченной через инициацию религиозным институтом (в нашем случае Церковью) могущественной по ее неземному происхождению воли, которую все признают, уважая и почитая ее, особым институтом (несть власти не от Бога). Власть и сила в этом контексте синонимы.

Русский народ от начала своего национального бытия был поставлен перед выбором: или сильный государственный центр в лице самодержца, или распыление на дорогах истории. Сильная власть – не есть власть тоталитарная, чьи внешние атрибуты силы и принуждения лишь свидетельствуют о ее слабости и внутренне осознанной «неканоничности». Сила власти, прежде всего, выражается в ее духовно-государственном авторитете, опирающемся на священные принципы властвования. Сила власти – в ее духовном достоинстве, правде и религиозно осознанной ответственности.

Традиционная государственность

Говоря о традиционной государственности, мы не имеем в виду некую схему или научную абстракцию, не имевшую или не имеющую практического воплощения в действительности.

Традицией же мы условимся называть мировоззренческий комплекс, систему четких представлений, определяющих религиозную, политическую и хозяйственную деятельность человеческих коллективов. Такой органически взаимосвязанный комплекс представлений, который

имеет в своем основании фундаментальные духовные и нравственные ценности, находящие свое оформленное воплощение в религиозной системе данного сообщества и в ней же обнаруживающие константу своей поведенческой мотивации во всех сферах жизни, бытийную санкционированность Свыше.

Традиционализм отличается в корне от консерватизма тем, что имеет своим сокровищем и духоносным центром не ценности прошлых эпох, а вечные, духовные надвременные идеалы, определяющие как прошлое народа, так и его будущее максимально возможным воплощением этих идеалов конкретным этносом в исторической, земной реальности.

Следует также разделять социальную утопию и традицию, к которой общество обращается на современном этапе. Социальные утопии детально описывают механизм функционирования идеального государства или порядка, никогда ранее не имевших реального жизненного воплощения. Утопии, как и моделирование будущего, – черты Нового времени, черты утраты европейским обществом самой традиции, утраты старых ценностных ориентиров. Утопии не могут возникнуть на фундаменте традиционного общества. В известном смысле их появление – это сигнал того, что общество уже утратило традиционный дух. Смерть традиционного Мифа порождает веру в прогресс, которая сама по себе есть утрата истинной религиозной веры. Утопия не возникает в обществе, где существующий порядок вещей воспринимается как естественный порядок, но лишь в эпоху духовных надломов этносоциальных систем. Прогрессизм – это, в сущности, рационализированный, утопический социо-эволюционизм, пропитанный инстинктивным пантеизмом. Природа наделяется внутренним разумом, которому одному ведомы цели и задачи поступательного и линейного развития, понимаемого как совершенствование системы в целом. Человек мыслится включенным в этот общий эволюционный процесс вне зависимости, понимает, признает ли он этот факт, или нет. Логика природы – поступательное совершенствование. В этой логике нет места одноактовому творению личного Бога. Эта линейность далека от линейности христианского времени, где признается качественная инволюция всего, изначально тварного.

Традиционализм – это желание жить в мифическом времени, когда священный и уникальный акт творения из ничего волею Творца таинственно возобновляется циклически в сакральной жизни Церкви, и эта жизнь пропитывает собой все ткани социума, предохраняя ее от распада. Миф традиционализма – это не простое повторение и следование историческому эталону, но сакрализация всего, восприятие жизни как процесса вечного возрождения. В мифе прошлое идеализируется, а настоящее воспринимается как органическое свершение циклического процесса. Утопия же исходит из глубокого недовольства действительностью и, не имея ни опоры в мифическом времени, ни исторических примеров, пускается в сомнительное моделирование идеального порядка вещей, всегда имеющего субъективный окрас. Миф всегда открыт к комплексу светских дополнений, к своей изначально религиозной структуре, утопия всегда разрушает сакральный мир окружающей ее культурной действительности, нарушает гармонию мира. Мифологическое, традиционное настоящее не может быть плохим, так как оно порождено божественными энергиями, божественной силой священного прошлого. Традиционное общество – это общество гармонии в самом общем значении этого слова. Эта гармония создает необходимые предпосылки для индивидуума чувствовать себя счастливым, тоже в самом общем понимании счастья. Впрочем, в этих общих рассуждениях мы можем поставить верный акцент и на субъективном характере переживания счастья каждым человеком. Кто-то из мудрых заметил, что по-настоящему быть счастливым человек может только тогда, когда он счастлив на Родине. Несколько расширяя понятия Родины и возводя его к духовным высям, заметим, что Родиной для человека является не только клочок земли, где он родился, но в еще большей степени – идеальное и религиозно окрашенное представление о своей стране. Иными словами, человек видит свою Родину в свете идеальных представлений о ней, сложившихся в представлении народа. Такой образ Родины есть глубинный мифологический образ отчего дома, «золотого века». Он является аналогом или, лучше, отблеском утерянного Рая.

В литературе есть вечный, «кочующий» сюжет «блудного сына». Схема сюжета известна всем. Юноша полон фантазий о чудесных дальних странах, где только и возможно обрести полноту счастья. В поисках страны с молочными реками и кисельными берегами он преодолевает массу препятствий: завоевывает дальние страны, пробирается через смертоносные джунгли, тонет в бушующем океане, словом – проходит инициацию жизни. И вот пройдено полмира, огонь, вода и медные трубы, а чаемого счастья все нет. Героя вдруг нестерпимо тянет домой. И вот, после долгих странствий, он видит вдали маленькую пристань родного городка, и слезы застилают глаза. Он видит покинутых и повзрослевших друзей, он встречает постаревших родителей и с горечью понимает, что счастье, за которым он отправлялся в тридевятое царство, было дано ему от рождения. Это счастье – отчий дом.

Для нас как для народа этим отчим домом была наша историческая государственность, икона нашего государственного бытия – Святая Русь. И для обретения простого человеческого счастья всем

нам в частном и общем порядке надо отказаться от прогрессистских утопий и внимать призыву архимандрита Константина Зайцева, написавшего после национальной катастрофы 1917 года о том, что нам надо бежать не вперед, но, наоборот, круто назад – назад в родную историю, назад в Отчий Дом традиции. Где же обретается погребенный под мусором веков фундамент нашей традиционной государственности?

В отечественной истории был длительный период сложения и расцвета традиционных институтов власти, которые были, в свою очередь, бездумно разрушены европейским реформаторством времен Империи. Вопрос этот заслуживает рассмотрения, и начнем мы смотреть на него извне, «из-за бугра», как, увы, стало для нас привычнее.

С мыслями философа И.А. Ильина о фундаментальных основах государства традиционного типа по-своему резонируют идеи Освальда Шпенглера, высказанные им в замечательной и до конца не оцененной в русских правых кругах работе «Прусская идея и социализм». Не вдаваясь в монотонное цитирование, возьмем лишь то, что свободно, без всяких натяжек, могло бы выйти у этого же автора с названием на титульном листе «Русская идея и социализм». А преобразовав под таким углом зрения его идеи, позволим себе некоторые замечания, которые действительно характеризуют русскую традиционную государственность.

Только оговоримся сразу, что социализм Шпенглера противопоставлялся в его работе социализму Маркса. Шпенглер совершенно справедливо считал, что марксизм незаконно узурпировал этот термин для определения своей прогрессистской утопии, построенной на умозрительной картине классовой борьбы и акцентирующего исключительное внимание на вопросах экономики, не являющихся вопросами первостепенной важности для традиционного сознания и для традиционного понимания социализма, каковым обладал не только Шпенглер, но и ряд выдающихся ученых того времени. Лишь вкратце отметим, что и выдающийся отечественный мыслитель К.Н. Леонтьев усматривал для грядущей России возможность построения государства на социалистических принципах, в которых он видел возможность творческого возрождения «нового феодализма», говоря словами Бердяева, построения такого государства, которое будет увенчано институтом монархии. Марксистский социализм по Шпенглеру – это еретическое направление всей социалистической мысли человечества за многие века ее подспудного существования. Отсюда и современный буржуазный этатизм (а равно и этатизм советской эпохи) Шпенглер понимал как искажение традиционного института государства. Современный этатизм – это тотальное вторжение государства в те области, которые традиционно были для него вторичными, вкуче с полным пренебрежением всем тем, что и составляло его главную священную задачу в качестве религиозно санкционированной организации бытия социума.

В традиционном государстве человек всегда стоял на службе, понимаемой им как религиозный долг, послушание. В современной этатистской государственной машине человек у государства в коммерческом найме.

С незапамятных пор живет в русском народе укорененное державное сознание того, что государственное тягло – это осознанное подчинение единичного целому, в котором сосредоточено наше самое дорогое и святое достояние, наше сокровенное наследие, которое отличает нас от всех иных народов. Мы – другие, и этот факт есть краеугольный камень нашей национальной истории. Если француз, кем бы он в реальности ни был, в душе всегда мещанин и буржуа, немец – всегда рабочий, а англосакс – предприниматель и торговец, то идеальный русский психологический тип – воин и крестьянин. Именно таковым и было подавляющее большинство наших пращуров. Читая древних авторов, которые описывали славянское население Поднепровья как земледельцев, перепоясанных мечом, мы понимаем, что именно этот тип поселенца и воина породил два основных сословия Московской Руси – дворянина-воина и землепашца.

Усвоив базовый факт того, что все население Московии было не совсем сословным, а скорее функционально разделенным, но, в сущности, равно включенным в ткань государства, разнящимся в правах и обязанностях, но и не отчужденным вовсе от государственного организма, с религиозно осознанным равенством в тягловом служении религиозно-государственной идее, двинемся дальше. Повторим вслед за Шпенглером парадоксальную мысль: «Республиканская форма правления не имеет ничего общего с социализмом, в особенности прусского, да и древнерусского типов». В действительности либерально-демократический парламентаризм и авторитарный социализм не являются чем-то новым в политической истории человечества. Это есть лишь обновленное в своей практике базовое проявление двух типов древних жизненных укладов народов, свойственных каждому в отдельности и не передаваемых от одного к другому. Русский государственный инстинкт свидетельствовал о том, что источником всякой земной власти является Всевышний. На земле же его представителем является монарх, олицетворяющий собой делегированную теократию, своего рода глава исполнительной власти, полученной Свыше, через церковное таинство миропомазания. Таким

образом в России издревле сложилась особая политическая система, которую не грех назвать «теократическим авторитарным социализмом». Государство понималось русским национальным инстинктом как общее религиозное послушание, причем суверенность его несомненна, когда в нем правит православный Государь и все частное подчинено целому, имеющему не земную, но божественную инвеституру. Царь – это первый по рангу слуга Божий. Такой теократический и авторитарно ориентированный социализм, монархический по своей природе. Самая ответственная должность в таком организме и самая ответственная служба – у монарха. Однако он является не только слугой первого ранга, но и гарантом того, что вся система, весь организм будут едиными в своем служении и в своей национальной воле. Слугами Божьими являются и все его подданные. В таком государстве каждый служит на том месте, на которое он призван к служению фактом своего рождения. Из этого следует, что его место и ранг не есть акт сословной несправедливости, но исключительно промысел Божий. Собственно говоря, в стране профессиональных воинов-чиновников и крестьян, из которых составлялось и духовенство, белое и черное, нельзя было четко определить жесткие сословные рамки, как это было в Западной Европе. И уж подавно в этом достаточно гомогенном социальном организме не выделялось ни третье сословие, ни четвертое. Отсутствовали сами предпосылки того разделения национального организма, которые привели, например, во Франции к крушению монархии и созданию парламентской республики третьего сословия.

Наверное, не случайно февральский либеральный опыт в России закончился не просто крахом, но созданием жесткой парамонархической тоталитарной системы. Выбирать можно форму, внешний покров, но не дух народа. Можно написать и принять любые конституции, но важно только то, что извлекает из писаных и неписаных законов национальный инстинкт. Народ, истари воспитанный в определенном духе, не может измениться, даже если он на время поддается самообману. Русская исконная государственная идея – это особое ощущение жизни, особый инстинкт и воля, невозможность поступать иначе, совокупность уникальных духовных и душевных свойств, с глубокой древности сформировавших наш народ. Особый земский строй воспитал в русском человеке допетровских времен чувство личной независимости и ощущение значимости сверхличной общности, ставших основой «теократического социализма».

Если говорить о современных парламентарных формах государственности, которые насаживаются по всему миру, то родиной их была Англия. Шпенглер абсолютно прав, когда говорит, что английский народный тип и тип прусский (а мы добавим – и русский) – это различие между этносами, один из которых развивался, чувствуя себя островитянином, а другой (или другие) вынужден был беспрестанно отстаивать свою суверенность с оружием в руках. В Англии остров заменил собой государственную организацию. Английский народ созидал себя сам, вернее, созидал особую буржуазную нацию, построенную на исключительно корпоративных, внегосударственных началах. Прусский народ – это плод усилий Гогенцоллернов, ставших служить «монашеской идее государства». Народ же русский – творчество династии Рюриковичей, давших ему форму, также подвизавшихся на поприще, которое Шпенглер гениально назвал службой «монашеской идее государства» и Православной Церкви, давшей ему душу.

Россия и Англия – это два полюса, два разных заряда государственной идеи. Россия по сути – это максимум социалистической государственности, Англия – минимум, если не вообще отрицание таковой. Характерная особенность английского либерализма состоит в том, что индивидуум почти не чувствует государства: оно не ставит ему отдельных требований, не доставляет никакого содержания, а служит исключительно подсобным средством. В Англии вроде как и нет государства, но есть общество.

Либерализм для континентальной Европы был, есть и будет неразумной, сумасшедшей, убийственной роскошью. Он не только не может дать континентальным европейцам того, что обычно обещает, но и отнимает то, что они всегда законно имели и что составляло предмет их гордости. В основе духа англосаксов лежит дух викингов, навсегда ушедших с Родины и живущих на корабле и кораблем. В основе Прусского государства лежал тевтонский монашеский орден. Русское же государство изначально – и огромный государственный монастырь, и одновременно воинский стан. Да, у нас не было рыцарских монашеских орденов, но только потому, что само Государство Российское представляло собой единый военно-монашеский православный орден. Этос англосакса – личный успех, этос русака и пруссакса – долг и совестливое послушание. В Англии аристократия определялась денежностью, в России и Пруссии – военной службой. В этом проявляется глубинная этика двух разных основ жизнеустройства общества, капиталистического и авторитарно-социалистического. Это два строя человеческих отношений, один из которых базируется на богатстве, а другой – на авторитете. Для англосакса невозможно слушаться приказаний человека неимущего, для русского и пруссакса нелепо преклоняться перед богатством.

Политические формы государства неразрывно и сущностно связаны с тем народом, в котором

они исторически проявились. Они в крови этого народа, и только в этих формах национальная жизнь может протекать полнокровно.

Только историческая форма Государства дает народному организму здоровье, гарантируя отсутствие опасности тромбов в кровообращении национального организма. Монархическая форма не существует сама по себе, как не существует и кодифицированной формы облаков. Монархия и народ появляются в истории синхронно и неразрывно. Монарх создает народ, народ вживается в монархию. Инстинкт народа столь силен, что он способен перерабатывать любые внешние, заимствованные формы. Вот только нужно ли тратить энергию этноса на борьбу со всевозможными политическими вирусами, которыми его ради экспериментов заражают?! Английский либерализм делает бессильными и большими все государства, которым она под видом лекарства вводит яд собственных политических реформ.

Наше традиционное русское государство было настоящим государством в подлинном понимании этого слова. В нем не существовало частных лиц в том смысле, что частный интерес никогда не мог стать бациллой в государственном организме. Каждый живший в государственном организме был его живым членом, не желавшим организму ни хворей, ни болезненных реформаторских потрясений. Управление таким государством не было делом частных лиц, но лишь государевой, т. е. государственной службой. Современная либеральная политика частных лиц использует государство как инструмент для достижения частных интересов и ведет к его демонтажу как такового, ведь государство объективно становится препятствием для достижения все новых и новых интересов возрастающего частного эгоизма. Орудием такого демонтажа является и современный парламентаризм. Массы окончательно отчуждены от государства и политики, а иллюзия их вовлеченности в решение общенациональных задач поддерживается путем предоставления права раз в несколько лет отдать свой голос за кандидата или кандидатов, которых корпоративная система спускает им сверху. Имеем ли мы сейчас в действительности государственную систему власти, или живем в эпоху, когда государство уже полностью заменено буржуазным обществом?! А ведь это вопрос жизни и смерти национального организма. Наверное, уместным здесь будет еще раз сказать, что надежду на жизнь нам может подарить только возрождение традиционного государственного принципа власти с его изначальной (и эталонной) авторитарной формой правления. Любая республика сегодня есть служанка капитала, конечно, уже давно не национального. Только монарх, повинаясь традиции своей династии и опираясь на историческое мирозерцание народа, основанное на его призвании в истории, способен подняться над партийными и частными интересами ради интересов общенародных и общегосударственных. Он – третейский судья, и если в государстве традиционного социологизированного типа профессиональные объединения могут выбирать людей по их практическим способностям, то он может делать выбор и более узко – по нравственным качествам человека. Президент, премьер-министр, народный комиссар – креатуры партии или корпорации. Партии и корпорации – креатуры тех, кто их содержит. Только монарх способен защитить государство и народ от торгашества суверенитетом, идущим на убыль со страшной силой!

Как это безвозвратно далеко от принципов истинной государственности, когда каждому отдельному лицу на основании его практических, нравственных и духовных дарований предоставлялось право в определенной мере повелевать и повиноваться; ранг и степень ответственности были всегда соразмерны с талантами личности. Такая государственность зиждилась на основе постепенного отбора, коллективной ответственности и коллегиальности. Утрата этой государственности – трагедия нашей национальной жизни.

Но утрата эта не была подобна грому среди ясного неба. Она происходит постепенно, начиная с петровских реформ, и даже раньше. Наш блестящий мыслитель К.Н. Леонтьев советовал в конце XIX века для спасения тонущего Русского корабля прибегнуть к своего рода «тройственному союзу» между Самодержавием – носителем и защитником Православия, его слугами-стражами – проводниками монаршей воли и простым народом. Это была запоздалая попытка обратить внимание правительства на уже призрачную возможность реставрации традиционной структуры государственности. Не ужасно ли, что еще при жизни монарха-богатыря Александра III русское общество утратило традиционные ориентиры, которые сохранялись лишь небольшой кучкой одиноких и не понятых современниками мыслителей. Уже тогда Леонтьев писал пророческие и для нашего времени слова о том, что: «Без строгих и стройных ограничений, без нового и твердого расслоения общества, без всех возможных настойчивых и неустанных попыток к восстановлению расшатавшегося сословного строя нашего (имелся в виду служебно-сословный традиционный русский политический строй. – *Авт.*) – русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути всесмешения... Для задержания народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста... необходима сильная царская власть. Для того же, чтобы эта царская власть была долго сильна, не только не нужно, чтобы

она опиралась прямо и непосредственно на простонародные толпы, своекорыстные, страстные, глупые, подвижные, легко развратимые; но – напротив того – необходимо, чтобы между этими толпами и Престолом Царским возвышались прочные сословные ступени; необходимы боковые опоры для здания долговечного монархизма... Вот прямая и откровенная постановка государственного дела, без всяких лжегуманных жеманств...»

Особенно интересно в контексте этих размышлений вспомнить недавний советский опыт. У нас есть современные мыслители, которые любят рассуждать на тему того, что СССР был классическим образчиком общества традиционного типа. Согласиться с этим категорически невозможно, однако необходимо признать, что советская система для придания себе определенной устойчивости иногда очень активно использовала символику традиционализма и даже пыталась воспроизводить псевдотрадиционные и псевдосословные институты в рамках своей системы. И ведь это происходило в обществе, принципиально идущем к абсолютно бесклассовой социальной структуре. Так и непонятно на первый взгляд, для чего создавать некую идеологическую среду и пытаться в ней моделировать советские псевдосословия с наследственными профессиями? Никто ведь не будет спорить, что в СССР определенные функциональные общественные институты были построены в некотором подобии с традиционными институтами старой Европы.

Интуитивно ли, осознанно ли, но вожди в СССР поняли принципиальную установку, высказанную Леонтьевым, о том, что любая социальная система стабильна тогда, когда сложна, и рушится в момент наибольшего упрощения и универсализации.

Но вернемся к теме масс и их непосредственного участия в государственной жизни.

В Императорской России произошло то же, что впоследствии погубило и СССР. Массы были окончательно отчуждены от государства, от политического участия в нем, от самой идеи государства, которое потеряло для них и ценность, и привлекательность, в котором они перестали видеть необходимость. После этого логично было осознать и монархию ненужным институтом, который уже не венчал собой традиционный государственный народный монолит, но «зависал» в каком то средостении между буржуазным сообществом и пролетаризированными массами. Буржуазный миф материальной выгоды вытеснил из сознания масс миф о стоянии до конца под хоругвью последнего Православного Царства. Забыт был важнейший принцип национального бытия: власть вытекает из благочестия, а не благочестие – из власти. И власть перешла в руки тех, для кого не существовало и не существует самого понятия благочестия. Царская служба, как и царская радость – это соборная служба и соборная радость старой Московской Руси. Народ воспринимал носителя власти не как удобство или неудобство, но как Божие смотрение о нем! Божие благословение на власть являлось одновременно и делегированием самодержавных прав, и ограничением власти, когда самодержец все-таки был в ответе за свой народ перед Царем царствующих.

Московская Русь не была холопьем государством. Традиции высокой религиозно осознанной гражданственности были присущи русским задолго до того, когда толпы охлоса в Европе стали ощущать государство не чем-то враждебным себе и своему миру, а хотя бы нейтральным. Царь на Руси – это не верховный феодал, отделенный от народа непроходимой стеной сюзеренов, но в первую очередь – помазанник Божий. Власть его безгранична, но за каждый свой шаг он отвечает перед Господом, а в своих деяниях ограничен нравственными нормами и требованиями личной веры. Безусловно, монархия подразумевает глубокую и искреннюю религиозность общества. За грехи Государя кара могла постигнуть всю Русь. За грехи перед Государем Господь карал провинившихся раньше и скорее царского суда – в этом русский человек был абсолютно убежден. Все важные государственные дела Царь решал только после совета со «всей землей», созывая Земские соборы. Вся земля, каждый человек в государстве был приобщен к политической жизни. Только в России соборы обладали учредительными правами утверждать монархов. Такое и не снилось западным парламентам! Но это не призрак демократизма: утверждая монарха, собор свидетельствовал о своей лояльности к нему всей земли. Утверждение монарха на Руси – это акт присяги, а не своевольного выбора. Даже призывая на трон неродовитого Бориса Годунова, собор считал его уже отчасти Богом ставленным претендентом по родственной близости к последнему Царю из рода Рюриковичей Феодору Иоанновичу через его супругу, сестру Бориса. Любопытно, что Цари на Руси при входе в храм принимали челобитные от представителя любого сословия лично или через особых уполномоченных дьяков. Этот акт отражал факт священного равноправия личности перед священной же властью монарха. Советы Царя с боярской думой и первоиерархом поместной Церкви выражались любопытной формулой: «Царь повелел, и бояре приговорили». Служилая аристократия не была холопски подчинена монарху и не являлась лишь феодальным сюзереном, но, как и в Византийской империи, усваивала функции содержания с монархом, функции своего рода делегированной монархии, усвоенные от делегированной теократии в лице государя!

Уж коли мы затронули вопрос о том, как традиционная власть гармонично и органично сочетала

в себе исполнительные и законодательные функции, показательным является и судебное дело на Руси. Суды, в зависимости от важности дел, осуществлялись воеводами, старостами, приказчиками бояр и монастырей, но в любом из них заседали выборные от посадских людей и крестьян – по 5–6 «добрых и смысленных» людей. Это уже институт присяжных в его законченной форме на Руси, еще до преобразований Петра! Крепостная зависимость крестьян в Московской Руси состояла лишь в следующем. Помещик получал землю. Прикрепленные к данной земле крестьяне должны были содержать его и обеспечивать необходимым, что позволяло ему исполнять свои тягловые военные и административные обязанности. В зависимости от местных условий и урожайности существовали нормы снабжения землевладельца. В черноземных районах оно осуществлялось путем барщины – работы на участках, выделенных персонально помещику, в нечерноземной распространение получил оброк. Земля выдавалась помещику только на время его службы, и никакого личного рабства до европейских реформ Анны Иоанновны и Бирона не было в помине! В допетровской Руси труд крестьянина был государственным тяглом, равно как была и особым тяглом военная служба поместного дворянина. Крестьянин не являлся собственностью помещика и был прикреплен исключительно к земле. Крепостное право в его неприглядном виде, когда крестьянство было отчуждено от государства и попало в позорную личную зависимость к дворянству, освобожденному от государственного тягла службы, стало следствием именно европоцентричной парадигмы власти.

Любой крестьянин, хоть чернососный, хоть крепостной, мог свободно распоряжаться своим наделом, то есть своей долей в земле общины: мог завещать ее, разделить между детьми, продать, наконец, после чего идти куда душе угодно – хоть в ушкуйники, хоть в казаки. Соответствующим учетным юридическим статусом обладал не он, а его земля. Тот, кто купил ее или получил в дар, автоматически принимал на себя и тягло, обусловленное владением этим участком, выплачивая подати государю и помещику. Однако подданные обычно не платили очень больших налогов. Только в чрезвычайных обстоятельствах государство спрашивало «пятаю деньгу» или «десятью деньгу» от всего имущества, тогда как в Польше, например, такой обременительный налог на землепашца был нормой. В России для введения чрезвычайных налогов требовался созыв Земского собора. Всей землей решали дела, на которые нужно было раскошелиться. Таким образом, мы видим, что традиционная монархическая государственность в России была не только централизованной монархией, но и опиралась на низовые демократические институты. Свобода личности каждого была гарантирована самой верой Православной. Человек чувствовал себя более свободным, чем любой обыватель теперь. Но, кроме того, эта свобода была обеспечена и собственностью на землю любого желающего, собственностью, обусловленной налоговыми обязательствами, но во всех иных отношениях полноценной.

Итак, традиционное государство есть такая форма организации народа, при которой верховная личная власть обеспечивает гарантированное участие каждого в политической жизни государства на правах человека, включенного в систему тягловой службы, и дарует любому человеку священное право собственности на землю, осуществляя при этом органическую связь между землей и государством.

Эпоха Царствия, эпоха московской Руси – это и эпоха органического роста Империи, национальной Империи русского народа, который включал в свою политическую орбиту все новые племена и культуры, сохраняя нерушимой национальную систему власти. Европейская же парадигма власти, то есть переход от национальной Империи к Империи вненациональной, от Империи православной к Империи светской с внешней православной атрибутикой, привел Россию к краху, точно так же, как пал Рим, который перестал быть латинским, а стал варварским. Точно так же пала и Византия, ставшая не Империей эллинов, каковой она процвела при царе Ираклии и его преемниках, а Империей всех народов, подмятых легионами под крыло римского орла.

Империя не гарантировала в Византии и единство веры. Многочисленные ереси и монофизитский раскол ослабили Константинополь, но, пока он был в основном эллинским, он стоял. Став же интернациональным, он пал перед национальной мощью османов. Не случайно, что во время штурма Константинополя турками на стены для защиты священного города христианского мира вошло всего 4 тысячи человек. И это при почти миллионном населении! Среди этих защитников были сербы, болгары, русские, гунуэзцы, франки, но почти не нашлось греков. Город пил и гулял, пока горстка чужеземцев защищала дом Святой Софии. Империя перестала быть для греков своей, и они сдали ее османам.

Российская Империя последнего периода также перестала быть своей для массы русского народа. Именно поэтому с такой легкостью подхватывались слухи о мнимом предательстве Царицы в пользу немцев, а Временное правительство не брезговало пользоваться лозунгами, имевшими национальное русское звучание. Даже на уровне символики Временное правительство симулировало возвращение к исконной русскости: достаточно вспомнить двуглавого орла, срисованного художником

Билибиным с печатей Московских Царей, только лишенного корон. Вспомним многочисленные плакаты революционной поры с образом всадника в красном плаще, колющего змея, как на иконах святого Георгия Победоносца. Что бы ни говорили поборники императорского периода России, но немецкий душок от бюрократического строя, да и от династии, окончательно отбил нух русского народа на все государственное. А потеряв опору в лице монархии и государства, народ моментально утратил и национальное самосознание, задолго до революции 1917 года! Большевики просто ускорили не ими начатый процесс.

Важный урок – любое государство появляется на свет как плод политической деятельности конкретного народа. Если народ чувствует в себе политическую мощь, то ничто не может остановить его на пути к стремлению к Империи, то есть на пути к желанию сделать свой собственный национальный идеал универсальным законом, навязанным подчиненным. Достигнув естественных пределов роста, Империи переходят в фазу стабильного развития, уже чреватого застоем и деградацией. В первую очередь, вынужденно допуская покоренные окраины в организм государства, державный народ ослабляет этот организм. Изначальные, коренные, исключительно национальные ценностные установки постепенно обесцениваются в глазах потомков и наследников завоевателей и покорителей. Очень часто державный народ, неожиданно одряхлев, теряет живую связь с им же самим созданным государством, которое превращается в орудие для всевозможных корпоративных интересов, в том числе – и носящих этнический окрас некогда покоренных окраин. Это начало конца любой Империи, любой государственности.

Государства создаются конкретными народами через своих национальных вождей, и на первых порах они есть функция органического роста и развития культурных задатков данного этноса. Главнейшей задачей любого государства, если оно хочет жить, является охрана тех национальных начал и того народа, который его создал. Государство – это средство на пути к выполнению народом своей исторической миссии. Его собственная цель состоит в сохранении и в дальнейшем развитии того национального коллектива, которым оно стоит. Государство становится живым организмом народа, к которому нельзя самовольно пришить чуждые ему органы. Полезность государства определяется его полезностью в деле процветания культуры и жизни державообразующего народа. Государство есть высшее воплощение инстинкта самосохранения, заложенного в этносе. Если инстинкт увядает, то государство рушится, и никакой простой экономической целесообразностью оно не может удержаться на поверхности стихии исторического бытия. Государство не может существовать в форме формально-механического учреждения, поскольку оно – организм, а не мертвенный механизм. Потеря большинством населения правильного понимания смысла государства, а тем более – утрата понимания этого смысла верхами народа приводят к национальному краху.

Если в Московской Руси власть воспринималась как священная носительница христианского идеала и последняя наследница истинного православного царства, то после Петра она определяла себя в России как «европейское начало». Если для русского человека времен Царствия европеец был убогим варваром и еретиком, то в Империи эмансипировавшееся от государства и народа дворянство, а за ним и бюрократия стали испытывать буквальный страх и отвращение к своей, уже неполноценной в их глазах, природной русскости. К правительству эти круги тяготели только по причине того, что желали видеть в нем последовательного европейца в бескрайней азиатской пустыне. Традиционная же русская государственность погружалась во мрак ночи, под покровом которой народ ждала пьяная оргия керенщины, поножовщина большевизма и грабеж эпохи постсоветских реформ.

Государственный канон, традиционные устои народа и духовный фундамент патриотизма

Когда мы говорим о каноне государственности и о современности, мы, безусловно, имеем в виду идеальный образ государства. Но идеал предложенного государствообразующего канона не значит его полную оторванность от современной жизни, современных социально-политических реалий. Наоборот, именно необходимость приведения в соответствие с данным каноном всех ступеней государственной пирамиды и всех общественных институтов современности является творческой и вполне прагматической задачей будущего. Задачей, стоящей на повестке дня не по прихоти отдельных мечтателей-романтиков, грезящих «тридевятым царством», но самой поступательной логикой современного мирового процесса, вызова истории.

Вызов этот ставит ребром для всей совокупности современных суверенных государственных образований: «быть или не быть». И если выбор осуществляется в пользу «быть», то это уже означает, что государству, сделавшему такой выбор, необходимо перестать плыть по течению современной (якобы «объективной») глобализации всех мировых процессов, столь очевидно

навязываемой с прямым ущербом для абсолютного большинства населения планеты, что верить в объективность этого процесса могут лишь законченные идиоты.

Перестать следовать в фарватере политики современных анонимных мироправителей сегодня может означать только одно – возвращение к традиционным институтам организации общества, возвращение к духовным истокам национального становления, восстановление канонической государственности на фундаменте исконной Традиции. Поиски компромиссов под лозунгами «суверенной демократии» всегда будут означать всего лишь потерю времени и небольшую отсрочку в деле полной утраты этой самой суверенности.

Так каким же должно быть, обязано быть и может стать современное традиционное государство? Каковы же канонические характеристики этого наднационального института, черпающего силу из святой древности и отвечающего вызову современности?

На эти вопросы нам позволяет ответить недавно переизданный гениальный труд «Путь духовного обновления» отечественного мыслителя И.А. Ильина, к авторитету которого мы уже не раз обращались.

Не утомляя читателя цитированием, позволим себе кратко пересказать ключевые моменты этой книги, ценность которой в деле построения истинной государственности в России сегодня невозможно переоценить.

И.А. Ильин писал, что акт духовного опыта и веры самобытно слагается у народа на протяжении столетий. Акт этот созревает сначала на бессознательном уровне, притом очень медленно, передаваясь в процессе воспитания и преемства от одного поколения к другому. Так органически сплетается социально-политическая ткань народа. В этом столетнем процессе становления уже содержится уникальность национальных институтов, но их истинная ценность не просто в уникальности, но в той религиозной искренности, которая выверена всей народной верой. Настоящая современная государственная теория по этой причине обязана заниматься не вопросами целесообразности существования различных властных институтов, но, в первую очередь, вопросами о священных целях жизни, как они понимаются народом, целях, выраженных в его нравственном идеале, созревающем в лучах его веры. Самый изысканный интеллект, умеющий все предусмотреть и просчитать, интересующийся лишь целесообразностью, ныне и вообще сократившейся до размеров целесообразности исключительно экономического свойства, имеет свой предел. Его живая душа и совестный акт не могут быть исчерпаны его практическим умом и самодовольством. И уже в этом видна его определенная ограниченность в познавательных способностях и синтетических обобщениях. Вообще, столь модный теперь, такой исключительно «практический», рациональный подход к проблемам государственного строительства свидетельствует о заболевании и оскудении человеческого духа, ослаблении духовной традиции общества. Духовные основы жизни не могут быть подвержены влиянию моды или сиюминутных интересов, четко увязанных сегодня с котировками на нефть и газ. Они – константа в фундаменте человеческого бытия, но эта константа перестала чувствоваться нами в силу переживания тяжелейшего духовного кризиса, которому подвержена и святая святых любого человеческого сообщества – семья. Половая потребность и та же целесообразность вытеснили чувство взаимной духовной принадлежности у брачующихся. В силу того, что даже инстинкт продолжения рода подавляется рациональной рассудительностью о том, что дети – исключительно убыточная статья, деторождение становится неприемлемым для практического разума современного человека.

В действительности мы забыли, что человеческая семья, в отличие от «семьи» у животных, есть «целый остров духовной жизни». И если она этому не соответствует, то обречена на разложение и распад. История наглядно это подтвердила и продолжает подтверждать. Не семья сегодня переживает кризис, а наше отношение к семье в силу нашей духовной ущербности. Великие крушения и исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые, как вредоносные вирусы, в первую очередь поражают институт семьи. Для государства в его истинном значении семья жизненно необходима, как его естественный фундамент. И.А. Ильин пишет: «Семья есть первоначальная, исходная ячейка духовности – как в том смысле, что именно в семье человек впервые учится... быть личным духом, так и в том смысле, что духовные силы и умения, полученные от семьи, человек переносит затем на общественную и государственную жизнь».

Любое падение Традиции, а вместе с ней и традиционных институтов, увь, начинается с высших слоев общества. История всех времен и народов свидетельствует, что именно образованные, элитарные слои общества, увлекаясь праздной игрой сознания и отвлеченных концепций, гораздо легче утрачивают способность и непосредственную силу доверия к очевидности, дарованной нам через личный опыт духовной жизни. При утрате этой способности у родителей та же болезнь моментально поражает и неокрепший духовно-нравственный организм ребенка.

Вот почему столь важно для любой Традиции иметь опору в традиции семейственности данного народа. И.А. Ильин предупреждает: «...ребенок вступает в семью своих родителей как бы в

доисторическую эпоху своей личности и начинает дышать воздухом этой семьи со своего первого физического вздоха. И вот в душном воздухе несогласованной, неверной, несчастной семьи, в пошлой атмосфере бездуховного, безбожного прозябания не может расцвести здоровая детская душа. Ребенок может приобрести чутье и вкус к духу только у духовно осмысленного семейного очага; он может органически почувствовать всенародное единение и единство, только испытав это единство в семье, а не почувствовав этого всенародного единства, он не станет живым органом своего народа и верным сыном своей родины. Только духовное пламя здорового семейного очага может дать человеческому сердцу накаленный уголь духовности, который будет и греть его, и светить ему в течение всей его дальнейшей жизни... Семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию. Из этой семейной традиции и благодаря ей возникла вся наша индоевропейская и христианская культура – культура священного очага семьи. С ее благоговейным почитанием предков, с ее идеей священной межи, огораживающей родовые могилы; с ее исторически слагающимися национальными обычаями и нарядами. Это семья создала и выносила культуру национального чувства и патриотической верности. И сама идея „родины“ – лона моего рождения и „отечества“, земного гнезда моих отцов и предков – возникла из недр семьи как телесного и духовного единства. Семья есть для ребенка первое родное место на земле; сначала – место-жилище, источник тепла и питания, потом – место осознанной любви и духовного понимания».

Таким образом, первой практической задачей по восстановлению исторической государственности в России должна стать задача восстановления и укрепления традиционной семьи. Задача эта по силам всем и каждому, сейчас, сегодня, для всех, кто хочет жить в России, и она отнюдь не нуждается в выискивании дополнительных бюджетных средств, которых на благие дела всегда не хватает. Все усилия должны быть направлены на то, чтобы ребенок мог получить доступ ко всем сферам духовного опыта, чтобы его духовное зрение открылось на все значительное и священное в жизни, чтобы его сердце и неиспорченное восприятие действительности училось отзываться на все явления Божественного в мире людей. Задача родителей – помочь ребенку пережить живой опыт соприкосновения с Божественным, помочь ощутить саму жизнь как длящееся таинство. Научив этому, мы сделаем душу ребенка восприимчивой ко всем сокровищам мироздания, к таинственной внутренней целесообразности и гармонии мира. В такой душе обязательно родится и чувство сострадания, и мужество защитника святынь родного очага, и благоговейная молитва к Господу. Повседневная жизнь открывает чуткому сердцу «священные следы и таинственные уроки Всевышнего», делает возможным «обновляться духом ума своего». В таком духовном опыте и рождается истинная любовь к Родине как творческий акт духовного самоопределения индивидуума, «верный перед лицом Божиим и потому благодатный», как обоснованно считал И.А. Ильин. Из духовного, а не бытового постижения Родины происходит истинное великодержавие, которое определяется не размером территорий и не числом жителей, но способностью народа брать на себя бремя решения великих исторических задач и умения творчески и героически справляться с ними. Великая держава и великий народ есть те, которые, утверждая свое бытие, свою волю и свои интересы, вносят творческую, управляющую, правовую идею во весь сонм народов и государств, преобразуя их в соответствии со своими стремлениями. Наша творческая государственная задача была для всего русского народа очевидной и близкой по духу. Мы видели себя призванными к осуществлению в земной истории Царства Правды, чей священный иконографический прообраз был запечатлен на Небесах и в сердцах христианского народа. Искажение этого идеала проявлялось – и проявляется поныне – в превратном понимании роли религии как необходимой идейной подпорки бюрократической структуры Верховной власти. Истинная вера рождает и истинный патриотизм, обращенный в первую очередь к духовной отчизне – сокровенной и таинственной, «окончательной и цельной», имеющей свое неполное выражение в исторических формах отечества земного, которое, при всей его неполноте, есть священное отображение Отечества духовного.

Обретение Родины действительно немислимо без обретения веры. Светский патриотизм был не просто слеп и ущербен – он был психически опасен ввиду того, что мог принести серьезный ущерб духовному здоровью человека.

И.А. Ильин предупреждал: «...Нет единого, для всех людей одинакового пути к родине. Один идет из глубины инстинкта, от той священной купины духовной, которая горит и не сгорает в его бессознательном; другой идет от сознательно-духовных созерцаний, за которыми следует, радуясь и печальясь, его инстинкт. Один начинает от голоса „крови“ и кончает религиозной верой; другой начинает с изучения и кончает воинским подвигом. Но все духовные пути, как бы велико ни было их различие, ведут к ней. Патриотизм у человека науки будет иной, чем у крестьянина, у священника, у художника; имея одну родину, все они будут иметь ее – и инстинктом, и духом, и любовью и все же – каждый по-своему. **Но человек духовно мертвый не будет иметь ее совсем.** Душа, религиозно-

пустынная и государственно-безразличная, бесплодная в познании, мертвая в творчестве добра, бессильная в созерцании красоты, с совершенно неодухотворенным инстинктом, душа, так сказать, «духовного идиота» – не имеет духовного опыта; и все, что есть дух, и все, что есть от духа, остается для нее пустым словом, бессмысленным выражением; такая душа не найдет и родины, но в лучшем случае будет пожизненно довольствоваться ее суррогатами, а патриотизм ее останется личным пристрастием, от которого она при первой же опасности легко отречется. Иметь родину – значит любить ее, но не тою любовью, которая знает о негодности своего предмета и потому, не веря в свою правоту и в себя, стыдится и себя, и его и вдруг выдыхается от «разочарования» или же под напором нового пристрастия. Патриотизм может быть и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное; которая живым опытом (может быть, вполне «иррациональным») испытала объективное и безусловное достоинство этого священного – и узнала его в святынях своего народа. Такой человек реально знает, что любимое им есть нечто прекрасное перед лицом Божиим, что оно живет в душе его народа и творится в ней; и огонь любви загорается в таком человеке от одного простого, но подлинного касания к этому прекрасному. Найти родину – значит реально испытать это касание и унести в душе загоревшийся огонь этого чувства; это значит пережить своего рода духовное обращение, которое обязывает к определенному исповеданию; это значит открыть в предмете безусловное достоинство, действительно и объективно ему присущее, и прилепиться к нему волею и чувством и в то же время открыть в самом себе беззаветную преданность этому предмету и способность бескорыстно радоваться его совершенству, любить его и служить ему. Иными словами, это значит соединить свою жизнь с его жизнью и свою судьбу с его судьбою, а для этого необходимо, чтобы инстинкт человека приобрел духовную глубину и дар духовной любви».

Наверное, излишне говорить, что для такого духовного понимания родины совершенно не безразлично, в каких социально-политических институтах выражается то священное, невысказанное, но вполне реальное, что «сквозит и тайно светит в наготу ее смиренной». Неужели в здравом уме можно представить, что все сказанное о Родине и о том, что достойно истинной святой любви, нашло свое законченное выражение в современном российском парламентаризме? Объективное наличие здравого смысла у здорового человека не допускает такой возможности в принципе.

Когда человек воспринимает духовную жизнь и духовное достояние своего народа, он обретает Родину. В этом обретении он совершает акт духовного самоопределения, которым отождествляет свою судьбу с духовной и исторической судьбой своего народа, отождествляет свой инстинкт с инстинктом «всенародного самосохранения». История народа, его подвиги и страдания помогают людям обрести духовное сокровище, именуемое Отечеством. Это сокровище не исчерпывается душевным состоянием человека, но прежде всего именно в душе его находит свое место и может быть там обретено. Личный акт патриотического самопознания и самоопределения должен следовать своему духу и распознать в своем собственном духовном опыте духовное лоно своего народа. Но Родина живет не только в душах ее сынов. Родина – духовная жизнь народа в единстве его поколений, совокупность творческих устремлений, энергий этих поколений, органически связанных между собой. То, что любит настоящий патриот, – не просто родной ему народ, но именно и только народ, ведущий самобытную духовную жизнь. Народ, духовно разложившийся, павший и наслаждающийся нечистью и грязью, что сейчас с ужасом мы можем наблюдать в России, не есть наша Родина, но лишь ее потенциальная возможность. Родина актуализируется, осуществляется в реальности только тогда, когда народ духовно здоров. Нам должна быть драгоценна не просто жизнь народа, его мнимое или истинное материальное довольство, но только подлинная творчески-духовная национальная жизнь – если и не всего народного организма, то хотя бы его значительной части. Все условия национальной жизни, как то: земля, природные условия, хозяйство, социальная организация, политическая власть – важны не сами по себе, но как необходимые данные для реализации духовной жизни. В этом священное сокровище самого понятия «Родина», за которое стоит бороться не на жизнь, а на смерть. В таком понимании Родины, по верному замечанию И.А. Ильина: «...все определяется не просто инстинктом, но глубже всего и прочнее всего – духовной жизнью, и через нее все получает свое истинное значение и подлинную ценность. И если когда-нибудь начнется выбор между частью территории и пробуждением народа к свободе и духовной жизни, то истинный патриот не будет колебаться, ибо нельзя делать из территории, или хозяйства, или богатства, или даже простой жизни многих людей некий фетиш и отрекаться ради него от главного и священного – от духовной жизни народа».

А ведь именно так стоял вопрос для многих наших сограждан в годы Второй мировой войны. И выбор в этой войне, на чьей стороне стоять с оружием в руках, определялся именно разным видением Родины. Пусть это будет звучать горько для многих, как и для самого автора, но выбор тех, кто победил в этой войне на полях сражений, был выбором слепым и бездуховным, выбором тех, для кого Родина была суммой фетишей, но не духовной святыней. Наверное, не случайно, что после салютов по поводу разгрома противника на полях страшных битв мы все сели, как поется в современной песне про

Родину, – «на Родине в плену». Там сейчас и пребываем, продолжая праздновать под надзором лагерного начальства день победного возвращения в отчий плен.

Только духовная жизнь этноса есть то, за что можно и должно любить свой народ, за что можно сражаться и погибать. В ней сущность самой Родины, которую стоит любить больше жизни, за которую не страшно умереть, потому что она в своем духовном призвании «верна и драгоценна пред лицом Божиим». Духовная жизнь народа есть подлинное и живое служение Богу, истинное богослужение, которое надо свято охранять от посягательств извне. Это богослужение священо и оправданно само по себе для всего народа и для каждого его представителя в отдельности. Истинная духовная жизнь народов способна переживать века, а иногда и их самих. Достаточно вспомнить Ветхий Завет древних иудеев, философию и изящные искусства эллинов, юридическое право римлян.

Соединяя свою судьбу с судьбою своего народа – в его великих свершениях и в горьких падениях, – истинный патриот отождествляет себя со всей совокупностью своих соотечественников, живых и ушедших. Конечно, во всей народной целокупности хватает и людей порочных, недостойных. Но когда мы отождествляем себя с живой народной личностью, сливаем свой инстинкт и свой дух с инстинктом и духом народа, мы соединяемся мистически с общностью не арифметической, но целостно-духовной, очищенной в тигле священного огня перед лицом вечности. Мы служим духовной святыне своего народа своей жизнью, и душа наша и тело следуют за этим отождествлением. Подобно тому, как тело человека живет только до тех пор, пока оно одушевлено, так и душа истинного патриота может жить, только пребывая в духовном и творческом единстве с национальной жизнью своего племени. В духовном поле между человеком и народом устанавливается особое единение, находящее себе выражение в инстинкте и духе индивидуума. Однако «иррациональность» такого патриотического чувства видима. Оно может быть рационально постигнуто, поскольку иррационально только по переживанию, но подчинено описываемым инстинктивно-духовным формам и законам. Таковы духовные предпосылки патриотизма с точки зрения христианской Традиции. Таковы необходимые индивидуальные предпосылки восстановления традиционных устоев общества и государства.

Рассмотрев в этой связи вопросы духовного обновления института семьи и предпосылки личного одухотворенного обретения Родины, перейдем к более высокой ступени общественного единения в рамках восстановления институтов традиционного государства – наднациональному, гражданскому единению соотечественников, разделяющих общие патриотические чувства того особого духовного свойства, о котором было сказано выше.

Христианский источник гражданского патриотизма в традиционном государстве

Патриотическое чувство людей вырастает из чувства сопринадлежности не просто определенному государственному образованию, но некоей идее, которая этой государственной формой организации социума выражена, которая осмысливается или интуитивно ощущается согражданами. Чувство это столь необходимо живой человеческой личности, сколь необходима этой личности духовная жизнь вообще. И корень этого чувства глубоко залегает в тех священных предметах веры, которыми и питается духовный человеческий опыт.

Люди сплавляются из этнографического человеческого материала в единый народ и обретают единую Родину в силу подобия их духовного уклада. Трепет перед общей святыней созидает народы. Духовный уклад народа формируется постепенно, в ходе его исторической жизни. Фундаментом своим этот уклад имеет определенную эмпирическую данность, внутренне присущую каждому человеку данного сообщества: раса, кровь, психологические особенности, темперамент, душевные предпочтения. На эту комплексную данность накладываются условия исторического существования, климатические и географические особенности национального ландшафта. Все это народ обретает как своего рода необходимое условие его исторической реализации свыше, от Бога. И именно эта изначальная данность должна быть творчески преобразована в человеке и народе посредством его духовной жизни, частной и общей, осуществляющейся в Церкви. История на этом пути всегда есть внешний вызов, на который народный дух должен находить правильные ответы, решения и верные основания к действию. Все это и созидает, по словам И.А. Ильина, единый «национально-духовный уклад», который связывает людей в патриотическое единство и который человек волен не принимать для своей частной жизни, но совершенно неволен воспринимать самостоятельно, не имея для этого эмпирической данности. Патриотизм – чувство, далеко не всецело подчиненное нашему рациональному сознанию именно по причине тех глубоких духовных пластов, что лежат в его основании. В своем духовном выражении каждый народ имеет уникальные особенности, образующие неповторимый национальный духовный уклад, который включает в себя и глубины бессознательного,

и инстинкты, и душевные свойства людей, и сам наследственный бытовой уклад их повседневной жизни. Но главное, что объединяет людей, – это сходное переживание священного, преклонение пред общим духовным авторитетом. Самое устойчивое единение происходит от одинакового созерцания божественного, от одинакового религиозного акта, и истинный патриотизм имеет этот акт своим нервом.

И.А. Ильин считал, что «это не значит, что все сыны единой родины должны быть одного религиозного исповедания и принадлежать единой церкви. Однако патриотическое единение будет несомненно более тесным, интимным и прочным там, где народ связан не только единой территорией и климатом, не только государственной властью и законами, не только хозяйством и бытом, но и духовной однородностью, которая доходит до единства религиозного воспитания и до принадлежности единой и единственной церкви. Патриотическое единение есть разновидность духовного единения, а поклонение Богу есть одно из самых глубоких и сильных проявлений человеческого духа».

Факт этот неоспоримо свидетельствует о необходимости видеть в государстве своего рода надстройку или ограду этому глубочайшему чувству. Сама священная основа государственности прямо вытекает отсюда. Религиозная основа патриотизма была хорошо известна и древним классическим народам. Гражданский патриотизм для греков и римлян был делом искреннего поклонения родным богам и гениям рода. Клятва юноши при вступлении в сообщество полноценных граждан гласила: «Буду оборонять святилища и священные обряды и почитать святыни моей Родины». В этом отношении ничего не изменилось и поныне. Только клятва святыням способна пробудить истинные гражданские и патриотические чувства в любом человеке. Клятва отвлеченным принципам демократии или коммунистическим идеалам всеобщего довольства никогда не сможет привести духовный мир человека в гармонию с действительностью и с теми ложными идеалами, которым он собирается служить, по причине их внутренней «мещанской меркантильности», сколь бы героическими формулировками она ни выражалась вовне. Демосфен говорил, что «быть гражданином равносильно соучастию в жертвоприношениях». Сегодня речь может идти о том, что истинный гражданин невозможен без личной искренней веры, которая всегда была главным условием допуска к общественным «жертвоприношениям» или богослужению. Но жертвоприношение, в котором участвует гражданин, может пониматься и шире: как личная жертвенность, которая тоже проистекает из живейшего религиозного чувства и тоже является мерилем гражданской зрелости. Задолго до нашего времени Цицерон вполне выразил этот вечный «символ веры истинного патриота»: «Здесь моя вера, здесь мой род, здесь след моих отцов; я не могу выговорить, какой восторг охватывает мое сердце и мое чувство...» Как в древности, так и теперь религиозное единение и патриотическое чувство должны совпадать: единый народ творит единую духовную культуру, имеет единую веру и единую родину.

Это двуединое чувство национальной самоидентификации с древних времен нашло свое выражение у христианских народов в Царстве и Церкви.

И.А. Ильин в этой связи отмечал: «Различие между религиозной и патриотической общиной состоит в том, что в религии люди любят Бога и верят в Бога, а в патриотическом единении люди любят свой народ в его духовном своеобразии и верят в духовную силу и духовное творчество своего народа. Народ – не Бог, и возносить его на уровень Бога грешно. Но народ, создавший свою родину, есть носитель и служитель Божиего дела на земле, как бы сосуд и орган Божественного начала. Это относится не только к „моему“ народу... но и ко всем другим народам, создавшим свою духовную культуру. Следовательно, это относится и к моему народу».

Институт монархии в христианском государстве, в котором народная общность персонифицировалась в лице конкретного Государя, являлся в том числе и гарантом того, что патриотизм и любовь к национальным началам не примет отвлеченный, нравственно безразличный, а затем и прямо языческий облик обожания нации, при ее понимании как абсолютной, вневременной ценности, оторванной от своего бытийного начала, лежащего в Боге. Царь – это не просто политический, но и, что важнее, сакральный центр народа.

Напомним, что в древности Цари не просто символизировали собой связь народа с высшими сферами, но являлись главными гарантами благодетелей, подаваемых свыше. Царь виделся как сосредоточение жизненной силы народа. Институт многоженства, в частности у славян (вспомним число жен и наложниц князя Владимира до крещения), был как раз выражением этой веры в царя как в священную фигуру, воплощающую в себе коллективную творческую и репродуктивную силу народа. Не похоть, но священная обязанность, своеобразное языческое магическое действие актуализации сил плодородия и сил рода толкало священную особу царя в объятия столь большого количества женщин.

Как каждое духовное достижение народа есть некий единый центр, очаг, от которого исходит, не умаляясь в пространстве и времени, огонь духовного горения, питающий многих, так же и личность

монарха есть центр, который транслирует вовне, но и собирает с периферии энергию народного патриотизма и любви, оставаясь очагом национального исторического бытия соборной народной личности. Пламя этого очага, зажигая новые источники света, остается однородным в своей интенсивности. Эти световые импульсы придают внешним эмпирическим связям расы, пространства, истории истинное и глубокое духовное значение.

Так как национальная духовная культура есть некий гимн Богу, всенародно пропетый в истории, симфония Творцу, то и в земной Родине мы вправе видеть нечто от духа Божия. Истинная Родина – это национально воспринятый дар Святаго Духа, свято чтимый, бережно хранимый, «взращенный и в земные дела вработанный», по замечанию И.А. Ильина.

Эту святыню нельзя погасить, нельзя игнорировать без ущерба своему духовному, да и физическому здоровью. Ей жить, и ее необходимо творчески в себе блюсти, ограждая от попраiania другими народами и чуждыми культурами.

Истинный патриотизм должен быть пронизан живительными токами этой святыни. Отсюда возникнет и глубокое понимание того индивидуального исторического лица, которое представляет родной народ. И понимание это, в свою очередь, приведет к правильному видению того исторического призвания, которое заключено в созидании народом своей исконной, творчески неповторимой, самобытной культуры. Разговоры о том, что русский народ – это особый вселенский этнос, который призван ассимилировать в себе чужие культуры и растворить в себе иные народы, приведя их к новому синтезу, есть разговоры беспочвенные, даже опасно мечтательные. Потеряв свое духовное достояние, а вместе с ним – и достоинство, мы не сможем ассимилировать высшие достижения иных народов, но будем, как мы делаем последние двести лет, собирать объедки культурных трапез всех наций. Растворив же в себе иные самобытные малые и средние народы, мы не создадим никакого вселенского суперэтноса, но станем лишь серой человеческой массой, лишенной любых индивидуальных черт и не способной ни на какую культурную деятельность, кроме слабого и болезненного подражания тем культурам и народам, которые нашли в себе силы сохранить самобытность и чистый этнический тип, т. е. свое истинное национальное лицо, сохранить свою историческую личность. Именно она – единственное условие и надежная гарантия того, что и каждый член народного сообщества сможет сохранить свое личностное своеобразие, свою человеческую неповторимость.

Народы с имперским импульсом способны реализовывать культурный творческий акт такой силы, что он захватывает и окружающие этносы, создавая для них такую питательную среду, в которой и их творческий потенциал найдет возможность, видоизменяясь по необходимости, достичь своей полноты, оплодотворяясь творческой энергией государствообразующего этноса. В этой энергии, истекающей из творческой и национальной самобытности и чистоты, и может проявляться та вселенскость, которая столь дорога многим нашим национальным мыслителям.

Единение человека со своим народом в его историческом единстве не может происходить помимо указанных процессов, реализующихся в глубоко национальном творческом акте. Единение это, национальное и патриотическое, слагается в форму определенной правовой связи и принимает вид государственного единения этнического организма. Особенно это верно для нашей отечественной истории. Истинно русский патриотизм и национализм живут в наших душах в теснейшей связи с государственным правосознанием, поэтому наш патриотизм всегда имел и иметь будет национально-государственный характер, но не клановый, языковой или чисто религиозный. И.А. Ильин писал: «Инстинкт, дух и чувство права, восполняя друг друга, создают в душе ту целостную, мужественную и нравственно-прекрасную энергию, которая необходима для героической обороны родины... Эта энергия есть проявление „естественного правосознания“. Для такого правосознания „право его народа не простирается до пределов его силы, но лишь до пределов его духовной необходимости. Каждый народ имеет неотъемлемое естественное право вести национально-духовную жизнь, которая бывает иногда возможна и вне самостоятельной суверенной государственности; и каждый народ, отстаивая свою духовно-культурную самобытность, прав“.

Давно уже не секрет, что современный мир переживает кризис истинного правосознания. Но мировая история уже переживала подобные кризисные ситуации. Крушение Древнего мира началось одновременно с разложением религиозности, которое захватило и семейную жизнь, и правосознание. Правосознание, утратившее свой религиозный фундамент, оказалось бессильным сохранить монументальную государственность и культуру Рима.

На пике кризиса древней Римской государственности миру была дарована Благая Весть Христа. Благодатное откровение и новый духовный опыт заложили основы новой культуры и нового мира. Христианство обращалось к самым глубинам человеческого духа, учило человека новому отношению между ним самим и Богом, вело к живому единению с Божеством в беззаветной любви, соединенной с искренней любовью к ближнему своему. По этой причине частная и общественная жизнь христианина не может быть слепой и бесцельной. Его жизненный путь ведет к Богу и обращен к Нему, поставляя

Его выше всего, подчиняя Ему всего себя в своих делах и мыслях. Жизненный вектор такого человека исключительно религиозен. Такое религиозное настроение вносило в общение людей и в процесс их общественных отношений дух нового, христианского правосознания. Этот дух учил ставить небесное выше земного, материального, подчинять все личное не общественному, но сверхличному как источнику качества, достоинства и всяческого совершенства. Именно это правосознание заложило основу новой христианской культуры, носительницы высшего достоинства и истинного благородства в человеческом роде. Христианское правосознание давало людям определенное мерило совершенства. Оно указывало, чему должен служить правитель, какова высшая цель государственного единения людей, и тем самым безошибочно определяло, кто призван стать во главе христианской державы. Так закладывался священный фундамент новой государственности, возвращавшей человека к первоначальным истокам духовной Традиции. Христианская вера пропитывала общественный строй духом солидарности, духом органического единения, тем духом, который аккумулирует все духовные и физические силы этноса и лежит, по словам И.А. Ильина, в основе «духовной гениальности народа». Христианская вера по-новому осмыслила и облагородила сами понятия права и государственности. Она пробудила в людях самые благодатные силы любви и совести, которые облагораживали правосознание и давали ему непоколебимую опору. С утратой истинного христианского правосознания мы разучились различать добро и зло, кризис охватил все сферы бытия. Кризис системный, с неумолимой логикой разрушения, в которой последней жертвой будет сама человеческая душа. Правосознание же, утратив свои божественные истоки, стало беспочвенным, отвлеченным и мертвенным. Оно уже не может исполнять той роли, которую призвано играть в человеческом сообществе, объединенном в государственный организм. Утрата внутренней структуры этого организма, оживляемой истинным правосознанием граждан, неминуемо ведет не только к гибели конкретного государства, но и к гибели самой идеи государственности. Хаос наступает на Космос бытия. Современная юриспруденция, опирающаяся на бездуховный формализм, стала источником разлагающих влияний правосознания. Именно здесь лежит корень общего кризиса современной формы государственности, которую невозможно преодолеть без возвращения к духовным корням человеческого общежития.

Сколь ни кичилась бы современная демократия своей победой над коммунистической доктриной, она все равно изначально побеждена этой самой доктриной и усвоила ее самые ключевые идеологические посылы.

Формула духовно выродившегося и нравственно разложившегося правосознания была теоретически сформулирована марксизмом и применена им в революционной практике. Марксизм учит: «Государство есть условное равновесие равных человеческих индивидуумов, которые суть есть не больше, чем материально детерминированные существа, подлежащие количественному измерению и счислению, которыми исчерпывается вся их суть. Государственная власть – это обычный хозяйственный механизм, который организует эту количественную массу». Совершенно в духе этой концепции думают и действуют все эшелоны власти в современной Российской Федерации. Современное состояние правосознания характеризуется родовыми чертами, унаследованными от марксизма в исконной идеологической чистоте! В первую очередь отметим отрицание духа, духовной личности, веры, религиозной основы права как самостоятельной ценности. Затем – сведение всей человеческой жизни к материальным процессам. И наконец – вера в механический закон управления человеческим коллективом. Болтая о правах личности, современное государство и правосознание личность в вопросе государственной политики и экономических преобразованиях не учитывают вовсе, ее просто нет как субъекта права. Если вы попытаетесь мне возразить и сошлетесь на Конституцию, где по поводу личности написано немало, то я вам замечу, что в ней нигде нет даже упоминания о том, что же современные власти предержащие понимают под этим словом. А они искренне полагают, что личность – это всего лишь фетиш (впрочем, весьма необходимый в современной политической магии управления сознанием масс), и ничего больше!

С другой стороны, современное правосознание не заслуживает даже этого наименования. Оно отрицает право человека в первую очередь как право проявления его духа, его духовной, религиозной свободы и утверждает доктринальный произвол во всех сферах современной общественной жизни.

Такая практика является последней степенью разложения всего государственного организма. Коммунизм в этом вопросе достиг дна, демократия достигает. Причем российская специфика состоит в том, что разложение демократического правосознания и его институтов происходит не менее быстрыми темпами, чем коммунистической доктрины в прошлом. В определенном смысле современный либерализм еще менее жизнеспособен, чем державшийся на крови и страхе большевизм.

Без последовательной христианизации всего государственного организма дно будет достигнуто очень быстро, и падение на него будет очень болезненным.

Священные основы государства и личность

Личность и государство – вот тема, затрепанная донельзя современными СМИ и неожиданно выброшенная на свалку информационных обносков. Проблемы личности для государства отныне не существует, так как этой самой личности государство не видит вовсе. Слабосильный писк демократической общественности о том, что современная власть отказала даже им в наличии этой самой личности – всего лишь обида обманутого в своих надеждах «ментовского информатора», которого сослали на Колыму вместе с теми, на кого он исправно «стучал». Когда мы говорим о ссыльных, то речь идет о всем нашем народе, которому упорно отказывали в историческом личностном достоинстве упыри, пившие и пьющие его кровь с 1917 года, за счет чего и ведут свою паразитическую жизнь, полную внутреннего достоинства вурдалака. Но может, они и правы в своем презрении? Разве не презренен человек, обсиженный клопами, который многие десятилетия не ходит в баню и не желает принять очищение? Может быть, у людей пропала уверенность в том, что есть такая баня, которая будет смертельна для паразитов? Но «баня пакибытия» есть и пребудет до конца, и омывшийся в ней не только примет жизнь вечную, но и обретет утраченное предками духовное первородство и личностное достоинство.

Чем же является личность для традиционной христианской государственности? Какой ценностью она обладает?

Духовное понимание человека видит в нем, прежде всего, творческое существо, наделенное бессмертной душой, священный сосуд – вместилище Божественного духа. Жизнь человека – процесс таинственный и до глубины его не постижимый, поскольку глубинный центр человеческого самостояния и самоутверждения освящен свыше. Такой человек в христианской антропологии есть естественный субъект права и правосознания. Он – живая основа семьи, общества, народа, государства, Церкви, наконец. Такой человек – истинный источник всякой культуры, и духовной – в первую очередь.

Государство же по своей изначальной сути – организм духовной солидарности отдельно взятых людей. Невозможно себе представить государство, состоящее из одного класса, из одной группы людей. Государство – это сложное целокупное множество. Экономическая и культурная жизнь государства складывается из множественности умений, хозяйственной специализации, самостоятельной творческой инициативы и культурных традиций. Государство не должно опускаться до частного интереса отдельного индивидуума, но обязано возводить отдельный духовно значимый и нравственно безупречный личный интерес гражданина на уровень общенародных политических и экономических задач. Такое государство исполняет свое христианское предназначение и становится социальным в истинном значении этого слова. Такое государство способно проводить в жизнь христианскую политику и становится орудием духовной солидарности и гражданского братства всего народа. Отметим, что сама идея братства не есть продукт французской революционной мысли 1789 года, но вошла в политический обиход в Средневековье, когда совокупность христианских государств Европы, вопреки многочисленным политическим и военным столкновениям, мыслилась как единое братство христианских народов. Возвращаясь к отношению христианского государства к личному интересу отдельного гражданина, необходимо отметить, что если какой-нибудь частный интерес духовно верен и справедлив, если он не просто частный интерес, но субъективное выражение объективной потребности христианского социума, то государство признает естественное право индивидуума на творческую инициативу и свободу действия. Единолично выражая в своей творческой активности публичный, общенациональный интерес, личность выражает и интерес самого государства. В этом основная сущность здорового правового отношения личности и государственного аппарата. В таком духовном поле взаимосвязи с государством частная воля гражданина облагораживается, и он поднимается до уровня решения общегосударственных задач, постепенно освобождаясь от детерминизма личного своекорыстия и жадности. Государство обязано считаться с верными и справедливыми интересами частных лиц и групп социума, рассматривая эти интересы через призму целого народного организма, государственной целесообразности, общего интереса, справедливости, наконец, основанной на христианском понимании жизни, на естественном праве христианина и гражданина. В своем отношении к личности государство должно исходить из того, что в первую очередь оно является выразителем общего всенародного интереса. Частный интерес гражданина принимается в расчет, поскольку он, в силу своей духовной зрелости, может быть принят и истолкован как интерес общенациональный. Разумеется, что такие идеальные взаимоотношения не могут быть правилом без исключений. Понятно, что многие наши частные интересы не могут прямо рассматриваться как общенародные, на то они и частные. Но эти противоречия снимаются, если мы осознаем, что, сохраняя духовное единство с народом и основами христианской государственности,

наши частные интересы все больше и больше будут совпадать с интересами государства до абсолютного живого тождества. Не являясь паразитом, трудясь на благо страны, исполняя свои обязанности, человек становится истинным гражданином, чьи поступки и желания всегда будут духовно оправданными. Такой человек вряд ли будет способен выдвигать такие претензии, которые будут идти вразрез с общепринятыми нормами нравственности и благополучия. Только искаженная неверным духовно-нравственным актом психика человека, больного по сути, может подвигнуть его вести нечестную жизнь, искажать сущность правосознания, подрывать духовные устои общества и требовать себе на этом поприще особых прав и привилегий.

И.А. Ильин указывал: «Государство в его духовной сущности есть не что иное, как родина, оформленная и объединенная публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания».

С древнейшей поры люди и народы объединяются в государства. Написаны тома исследовательской литературы, посвященной самой проблеме государства как такового. Но главный парадокс исторического опыта всего человечества состоит в том, что чем больше изучался данный предмет, тем более это самое человечество утрачивало ясные представления о нем. Особенно сегодня совершенно понятно, что власти придерживающиеся элиты совершенно не понимают аксиомы, согласно которой право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно духом и ради духа народа через посредство правосознания. Экономика тут ни при чем. Экономика, как сфера, наиболее погруженная в материю, имеет страшную тенденцию разрушать государственный организм через искажение его души и необоснованно повышенное внимание к себе со стороны общества.

Юридическая точка зрения на государство тоже не верна. Государство – это не просто система порядка, и внешние проявления политической жизни государственного организма совсем не составляют саму подлинно политическую жизнь. Государство творится внутри индивидуума, переживается им глубоко лично, духовно и душевно. Эта внутренняя государственная жизнь отражается во внешних поступках людей, но совершается и зреет в их душах. Орудием истинной государственной жизни является укорененное в вере правосознание. Разложение государства начинается тогда, когда фактом является внутреннее разложение личности. Люди не склонны замечать в себе и других духовный упадок. Сознание цепляется за следствия и пытается воздействовать именно на них путем ложного и пустого реформаторства. Но духовный распад личности и народа на этом пути спасти нельзя, нельзя спасти и государство. Настоящая политическая жизнь государственного организма заключена в глубинах личностного национального по сути и форме правосознания, корнем своим имеющего живую веру. Народ и вождь объединяются друг с другом в таинственной глубине, где живет святая любовь к родным очагам и рационально не познаваемое в своей сути государственно-политическое настроение. В вожде народ ищет воплощения идеала государства как духовного органа, ищет центр единения. В единстве вождя и народа создается сложный духовный организм. Ему чужды механизмы управления, так как на заре своего исторического становления государство есть действительно живое единство людей. Если в народе и в его вожде исчезает истинное государственно-политическое настроение, то государство вырождается в систему духовно ущербного насилия над массой механически привязанных друг к другу индивидуумов, в аппарат принуждения, в юридически условный компромисс между интересами всех и в прикровенную, но не затухающую и разрушительную гражданскую войну. Это ведет к неминуемому крушению уже не только органического живого государства, но и его механического муляжа.

Еще раз подчеркнем: чем в большей мере государство есть организм живой и цветущий, с живым и здоровым правосознанием людей, тем в большей степени оно имеет выраженные монархические черты изъявления верховной власти во главе с Государем, воплощающим в себе живой нравственный центр народного целого. Чем более государственный организм отвердевает, мертвеет, становится механистическим аппаратом, тем все более и более само понятие верховной власти обретает размытые формы, дробится, утрачивает личностные характеристики и неминуемо отмирает вовсе. А вместе с ним отмирает и государство. Факт этот хорошо известен тем силам, которые крайне заинтересованы в том, чтобы государственность в России через период имитации государственности пришла в полный упадок. И силы эти не жалеют средств, чтобы продлить современную агонию псевдогосударственности под названием либеральная демократия.

Когда современные политологи противопоставляют патриотизм и национализм, они не понимают, что национализм есть видоизменение патриотической любви к Родине и в нем самом содержится истинное государственное настроение души отдельного человека.

Такое настроение воспринимает Родину в качестве не отвлеченного, но конкретного и живого правового единства и соучаствует в этом единстве своим личным правосознанием. Когда личное правосознание сталкивается в лице государства с искажением правового и нравственного единства, в

народе возникает чувство утраты органически целого, утраты государственного чувства вообще. При здоровом правосознании личность добровольно самообязывает себя на служение общему делу, при утрате его она вообще не желает знать о существовании общественного блага.

Интересно, что гражданская принадлежность человека к определенному государству очень редко зависит от его сознательного выбора. Родившись, он уже попадает в юридическое поле обязательных для всех законов о гражданстве. Но человек волен в своей дальнейшей жизни принять эту данность и сделать ее своим волевым выбором или отказаться от нее. Государство не призвано постоянно проповедовать людям нравственные принципы. В своем законодательстве оно исходит из того, что эти принципы безусловны для всех граждан и разделяются ими. Но горе тому государству, которое только подразумевает в своих гражданах нравственные достоинства. Если в обществе не станет силы, которая будет неустанно воспитывать в гражданах нравственное достоинство, то государственные инициативы перестанут находить в социальной среде всякое понимание и живое соучастие. Верно и обратное. Государство обязано иметь и декларировать единую и высшую цель своего существования. Оно призвано служить этой цели и постоянно находиться на необходимой нравственной высоте, чтобы соответствовать своему высокому предназначению. Аристотель говорил, что государство создается ради «прекрасной жизни». Христианство уточняет: «Государство призвано служить делу Божию на земле». Но служить не в церковных формах, не поглощая и не заменяя собой Церковь, а исполняя свое предназначение быть ее крепкой внешней оградой. Именно в таком государстве человек получает необходимые нравственные ориентиры для акта волевого принятия общественного правосознания и государственного патриотизма в качестве своего собственного свободного выбора. У такого государства несомненно будет совпадать политический акт и объективная безусловность государственной цели, как о том говорили мудрецы древности от Конфуция и Лао-цзы до Гераклита, Платона и Аристотеля. Политика будет являться орудием, средством воплощения и осуществления высшего задания государства, будет служить высшей безусловной ценности данной государственности. Сущность государства состоит в том, что оно имеет (а граждане это признают и принимают как нечто глубоко личное, как свою реликвию) единую общую цель, единый интерес, который выше частных интересов и целей, потому что объективно имеет прямое соприкосновение с божественным замыслом о народе. И такое государство есть и пребудет духовной общиной.

Кризис современной государственности состоит в том, что люди, сограждане давно перестали быть солидарны между собой в главных вопросах правосознания – в вопросах целей и задач государственного института как такового. Люди выступают конкурентами, но не сотрудниками. В государственной и политической жизни они частные лица, но не граждане. Их жизнь не выходит за рамки частных интересов, которые все более и более сужаются до размеров материального благополучия, понимаемого всеми по-разному, но эта разница – лишь количественный показатель, не влияющий на качественную деградацию личности, потерявшей способность мыслить государственно и патриотично. Люди склонны не к сотрудничеству, а к борьбе. Их внутренняя установка жизни далека от политической и государственной целесообразности. Политика есть солидарная деятельность социума вовне ради единой и общей цели. Этой внешней цели у народа и его отдельных представителей во власти сегодня нет. Тем не менее власть продолжает пользоваться риторикой из времен государственного периода России и политическим словарем того же периода, который не отражает вообще никакой реальности на современном политическом и социальном ландшафте страны. Дух народа, национальная культура, государственное устройство, властные институты, законодательство, правопорядок и суд, гражданское согласие и нравственное здоровье – все это суть предметы, которые в совокупности и дают понятие, что же для нас наша Родина. Эти понятия должны быть общими для всех граждан. Каждый из нас является сыном своей отчизны, субъектом права и гражданином лишь постольку, поскольку вообще существует единство в восприятии людьми вышеперечисленных аспектов национальной жизни. Без этого никакая великодержавная риторика не спасет нас от государственной гибели и конечного нравственного разложения. Аристотель и Гегель были совершенно правы, когда говорили, что государство всегда предшествует гражданину. Скажу более – государство есть необходимое условие существования гражданина. В случае распада государства граждан не останется, а будет лишь количественная и качественно не дифференцированная человеческая масса, в которой уже не останется места для личности. Спасение государственности в России сопряжено и со спасением самого нравственно глубокого понятия личности и ее духовного достоинства. Каждый человек на этом пути обязан утвердить в своем личном правосознании не просто идею государства, но священную идею государственно оформленной родины отцов и дедов, Родины, даровавшей нам вечную жизнь в духе и вере. Это путь к обновлению и возрождению государства на твердом творческом фундаменте истинно христианского личностного правосознания. Интерес своего государства необходимо принимать сердцем, ибо оно воспринимает духовно верный и справедливый интерес личности, как свой собственный. Каждый такой интерес

принципиально включен в систему общегосударственных интересов. Паразит и эгоист, не живущий интересами своей страны, не только духовно и нравственно выпадает из поля национальной государственности – он неминуемо выпадет и из юридического поля общего правосознания и сам делает себя изгоем. Здоровый государственный организм совершенно не дает возможности плодиться и развиваться на своем теле паразитам. Увы, про современное положение вещей в России такого не скажешь.

Верно понятая государственность никогда не предстанет всего лишь исторически отжившим аппаратом насилия и подавления одних человеческих групп другими. Верное понимание государственных задач невозможно вне христианского учения. Согласно ему, настоящее здоровое государство есть, по словам И.А. Ильина, «светлое и благое начало в истории человечества, и насаждение здорового государственного правосознания поможет вывести человечество на путь духовного обновления».

Только духовная солидарность граждан между собой и их духовное же единство с Верховной властью составляют реальную, а не утопическую основу любого истинного государственного строительства. Государство должно быть «живой системой братства» и прямо «соответствовать духу Евангельского учения». Так учил Иван Александрович Ильин. Так мы должны понимать наши государственные задачи и сегодня, если не хотим стать свидетелями гибели всего того, что есть наш дом и Родина. Но разве можно себе представить воплощение такой государственности с обозначенными обязательными условиями вне монархической власти в качестве Верховной?

Церковь и государство

Наверное, нет смысла убеждать людей верующих в том, что Церковь есть особый институт, инаковый по отношению к нашим земным учреждениям. Сейчас мы не будем говорить о том, что Церковь представляет собой особый священный организм, возглавляемый самим Спасителем. Это не должно быть предметом спора или разбора, поскольку данная аксиома есть фундамент любого традиционного исследования общества и его институтов.

Для нас здесь важно вот что. Отношения Церкви и Государства в России носят совершенно особый, если угодно уникальный, характер. Русь Государством вошла в Церковь!

С древности идеалом взаимоотношения Государства и Церкви стал эдикт византийского императора Юстиниана Великого, в VI веке провозглашавшего симфонию властей, духовной и политической, выраженных, соответственно, Церковью и Царством – идеалом земного мироустройства культурного человеческого сообщества.

Народ русский вошел в церковную ограду всей своей государственностью, к тому времени отнюдь не молодой. Даже если считать началом таковой только приход Рюрика, что вовсе не корректно, то все равно к моменту крещения государства династия Рюриковичей насчитывала 120 лет бытия! Даже для нашего времени, когда на глазах рождаются некие подобию государственных образований со своими смешными претензиями на самостийность, возраст государства Русского в момент крещения был весьма солидным. Важно вот что еще. Первыми в Церковь вошли наши государи в лице Аскольда, Ольги и Владимира. Последний не просто привел за собой и весь народ, он породил то неразрывное органическое единство Церкви и государства на Руси, которого не знала мировая история. Государство у нас стало не только внешней оградой Церкви, но полностью воцерковилось. Разве случайность, что представители династии Рюриковичей дали самое большое количество святых Вселенского Православия, принадлежащих к одному роду, да еще и роду державному, а с Иоанна IV – и царствующему в Христианской ойкумене! Итак, народ русский воцерковился посредством государства. Вне государства не только народ не может пребывать в Церкви, что показала наша история, но и сама Поместная Церковь в России рискует вырождаться в секту или впасть в тягчайшие ереси! За примерами далеко ходить не надо. Никакая гражданская инициатива православных братств в Западной Руси, бывшей под властью Польши, не спасла население и священство от унии с Римом. Отчуждение от государства старообрядцев, которые были, безусловно, правой стороной в споре с патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, потеря ими опоры в лице царской власти привели многие их согласия к довольно сомнительной духовности, если не прямо к ереси. Даже существование Русской Православной Зарубежной Церкви было обусловлено тем, что в лице ее первоиерархов и паствы она сама себя видела – и была таковой в действительности – не только хранительницей догматов истинной веры, но и хранительницей заветов традиционной Российской государственности. Как только пал коммунизм и появилась надежда на истинное возрождение в России, а также с уходом последних живых свидетелей и носителей истинной русской государственности Зарубежная Русская Церковь вступила в полосу кризиса.

Что бы ни говорили современные церковные либералы, но факт остается фактом: вне традиционной государственности народ русский теряет и веру, и Церковь. Этот факт был известен и патриарху Сергию Страгородскому, что не в последнюю очередь повлияло на его выбор в пользу большевиков, которые на тот момент в пределах канонической Русской Церковной территории были единственными представителями хоть какой-то власти.

Не станем сейчас подробно говорить о том, что власть эта вдохновлялась стремлениями, прямо противоположными задачам земной Церкви. Иное дело, что отнюдь не любые государственные формы способствуют выживанию Поместной Церкви или сохранению ей догматической безупречности.

Церковно-историческое понятие истинной государственности в России большинством иерархов было утеряно задолго до революционных потрясений, что ярко показал поместный Собор 1917–1918 годов. Органическое единство Церкви народа и Государства невозможно без самодержца на вершине властной пирамиды. В противном случае органическая государственность деградирует до механического набора функций государственного аппарата, совершенно отторгнутого от масс и чуждого всякой церковности.

Из этой триединой связки «государство – Церковь – народ» важна не только сопряженность Церкви и государства, но и теснейшая органическая связь Церкви и народа.

В синодальный период Русской православной Церкви произошло несколько прискорбных для здорового функционирования организма поместной Церкви событий. Главное из них это то, что архиерейское служение превратилось из призвания в профессию. Священство стало закрытой кастой жрецов и больше не избиралось народом, а воспитывалось в специальных, контролируемых государством учреждениях. Произошел отрыв священства от паствы, отрыв его от народа, что было утратой древнего Церковного благочестия. Вспомним, что в Православии по усмотрению паствы избирались даже архиереи. Этому же правилу неукоснительно следовали в Византии. Вероучительным фундаментом для таких действий были слова апостольские о том, что все христиане есть род избранный, царственное священство. Иными словами, в истинно христианском сообществе уже не могло возникнуть узкой жреческой прослойки, как в языческих сообществах, но обновленное «жреческое» служение усваивалось всеми христианами. Совокупность всех христиан была носителем Церковного благочестия, хранильницей догматов. Контроль со стороны церковного народа препятствовал возможному уклонению от Истины кого-то из иерархов. Традиционно именно церковный народ, а не епископы, является охранителем догматического церковного сознания. Не будем забывать, что в истории Церкви главными ересиархами выступали бывшие иереи – епископы, патриархи, Римский Папа, наконец. Каноническое устройство Церкви и преобразует ее в мистическое тело Христово. Отход от канонов церковных отношений вылился не только в то, что появилась православная «новожреческая корпорация», но и в отторжение народа от иерархии. Ткань органического общества начала рваться. Отделение Церкви от государства стало логическим завершением этого процесса, процесса утраты традиционного органического единства и взаимной проницаемости государства, Церкви и народа.

Когда мы говорим о ценностях традиционной государственности, мы не должны забывать, что это ценности прежде всего духовного порядка, и истинным их источником и хранителем является Церковь. Она освящает собой ткань государственности. Она сакрализует государственную действительность. Десакрализация бытия и жизни есть не просто выход из силового поля традиции. Это прежде всего разрыв с Церковью как подательницей всяческих благ, в том числе и общенародных, разрыв с традиционным и единственно верным понятием государственности. Замена традиционных государственных институтов демократическими суть демонтаж государства как такового, его первая стадия, когда размываются все понятия и представления о государственности. Это серьезный и опасный шаг на пути полной утраты национального суверенитета, шаг к окончательному отчуждению народа от политической жизни и влияния на свою судьбу.

Говоря о Церкви как об институте, мы должны помнить, что так или иначе у нее возникают проблемы сосуществования с государством. Когда церковь решают использовать в роли подпорки для существующего мирского порядка, пусть даже и порядка монархического строя, Евангельская высота ее проповеди становится мало-помалу излишней и даже мешающей. Религия постепенно перерождается в дисциплинарный и моралистический суррогат, отчего неизбежно падает нравственность и в конечном счете страдает сам порядок. Совершенно неестественно, когда Церковь усваивает за собой право мирской власти и социального регулирования. Это вовлекает ее в бесплодную гонку за мнимым общественным совершенством и неминуемо оборачивается снижением идеала до юридической нормы и растратой духовности. Все это низвело Церковь в нашем антитрадиционном обществе до состояния общественной организации с «мистическим уклоном». Церковь должна изжить в себе эти недуги. Иной вопрос, насколько это вообще возможно вне рамок традиционной государственности, – государственности, которая, как и Церковь, несет нравственную

ответственность за вверенных ей людей. Без всецелого общегосударственного и церковного нравственного влияния на народ, без его нравственного здоровья нечего и думать о восстановлении канонического строя церковного управления. Но совершенно неверно полагать, что, не обладая никаким нравственным авторитетом, а скорее наоборот, современное либеральное государство способно выполнить эту задачу. Его действия в нравственной сфере носят деструктивный характер и не могут носить иной по причине собственной природы и исключительно материалистических установок.

Мы наблюдаем сейчас, когда церковь участвует во всевозможных форумах, принимает бесконечные декларации, собирает всевозможные соборы с представителями власти и делает совместные заявления (что не может не выглядеть в глазах народа как определенная санкция современной политической системы со стороны церковных иерархов), что рождает чудовищное восприятие церкви как суррогата идеологического органа правящей верхушки, своего рода замполита при нынешних реформаторах.

С другой стороны, невозможен и уход Церкви окончательно и бесповоротно из мира в духовные катакомбы. Паства церковная остается здесь, на ветру всех и всяческих политических, экономических и социальных перемен. Церковь может удалиться от мира только в том случае, если в мире действует светская власть, не просто выступающая от лица Церкви, но и находящаяся под чутким духовным водительством последней. А такое положение вещей подразумевает исключительно симфонию властного индивидуума, лично отвечающего в нравственном ключе за вверенный ему народ перед Господом и его Церковью, и ее поместным главой в лице Патриарха. Иными словами, идеалом светской власти для Церкви, при которой она максимально может охранять свою Божественную природу от вторжения светскости и вместе с тем активным образом участвовать в общественной жизни, является монархия. Выборная власть, тем более разделенная на множество ветвей, никакой личной ответственностью не обладает, а значит, нравственно не нагружена, т. е. безнравственна по природе. С таким положением вещей Церковь мириться не может и не должна. И дело не спасут совместные декларации с представителями власти о чести и защите личности.

Государственный принцип, проведенный в жизнь последовательно и до конца, неминуемо приводит общество к необходимости монархического типа правления.

Необходимость монархического вектора в современном политическом движении правых сил

С сожалением нужно признать, что современная Россия – политический идиот. Остатки традиционной духовности, культуры, церковные и исторические предания, национальный менталитет, наконец, – все у нас насыщено символикой и понятиями монархического идеала. Традиционная монархическая государственность для России – это ДНК всей нашей национальной и культурной жизни. И этот комплекс подспудно сосуществует с чудовищной насильственной ломкой всего того, что было священным для нашего народа тысячу лет.

Разложение наших традиционных ценностей не ведет к автоматической замене их на новые, в чем мы убедились в XX веке сполна. Заимствуя чужие образцы даже не государственности, а всего лишь механизма устранения из политической жизни народов самого понятия государственности посредством внедрения корпоративных институтов, раздирающих единый и живой организм общества на лоскутки омертвевших тканей, мы обрекаем себя на хроническую шизофрению нашей национально-политической жизни, в которой и пребываем. Мы будем без конца раздавать суверенитеты всем и каждому внутри РФ, а затем на развалинах пытаться воспроизвести вертикаль власти. Это уже не остановит сползание общества в системный хаос.

Создание в современной России крупных регионов, которые формально подчиняются представителям президента, есть свидетельство краха демократических иллюзий по поводу того, что столь обширная территория, которой до сих пор является Российская Федерация, может управляться на корпоративных принципах, т. е. с помощью обветшалых демократических институтов. Сама постановка подобного вопроса уже свидетельствует о потере правящей элитой полноты власти, которую уже не удастся собрать и сфокусировать в рамках институтов, созданных для ее распыления. Борясь с коррупцией, преступностью, сепаратизмом, нынешние власти борются со следствиями, причиной которых являются они сами и тот строй, который они олицетворяют. Современная Россия занимается непотребным делом, когда труп либеральной идеологии выдается собственным гражданам за цветущего юношу, подающего надежды. Это классический идиот, рожденный быть господином и находящий странное удовольствие в проведении жизни на помойке отживших свой век фальшивых идеологов. России навязана извне совершенно ложная идентичность и идеология, базирующаяся на

ложных ценностях.

Россия родилась Империей, и жизнь ее вне имперской традиции представляется не жизнью, а агонией. Такого разнообразия территорий, языков, традиций, укладов, религиозных верований, оставшихся даже после жесточайшего искоренения всяких традиционных институтов времен коммунистического периода, не отыскать даже в Индии. Для России в силу специфики укорененного восприятия власти большинством населяющих ее народов, многие из которых до сих пор живут и жить будут по родоплеменным и клановым «понятиям», где национальная самоидентификация русских тесно сопряжена с национальной государственностью и традиционной духовностью, где государство истари воспринималось как разросшаяся до огромных размеров семья или община, крайне необходим персонифицированный политический центр власти. Не секрет, что даже с утратой исторической государственности русские готовы видеть в любой власти персонифицированный властный и нравственно ответственный центр, даже если он таковым и не является. Пример Сталина весьма красноречив.

Что бы людям ни внушали со школьной скамьи, большинство из них абсолютно не понимают, каким это образом определенно единая по природе власть делится на равнозначные ветви? Для современного россиянина власть одна. Она сосредоточена в руках хорошего или плохого президента – пьющего или, наоборот, дзюдоиста. Но она никак не может обретаться в Думах, комитетах, продажных судах, и в этой уверенности обыватель абсолютно прав. Источник власти надмирный, и он должен иметь на земле четкий, а не распыленный фокус.

Безусловно, сегодня перед любой серьезной истинно правой политической силой стоит насущная задача выработать новую опознавательную систему, новый понятийно-сигнальный язык, для того чтобы оживить вечные и неизменные традиционные символы для народной массы. Необходим новый терминологический аппарат, дабы за изношенными лозунгами не скрывалась и не девальвировалась реальность понятий. Не секрет, что за словом «демократия», при всей образованности и при всем желании, человек уже не может видеть то, что это слово означало у древних греков, а именно народоправство. Но без народоправства при условии правильно определенной сферы его применения и его кодифицированной компетенции невозможно вернуть людям утраченное чувство живого соучастия в государственном бытии. Все слова о национальном суверенитете и национальных интересах будут пустыми фразами без восстановления суверенитета личности в его неотъемлемом качестве органической государственной единицы.

Само понятие монархической власти нуждается в адекватном времени и месту выражении своей сути. Для огромного большинства граждан монархия – это отживший, устаревший институт феодальной эпохи истории. Большинству внушена мысль, что все поиски новых государственных форм должны вестись в «трех соснах» разделенных властей, под «крышей» либеральной идеологии. И невдомек гражданам, что в этой упаковке им «торгуют» совершенно залежавшийся товар уже даже и не второй свежести.

Весь набор политического устройства жизни уже был испробован древними. Ничто не ново под луной. Еще мудрые греки поняли, что вряд ли какая власть может соперничать с монархией по эффективности и нравственным достоинствам последней, даже если она сама не всегда на высоте монархического принципа, идеала. Вся критика монархии построена не концептуально, но лишь по принципу исключительного заострения внимания на историческом негативе частного характера. Критика ошибок конкретного монарха не может являться веским основанием для отвержения самого принципа, тем более что последний в истории разных народов имел разные формы воплощения и, несомненно, ощущал на себе влияние времени и места. Монархия имела разные формы, и именно этому институту не откажешь в творческой гибкости. Например, традиционное самодержавие в Московской Руси сочеталось с самым свободным местным самоуправлением, каковое не снилось никаким современным, задавленным тоталитарной либеральной доктриной сообществам. Раз монархия имела в истории разные формы выражения, мы можем подозревать в этом факте залог того, что эти формы вполне могут быть насущной потребностью ближайшего будущего для нашего общества, при условии, что оно ощутит нормальное человеческое желание жить, а не умирать. Если мы живем в сообществе, построенном по примеру древних олигархических республик античных греков, существовавших в их многочисленных колониях, легкомысленно считая, что живем в суперсовременном обществе, то разве эта глупость является причиной для здоровой части нашего народа впасть в полное уныние и не попытаться делом доказать соотечественникам, что монархия в России была, по историческим меркам, совсем недавно и что она для нас институт не только не старый, но и не исчерпавший своих творческих возможностей? Вспомним забавное соревнование советской власти, когда она не только догоняла Америку, но и старалась достичь показателей по производству основных товаров народного потребления России образца 1913 года. Этот последний мирный год Российской традиционной государственности так и остался для Советов неприступной

экономической вершиной. А их успехи послевоенного периода – это вообще сказочные показатели роста для сегодняшнего – не смешно ли – тотально ориентированного на экономику либерального режима. Возрождение монархии в России – это не шаг назад, в 1917 год, это шаг вперед именно с того места, с которого мы просто сбились с прямой исторической дороги. Если уж быть до конца последовательными, то мы должны сказать, что уклонение с начертанного нам Божественной рукой национального пути свершилось не в одночасье 2 марта 1917 года. Утрата Русским государством традиционных национальных основ началась в злополучном, по-видимому, 1667 году, когда были подвергнуты анафеме не просто старые церковные обряды, но и фактически 600 лет русской святости и русской государственности, бывшей внешней крепостной стеной для этой святости. Народ был лишен ощущения своей избранности как хранителя истинной веры, последнего ее хранителя на земле. Перефразируя слова Ф.М. Достоевского, подчеркнем, что, как только народ теряет уверенность, что только в нем одном заключена вся полнота человеческой правды, он теряет способность к государственному имперскому строительству. Для России ситуация сложилась еще более трагично. Утрата ощущения, что власть в России есть носитель этой единой и Святой Истины, свершилась тогда, когда на плечи русского народа уже легла имперская ноша. В 1721 году, с объявлением Петром в России Империи, для народа не сразу, но скоро стало ясно, что власть видит себя отныне только как светский авторитарный институт западного образца. Но быть Империей и официально слыть ею в рамках европейской политической системы XVIII столетия оказалось не одно и то же. Власть сама отказывалась от ноши священноначалия Царского служения. В 1763 году с законом о вольности дворянства главный служилый тягловый класс освобождается от государственной ноши и сознательно начинает отчуждаться от государства и государственных задач. Произошедшее закрепощение крестьян по западным образцам в форме личного подчинения барину оторвало народные массы от государства и прикрепило их к тому классу, который более не видел в нем особой для себя ценности. Все это усугублялось отступлением высшего слоя от православия, а монархов от национальных форм самодержавной власти, которая всегда имела опору в служилой национальной элите, опору в земском строе землепашцев и промышленников, опору в нравственном авторитете Церкви, наконец. С утратой элитой национально-культурной самоидентификации, с отчуждением государствообразующего народа в его подавляющей массе от Трона и, соответственно, от государства между тремя составными частями традиционного государственного организма в России стали образовываться буферные зоны, которые заполнил чужеродный элемент. Между Троном и национальным дворянством образовалась немецкая прослойка, между дворянами и массой народа выросло чудовище безродной интеллигенции, подобно раковой опухоли для некогда могучего организма. Государство было обречено. Весь ужас в том, что 1917 год мог начаться не только в 1905 году, но и в 1881-м, когда был убит император Александр II.

Теперь совершенно ясно, что вне государства и помимо него у нас не могут существовать ни культура, ни народ, ни семья. Сам этнос, как биологическая единица, перестает без него существовать. Если для немцев тело народа – это его раса (и придумали это не нацисты, достаточно почитать немецких профессоров XIX века), то для русского народа в его биологическом единстве основной связующий элемент ее – государство! День сегодняшний – красноречивое тому подтверждение. И теперь на повестке дня стоит жизненно важный вопрос: быть или не быть нам как народу в текущем столетии.

Жизнь вообще и политическая жизнь в частности есть процесс обновления вечных истин на каждом новом витке истории. Новизны боится не традиционная государственность. Но лишь та, что утратила традиционный вектор развития. Именно в этот момент и появляется консервативное движение, которое является своего рода политической анестезией для умирающего государственного тела. Консерватизм – это не доктор, это – патологоанатом. Консерватизм цепляется за старое именно потому, что он не уверен в абсолютности и универсальности своих ценностных установок, которые, по его мнению, не выдержат напора новизны. Традиционная государственность и консерватизм – антиподы. Именно по этой причине в России перед 1917 годом и не было консервативной политической силы, так как главный, знаковый институт традиционной государственности – монархия сохранялась до конца исторической России и вдруг рухнула в одночасье, не дав времени сформироваться консервативному лагерю для защиты тех институтов, в которых консерваторы привычно видят свое – именно свое, а не общенародное! – благо.

Только единение масс с социальными институтами власти создает «скелет государства», который облекается затем плотью и кровью народного организма. Нелишне спросить современного россиянина, в каком все-таки обществе ему хотелось бы жить и растить своих детей? Кем он мыслит себя в этом обществе? Хочет ли быть просто бездушной функцией в механистической корпоративной машине, покрытой саваном либеральной утопии, где он под крики о свободе будет неумолимо лишаться всех прав и возможностей воспользоваться провозглашаемыми свободами, очень скоро

превратившись в бессловесного раба, или желает быть полноправным членом живого организма, действительно личностью, а не личиной? При втором выборе он обязан согласиться, что такое достойное место человек может занять только в традиционном органическом государстве, где монархический принцип красноречиво свидетельствует о том, что народное сообщество есть семья, разросшаяся до размеров государства, в котором все граждане как члены этой семьи имеют безусловную ценность для самого государства и для главы семьи, олицетворяемой самим монархом!

При этом нелишним опять же будет напомнить всем, что только в истинно монархическом государстве человек сможет наконец вернуть себе политические свободы и иметь политические инструменты их реализации. По мыслям Льва Тихомирова, суть политических свобод состоит в том, что народ как субъект исторического процесса и государственного бытия дает направление действию государственной системе властвования. Здесь не следует усматривать противоречия христианскому идеалу неограниченной монархической власти и народного произволения. Форма построения верховной власти во многом обусловлена нравственным настроением народа, его идеалами, его системой ценностей, складывающейся под воздействием господствующей религии. Если в народе существует стремление привести верховную власть в соответствие с духовными ценностями социума, с его этическими представлениями, то единственно возможным воплощением такой верховной власти на земле является монархическая власть, руководствующаяся исключительно волей Божией, а не желанием арифметически подсчитанного большинства. Только монархическая верховная власть включает в само свое существо неотъемлемые и ясные представления об обязательных этических нормах права. В реальности у власти выборной таких этических норм не существует, так как власть эта имеет своим источником такое начало, которое априори лишено нравственного и этического измерения. Суть самодержавного правления заключается не в единоличном регулировании общественной и политической жизни общества, но в деятельности государя как нравственного центра народа.

Идеал монархического государства всегда мыслился в том, что, искореняя в себе все слишком ветхое под чутким водительством Церкви, кристаллизуя свои представления о природе власти, самодержец способствует пробуждению в народе лучших качеств. Рост общественного сознания придает ему силы. Воля монарха становится своего рода ретортой, в коей концентрируется духовный заряд, который, в свою очередь, животворит народные силы и энергию.

Субъектом истории является народ. Народ – это не только сейчас живущие люди определенного государственного образования или заселяющие единую территорию и говорящие на одном языке, но совокупность поколений – ушедших, живущих и грядущих. На политической арене народ может и должен выступать как единое целое. Но кто способен обеспечить такое целостное представительство народа на данном поприще? Только наследственная власть, которая сама по себе и связывает воедино все поколения, то есть объединяет народ, определяет его национальную идентичность во времени. Никакие партии и сословия, выдвигающие своих кандидатов на пост выборных президентов, не в состоянии понести такое бремя, да и не ставят перед собой подобной цели – представлять народ и действовать в соответствии с его благом на историческом и политическом поле жизни. Они могут представлять и представляют лишь частные и корпоративные интересы, что само по себе уже противоречит идее государства. Полноценным и полноправным представителем народа может быть только наследственная династия. Все мы признаем ценность государства как такового, особенно сейчас, после 15 лет реформ, демонтирующих государственные институты. Все мы, безусловно, признаем, что в основе обновления национальной жизни должен лежать нравственный принцип организации человеческого общежития. Так давайте же приводить наши желания в действие, чтобы эти идеалы стали отражать реальность. Давайте быть последовательными и скажем себе откровенно, что эти благие пожелания не могут найти отражения в нашей жизни на пути компромиссов. Только честный путь восстановления традиционной русской государственности принесет желаемый результат. Только через волевое воскрешение традиционных институтов нас ждет удача в решении самых насущных социальных, экономических и политических проблем. Не будем забывать, что сам принцип, положенный во главу угла нашей государственности, был органическим, каковым он и должен быть впредь. Его главные формообразующие элементы – наследственная авторитарная власть и национальная основа политического бытия. Под органическим принципом следует понимать принципиальное и естественное неравенство граждан и разделение между ними государственных задач и мер ответственности. Семья, народ – вот главные органические живые силы государства. Без восстановления традиционных семейных отношений и закрепления этих отношений на законодательном уровне государство в России не состоится. Без восстановления полноценной, в высшем смысле культурной национальной жизни державообразующего русского народа, который один только на евразийском пространстве был и остается носителем государственного идеала, остатки государственного строя в России умрут. Русское традиционное государство – это не внешнее зло по

отношению к индивидууму, не внешний механизм, не бездушный чиновно-бюрократический аппарат власти, а всеобъемлющая форма национального бытия, в рамках которой душа и дух народа находят себе наиболее полное выражение и возможность развития в соответствии со своей глубинной сущностью. Но государство для нас – не автономное образование и не самоцель, а средство достижения определенных национальных целей. Государство – это сосуд народного духа, и форма сего сосуда должна соответствовать исторической духовной природе русского традиционного человека, рожденного в духе Православной веры. Государство имеет для нас ту ценность, что в его границах народ воплощает свои идеальные понятия о счастливой и справедливой жизни, творит высокую культуру, несет свою историческую ношу и исполняет свое мировое предназначение. Народ – единственно возможный суверенный носитель государства. Но народ как живой организм не может управляться механистически, на чем базируется современная форма либерально-демократического парламентского строя. Народ – живая личность, желающая видеть своим предводителем на путях истории тоже живую и нравственно ответственную личность, в которой и фокусируется для него само понятие правды, власти и государства. Государства, которое всегда должно быть сильным вовне и справедливым внутри, где все вопросы национального бытия должны решаться по совести.

Задача творческого государственного устройства теперешней России состоит в том, чтобы в современных условиях создать такую державную форму, при которой дух братской корпоративности снизу насытит форму попечительного учреждения при обеспеченном и непрерывном отборе во властные органы качественных людей. Государственный строй грядущей России должен быть по форме и содержанию авторитарным, но по духу – корпоративным. Единая центральная власть должна выделить сферы корпоративной самостоятельности для свободного и творческого соучастия личности в жизни единого национального организма. Истинная всенародная форма государственности немыслима без единого государственного организма, чьим последовательным выражением может быть только монархическая форма правления. Государство должно стать обществом, а общество – государством. Только таким образом мы можем сохранить в меняющемся мире национальную идентичность и конкурентоспособность. Государство конституирует общность, включая ее в свою живую ткань, поэтому все разговоры о взаимодействии или противостоянии общества и государства есть только свидетельство того, что государства у нас нет, а под обществом выступает некая корпорация типа ЗАО с одной только ей ведомыми конечными целями, интересами. Под маркой же государства у нас выступает кооператив несколько иного типа. Это почти семейное предприятие, сейчас приобретающее некие клановые формы. Предприятие это, кроме банального обогащения путем грабительства общенациональных ресурсов, занято еще и проблемами пролонгированной самолегитимизации как российской власти. Зуд реформаторства – лишь следствие того, что свою легитимность этот клановый проект видит в обладании монополией на звание «агента по модернизации» в отсталой России. Такие действия власти нанесли ущерб доверию общества к любой новизне. Если России повезет и она встанет на путь возрождения традиционной государственности, то власть будет вынуждена (что очень неплохо) все свои действия легитимизировать тем, что она для решения насущных проблем пользуется исторически проверенными рецептами через восстановление старинных институтов, обычаев. Связь с историческим прошлым и традиционная преемственность будут факторами, легитимизирующими власть в лице общественности.

Однако совершенно бессмысленно сейчас ждать, что какие-то институты возродятся сами собой или по инициативе снизу. Ничего подобного не произойдет. Для восстановления в России истинной государственности необходима воля верховной власти. Так же, как в древности государь формировал государство, а помещный дворянин – земскую общину, теперь вся инициатива может исходить только сверху и только от персонифицированной верховной власти. Ведь это фактически забытая реальность, что община на Руси не формировалась сама собой, а территориальная община родоплеменного строя и земская община государственного периода Руси – не одно и то же. Получая земельный надел на условиях военной и государственной службы, дворянин не общался со всем населением округа, как у нас то принято изображать в литературе. Он избирал из среды поселян наиболее авторитетного человека, старосту, который и обеспечивал дворянина всем необходимым для кормления и гарантировал ему порядок на территории. Все внутренние связи и тягловый расклад совершал уже этот человек. Так строилась земская Русь, и так она может быть возрождена на новых и одновременно исконных началах.

Возвращаясь к насущным проблемам сегодняшнего дня и учитывая безусловную ценность для нашего народа именно государственных, а никак не общественно-корпоративных институтов, мы можем утверждать, что уже одно это делает монархический принцип для России не только желательным, как дань традиции, но и обязательным, если мы хотим выжить национально, как суверенный субъект истории.

Приведем в качестве весомого аргумента бессмертные мысли Л.А. Тихомирова: «Выбор

принципа верховной власти зависит от религиозного, нравственно-психологического состояния нации, от тех идеалов, которые сформировали мировоззрение нации. В выборе нацией того или иного принципа власти проявляется не что иное, как степень напряженности и ясности идеальных стремлений нации. В различных формах верховной власти выражается то, какого рода сила нация, по нравственному состоянию своему, наиболее доверяет... силе ли количественной, на которой строится демократия, разумности ли силы аристократии, или силе нравственной, олицетворением которой является монархия... Если в нации жив и силен некоторый всеобъемлющий идеал нравственности, всех во всем приводящий к готовности добровольного себе подчинения, то появляется монархия, ибо при этом для верховного господства нравственного идеала не требуется действие силы физической (демократической), не требуется искание и истолкование этого идеала (аристократия), а нужно только наилучшее постоянное выражение его, к чему способнее всего отдельная личность, как существо нравственно разумное, и эта личность должна лишь быть поставлена в полную независимость от разных влияний, способных нарушить равновесие ее суждений с чисто идеальной точки зрения». Высокое понимание нравственных основ государственности демократия поставила под сомнение. Нет при ее господстве и доверия к личности, которую стараются заместить бездушной голосующей массой. Наверное, никто не сможет оспорить тот факт, что нравственное состояние общества находится в России на страшно низком уровне. Ныне вряд ли возможно уже и утверждать вслед за Тихомировым, что народ сам избирает себе образ правления в зависимости от своего нравственного состояния. Нравственное состояние нашего социума таково, что он, будучи отстраненным от всякого выбора, даже не может себе дать в этом отчет. Но нельзя же не надеяться, что в лучшей (хоть и малой) своей части народ сохраняет высокий нравственный идеал, хотя бы уже в силу того, что хранительницей его у нас в основном являлась и является Церковь, которая пережила крушение государства, но не стала антигосударственной сектой. Нравственные сокровища, сохраненные для нас Церковью, – это единственный залог возрождения.

Наше больное общество нуждается, прежде всего, не в реформах, а в нравственном выздоровлении. Но возрождение его возможно только в том случае, если нравственный идеал будет максимально высок. Время возможных компромиссов и полумер прошло, гомеопатия не поможет. Пациенту нужна серьезная операция. А высокие нравственные задачи неминуемо ставят на повестку дня вопрос о возрождении истинной государственности, истинных институтов власти, восстановлении всей исконной структуры органического бытия народа, чьим единственным земным воплощением была, есть и будет самодержавная власть. Этим определяется необходимость смелого и открытого постулирования необходимости монархического вектора в современном политическом силовом поле. Мы всей нашей исторической жизнью генетически закодированы на монархию, наша национальность до мозга костей пропитана идеалом истинной державности. Только на этих путях лежит возвращение нашего народа в лоно государственного организма, преодоление его долгой отчужденности от государства, налаживание живых органических связей в национальном организме, а значит – и продолжение его исторической жизни, что сейчас стоит под большим вопросом!

Глава III.

Монархизм православный и монархизм воровской

Династические споры в современном русском монархическом движении. Возможность воскрешения монархии с позиций православной историософии

Убежден, современному массовому, образованному русскому читателю кажется, что о проблеме воскрешения монархии в России на современном этапе уже все сказано и написано. Действительно, давно уже русское монархическое движение разделилось на «кирилловцев-легитимистов» и «соборников», замкнувшихся в сектантские кружки со своей малозаметной псевдополитической возней. Ну, право дело, уж больно смахивают современные монархисты, уставшие от избыточного и кратковременного религиозного рвения, на доживающие свой век группки забытых сектантов.

О спорах этих двух наиболее ангажированных направлений в монархизме написано вроде бы немало. Все желающие быть или казаться монархистами давно определились в рамках существующего разделения, и, казалось бы, говорить, в общем-то, не о чем. Если не прозревать за этим разделением на два лагеря истинной русской монархической идеи, которая хоть и под спудом, но все же жива, то такое видение ничего, кроме горестного разочарования в самой священной идее, принести русскому человеку не может.

И не приносит. Ну скажите на милость, как можно представить нормального, психически здорового русского человека в компании несмешных клоунов, клоунов без кавычек, окружающих

особу Марии Владимировны, дочери покойного местоблюстителя Императорского Трона Владимира Кирилловича, перед самой своей кончиной посетившего Петербург прямо в красные дни календаря – 7 ноября.

Трудно не усмотреть в этом визите определенный символический знак, своего рода последний аккорд нравственной и политической несостоятельности самого Владимира Кирилловича и его предков, а равно и его политического завещания своим потомкам – дружить во что бы то ни стало с любой властью в России, даже с «собачьей».

Не все нормально и в обществе «соборников», еще недавно вполне серьезно обсуждавших вопрос о том, чтобы путем «соборного» голосования избрать на Российский Трон внука сталинского маршала Жукова – главного мясника в последней злосчастной войне, где мы победили Германию, фашизм и национал-социализм – все эти новые и наиболее опасные для мировой закулисы идеи воскрешения традиционной Европы. А заодно, и, может быть, даже в первую очередь, победили самих себя, отстояв свою территорию и потеряв цвет русского народа на полях великих сражений, где русский солдат показал чудеса мужества, которых история человечества более не увидит.

Германия экономически возродилась, фашизм, фалангизм и национал-социализм как творческие политические идеи, в принципе, неуничтожимы военными средствами, а вот русский народ, с большевистской кликой во главе, потерпел от своей очередной победы столь серьезное поражение, что может оправиться только в плане свержения. Об этих итогах последней мировой войны как-то не принято задумываться в среде наших патриотически настроенных граждан, многие из которых уверены, что являются монархистами. Между тем только потеря всех духовных и исторических ориентиров могла заставить людей заняться поиском претендентов на священный Русский Трон в среде номенклатурных сталинских маршалов и их семей.

Но вернемся к тем, кто сейчас претендует на некую особую, только им понятную легитимность в вопросах престолонаследия.

Ну, честное слово, нет никакой возможности психически здоровому русскому человеку пребывать в компании «кирилловцев», сохранив при этом свой рассудок незамутненным. Иное дело – мозаичное движение «соборников». При всех своих странных идейных зигзагах «соборники» в России все-таки опираются на твердую историко-юридическую базу решений уже упомянутого ранее Дальневосточного Собора всея Русской земли, проведенного на последнем клочке исторической России, свободной от большевиков, под предводительством генерала Дитерихса. Пониманию этой действительно и единственно легитимной основы монархического возрождения в России и посвящена данная работа.

Несмотря на плачевное состояние современного монархического движения в России, это не повод впадать в преступное уныние и, не видя альтернативы двум вышеперечисленным направлениям в современном постсоветском роялизме, отказываться от священного монархического знамени в пользу национал-республиканства или еще какой-нибудь причудливой химеры политического серпентария. Альтернатива есть. Это даже не альтернатива в смысле равноценного выбора, а единственный истинный выбор. Это древняя столбовая дорога русской монархической идеи, по нашему нерадению и слепоте заросшая сорным бурьяном забвения. Я зову вас, русские соотечественники, вооружившись терпением и острыми предметами, в коих наиважнейшим должен быть ваш природный ум, очистить наш священный Царский путь от сорняков и основательно протоптать его заново, чтобы наши дети и внуки, не дай-то Бог, не заплутали вновь.

Грехи политического монархизма

В сборнике «...И даны будут Жене два крыла», вышедшем к 50-летию православного публициста и исследователя С. Фомина, есть примечательнейшая (небольшая, но блестящая) статья Г. Николаева, в которой он, в частности, пишет: «Невозможность (а мы бы даже дерзнули сказать – кощунственность) любых форм политического монархизма – от легитимизма до соборничества – очевидна для каждого, кто вдумывался в пророческое обетование о ризе, которая сама придет к Державной иконе. Ибо пока скипетр и держава Русского Царства не сокрыты от предстоящих и молящихся, смысл явления самой иконы – по-прежнему – еще и в том, что русский народ лишен монархической государственности и продолжает в ослеплении считать себя Верховной властью». Речь идет о Державной иконе Богородицы, явленной православному миру в день отречения святого государя Николая Александровича в селе Коломенском. Царица небесная, облаченная в царственную порфиру, восприняла символы русской монархической государственности – державу и скипетр. С болью в верующем сердце мы взираем на державу в руках Богородицы, лишенную венчающего креста. Не горькое ли это напоминание нам, что мы лишились вместе с Царем и христианской государственности,

неразрывно связанных между собой... Царица небесная на сокровенном Русском Троне и предстоящий Спасителю Царь-мученик, святой ходатай за нас, грешных, – вот та священная сердцевина истинной монархической идеи современности! Исповедуя Пречистую Царицей Русской Земли, мы с очевидностью приходим к необходимости признать, что земной Русский Трон онтологически пуст, а любой из сегодняшних претендентов на него с любого политического фланга есть сознательный Богоборец и еретик!

Дополним эту мысль еще одной цитатой Г. Николаева. «С юридической точки зрения, Россия после 2 марта 1917 года (и до сих пор) живет в состоянии непрекращающейся параномии (но не аномии, т. е. беззакония, причем понятого как угодно широко), а Русская Церковь (о какой бы юрисдикции мы ни говорили) – в состоянии пара-каноничности, имея своим основанием и краеугольным камнем (после февральско-мартовского предательства и апрельской „самоликвидации“) отнюдь не Поместный Собор 1917–1918 гг. и даже не кровь новомучеников, но услышанное и исполненное „моление о чаше“ Святого Царя, искупившего русский грех и спасшего *Виноград сей* от неизбежного вырождения в *церковь лукавующих* («хамократическую церковь», по бесстрашному выражению о. Павла Флоренского).

Историческая Россия невосвратимо мертва, и мы живем не надеждой на ее воскрешение, но чаянием метаистории, когда

...делом единым милости Господней
Исхищена будет Русь из преисподней.
Гонители, мучители постыдятся;
Верные силе Божией удивятся,
Как восстанет Русь во славе новой,
И в державе новой невестой Христовой».

Грех цареотступничества русскому народу прощен, но на нас остается епитимия, соответствующая падению нашему, наших отцов и дедов. «Предстоя на коленях, со склоненной главой перед Державной иконой и образом святых Царственных Страстотерпцев, мы, уповая на милость и силу Божию, *чаем движения воды* в том «мертвом море», которое по неложному безусловному пророчеству, преобразившись, пребудет и во времена антихристовы (т. е. после отъятия Удерживающего) «громادным вселенским океаном народным» – Русским Царством», – заканчивает свою мысль Г. Николаев.

Святые старцы предсказывали нам, что по милости Божией Царь будет явлен России. Он будет человеком пламенной веры и сильной воли. Он разгонит архиереев предателей, коих будет абсолютное большинство в Русской Церкви. Вот что говорил по этому поводу духовник семьи последнего Русского Императора владыка Феофан Полтавский: «Я не сам от себя говорю, а сообщаю откровения старцев... Бесы вселились в души людей, и народ России стал одержимым, буквально бесноватым... Произойдет то, чего никто не ожидает. Россия воскреснет из мертвых, и весь мир удивится. Но того Православия, что прежде было, уже не будет. Великие старцы говорили, что Россия возродится, сам народ восстановит Православную Монархию. **Самим Богом** будет поставлен сильный Царь на Престоле. Он будет большим реформатором, и у него будет сильная Православная вера. Он низринет неверных иерархов Церкви, он сам будет выдающейся личностью, с чистой, святой душой. У него будет сильная воля. Он придет из династии Романовых по линии матери. Он будет **Божим избранником**, послушным Ему во всем... Но эта Россия просуществует недолго. Вскоре будет то, о чем говорит апостол Иоанн в Апокалипсисе... Он (Царь), прежде всего, наведет порядок в Церкви Православной, удалив всех неистинных, еретичествующих и теплехладных архиереев. И многие, очень многие, за малыми исключениями, почти все будут устранены, а новые, истинные, непоколебимые архиереи станут на их место». Итак, Государя поставляет на Престол Всевышний, а не Земский собор. Государь вернется к нам в силу особых, прямо чудесных обстоятельств. И Царь будет таинственным образом происходить из Романовых по материнской линии.

Известны многочисленные предсказания о грядущем монархе, нашедшие отражение в древневизантийских источниках. Святые отцы предсказывали, что последний Православный Монарх как бы будет скрыт до времени. Многие посчитают, что монарх сей давно мертв, но он явлен будет православным христианам живым. Это ли не чудо?

Хорошо известны так называемые «Откровения святого Мефодия Патарского». Перед тем как изложить суть этих откровений, мы должны сделать ряд оговорок. Дело в том, что святой Мефодий почил в Бозе в 311 году, еще до Миланского эдикта Константина. Не совсем ясно, каким образом он мог провидеть исчезновение законной монархической власти в Христианском Универсуме, коли при

нем не было еще ни одного христианского Императора, а Святой Константин только готовился к своей миссии. Мы, конечно, не вправе вовсе исключать особый провидческий дар св. Мефодия, но нам видится, что сами «Откровения» были сделаны позднее, опираясь, несомненно, на какие-то указания, известные из писаний святого, но не дошедшие до нас в оригинале. Небезынтересно отметить, что св. Мефодий был епископом города Олимпуса, расположенного рядом с современным турецким Кемером – любимым местом праздного времяпрепровождения в меру состоятельных россиян. Прозвание же свое он получил по родному городу Патара, из которого происходил, кстати, и св. Николай Мирликийский чудотворец.

Русский ученый А.Н. Веселовский считал, что текст «Откровения» был известен на Руси с XI века. В «Откровении», в частности, говорится: «Государь объявится с востока, из страны Измаильтян; но он не из них: он – царского рода, только люди изгнали его и принудили жить за морем, на островах, нищим и убогим».

Ну, как тут не вспомнить легенду о короле Артуре, короле прошлом и будущем, как было написано, в соответствии с древним преданием, у него на гробе? Артур, по легенде, до сей поры пребывает на таинственном острове Авалон и ждет своего часа. Далее в «Откровении» о грядущем Государе говорится: «Продолжительность его удаления, выраженная обычным седмичным числом, предполагается настолько значительною, что люди считают его умершим и потому ни на что не годным; на него не рассчитывают. Между тем он не умер или продолжает жить при особых сверхъестественных условиях: он умер телом, но жив духом. Его представляют себе в гробнице, погруженным в долгий сон, из которого пробуждает его ангел и ведет к людям. Он средних лет и приближается к старости. Ангелы являются в его окружении».

Несомненно, эти сведения напрямую относятся к тайне последнего Православного Монарха, чье чудесное явление не может произойти нигде, кроме как в России, России воскресшей и обновленной.

Для современных православных историософов здесь широкое поле для более или менее удачных догадок. Одни считают, что воскресший телом государь будет Царем Иоанном Грозным. Другие, и самый яркий среди них – писатель Юрий Соловьев, уверены, что речь должна идти о таинственном возвращении князя Рюрика, который, по народным преданиям, не умер, а как бы спит, зачарованный в золотом гробу в высокой сопке на берегу реки Луги в районе Передольского погоста.

С 2002 года могила Рюрика стала объектом повышенного интереса археологов и краеведов. В 2003 году на ней были найдены камни с загадочной монограммой. Это ли не знамения времени, когда, по словам европейских традиционалистов, в частности Рене Генона, «сам факт того, что многие останки забытого прошлого именно в нашу эпоху вновь появляются из земли, отнюдь не случаен».

В интереснейшей, хотя и спорной книге Ю. Соловьева «Могила Рюрика и возвращение государя» автор пишет: «Открытие преданий о „могиле Рюрика“ в недавние сравнительно годы может определенным образом охарактеризовать наши времена... Рюрик – это, быть может, пока не прожитый русской историей сюжет... Возможно, сочтя свою силу (на манер Святогора) слишком тяжелой для младенческой Русской державы, Рюрик оставил страну на младенца сына, а себя заточил (в кургане) до более сложных времен?»

Нам кажется, такой вывод отнюдь не вытекает из легендарного материала, связанного с именем Рюрика. Возможно, что тайна могилы Рюрика состоит не в том, что князь должен воскреснуть во плоти в предапокалиптические времена, а в том, что в России может воскреснуть сама династия, чье происхождение для балтийских и ильменских славян было, безусловно, священным.

Впрочем, сколь бы фантастичны для обывателя и соблазнительны для православного человека ни были подобные догадки, для истинно верующего человека здесь нет ничего, что могло бы потревожить его православную совесть. Тот же Ю. Соловьев совершенно справедливо замечает: «Если дело касается „спящих королей“, то для христианского мира совершенно очевидно происхождение этого мотива от предания о семи ефесских отроках: Максимилиане, Мартиниане, Иамвлихе, Дионисии, Антонине, Иоанне и Екзакустодиане. Во времена гонений на христиан императора Деция эти юноши, отказавшись от блестящей служебной будущности своей, укрылись в пещере. От долгого поста они ослабели и заснули. Тогда Деций повелел замуровать пещеру, где скрывались молодые христианские подвижники, и они чудесно проспали 178 лет до царствования Феодосия Великого. Вместе с юношами спал любимый пес одного из них. Любопытно, что отроков почитают святыми турецкие мусульмане, сохранившие благоговейно даже имя пса, спавшего в пещере вместе с юношами, – Китмир. Непостижимо, но из всех фресок, что украшали византийский храм, ныне в руинах, на месте грота, где спали юноши, сохранился кусочек именно с головой этой собаки. Факт примечательный для тех, кто серьезно занимается метафизикой „собачьего символизма“ в рамках загадок опричнины Грозного Царя.

Итак, отроки проснулись спустя почти 200 лет. Между тем многое изменилось в городе Ефесе (ныне орфография имени этого святого места некорректно изменена на Эфес). Восторжествовала

Христианская Церковь, и юноши производили необычайное явление своим древним видом. Скоро они снова заснули до всеобщего воскресения, успев рассказать жителям свою чудесную историю. Православная Церковь поминает этих отроков 4 августа по старому стилю, а вот мощи их еще в XII веке видел русский паломник игумен Даниил.

Повторимся: именно ефесские отроки, на наш взгляд... являются самым важным прототипом (божественным прототипом!) для сюжета о «спящих королях». И, что особенно важно, благой характер этого прототипа подтвержден авторитетом Церкви».

В свете этого отнюдь не случайно в своем романе «За чертополохом» генерал П.Н. Краснов выводит русского Царя откуда-то с Тибета, где он был скрыт до сроков. Тибет, несомненно, есть символ некой сокровенной области, не доступной до времени смертным. И не грех будет нам предположить, что неким таинственным, мистическим образом сам святой самодержец Николай Александрович преукажет верным своего наследника в России.

В книге «Чудо Русской истории» архимандрит Константин Зайцев, предваряя нашего современника Николаева, писал о том, что русский политический монархизм Зарубежья крайне убог. Архимандрит Константин поражался, как люди не понимают страшного факта, что в России произошла не политическая революция, но ее постиг страшный духовный крах? Жалкие попытки опираться на законы Российской Империи, особенно в среде почитателей Кирилла Владимировича, игнорировали и продолжают игнорировать факт духовной катастрофы, во время которой историческая Россия погрузилась в пучину небытия вместе со своими законами. Реставрация российского дореволюционного законодательства, особенно в области престолонаследия, есть духовное невежество и слепота. Воскресение монархии в России возможно только в плане Чуда, которое будет плодом искреннего покаяния русского народа за грехи соучастия в организации духовной катастрофы силам зла. Появление монарха в России должно ожидаться как сверхреальность, и чем более будет вера и упование на это Чудо в среде монархистов, тем большими политическими прагматиками и реалистами они будут.

Нет ничего более глупого и утопичного, чем отстаивание прав кирилловской линии на основе законов давно несуществующего государства, законов, написанных уже в то время, когда сама Россия во многом была больна полученной с Запада чумой апостасии и вероотступничества. Утопией или, говоря словами известного персонажа из фильма «Кавказская пленница», волюнтаризмом являются любые попытки решить проблему восстановления монархической государственности в России путем механической реставрации Трона с призывом или соборным избранием намеченного наследника престола в Цари. Мы не будем повторять многочисленных работ И.А. Ильина, где совершенно справедливо указывается, что одним из важных условий возрождения монархии является обретение православным народом истинного юридического монархического правосознания и религиозно осознанного монархического чувства, хотя это действительно одно из немаловажных условий монархического ренессанса в России.

В первую очередь носителем монархического религиозного чувства и правосознания должна стать русская интеллектуальная элита в числе своих лучших представителей. Это условие обязательно!

Л.А. Тихомиров писал о необходимых условиях существования монархической власти следующее: «Династичность устраняет всякий элемент искания, желания или даже просто согласия на власть. Она предрешает за сотни и даже тысячи лет вперед для личности, еще даже не родившейся, обязанность несения власти и соответственно с тем ее права на власть... Только династичностью совершенно закрепляется нравственное единство Монарха и нации». Наши предки давно знали, что только такое единство является первым и необходимым условием, при котором власть единоличная способна стать истинно верховной.

Итальянский мыслитель XVIII века Дж. Вико писал: «...Дворянство является естественным охранителем, как бы депозитарием, национальной религии, причем это свойство тем более поразительно, чем ближе мы подходим к первоначалам наций и вещей вообще... Таким образом, это великий знак того, что нация угаснет, если дворянство ни во что не ставит отечественную религию».

Посему «новое дворянство» в России должно стать носителем и хранителем Истины православной веры отцов и священной традиции монархической государственности, теснейшим образом связанной с преданием церковным, неотделимым от него.

Архимандрит Константин свидетельствует: «Церковь не мыслится отдельно от государства, которое не мыслится, в свою очередь, отдельно от Царя, находящегося в таинственно-благодатной неотрывности от Церкви, – и весь народ в целом обнимается началом служения Вере, в этом видя и задачу каждого отдельного человека, спасающего свою душу в этом святом общении, и всего Российского целого, милостью Божией превращенного в Православное Царство, хранящее веру во вселенной до Второго Пришествия Христова. Вот что такое Историческая Россия».

В то время, когда Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов своим, увы,

непростительным равнодушием, забвением священных церковных преданий и непониманием постигшей Россию духовной катастрофы фактически молчаливо отрекся не только от Царя и его семьи, но и от самой монархической идеи, о. Павел Флоренский писал 31 мая 1918 года у себя в доме в Сергиевом Посаде: «По древнему чину царского миропомазания, после совершения сего таинства о Царе, как существе особом, изъятом из среды общества, сверхнародном, сверхзаконном и неприступном мистически, Патриарх возглашал: „Агиос!“ (свят). По словам... Симеона Солунского о Царе, „он... причисляется к освященным лицам в Церкви“. Эта выделенность Царя из среды народа, „святость“ его отмечалась на изображении Царей венчиком, нимбом вокруг их голов: так бывало в Византии, так бывало и у нас... венец царский вовсе не только „лепота земная“, являясь орудием и символом священного изъятия Царя из народа, и сам должен быть рассматриваем как род овеществленного нимба». Святость монархического государственного устройства и сопричастность его Церкви Христовой на земле подтверждались Константинопольскими Соборами. Грех забвения этого неотъемлемого предания Церкви лежал и лежит на русском православном народе со времен крушения в России монархической государственности и гибели Царя при малодушном непротивлении большинства силам разрушения и богоборчества.

Канонизация Императора и его святого семейства лишь в малой степени подвигла нас вернуться к исконному православному взгляду на государственную власть и Церковь. Одним из хранителей истинно православного взгляда на монархическую государственность в Христианской ойкумене в Зарубежье являлся Российский Имперский Союз-Орден, чьими усилиями, не в последнюю очередь, был канонизирован Император Николай Александрович с семейством и слугами в 1981 году, несмотря даже на противодействие многих зарубежных архиереев! Таким хранителем и сейчас выступает неформальное братство православных граждан России, в которых мы вправе видеть начаток нового «русского дворянства», а вернее, истинной национальной духовной элиты.

Истоки воровского монархизма в России

Вспомним еще раз уже приведенные выше слова Л.А. Тихомирова о необходимых условиях существования монархической власти: «Династичность устраняет всякий элемент искания, желания или даже просто согласия на власть. Она предрешает за сотни и даже тысячи лет вперед для личности, еще даже не родившейся, обязанность несения власти и соответственно с тем ее права на власть... Только династичностью совершенно закрепляется нравственное единство Монарха и нации». Наши предки давно знали, что только такое единство является первым и необходимым условием, при котором власть единоличная способна стать истинно верховной. Но, парадоксально, верность принципу династичности в истории России прикрывала собой и самые страшные преступления против династии и самого монархического принципа.

Напомним, что приход к власти Бориса Годунова состоялся после устранения последнего сына Иоанна Грозного – Дмитрия. Царь Федор Иоаннович еще был жив, и еще теоретически сохранялась возможность родить наследника от сестры Бориса Годунова, законной царской супруги. Но увы – кроме быстро умершей дочки, Царь Федор, праведник на Троне, детей не имел. Сложно сказать, в какой момент у Годунова возник замысел занять Русский Трон. Но признаем: надо было обладать нечеловеческой решимостью сделать это в России, к тому времени сохранявшей верность династии Рюрика более чем семьсот лет и не мыслившей себе государей другого корня.

При избрании на царство официальная историография навязывала мнение, что Царь Борис есть родня Рюриковичам через свою сестру, законную супругу последнего государя из рода Калиты, хотя на самом деле все прекрасно отдавали себе отчет в том, кто есть родственник, а кто – свойственник роду. Родовые понятия тогда были крепки и всем понятны, не то что в нынешнее время. Но русский народ неосознанно взвалил на себя вместе с Борисом Годуновым тяжкий грех убийства царевича Дмитрия, прославившегося посмертно чудесами и ставшего молитвенником за Русь у престола Всевышнего.

Увы, но по этой же схеме происходило избрание на Царство Романовых. Фактор свойства был использован как аргумент близкого кровного родства. Михаил Романов был кровным родственником жены Грозного Анастасии Романовой. Впрочем, кровь Рюрика также текла в его жилах через князей Горбатовых, но Соборное уложение 1613 года игнорировало этот факт, выставляя на первое место родственную связь через супругу Грозного. Таким образом был легитимирован прецедент, бывший при избрании Бориса Годунова и не находящий себе примеров в исконной русской традиции наследования!

Любопытно, что в одной из редакций этого уложения при избрании Михаила Романова на Трон резко осуждается убийца Дмитрия Борис Годунов. Но в итоговой редакции этот факт решили

затушевать – уж больно походило избрание Михаила Романова на избрание Годунова.

Не стоит говорить и о том, что, якобы, самого избрания на Царство Романова не было, что это был акт не простого народного волеизъявления, но узаконения неоспоримых прав Михаила на Трон как ближайшего родственника Царя Иоанна Грозного.

В это не верили и сами Романовы. Достаточно вспомнить, что и Михаил, и его отец были в лагере Тушинского вора – Лжедмитрия Второго, а до этого – присягали польскому королевичу Владиславу. Не знал особых прав на Трон за Романовыми и святой патриарх Гермоген, призывавший оставаться верными законному царю Василию Шуйскому, находившемуся в польском плену.

Романовых именно выбрали на Трон. Причем это был компромисс между партией людей, многократно присягавших и Владиславу, и Лжедмитриям, и партией честных патриотов во главе с князем Пожарским, чья кандидатура на Трон была более приемлема именно потому, что он бескомпромиссно боролся с поляками и ворами. Михаил Романов принадлежал к первой партии, и его выбор был уступкой патриотов партии примкнувших во избежание новой гражданской смуты. Про царя Василия Шуйского, весьма не любимого всеми, зато абсолютно законного, да еще и потомка Рюрика, никто не вспоминал.

Справедливости ради заметим, что Романовых на Москве любили за их искреннее православное благочестие. Как тут не вспомнить слова Л.А. Тихомирова: «Для монарха как власти верховной необходимейшее качество составляет духовное единство с подданными, при котором он может выражать народный идеал, и сознание своей обязанности давать в управлении выражение именно этого идеала». Действительно, настоящая монархия, отвлеченная от народной воли и властных претензий со стороны подданных, нравственно ответственна перед народом, имеет подчинение общей с народом вере, ее духу и народному идеалу.

Это тем более верно для сегодняшней ситуации. Русский народ чаёт обрести наконец такую верховную власть, которая целиком отражала бы его лучшие нравственные стремления и была безусловно родной ему по духу и крови!

И вот представьте себе, что на Трон Всероссийский попадает сын Марии Владимировны, Георгий Михайлович, с лицом арабского шейха. Это более чем скандал. Белый Русский Царь, как его исстари называли и у нас, и за границей, вдруг окажется далеко не белым, а весьма и весьма смуглым, без каких-либо этнических признаков близости к русскому этносу. И это на фоне растущего народного негодования против засилья кавказцев, на фоне стремительно поднимающегося русского национализма, имеющего все признаки защитной реакции народного организма, подвергнувшегося смертельной опасности. Сама такая претензия со стороны этих потомков Романовых является главной угрозой монархическому движению в современной России, и расовые предрассудки здесь ни при чем. Нужно видеть и понимать реальность. Нужно уважать свой народ. После зверств грузина Сталина, уничтожившего больше русских людей, чем любой злодей за всю историю земли, после стольких бед, что досталось нам от немцев Вильгельма Гогенцоллерна и Адольфа Гитлера, нам предлагают в Цари полунемца-полугрузина! Человека без капли русской крови, не имеющего ни малейшего понятия ни о духе народа, ни о его вере, ставшего «православным» в силу воспитательных усилий матери (которая, кстати, категорически не носит нательного креста, что хорошо видно на всех последних ее официальных фотографиях (какое упущение помощников и знатоков «Закона о престолонаследии»!), да и то – только тогда, когда у последней завязался позорнейший политический роман с Ельциным и его камарильей.

Но вернемся к трагическим годам конца XVI – начала XVII веков. Именно тогда путем политических компромиссов был нарушен незыблемый династический закон традиционного русского права в сфере правопреемства верховной власти. От трона были, в общем-то незаконно, устранены его законные наследники – Рюриковичи, что явилось ломкой всего генетического кода русской цивилизации.

Пусть первые Романовы были достойными монархами, вполне отвечавшими высокому положению помазанников Божиих своим благочестием, верностью живым народным традициям и нравственными критериями – все равно бацилла «воровской легитимности», иногда зримо и явно, разлагала могучий организм Русской государственности, приведший к краху 1917 года. Когда мы говорим о зримых симптомах тайной болезни романовской России, то в первую очередь имеем в виду инициативы по реформации церковных уставов Царя Алексея Михайловича, приведшие к трагическому и роковому для страны церковному расколу, не излеченному и до сей поры. Учтем, что эта деятельность Царя во многом противоречила положениям Грамоты 1613 года об обязанности православного Государя хранить устои отеческой веры.

Грамота 1613 года

Современные монархисты разных политических лагерей часто в спорах прибегают к авторитету уже упомянутой Учредительной (Соборное уложение) грамоте 1613 года. Есть повод кратко рассмотреть ее с учетом бытующего убеждения, что нам надо свято и верно хранить верность данной нашими предками присяге, зафиксированной в этом документе.

Воспользуемся работой Льва Тихомирова «Учредительная грамота 1613 года». Он, в частности, писал: «Идея юридической неограниченности царской власти и нравственной обязательности известного содержания ее была, видимо, чрезвычайно ясна для Всенародного Собора 1613 года... Соборное уложение излагает... содержание Верховной Власти, для осуществления которого она должна направить свои неограниченные права.

Безусловно, основной мыслью восстанавливаемого Собором государства является учреждение Православного Царства». Отметим этот важный факт. Сейчас, вспоминая это Соборное уложение, акцент смещен в сторону верности новой династии Романовых, однако центральным нервом документа было именно установление на вечные времена Православного Царства и верность именно ему. Верность же новой династии являлась лишь следствием и необходимым условием непоколебимости этого Царства.

Л. Тихомиров пишет далее: «Опасности, угрожающие вере и Церкви, есть основной мотив грамоты, обязанность противодействия этому выставляется самому Михаилу Федоровичу как неопровержимейший аргумент в пользу того, что он не имеет права уклониться от избрания. Всех иноверных кандидатов Собор признает недопустимыми».

Это важнейший момент грамоты. Убедившись в тщетности ожидания от королевича Владислава отречься от католичества, выборные от всея Русские земли юридически зафиксировали впредь недопустимость обращение с призывом на трон иноверцев с ожиданием от них, что они примут православие. Таким образом, закон императора Павла о престолонаследии, в разделе, где допускалась легитимность прав на трон представителей европейских династий при определенных условиях, уже противоречил Соборной грамоте и клятве верности Соборным уложениям на все времена, данной нашими предками за весь русский народ!

И далее Л.Тихомиров указывает на еще один существенный момент: «Поставляемый Царь есть Самодержец Православного Царства: это есть основа всех основ восстанавливаемой государственности. Понятно, что Грамота не забывает при этом и необходимости священного коронования Михаила Федоровича. Для всякого, изучавшего идею христианского царства, понятна логика всего остального государственно-правового сознания Собора. Прежде всего, власть, вручаемая Михаилу Федоровичу Романову, понимается как легитимная».

Действительно, Михаил Романов получает власть как последний представитель семьи Иоанна Грозного. При этом, как мы отмечали выше, реальная связь с Рюриковичами, имевшаяся у Романовых через князей Горбатовых, обходится полным молчанием. И не случайно. Если бы Собор стал приводить именно этот факт как главное обоснование своего выбора, то встал бы закономерный вопрос о старшинстве в самом роду Рюриковичей. И здесь опять же законные права на Трон могли предъявить Шуйские. Но главное, при такой постановке вопроса резко увеличивались бы шансы на избрание Царем освободителя Отечества князя Пожарского. Соборная грамота именует Михаила Романова отраслью московских Даниловичей, называя племянником последнего Царя этой ветви – Федора Иоанновича. Этим Собор преследовал определенную цель: утверждался характер легитимной преемственной династичности Царской власти, а факт выборности ослаблялся, хотя и был вполне ясен современникам. Собор всемерно подчеркивал, что Михаил Романов поставляется на Царство по избранию Божию и лишь затем – по избранию русского народа.

Как бы то ни было, новую династию народное сознание приняло как продолжение древнего царственного рода. Это факт. Грамота определяет власть Романовых как наследственную, как продолжение прежней власти династии московских Даниловичей, и вменяет следующим поколениям в обязанность признавать царями и потомков Михаила Федоровича. Именно потомков по мужской линии имело в виду это Соборное уложение, согласно древнерусскому закону и воззрениям Церкви на роль и служение Царя. Специально это не оговаривалось, но только в силу того, что люди того времени в Московском государстве и не могли мыслить по-иному. Тем более, когда шла речь о восстановлении истинно Православной государственности.

Женщина на Троне Царей для того времени – это не просто нонсенс, а прямо страшный сон. Особенно учитывая самые негативные воспоминания русских людей о роли в смуте Марины Мнишек, супруги Лжедмитрия Первого, и о святотатственном поведении матери царевича Димитрия, под нажимом признавшей в Отрепьеве своего сына и бессовестно игравшей роль счастливой матери, вновь обретшей «убиенного» отпрыска.

Для монархического правосознания грамота сия важна еще тем, что, несмотря на отсутствие самого термина «Верховная власть», она, по сути, весьма четко определяет ее суть. Грамота именует

Михаила Федоровича Государем и Самодержцем. Слово «Государь» означало власть, выше которой уже ничего нет. Таким образом, Михаилу Романову вручалась неограниченная Верховная власть. Любопытно, что новгородцы и псковичи, признавая все титулы Царей Московских, упорно не хотели именовать их государями. По их политическим воззрениям государем для них был или сам Господин Великий Новгород, или Псков, а равно под этим термином понималась и вся совокупность полноправных жителей этих городов в качестве единой политической общины – «государи новгородцы».

Л. Тихомиров так подытоживает свои рассуждения о значении для русского правосознания этого документа: «Исторический фон, на котором в Грамоте изъяснены эти основы государственного права, восстановленного Царства, – составляет как бы иллюстрацию к тому, как государство, в течение веков славное и грозное, пришло к упадку и разорению вследствие нарушения этих государственных норм, связанных с религиозным благочестием. Отсюда и Цари, и подданные должны были научиться, как жить и действовать на будущие времена для того, чтобы снова восстановить и удержать свою благоденственную славу».

В дальнейшем кодификационная деятельность Российской империи исключила эту Грамоту из числа актов юридического значения, несмотря на то что именно на ней была основана сама русская Верховная власть Нового времени. Вероятно, это было сделано не случайно, так как сами реалии поздней империи уже не отвечали требованиям сей Грамоты, а зачастую и противоречили ей.

Как бы то ни было, именно эта Грамота, а не устаревшие и не работающие законы времен империи и синодального управления Церковью, должна и может стать юридическим фундаментом и законным прецедентом для восстановления монархии в России.

Действительно, если мы попробуем юридически бескомпромиссно применить закон о престолонаследии императоров Павла и Александра Павловича сейчас, то наследника престола для России просто не найдется. Можно, конечно, путем ухищрений доказать права на престол и потомков Кирилла Владимировича, и династии Ольденбургов. Но в этом случае будет попан не только Закон о престолонаследии во всей его чистоте, но, самое главное, будут попань в многих пунктах (особенно касательно брака) Церковные уставы и Соборная грамота 1613 года, четко определяющая, кто должен занимать Трон истинно Православного Царства!

Сторонники «Кирилловичей» в своем споре с «соборниками» не соглашаются с позицией последних, основанной, кстати, на верности Грамоте 1613 года, что главным доводом в пользу избрания Царя должны быть его безусловная «русскость» и «православность». Они считают, что занятие Престола не может основываться на столь «неопределенных категориях». Такая позиция не только глупа, но и бессовестна. Грамота 1613 года вся построена на признании этих факторов избрания главнейшими для Православного монарха России.

О каких неопределенностях может идти речь, если все очень конкретно. Любому интересующемуся вопросу человеку достаточно убедиться, что Мария Владимировна не носит натального креста, чтобы понять, что ее показная «православность» есть ложь. Ну а по вопросу русскости «Кирилловичам» лучше бы было и не заикаться. Сама внешность «кирилловских» претендентов на Престол в России не только не русская, но и не европейская, что видно невооруженным глазом любому обывателю. Тут все очень определено. При пробуждении русского национального самосознания претензия потомков Кирилла Владимировича на Трон есть главная проблема для самой возможности возрождения монархии. Для основной массы современного российского населения и представить сложно более образцовую антирекламу этой идеи, чем физиономические данные этих людей, столь чуждых понятиям нашего народа о Царском достоинстве и благородных чертах лица исконной европейской аристократии.

После событий в Кондопоге, Сальске, Ставрополе и других местах русскость и русская физиономия перестали быть абстракциями, а стали главной конкретикой внутривнутриполитической жизни России на долгое время, хотим мы это признавать или нет и являемся ли националистами, или отвергаем их взгляды. И пренебрежение сим фактором русского национализма безотносительно этической оценке этого феномена, нежелание увидеть абсурдности выдвижения на Русский Трон абсолютно конкретного нерусского лица есть главная угроза монархическому возрождению в России сегодня.

А боязнь того, что при выборе пути 1613 года избранный народом Царь может стать не Верховной властью, а игрушкой в руках выбравшей его толпы, несостоятельна. В соответствии с положениями Грамоты 1613 года новое избрание Государя будет по процедуре совпадать с прежними. Иными словами, будет выбран тот, на кого укажут данные, не зависящие от человеческого произволения и волеизъявления. Это будет и происхождение, и благодатные дары, и особое, всем очевидное Божие произволение об этом человеке.

Воровской монархизм «кирилловцев»

Если мы считаем справедливым, что монархизм есть важнейшее церковное предание и его политическая актуализация возможна только в плане чуда (а для православного сознания иное и неприемлемо), то отсюда мы можем быть вполне уверены в том, что все виды современного «кирилловского» легитимизма есть не что иное, как своего рода апостасия, отступничество без кавычек от монархизма православного в монархизм сугубо политический.

Любые виды светского юридического монархизма станут уступками современной государственной правовой системе, в понятиях которой они и будут, сколь парадоксальным это ни кажется на первый взгляд, при необходимости развивать свои мысли по восстановлению Трона, что отчетливо заметно уже сейчас. Особенно это касается мало продуманных выступлений Марии Владимировны.

Это будет сначала косвенное, а затем и непосредственное признание законности существующей власти – прямой, законной и вполне легитимной наследницы большевизма. Либерализм с помощью современных адептов Марии Владимировны вполне может заполучить и облечься в столь заманчивую для него тогу исторической преемственности по отношению к исторической России. Но даже замалчивание существующей пропасти между юридическими формами императорского периода и современности не позволит адептам политического монархизма решить ряд весьма щекотливых вопросов о преемственности и передаче власти. Кстати, почему-то все «кирилловцы» напрочь забывают о Манифесте Великого князя Кирилла Владимировича от 9 марта 1917 года, в котором тот отказался от всех прав на Российский Престол. Этот более чем странный двоюродный брат свергнутого Императора украсил себя Красным бантом.

9 марта 1917 года он совершенно добровольно, не подвергаясь никакому давлению, откажется от прав на Российский престол и присоединится к акту Великого князя Михаила Александровича: «Относительно прав наших, и, в частности, моего, на престолонаследие, горячо любя свою Родину, я всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа Великого князя Михаила Александровича. Кирилл».

По сути, предмет спора отсутствует изначально. У нынешних потомков Кирилла с чисто юридической точки зрения, которая для них, как ни странно, наиболее приемлема при рассмотрении сего спорного вопроса, прав на Русский Престол не больше, чем у какого-нибудь абиссинского негра.

Современные апологеты кирилловской линии идут в фарватере той политики, которую вел в эмиграции этот самопровозглашенный «император», вступивший в сговор против законного государя с предателями из Государственной думы, а затем лелеявший планы реставрации монархии с помощью Советов. «Царь и Советы» – таков был лозунг организации «Младороссов» под руководством гэпэушного агента Казем-бека, окончившего свои ветхие дни в Советской России, и, что крайне примечательно, на свободе.

«Младороссов» недаром называли советчиками или второй Советской партией. Оппортунизм в признании Советов поставил их в разряд врагов истинного национального Русского Зарубежья. С ними вели непримиримую борьбу имперцы РИС-О.

Однако Кирилл Владимирович долгое время опирался именно на «Младороссов» Зарубежья, показав еще раз свою абсолютную беспринципность в деле достижения Российского Трона любой ценой.

Любопытно, что «Младороссы», дабы показать свою инаковость по отношению к иным группам русского рассеяния, избрали своим символом не бело-сине-красный флаг, а бело-желто-черный, трактуя эти цвета, в общем и целом справедливо, как цвета Дома Романовых.

Странная судьба у этого знамени. В начале девяностых годов минувшего столетия патриотическая общественность, вставшая под ним, снова решила выступать единым фронтом с коммунистами. Родимое пятно или, лучше сказать, вирус «сменовеховства» в исполнении «младороссов» как бы передался и этому воинскому символу ушедшей Империи, и многим, кто стоял и продолжает стоять под этим знаменем за Царя и Советы, осмысленно или по недоразумению.

Но в отношении Кирилла Владимировича мы не можем усматривать этого самого невинного недоразумения. Принадлежа той ветви Романовых, которая в своих последних трех поколениях по мужской линии умудрилась нарушить множество законов Российской империи касательно Императорской фамилии и всегда имела наглость притязать на Трон именно с позиций им одним понятной легитимной законности, Кирилл мало заботился о мистической и нравственной основе вопроса восстановления Российского Трона. В феврале 1917 года Трон казался ему столь близким, что Великий князь готов был согласиться и на конституционную монархию, и на любую другую, лишь бы надеть Шапку Мономаха и передать ее в наследство своим детям. Важно понять, что те брачные

нарушения, на которые пошли Кирилл Владимирович и его отец, далеко не безопасны и влияют на духовное здоровье потомства. Имеется в виду брак на двоюродных сестрах.

«Я и мой дворник приветствуем приход новой власти в России» – так или примерно так говорил Кирилл в феврале 1917 года. В вопросе постижения глубинных основ монархической власти он всю жизнь оставался именно на уровне своего дворника. Кирилл Владимирович и не подозревал тогда, что оказался единомышленником не только своего дворника, но и господина Ульянова, уверенного в том, что государством может управлять и кухарка. Впрочем, даже тут не догадываясь, что на эту роль годится и дворник Кирилла Романова, не уступавший, судя по откровению самого Кирилла, своему господину в уровне политической грамотности.

Уж как-то чересчур много советских агентов, скрытых и явных, обнаруживалось у трона самозванного, воровского императора Кирилла и его сына. О каком монархическом идеале, сохраненном якобы в семье наследников Кирилла Владимировича, толкуют современные «кирилловцы»? Если это и монархизм, то не только не православный, но, учитывая современное состояние мира, – антиправославный!

Известно, что с первых дней революции большевики под руководством еврейских комиссаров планомерно уничтожали все сословия русского народа. Цель была проста и понятна: народ нужно было лишить национальной элиты, одновременно отняв все шансы на национальное возрождение. Но и это еще не все. Прекрасно понимая, что народ наш по природе своей монархист, большевики приложили максимум усилий, чтобы свести под корень Императорскую фамилию. Огромное количество представителей знати было уничтожено, чтобы не только среди Романовых, но и среди иных родов русский человек не пытался искать преемников Трона.

Рассуждаем далее. В эмиграции Кирилл Владимирович смело поднимает упавшее было знамя монархии. Мало того, он, вопреки воле иных членов династии, незаконно, но весьма рискованно, если учитывать отношение к этому вопросу большевиков, объявляет себя Императором Всероссийским, Кириллом I. Это уже серьезный вызов большевистской власти. В Европе объявился легитимный наследник Империи.

И вот в чем истинное чудо: если лидеров Российского Общевоинского Союза агенты ЧК-ОГПУ устраняют всеми возможными средствами, то «император» Кирилл спокойно живет во Франции и Германии, и его – главного врага советской власти – не трогают. А раз так, то, может, и не случайны все эти игры Кирилла и его послушных «младороссов» в «царесоветчину»? Возникает и более серьезное подозрение: а не оставлены ли нам, русским монархистам, Кирилловичи нарочно? Уж больно усердно ссылаются они и их пособники на Закон о престолонаследии, как будто этот проект разрабатывался давно и с учетом такого поворота событий, когда некогда отвергнутый и пренебрегаемый самими же старшими представителями этой линии Закон может стать весомым аргументом «за», козырной картой, которую нечем покрыть? Уж больно вся эта операция «Император Кирилл и его потомки» похожа на тщательный план мировой закулисы, предвидевшей возможный отход России от столбовой дороги апостасийного процесса в сторону возвращения к исконной православной государственности, и заранее подготовившей ей, то есть нам, ловушку в виде наследников трона по линии Кирилла Владимировича. Последние якобы во всем соответствуют старым Имперским законам о престолонаследии, которые, однако, толкуются здесь исключительно в иезуитском или прямо талмудическом ключе.

Сложно сказать, насколько осознанно действовал во многих случаях сам Кирилл Владимирович.

Например, был в его биографии и еще один примечательный эпизод. В данном случае мы просто приведем факты и воздержимся от их оценки. В прошлые годы, вероятно, можно было бы рассматривать эти факты с исключительно отрицательной позиции, но времена меняются. Меняются наши знания и понимание сложных исторических и политических процессов. Вероятно, чтобы правильно оценить то, речь о чем пойдет ниже, потребуется еще время.

В 1922 году генерал Василий Викторович Бискупский, убежденный монархист и доверенное лицо Кирилла Владимировича, знакомит последнего с Гитлером. Сам Бискупский не просто являлся сторонником Кирилла Владимировича, но и активно противодействовал тому монархическому лагерю, который стал формироваться вокруг дяди Императора Николая II, Николая Николаевича. Его самого и его окружение Бискупский считал сторонниками демократии и конституционализма, а также не приветствовал «лизоблюдство» перед французами. Сторонники Кирилла Владимировича обвиняли Николая Николаевича в связях с «Великим Востоком Франции», что было не совсем беспочвенно: ходили слухи, что сам Николай Николаевич еще в России вступил в масонскую ложу. Противники же Кирилла Владимировича упрекали последнего в «лизоблюдстве» перед немцами, на которых возлагали ответственность за крушение Российской империи. Немцам не могли простить не только военного противостояния в годы Первой мировой, но и подрывной деятельности, выразившейся в финансировании большевиков в лице Ленина.

Впрочем, пронемецкая ориентация Кирилла Владимировича в тот период привлекла к нему немало честных патриотов и монархистов. Справедливости ради признаем, что в этом вопросе Великий князь проявил определенную политическую дальновидность. Сам он превосходно владел немецким языком и с супругой последнего русского Императора общался исключительно по-немецки, а его мать Мария Павловна была урожденной графиней Мекленбургской. С 1922 года Кирилл Владимирович вместе с женой Викторией, великой герцогиней Кобургской, жил в Кобурге, в ее родовом имении. В тот период Великая герцогиня Виктория души не чаяла в Гитлере и периодически вносила посильную материальную помощь в кассу НСДАП. Злые языки утверждали, что она помогает национал-социалистам больше, чем собственному мужу. Особенная же дружба связывала Кирилла Владимировича и его супругу с ближайшим соратником Гитлера, спасшим того во время неудачного Мюнхенского выступления: будучи смертельно раненным, он увлек вождя за собой на землю. Речь идет об Эрвине фон Шейбнер-Рихтере, бывшем не просто другом и соратником Гитлера, но и убежденным русофилом. Его смерть действительно имела самые плачевные последствия как для национал-социалистического движения, так и для судеб правой русской эмиграции.

Справедливости ради скажем, что была за Кириллом Владимировичем и «частичная» правда в его монархической позиции. Действительно, монархизм невозможен без единой живой личности, воплощающей Верховную власть, – без Царя или претендента на Трон. Кирилл Владимирович это прекрасно осознавал. Именно его личностная позиция, а не коллективный монархизм его оппонентов, привлекала к нему монархически настроенных честных русских людей. Иное дело, что стояло за этой личностью. В эпоху ломки традиционных институтов и самих нравственных устоев христианской цивилизации люди порой не в силах были рассмотреть глубинные истоки внешних политических тенденций. Именно эта признаваемая многими «частичная» правда позволила сыну Романова Владимиру в 1938 году сплотить вокруг себя всю правую русскую эмиграцию, не выпячивая своих «неоспоримых» прав на Трон. Но его женитьба на разведенной с банкиром Кирби Леониде Георгиевне, равно как и тайком совершенное венчание в греческой, а не русской церкви навсегда похоронили саму возможность для правой эмиграции сплотиться вокруг этих представителей дома Романовых. С нравственной точки зрения, с точки зрения политической преемственности к русским правым политическим силам в Зарубежье, такая возможность исключена и для внутрироссийских истинно правых православных сил.

Закон о престолонаследии и современность

Вернемся к вопросам законного престолонаследия и к тому, каким образом эти законы вообще могут быть применяемы к настоящему историческому моменту, который переживает постсоветская Россия.

Простому человеку ох как трудно разобраться во всех деталях престолонаследия. А тут ему говорят: не ломай голову, все уже предусмотрено Законом. «Ну, раз есть Закон, – думает простой русский человек, не готовый к тому, чтобы его достать и прочитать, – то нечего и спорить». Большинство готово голосовать за отпрыска Гогенцоллернов – Георгия, сына Марии Владимировны. При этом мало кому из россиян, вечно занятых жилищно-бытовыми проблемами, придет в голову желание ознакомиться хотя бы и через Интернет с подноготной биологического отца юноши Георгия, чья скандальная частная жизнь далека от норм здоровых людей.

Вот такой нехитрый трюк могут совершить с простодушным и изрядно деградировавшим народом. Нас прямо подталкивают к «единственно правильному и законному решению» – избрать себе в царицы нарочито выпестованную неизвестными кукловодами Марию Владимировну с сыном от немецкого принца династии Гогенцоллернов, дабы утолить монархический голод нетерпеливых и страждущих патриотов. А ведь брак с представителем еврейской банкирской фамилии Леониды Георгиевны – будущей жены Владимира Кирилловича – вряд ли был случайным стечением обстоятельств, как и ее второй брак с сыном «Императора Кирилла». Или, может, нам считать случайностью нереализованные, но вполне конкретные проекты регентства Ельцина при возведении на Трон все того же Георгия? А странная дружба нынешних властей с Кирилловичами – разве все это не наталкивает на мысль о хорошо спланированной операции по возрождению под омофором «победившего либерализма» псевдомонархии?

Не может ли вся эта камарилья с Кирилловичами, Марией Владимировной и ее отпрыском быть всего лишь «пилотным» проектом «трона для антихриста»? Очень как может. И неудивительно, что монархизм может стать (и явно становится на наших глазах) антихристианским движением и в Европе, и у нас. «Кирилловское» движение в России есть, по сути, антихристианское движение монархистов, уверенных, что механически реставрированный Трон и посаженный Царь автоматически спасут

Россию. Для христианина не является новостью, что все современные либеральные демократии мира есть лишь истинно временные правительства перед действительно антихристианской монархической реставрацией антихриста! Просто желать Царя во что бы то ни стало – не есть признак того, что человек является православным монархистом. Христиане знают, что один царь обязательно будет, ждем мы его или нет. Им будет антихрист, как предупреждал нас Нектарий Оптинский.

И уж поверьте, с легитимностью у сына гибели будет все в полном порядке, не подкопаешься. При этом вовсе не обязательно объединяться в монархические общества. Он справится с этой задачей и без монархофильствующих попутчиков. Впрочем, те, кто ему сознательно содействует, напрасно ожидают наград: первыми жертвами сатаны падут его «дети». Вспомним грозное предупреждение Евангелиста и Тайнозрителя Иоанна Богослова: «И поклонятся ему цари земные». А ведь это будут не просто президенты «большой семерки» или, упаси Боже, восьмерки, а реальные цари. Подготовкой таких монархов, подручников антихриста, могут заниматься – невольно, надеюсь, – наши доморожденные легитимисты – «кирилловцы».

Полученный от них «легитимный» царь может без всяких препятствий поклониться мировому владыке, так же как его предок готов был кланяться Временному правительству и красным Советам.

Очень примечательно, что нынешний претендент на Трон, двадцатилетний Георгий Михайлович, работает в структуре Европарламента, занимался вопросами транспорта, энергетикой, а в последнее время – ядерной безопасностью Европы. Ну ведь понятно, что главную ядерную опасность для Евросоюза, по его собственному разумению, пока не произносимому вслух, на данном этапе несет не Иран и Индия с Пакистаном, а Россия.

Необходимо четко представлять, что вопрос размежевания «кирилловцев» и сторонников гипотетического Земского собора – вовсе не только вопрос о правах того или иного представителя Дома Романовых на Престол. Это принципиальный вопрос, какую монархию мы хотим воскресить в России: Христианскую, монархию рыцарского служения Православной вере всех слоев населения или монархию воровскую, абсолютно антихристианскую, монархию – подстилку под сиденье антихриста, увешанную «бусами» – атрибутами современного «передового» общества – парламентом, конституцией, «беспределом» СМИ, воровством, продажностью и коррумпированностью огромного чиновничьего аппарата и прочими «прелестями».

Я уже предугадываю, сколько негодования вызовут мои строки в «кирилловском» лагере. Дежурные перья бросятся писать опровержения, которые будут растиражированы их прессой. Однако не напрасны ли будут труды адвокатов этой с некоторых пор подозрительно смуглой династии? Достаточно просмотреть официальную прессу «кирилловцев», кадры их светской хроники, чтобы убедиться, что в полемическом задоре я не сгущал краски вокруг фигур наследников Кирилла Владимировича. На всех официальных фотографиях, где Мария Владимировна даже именуется иногда хозяйкой земли Русской, в кадрах официальной хроники ее многочисленных визитов, во время официальных выступлений с высоких и не очень трибун изрядно декольтированная Мария Владимировна всегда, без исключений, пребывает без креста, о чем было сказано выше. В буквальном смысле на ней креста нет. Ну никак не может «хозяйка земли Русской» носить такую неподъемную тяжесть. Случайно ли? На мой взгляд, для верующего человека тут все понятно. А чего стоит давно произошедший с Марией Владимировной конфуз, когда ей поднесли бумажную икону Государя-мученика со святым семейством, видимо, для того, чтобы она приложилась к образу, а «хозяйка» бойко расписалась на иконе?! Это было лет четырнадцать-пятнадцать назад. Тогда Мария Владимировна еще плохо усваивала новую роль «православной царицы-матушки».

Сегодня «императрица» Мария ведет безуспешную борьбу с судебными инстанциями Российской Федерации за справку об официальной реабилитации Царской семьи как пострадавшей от незаконных политических репрессий. Борьба эта более чем лукава. Во-первых, Царь и его семья, а равно и верные их помощники-слуги канонизированы Русской Православной Церковью, и мы молимся перед их святыми иконами. Говорить о необходимости реабилитации в данных обстоятельствах нелепо и странно, но за всем этим скрываются очень подозрительные интересы этой «озабоченной светлой памятью о государе» публики. Нынешнее государство отказывается в реабилитации под разными предлогами, свидетельствуя о своей осознанной преемственности к узурпаторам власти – большевикам. Бог шельму метит. Вот, казалось бы, и славно, расскажем об этом людям. Но «кирилловцам» это сейчас уже не интересно. Куда интереснее все же выклянчить справку, чтобы уже с ней на правах ближайших родственников и потомков предъявить «заевшимся» европейцам права на часть собственности, отошедшей в некоторых странах невесте кому, но ранее принадлежавшей Российской Короне. Поначалу планируется судиться в ряде европейских стран, где законодательство позволяет надеяться на «хороший вкус» от сладкого пирога престижной недвижимости, о России речь пока и не ведется. Но наши чиновники не так просты. Сам прецедент может иметь непредсказуемые последствия. В одном из последних интервью в «Российской газете» от

15 марта 2007 года, в трагическую 90-летнюю годовщину отречения святого Императора Николая от Престола во Пскове, «императрица» Мария уже говорит о том, что государство могло бы сделать реверанс в ее сторону и символически компенсировать ей потери Императорского дома в России. Неужели она не понимает, что даже символическая компенсация может стать толчком к таким непредсказуемым событиям? Неужели она не догадывается о том огромном количестве заинтересованных лиц и организаций, которые просто «загрызут» Россию своими имущественными претензиями? Достаточно только повода, малюсенького «символического» прецедента.

Как мы все прекрасно понимаем, сама проблема эта, занимающая умы Марии Владимировны и, вероятно, ее уже повзрослевшего сына, «космически» далека как от забот о светлой памяти последнего святого Государя и его родных и близких, так и от забот о будущем нашей многострадальной России.

Нравственно, религиозно и исторически многие «земские» заблуждения патриотической общественности можно и понять, и в ряде случаев оправдать. «Кирилловщина» есть полное затмение религиозного и национального сознания. Это нравственно ущербное, религиозно не совместимое с православной совестью и истинно русскими национальными преданиями, исторически убогое, опирающееся только на петербургский период движения, исторически уже обреченное и слепое следование закону императора Павла с поправкой его сына Александра. С 1820 года в эмиграции и в современной России, после того как рухнуло Царство, есть, конечно, упрямый и ограниченный буквоедческий талмудизм, при котором не учитывался духовный фактор, без чего восстановление Трона невозможно.

При Православном Царстве в условии особой духовной атмосферы Трон был оберегаем от морального вырождения династии молитвами святых и самим духовным строем этого Православного царства. После крушения исторической России такой атмосферы нет. Нельзя или, по крайней мере, крайне опасно применять Закон о престолонаследии умершей империи механически. Закон этот, считая от поправки Императора Александра, не продержался в России и сотни лет. Уповать на него в деле возрождения исторической государственности крайне нелепо.

Не впадая в крайности политического славянофильства, его негативную оценку петербургского периода нашей истории, все же отметим, что именно тогда был постепенно сломлен исторически сложившийся генетический код русской цивилизации, созидавшийся под скипетром Государей Московских!

Еще раз о законе престолонаследия

Адепты кирилловской линии в любых спорах о престолонаследии устрашают оппонентов «священной коровой» Закона о престолонаследии Императора Павла, о котором мы уже говорили выше. А сейчас уделим ему более пристальное внимание. При всем уважении и почитании этого монарха необходимо указать на то, что его закон в настоящее время не может иметь абсолютно никакой силы. Мы уже отмечали, что монархическое государство Российское, коему этот Закон и принадлежал, как Атлантида погрузилось в пучину истории. Делать вид, что ничего не произошло, продолжать реанимировать законодательную базу исторической России, значит, игнорировать небывалую в мировой истории духовную катастрофу христианской русской нации, значит, не извлекать никаких уроков из этой национальной трагедии.

Но есть еще и другая сторона вопроса. Скажем и о том, что после российской катастрофы лучшие умы в России и в Зарубежье согласно увидели корни зла именно в Императорском периоде российской истории, когда после Петровских реформ, а в особенности в послепетровское время, отмеченное засильем неметчины, на верхних этажах российской власти был надломлен генетический код Русской православной цивилизации. Верные паладины Святой Руси были глубоко убеждены, что воскресение России по необходимости будет происходить с учетом того неоспоримого факта, что государство Российское должно возрождаться на своей исконной, киево-московской основе, заложенной святыми князьями и Царями Московскими. Уже в силу одного этого законы времен империи не могут считаться безусловным юридическим авторитетом в вопросе возрождении монархии в России. Павловский Закон, вне всякого сомнения, сыграл свою положительную роль в деле укрепления Российского престола, однако Закон этот создавался в совершенно определенную историческую эпоху и отражал в себе всю ее неоднозначность.

Например, в 1797 году, когда Павел Петрович учредил Закон о престолонаследии, православных монархий практически не существовало (исключение – Черногория). Император не желал чрезмерно усложнять для членов Династии, стоящих более отдаленно от наследования престола, браки с германскими Принцессами протестантского вероисповедания, которые могли не захотеть перейти в Православие. Надо заметить, что такие браки противоречат Православной вере нашего народа, а

потому они должны были вообще исключать вступающих в них из членов Императорской фамилии, не говоря уже о недопустимости рассматривать подобные семьи в качестве, пусть и потенциальных, претендентов на Российский Трон.

Интересно, что в данном вопросе Император пошел на уступку человеческому желанию иметь иностранную жену, пренебрегая церковными уставами, но он же ни в коем случае не желал отступить от буквы чуждого нам немецкого правила мнимого равнородства и даже в мыслях не допускал возможности вхождения на равных в Императорскую фамилию представителей русской аристократии. Неужели же дело в том, что Павел так боялся дворцовых переворотов и клановых «разборок» дворянских семей у Трона? Да, история знает тому немало примеров. Но ведь можно было эту проблему снять в рамках все того же Закона, просто встав на почву чисто русской традиции и закрепив ее юридическим документом, чего сделано не было. Более того, подобная историческая несправедливость в отношении природной русской аристократии усугубилась прискорбной поправкой, которую внес в Закон о престолонаследии Император Александр I в 1820 году.

По этой поправке только чада от равнородных браков имели право на престолонаследование. А такими браками стали считаться, в точном соответствии с исключительно немецкой традицией, только браки между лицами, принадлежащими к владетельным домам. Легко же было немцам искать себе невест среди многочисленных владетельных фамилий Священной Римской империи германской нации. Ведь этих «брауншвейгских мюнхгаузов» было что мух в жаркое лето. По количеству владетельных домов с немцами могли соперничать только грузины, где любой владелец шалаша, обмазанного кизяком, считал себя князем.

Несомненно, домишки у немецких благородных особ были поприличнее грузинских, но вот фамильные земли – столь же малы. При оплошном плевке с попутным ветром можно было запросто попасть в напудренный парик своего не менее владетельного соседа.

Не чудовищно ли, что потомки славных Рюриковичей и Гедеминичей по этому закону признавались неровней мелкотравчатым немецким курфюрстам, не обладавшим ни равной перечисленным фамилиям древностью, ни их безусловной исторической славой? Более того, получалось, что наши Московские Цари, выбиравшие себе жен из среды русского боярства, вступали как бы в мorganатические браки, рождая убогодочное потомство, вроде бы и не законно, с немецкой точки зрения, занимавшее затем отчий Трон.

Достаточно быть просто здравомыслящим человеком, чтобы увидеть в этой поправке от 1820 года нелепость, чрезвычайно оскорбительную для всей нашей русской истории и исконных древнейших национальных традиций. «Русские прусских всегда бивали», как говорил великий Суворов. Нам ли брать за образец странные законы наших извечных соперников, которых мы на полях сражений неизменно тыкали мордой в грязь?! При том, что в Российской империи жили немцы, действительно заслужившие благодарную память русских потомков, все же немецкое засилье в верхах, и особенно онемечивание династии Романовых (а по закону 1820 года этот процесс должен был бы продолжаться до бесконечности без малейшей надежды на то, что Царственный род когда либо обрусееет) привели, в совокупности иных причин, к краху исторической России.

Подоплека этой поправки станет нам понятна в свете политических реалий Европы посленаполеоновского времени. По инициативе Российского Императора создается Священный Союз трех монархий: Российской, Германской и Австро-Венгерской. Основная идея поправки, как ее, возможно, мыслил себе Александр I, сводилась к тому, чтобы связать правящие династии трех Корон нерушимыми кровными узами. Как мы помним, кровное родство не стало препятствием к мировой войне 1914 года, в которой вышеупомянутые монархии, к удовольствию мировой закулисы, взаимно изничтожили друг друга не без помощи внешних сил. Любопытно, что на Венском конгрессе 1815 года, в связи с распадом в 1806 году Священной Римской Империи, некоторые владетельные дома были признаны «медиатизированными домами», что давало их членам право равнородства при вступлении их в браки с членами других королевских и владетельных домов. Иными словами, их статус был искусственно завышен, дабы упростить им возможность сохранять за собой эксклюзивное право на Троны Европы, за частую в обход многих древних национальных родов европейских стран. Естественно, ни Рюриковичи, ни Гедеминичи такой чести удостоены не были. Их славные предки, великие князья, не считались ровней немецким мелким феодальным царькам.

В исторической литературе России не нашел должной историософской оценки удивительный факт экспансии немецких аристократических владельческих домов в Восточной Европе XVIII–XIX веков. Не только династия Романовых онемечивается: немцы захватывают и другой исконно православный Престол – в Болгарии, освобожденной от турок исключительно усилиями русского народа, заплатившего за это освобождение неблагодарных «братушек» реками драгоценной русской крови. Немцы же занимают и престол освободившегося от турок новоэллинистического государства. В России этот процесс привел к национальному отчуждению Трона от народа и ускорил революцию.

Впрочем, то же самое мы можем говорить и об отношении Трона и православных масс в Болгарии и Греции. Желающих ознакомиться с тем, какими мрачными деяниями прославили себя болгары под властью немецкой фамилии, я рекомендую ознакомиться с книгой творений святителя Николая Сербского, вышедшей у нас недавно и называющейся «Духовное возрождение Европы».

Мне могут возразить, что наши Цари и Царицы рождались от православных родителей в православной вере или принимали ее. Однако всем известно, что принятие Православия немецкими особами с высоким владельческим статусом происходило не по велению сердца, но лишь при условии, что перед их носом начинал маячить Русский Трон. О какой искренности мы можем тогда говорить? Святость последней императрицы и ее сестры Елизаветы Федоровны есть лишь ярчайшее исключение, подтверждающее общее правило. В современной психологической науке есть термин «лингвистическая личность», означающий человека, рождающегося в определенной языковой среде и развивающегося психически именно в рамках определенного лингвистического текста. И вопросы его духовной ориентации тесно связаны с его родным языком и родной культурой. Немцу-протестанту стать русским-православным крайне сложно. Такое возможно только особой благодати, которую желающий может стяжать лишь в плане сверхчеловеческих духовных усилий, ведущих его к личной святости. Было бы крайне неразумно полагать, что такая ситуация могла бы со временем стать правилом. Скорее наоборот, все большее количество немецкой крови у Романовых все больше бы затрудняло их погружение в русскую национальную стихию, без чего в России немыслимо и истинное Православие, неразрывно связанное с русскостью. А лишь формально православный Царь Третьего Рима – уже достаточная веская причина считать, что не случись катастрофы 1917 года, и нас бы постигла еще более страшная участь. Вслед за секуляризировавшейся немецкой династией, при сохранении внешних монархических форм правления, страна наша навсегда бы ушла от своего древнего идеала Святой Руси, который есть сердце всего нашего национального организма, ушла бы, возможно безболезненно, но без всякой надежды на возвращение. Дух Святой Руси вышел бы из тела незаметно для большинства обывателей, навсегда закрыв для нас возможность духовного воскресения.

Наше счастье, что по милости Божией наши последние Государи, вопреки законам естества, будучи абсолютно нерусскими по крови, стали истинно русскими Царями по духу. А Император Николай своим искупительным мученичеством сделал для нас возможным, пусть и в плане чуда, духовно-национальное воскресение. Но все это никак не снимает с повестки дня вопрос о том, что, если Господу будет угодно воскресить монархию в России, только истинно Русский Государь способен найти отклик у народа и повести его в последнюю, самую страшную историческую битву против антихриста. Еще раз повторю: Русский Государь по крови и духу предсказан нам духоносными святыми отцами!

Возвращаясь к закону Павла I, а вернее, к поправке 1820 года, необходимо еще раз отметить, что закон этот пренебрегал древними русскими династическими традициями. Все наши древние цари вдруг, в одночасье, оказывались отпрысками морганатических браков. Любопытно, что русская историография как-то стыдливо обходила и обходит этот момент. Необходимость избрания Царя от «рода своего суща» опирается на авторитет Священного Писания, где именно по этому принципу избирали Царя ветхозаветные иудеи. Но при имперском законодательстве и привнесенных, чуждых нам немецких династических традициях обрусение немецкой династии Романовых было невозможно.

Есть и еще один немаловажный аспект, на который до революции не обращали внимания из политкорректности, но на котором нам просто необходимо остановиться сейчас. Речь идет о принципиальной невозможности для женщины занимать Трон православной державы, исходя из вероучения Церкви о государстве христианском!

Христианский Император был монархом, с которым не мог сравниться ни один монарх или иная владетельная особа в мире. Он являлся не просто универсальным монархом универсальной Римской Империи, но прежде всего *vicarius Christi*, наместником самого Христа. Его коронация была таинством, поскольку он помазывался на царство подобно Саулу, Давиду и Соломону с тем, чтобы вести народ Божий через царство земное к Царствию Небесному. Он венчался на царство со своей супругой – Империей и становился для нее «мужем спасительным». Империя, по выражению проф. Канторовича, была «мистическим телом» Государя. Единственным легитимным главой империи должен был быть только мужчина. Наверное, излишне говорить, сколь традиционное православное сознание смущалось, видя на Троне женщин, да еще рожденных в протестантской Германии.

Современному читателю может показаться, что антинемецкие настроения в современной монархической среде вызваны исключительно кровавыми событиями XX века, когда Германия и Россия дважды столкнулись друг с другом в небывалых мировых войнах. Это совсем не так. Опасность немецкого засилья и узурпация немцами «монархической верности» престолу как исключительно своей прерогативы в России видели еще классики славянофильства.

Иван Васильевич Киреевский, отвечая на недоуменные вопросы господина министра народного

просвещения в «Записке об отношении русского народа к Царской власти», писал: «Неужели господин министр думает, что я могу желать для России Царя нерусского? Но какого? Лудвига Наполеона или Иосифа Австрийского? Неужели я должен оправдываться в этом? Или, может быть, господин министр предполагает, что я желаю для России республики и что я до того не знаю ни русской истории, ни духа народа русского, ни характера теперешнего времени, что почитаю такой бред возможным (несчастные мы, угораздило же нас жить в этом бредовом состоянии. – *Авт.*)... Русский человек любит своего Царя. Это действительность несомненная, потому что очевидная и ощутительная для каждого. Но любовь к Царю, как и всякая любовь, может быть истинная и ложная, хорошая и дурная, – я не говорю уж о притворной. Ложная любовь та, которая любит в Царе только свою выгоду; это любовь – низкая, вредная и, в минуты опасные, готовая к предательству. Истинная любовь к Царю соединяется в одно неразделимое чувство с любовью к Отечеству, к законности и к Святой Православной Церкви. Потому эта любовь может быть великодушная. И как в сем деле отделять любовь к Царю от закона, Отечества и Церкви? Закон – это воля Царя, перед всем народом объявленная; Отечество – это лучшая любовь его сердца; Святая Православная Церковь – это его высшая связь с народом, это самое существенное основание его власти, причина доверенности народной к нему, совокупная совесть его и Отечества, живой узел взаимного сочувствия Царя и народа, основа их общего благоденствия, источник благословения Божьего на него и на Отечество. Но любить Царя русского отдельно от России – значит, любить внешнюю силу, случайную власть, а не русского Царя: так любят его раскольники и курляндцы, которые готовы были с такой же преданностью служить Наполеону, когда почитали его сильнее Александра... Любить его без всякого отношения к святой Церкви как Царя сильного, а не как Царя православного, думать, что его господствование не есть служение Богу и Его Святой Церкви, но только управление государством для мирских видов, что его правительственные виды отделены от выгод Православия или даже что Церковь Православная есть средство, а не цель для бытия общенародного, что Святая Церковь может быть иногда помехою, а иногда полезным орудием для царской власти, – это любовь холопская, а не верноподданническая, любовь австрийская, а не русская; эта любовь к Царю – предательство перед Россией, и для самого Царя она глубоко вредная, хотя бы и казалась иногда удобною. Каждый совет ему от такой любви носит в себе тайный яд, разъедающий самые живые связи с Отечеством. Ибо Православие есть душа России, корень всего ее нравственного бытия, источник ее могущества и крепости, знамя, собирающее все разнородные чувства ее народа в одну твердыню, залог всех надежд ее на будущее, сокровище лучших воспоминаний прошедшего, ее господствующая святость, душевная любовь. Ее-то опорой почитает народ Царя своего; и потому так беспредельно предан ему, ибо не разделяет Церковь с Отечеством».

Таким образом, по мысли Киреевского, наш монархизм в основе своей трехсоставен и нерасчленим. Монархия для нас – это и ограда Православию, и оборона Отечеству. Формула Уварова лишь подчеркнет это триединство национальной идеи: Православие, Самодержавие, Народность, выраженные, по словам святого Феофана Затворника, в нашем святом трехцветном бело-сине-красном знамени!

Неудивительно, что необходимым условием крепости монархической государственности в России является русскость правящей фамилии и искреннее исповедание Царем Православной веры. Сколь же холопски убог наш современный монархизм, сколь он глуп и преступен по отношению к исторической России и к вере наших предков, коль, кроме оголтелых поклонников Марии Владимировны, есть у нас и более экзотические представители околмонархического паноптикума. Например, некий небезызвестный архимандрит, настоятель одного из монастырей в Москве (не хочу называть его имени в надежде, что его мнение на этот счет изменилось), заявил как-то автору этих строк в присутствии еще ряда лиц, что он готов видеть на русском Престоле даже представителя японской императорской фамилии, только бы тот перед занятием Трона принял Православие. О каком искреннем переходе в Православие восточных богдыханов может идти речь, особенно сейчас, в период упадка веры и апостасии, коснувшейся даже высших церковных иерархов? Как может японец проникнуться духом исторической России, обрести лучшую любовь сердца к чуждому ему Русскому Отечеству?

Видимо, некоторым постсоветским гражданам по-холопски приятно уже то, что Царь хоть и раскос, а все же из каких-никаких восточных императоров. Таким вот царям бывший подсоветский человек готов кланяться-с. Точно такой же плебейский монархизм сквозит в изданиях Всероссийского Монархического Центра. После бурного романа с Марией Владимировной эта группа монархистов обрела новую любовь, точно по Киреевскому – не верноподданническую, но австрийскую в прямом смысле слова. В журнале «Двуглавый Орел» за № 1 от 2004 года содержится ответ г-ну Лукьянову от эрцгерцога Отто Габсбурга, который есть лишь часть трогательной переписки. Эрцгерцог Отто благодарен за слова поддержки со стороны Лукьянова и выражает идиотическую радость выродившегося потомка славного рода по поводу объединения Европы торгашей и либеральных

недоумков. Более того, оказывается, старик Отто стремился к такому объединению антитрадиционных сил в Европе всю свою жизнь. Какое же это безумие – содействовать в реализации проекта «Вавилонская башня-2» черни, которая разрушила Отечество твоих предков, отняла у них Трон и Корону! Сумасшедший Габсбург – это не единственная новая любовь Всероссийского Монархического Центра. У него теперь новые хозяева – герцоги Ольденбургские, за которыми Центр усматривает все права, – опять же опираясь на Закон о престолонаследии, на Российский престол.

Самое смешное, что все современные представители монархических европейских династий стали носителями самого примитивного буржуазного духа сытости и достатка. Все эти династии отныне лишь бижутерия на толстой шее буржуазии, и кроме презрения, которое они по справедливости заслужили уже от лидеров национальной Европы 30-40-х годов минувшего столетия, воистину ничего не заслуживают. Представители монархических семей в Европе давно похваляются своей идиотической приверженностью идеалам либерализма и демократии. А как же иначе? Без поклонения этим идолам в Европе нельзя жить сыто и спокойно. Из уст представителей этих фамилий нередко можно слышать и антимонархические высказывания. О том, кто такие все эти современные Габсбурги и Ольденбурги, нам еще предстоит особый разговор, сейчас же скажем о другом. Никакой истинной России мы не возродим, если в нас не умрет жалкий раб, пресмыкающийся перед умственно ограниченными мещанами Европы, носящими свои пышные титулы, как сумасшедшие носят пронафталиненную одежду своих предков, извлеченную из гнилых сундуков. Кстати, Ольденбурги тоже в восторге от единой Европы зажавшихся духовных плебеев. О каком истинном монархизме клевретов всяческих Габсбургов, Ольденбургов, раскосых богдыханов и подозрительно упитанных потомков сухощавого Кирилла Владимировича может вообще идти речь? У этих людей не может быть искреннего верноподданнического чувства вследствие утраты ими национальной гордости и Истинной Веры, которая не продается ни за титулы, ни за имена всяких претендентов на Высокий, не для них установленный, Святой Русский Трон.

А других, может быть, вразумит хотя бы следующий факт. В то время, когда мы искренне, с полным на то основанием, считаем, что вплоть до 1917 года у нас была Русская монархическая государственность, и даже представители немецких владельческих корон могли взобраться на наш Трон, только приняв Православие, т. е. хотя бы официально встав на путь добровольной русификации, то в немецкой исторической науке до сей поры можно встретить такое понятие, как Восточная Империя, но применительно не к Австро-Венгрии, а к России. Таким образом, немецкая историческая мысль сама себя обманывала, считая, что у немецкого племени есть три монархии: Прусская, Австрийская (Священная Римская) и Восточная. И в этом заблуждении, происходящем от непомерной гордыни, неоднократно униженной славным русским оружием, немцы пребывают во многом благодаря доморощенным холопам, поклонникам всего иностранного. И если у холопов, играющих в «цацку» либерализма, мода на все господское из обветшалых гардеробов Англии и Франции, то холопы роялистских привязанностей обожают все из шкапа Германского рейха, пусть даже и обноски.

Вернемся к записке Киреевского: «...русскому бывает так противно слушать, когда немец распространяется о своей преданности к Царю, – до чего немцы часто большие охотники при встречах своих с русскими. Русскому почти так же смутно на сердце слушать эти уверения немца, как ему тяжело слушать всегдашние уверения самых бессовестных и корыстных чиновников об их бескорыстном уважении к законам. В таких случаях русский простолюдин обыкновенно глядит на немца с каким-то печальным видом, как бы побежденный его превосходством, и никогда не входит с ним в состязание об этой любви к Царю, как бы вошел с ним в спор о том, кто отважнее, или кто сильнее, или кто крепче ударит кулаком, или кто дальше плюнет. Он нехотя похвалит его за добрые чувства, а внутренне желал бы оставаться один своего мнения. Ибо он боится этой наружной преданности немцев, смутно понимая, что за связью с ними таится и Самозванец, и Бирон, и вся насильственная ломка его старинных нравов и родных обычаев, и что отсюда бывает душевное стеснение его сердечных убеждений, не находящих себе прежнего простора в его родной земле. Правда, угнетения Петра, его презрение ко всему русскому, его раболепство перед иностранным русский простолюдин давно забыл. Немецкое правление Бирона давно уже вытеснило из его памяти все, что было иноземного и оскорбительного в петровских насилиях. Уже Елисавету встретил он радостно на престоле как русскую, как избавительницу от немецкого ига только потому, что она была не Курляндская и не Брауншвейгская, а дочь его прежнего Царя, не помня того, что этот Царь был Петр. Но зато теперь на презирающих его немцев и на зараженных ими господ своих слагает он всю вину своих бед и стеснений, надеясь на православного Царя как на сочувственного ему сына Церкви, и с нетерпением ждет того часа, когда немцы перестанут опутывать его своими лукавыми внушениями, от которых в его Отечестве устраивается образованность, противная его духу. Понятие о русском Царе и о немецком направлении так не могут связаться в уме русского народа, что даже память о Петре Федоровиче живет в его сердце, так как он лицо ему любезное и вместе враждебное существующему

порядку только потому, что Петр Федорович был Царь, а существующий порядок он считает немецким. Однако же несправедливо было бы думать, что нелюбовь русского к немцам происходит от его ненависти к умственному просвещению, которое через иностранцев приходит в Россию. Это клевета на русского человека, выдуманная иностранцами. Русский уважает науку и знание почти столько же, сколько не любит немцев, и даже если что-нибудь смягчает в нем нелюбовь к немцам, то это именно их превосходство в умственных познаниях. В незнании своем русский сам охотно сознается и без ложного стыда готов учиться у немца. Но ему противен тот чужой дух, в котором это просвещение к нему вводится, ему оскорбительно то иностранное клеймо, которое с него не снимается и вытесняет всякую русскую особенность. Русский простолюдин рад учиться у немца, чтобы быть умнее, однако же лучше хочет быть глупым, чем немцем. Русский образованный класс рассуждает иначе: он лучше хочет быть глупым ничтожеством, чем быть похожим на русского. Однако любовь к Царю и любовь к Православию и к России не потому только должны составлять одно, что русский простолюдин до сих пор не умеет их разделить, но потому, что они в сущности своей неразделимы... Потому и русского Царя не может любить человек, держащийся другого вероисповедания... Равнодушие к Православию... произвело бы совершенное разрушение всей крепости России».

Итак, свершилось. Немецкое засилье, постепенное превращение русского самодержавия в немецкий абсолютизм, отторжение русского народа от его элиты и от Трона, равнодушие к Православию не только немецких дворянских родов, но и предательство Веры со стороны русского образованного строя привели к краху России. При всем уважении к последним русским Императорам признаем, что весомую роль в охлаждении любви русских к своему Трону сыграло онемечивание династии и придворного слоя, ее и его вольная и невольная эмансипация от русского национального организма. Именно по этой причине невозможным является попытка восстановления в России монархического правления с опорой на старый Закон, приведший династию к такому состоянию отчужденности от русских коренных начал. Безусловно, семья последнего русского Царя волею Всевышнего была последним островком Святой Руси в ошалевшей от красного дурмана России. Но вот остальные члены династии оказались столь далеки не только от идеалов святорусских, но и вообще, потеряв всякое чувство самосохранения (что уже говорит о вырождении), предали саму идею монархической государственности, предпочитая борьбе за Царя и нерушимость Трона спокойную частную жизнь.

Опираясь на законы ушедшей в небытие исторической России, пытаться возвести на Трон представителей нерусских династий – преступное недомыслие причин нашей национальной катастрофы и кощунство по отношению к павшим борцам, воевавшим не за Учредительное собрание или за отупевших от безделья представителей европейских владельческих домов с безукоризненными равнородными браками между собой, мелкотравчатых немецких принцесс и принцев многочисленных родов, прожигателей богатства и славы дедов, а исключительно за национальную Россию, за русского Царя, за русское Отечество!

Сегодня только истинный и независимый русский монарх, не связанный с насквозь «промасонными» европейскими домами, не обязанный соблюдать их брачные правила, ведущие к псевдоаристократическому смешению и вырождению, может спасти Россию и сделать ее истинно Православной Монархией Последних времен.

Не стоит забывать и о похищении крови монарших родов. Начиная с XVIII века европейские евреи целеустремленно рождались со всеми европейскими династиями. Это была не просто попытка униженного племени получить некую социальную и психологическую реабилитацию. Все гораздо сложнее. На протяжении последних двухсот лет всеевропейской апостасии делалось все, чтобы к приходу еврейского мошиаха-антихриста в Европе не осталось ни одной чистой христианской династии, не повязанной узами родства с мировым еврейством. Именно из этой среды «оевреенных» монархических семей будут готовиться троны царей, которые поклонятся антихристу в точном соответствии со словами Апокалипсиса. Про родственный альянс Кирилловичей и еврейского семейства Кирби написано достаточно. Можно не сомневаться, что и все сегодняшние Габсбурги и Ольденбурги давно и крепко повязаны семейными узами с мировым еврейством. Как может русский православный человек, находясь в здравом уме, призывать эту публику на Святой Русский Трон? Вот загадка из загадок. Любопытно, что в то время, как знаменитым и наидревнейшим русским родам Рюриковичей, Гедиминовичей, Ратшичей путь в императорский дом был закрыт Законом о престолонаследии и поправкой от 1820 года Александра I, для евреев такая возможность оставалась.

В Дом Романовых можно было вползти напрямик через постель владетельной европейской особы, одарив своей кровью этот род, а через него – Романовых. Не секрет, что у ветви Романовых – Михайловичей в жилах текла еврейская кровь, и это отразилось, в частности, не только в бессовестном предательстве последнего русского Царя, но и в благожелательном отношении к безбожной революции. Более того, Императорский Дом был открыт не только всяким мелкотравчатым немецким

владельческим домам, но даже и грузинским родам. Князья страны, давно лишившейся своей независимости, никогда, даже во сне, не могли себя видеть равными царственным Рюриковичам. И вдруг нам утверждают, что Багратион-Мухранские – это потомки неких древних царей. Только таких царей на Кавказе было много в каждом ауле, и их ни при каких условиях не могли посадить за один стол с собой наши трезвомыслящие и гордые предки из древнего родовитого боярства.

Однако вернемся в современную Европу, где наши горе-монархисты ищут наследников на пустующий Трон Третьего Рима. Не стоит тратить много сил, чтобы доказать, что нынешние монархические браки в Европе по большей части морганатические. Но там это уже давно никого не смущает. Никто не ставит под сомнение законность таких союзов в монарших семьях. Немецкий закон о равнородных браках никогда не был для всей Европы обязательным к исполнению, а ныне и вообще забыт. Таким образом, даже если мы потщимся точно следовать павловскому закону, то вдруг выяснится, что подходящих под этот закон владетельных семей не только в Европе, но и вообще в природе больше нет. Все браки давно стали морганатическими.

Теперь вспомним о той страшной клятве, которую дал русский народ в 1613 году за себя и за всех своих потомков. Это клятва нерушимой верности роду Романовых!

Святой Царь Николай II и его семья были последним оправданием, в сущности, немецкого владельческого дома и династии, чтобы считаться царским родом Романовых. Мужская линия этого рода давно прервалась, но через таинство миропомазания на русское Царство православные Цари таинственным образом получали благодать Божию оставаться русскими Православными Государями, будучи по происхождению немцами и сохраняя всего лишь каплю крови Романовых.

И еще один немаловажный момент. Напомним, что в исторической России Рюриковичей не допускалось даже мысли о том, что Трон может занять женщина. Пример Византийской империи был строгим предупреждением Третьему Риму. Когда Трон в Царьграде заняла царица Ирина, это дало повод, причем вполне законный, Римскому Папе короновать Императором – а значит, и единственным законным наследником Римской империи – Карла Великого, что и привело к расколу империи не только в политическом, но и в духовном плане.

Фактически с кончиной Императора Петра II в 1730 году прямая мужская ветвь Романовых пресеклась, и дальнейшее наследование могло осуществляться только по женской линии. Родоначальником всех последующих Императоров-мужчин стал Петр III, сын Герцога Голштейн-Готторпского и дочери Петра Великого Цесаревны Анны Петровны. Закон 1797 года учитывал этот исторический факт. Система престолонаследия была заимствована у Австрийского императорского дома, а там она основывалась на праве мужского первородства с переходом наследования в женскую линию по пресечении мужской династической линии, что было неприемлемо для древних русских династических традиций.

В Европе далеко не все королевские дома придерживались подобного принципа. Закон этот закрепил определенную юридическую параномию в отношении прав наследования с православной точки зрения. Можно также говорить и о том, что клятва 1613 года должна была тогда же быть пересмотрена, так как русский народ, давая ее Дому Романовых, и помыслить не мог, что права наследования в этой фамилии могут перейти женской линии, что считалось абсолютно неприемлемым. Царь мыслился как живая «икона» Царя Небесного, поэтому ни о какой возможности женщине занимать Престол в таком понимании природы Царской власти и речи быть не могло.

Точно так же этот вопрос понимали и в семье последнего Русского Императора Николая II. Не случайно же Государь и Государыня настойчиво хотели сына-наследника, уже имея до него четырех дочерей.

Таким образом, мы можем считать, что только особые духовные дары, получаемые Императорами Свыше, через чин Миропомазания делали их в глазах русского человека законными наследниками Шапки Мономаха. Безусловно, личности Императоров, начиная с Павла Петровича, являют нам пример поистине чудесного преображения потомков немецких феодалов в истинно русских Царей. Но чудо духовного сродства и единства династии, давно изменившейся по крови, не может длиться вечно. На то оно и чудо.

С гибелью Царской семьи клятва 1613 года не может нами восприниматься столь же прямолинейно, ведь по русской традиции род продолжается только по мужской линии. При отсутствии духовно-преемственной легитимности русских Царей через церковное таинство помазания на Царство после Петра Великого и его дочери все остальные Российские Самодержцы почитались бы русским народом за представителей другой династии, и почитались бы справедливо! Это как будто чувствовали все представители фамилии в предреволюционной России, и не случайно: при общем оскудении их православной веры они неминуемо лишались и всяких законных прав на Трон Романовых. Но даже при всем этом отсутствие перед революцией политически мотивированных монархических убеждений во всей императорской семье, за исключением Кирилловичей, готовых

ради своего воцарения на предательство законного Императора Николая, удивительно.

Если мы чаем возрождения России на исконно православной основе нашей государственности, то не лишним будет и подчеркнуть, насколько Закон о престолонаследии в некоторых своих пунктах противоречил основам православной веры и ее традиционного законодательства. Например, он предусматривал расторжение брака, чем, несомненно, входил в противоречие с православной традицией бережного отношения к церковному браку. Вспомним, что по Закону немецкие княжны должны были перед венчанием принять Православие. Но перейти в Православие и исповедовать Православие – не одно и то же. И вообще чувствуется некий цинизм и неверие, когда поводом к смене конфессии выступает женитьба, то есть получение определенных житейских благ, перспектива которых позволяет легко расстаться с прежней верой. А была ли при этом вера? Может, честнее были те, кто оставался в протестантстве?

Ведь не секрет, что такой безболезненный переход многих немецких княжон в Православие был зачастую следствием общеевропейского религиозного индифферентизма. Мы не можем исключать элементы двуличия, при котором показное православие гарантировало дорогу к Трону. Подумайте, легко ли верующему человеку так быстро сменить веру, поменять Царствие Небесное на земной Трон? А ведь религиозные колебания на этот счет мы знаем только у последней Императрицы и ее сестры, не случайно ставших русскими православными святыми.

У их предшественниц этот вопрос решался как бы механически. Замаячила бы перспектива у какого-нибудь престарелого немецкого курфюрста посадить свою дочку на китайский трон Циней, и его чадо без особых волнений прошло бы обряд буддийского посвящения. Зададимся вопросом, сколь велики были шансы, что такая мать могла воспитать в своем сыне человека, понимающего, что есть Православное Царское служение во всей его мистической глубине? В том, что в России последние двести лет мы имели несомненно Православных Государей, опять же трудно не усмотреть чуда промысла Божиего, когда, казалось бы, события своим естественным ходом неминуемо могли привести к обратному результату. Крайне любопытно заявление современных адептов Кирилловичей, что в династическом смысле место Императора не может оставаться пустым никогда, независимо от того, имеет он в данный момент политическую власть в стране или находится в изгнании. Это классический пример монархического талмудизма. Трон Царю даруется Свыше через церковные таинства. Лишь одна династическая составляющая никогда и никого на Руси автоматически не делала Царем или Императором. Это еще один ярчайший пример того, что современный «легитимизм» давно не имеет ничего общего с исконным и традиционным монархическим правосознанием, неотрывным от Церковных преданий.

Безусловно, сам Закон о престолонаследии мыслился как основа нерушимости монархического принципа правления. Но его нельзя рассматривать только как закон, обеспечивающий определенные права престолонаследования за определенной семьей. Это противоречит самому принципу Царской власти, которая получает свою истинную легитимность не только по линии юридического законодательства, но в основном через церковное таинство миропомазания на Царство.

Нет, что ни говори, а исторический опыт последнего столетия не может нас разубедить в выстраданной истине. Только возвращение к своим исконным русским корням абсолютно и тотально во всем спасет Россию от исторического небытия. Через эту призму мы должны пересмотреть и наше отношение к знаменитым фамилиям ввиду проблемы восстановления Трона.

Многому может научить нас и опыт Испании по восстановлению монархии. Напомним, что философ Иван Александрович Ильин мыслил себе возрождение монархического строя так: сначала в России устанавливается жесткая национальная воспитующая диктатура, а затем диктатор призывает на Трон того, кому это будет указано самим Господом. Таким образом, монарх избегает участия в непопулярных политических мероприятиях диктатуры и нежелательного народного избрания как обычный республиканский, демократический президент.

Именно этим путем шел генерал Франко в Испании. Очень долго и тщательно он подбирал претендента на Трон. Хуан Карлос отвечал всем требованиям формального легитимизма, был молод, и генерал надеялся с возрастом увидеть в нем продолжателя его строительства христианской независимой Испании. Увы, генерал ошибся в своем выборе. Ни от чего не спасла и неоспоримая легитимность Хуана Карлоса. И вот уже, несясь впереди общеевропейского паровоза, в некогда строгой и великолепной христианской Испании чиновники-социалисты при молчаливом согласии монарха хотят узаконить гомосексуальные браки извращенцев.

Опыт Испании – это яркое свидетельство того, что формальная монархия в современном мире отнюдь не является гарантией того, что государство не совершится вселенской апостасией, не сорвется в пропасть попрания священных основ жизни и христианской государственности.

И еще раз о благородных фамилиях.

Неужели, гоняясь за буквой закона о владетельных домах, насквозь немецкого и

приспособленного под исторически сложившуюся мозаику Священной Римской Империи, мы будем тупо считать, что потомки славных Великих князей Рюрикова Дома были ниже по достоинству, чем владетельная особа немецкого пошиба, у которой в некотором царстве-государстве в подданных ходили садовник да повар, а при каждом чихе его сиятельные слюни летели на крышу замка иной владетельной особы? Или нас завораживает якобы царская династия Мухранских и прочих, чьи предки, скорее всего, гордо царствовали над целым аулом и отарой овец?

Мне скажут, что я обычный националист. Да, отвечу я, позволив себе некоторое высокомерие и пренебрежительный тон. Как русский человек, я с некоторым высокомерием смотрю на всех этих мелкотравчатых немецких принцев, прошлых и современных, уровень которых ниже всяких требований серьезной имперской работы, что было известно и самим же мыслящим немцам еще со времен Бисмарка. Да, я с чувством превосходства вззираю на всяких там инородных княжат и утверждаю, что великорусский земледелец и солдат был выше их по рождению одним фактом принадлежности к Великому Русскому народу. Без этого спасительного, но обязательно интеллектуально оправданного высокомерия нам нечего говорить о новой русской элите и аристократии, о Русском Троне. Мы так и будем под пятой иноземцев, меняющих наряды от генсеков и президентов до монархистов-легитимистов.

Легитимность и законничество в отрыве от вековых Церковных устоев и чисто русских монархических традиций есть худшее холопство плебеев на службе грядущего антихриста. Не забудем, что в старину в Европе значимость всех мелких немецких владельческих домов поднималась только фактом их родства с Романовыми. Сами по себе они были никем. А вот наши Рюриковичи были одной из самых древних и родовитых европейских династий. Еще в языческие времена предки Рюрика принадлежали к некоей священной династии балтийских славян, которую все иные славянские племена обожествляли и чей авторитет признавался всем славянским миром Севера, да и не только славянским. Святилище бога Святовита на острове Рюген, с которым династия, начавшаяся задолго до Рюрикова времени, была связана таинственными узами, почиталось и всеми соседними скандинавскими народами. Подробнее об этом можно прочесть в работах Геденова и у современного историка Серякова.

Нельзя нам забывать и то, что Русский Царь должен изначально расти и воспитываться в русской семье. Русский язык должен быть для него первым и истинно родным для формирования его первичной языковой личности в рамках определенной лингво-национальной самоидентификации. При других вариантах такой человек не сможет стать истинно русским. И если в эпоху Империи, когда живо было мощнейшее поле русской традиции, когда непоколебим был авторитет Церкви, можно было надеяться, и не тщетно, на неминуемую русификацию, при наличии желания, кандидата на русский Трон из любого немецкого захолустья, то в эпоху упадка и вырождения русскому народу нужен такой верховный вождь, который сам будет более русским, чем все мы, вместе взятые, – национальные калеки, пережившие советчину. Глубинный национальный русский архетип видит Государя не иначе, как богатыря на Троне или как святого. Прилежный мещанин на Троне глубоко чужд русским представлениям о неотмирной природе монархической власти.

Справедливости ради надо отметить, что за Кириллом Владимировичем ретроспективно должна быть признана определенная правда, о которой мы уже говорили и скажем еще раз, в его политических демаршах 1922–1924 годов. Действительно, зная, что более 80 % Русского Зарубежья – это убежденные монархисты, и понимая тот непреложный факт, что монархия – это не абстрактная общеполитическая доктрина, но она должна воплощаться в конкретной личности, он лично поднял знамя Русской монархической государственности. По большому счету, тогда, по разным веским причинам, никто не решался этого сделать вот так, напрямую. И шаг Кирилла Владимировича, шаг по принятию на себя определенного служения в качестве личной ответственности за судьбу Российского Трона, стимулировал само развитие монархического правосознания в эмиграции. Вообще говоря, Великому князю стоило бы остановиться на том рубеже, когда в 1922 году он объявил себя местоблюстителем Престола, и он вошел бы в анналы отечественной истории как безусловный нравственный лидер монархического возрождения. И может быть, его прегрешения перед Троном и святым Императором Николаем были бы ему прощены. Но Кирилл Владимирович пошел дальше, и, провозгласив себя самого Императором, он не только нарушил все законы о наследии Престола, но внес пагубнейший раскол в русское монархическое движение. Будучи непризнан всем Домом Романовых, вдовствующей Императрицей Марией Федоровной, женой Императора Александра III, всеми участниками Всезарубежного русского съезда 1926 года, он фактически поставил себя в оппозицию всей правой монархической части Русского Зарубежья. Никакого Божиего промысла в самопровозглашении себя Императором увидеть не удастся даже самым отчаянным «кирилловцам», зато от ленинского «керженского» мятежного духа здесь очень много. Это самопровозглашение шло вразрез вообще со всеми традициями Русской монархической государственности и находит себе

аналогии только в деятельности Лжедмитриев. Не случайно русские монархические круги после этого акта произвола сплотились вокруг фигуры дяди последнего Царя, Николая Николаевича. Пусть он также нес определенную вину за свою позицию в деле отречения Государя Николая Александровича, но зато всегда был любим армией, в том числе и за свои славянофильские убеждения.

Династия Романовых устранилась от Белой борьбы. В этом была правда. Гражданская война вроде бы не дело династии, но ведь давно не секрет, что это была не гражданская война в собственном смысле слова. Это была война честных русских патриотов с мировым интернационалом, а не с политическими противниками из другого русского лагеря. Война велась христианами против сил антихриста, против откровенных богоборцев, поэтому самоустранение династии из этой борьбы отнюдь не красило ее в глазах массы русских монархистов. Николаю Николаевичу это простили в силу его личной популярности у военных, но вот другим простить не могли. Отсюда у военной русской эмиграции, у правых кругов при всем их монархизме такое недоверие к оставшимся Романовым и к их претензиям на Трон.

И наконец, последнее для этой части. Перед Второй мировой войной правая русская эмиграция сплотилась около Владимира Кирилловича. Это был вынужденный шаг. Все понимали, что перед лицом грядущих эпохальных перемен необходимо единство и необходим символ этого единства. Справедливости ради надо сказать, что в тот самый момент Владимир Кириллович, не в пример многим иным представителям Императорской фамилии, четко и недвусмысленно исповедовал монархический идеал. Но увы – и он не оправдал надежд честных русских монархистов и своим браком с разведенной с банкиром Кирби женщиной полуеврейского происхождения, Леонидой Георгиевной, окончательно перечеркнул все надежды русских монархистов на объединение вокруг одного из возможных наследников Престола, которому уже были готовы простить грехи его деда и отца. Отныне при выборе кандидата в русские Цари наши взоры не могут вообще обращаться в сторону Кирилловичей. После всего того, что они вытворяли, начиная с Кирилла Владимировича с его революционным экипажем и не менее революционным предательством своего законного Монарха, после всевозможных нарушений царской воли последнего Императора, после совершенно преступного брака Владимира Кирилловича с женой человека, сопричастного к разрушению Русского Царства, взирать на эту фамилию как на претендентов на Святой Русский Трон абсолютно безнравственно. Этим мы попираем святую память Царя-мученика.

Принц Майкл, или обезьяний проект

В 1997 году мне уже приходилось писать еще об одном зловещем монархическом проекте для России. В частности, эта тема была освещена в альманахе «Лабарум» за 1998 год. Ей же посвящена замечательная статья В. Акунова и В. Карпеца в газете «Просветитель» за № 3 от 2005 года – издании опричного братства преп. Иосифа Волоцкого. Речь идет о том, что в кремлевских кулуарах вынашивается проект о реставрации Российского Трона под упитанный зад Майкла, герцога Кентского. Майкл Кентский официально является крупнейшим акционером международных нефтяных компаний, а неофициально занимает видное место в табели о рангах среди виднейших масонов современности. Все это делает его человеком, весьма заинтересованным в таком «аппетитном» проекте. Определенная кощунственность здесь усматривается даже на символическом уровне. По древним православным преданиям, род Романовых начался Михаилом на Троне Российском, Михаилом же и закончится. Библейские пророчества о спасителе народа Божия Михаиле только усиливали веру православных людей в возможность воскрешения истинно православной монархии в России под скипетром Михаила II. Ужели чаемым избавителем окажется Майкл-Михаил? Издевка, достойная дьявола – обезьяны Бога. Поистине обезьяний монархический проект. Такого ли спасителя чает православный люд?!

Но здесь важно отметить и некоторые существенные детали. Во-первых, Майкл Кентский на удивление хорошо говорит по-русски. Не хуже некоторых депутатов Государственной думы. Спрашивается, зачем он столь хорошо и добросовестно учил язык, который для среднего европейца есть «китайская грамота»? Видимо, сам проект «Майкл Кентский = Михаил II» готовился давно, и не в границах бывшего СССР. Безусловно, сей проект – альтернатива «кирилловским» притязаниям. Спрашивается, почему? Да, видимо, на Западе уже давно стала понятна вся смешная мелкотравчатость этой публики, на фоне которой холеный аристократ Майкл выглядит много солидней. Но само появление подобных проектов есть прямое следствие деятельности потомков Кирилла Владимировича, чья дутая легитимность на весах мировой закулисы оказалась много легче легитимности Майкла Кентского. Так что и этот псевдомонархический антихристов проект, подробнее описанный нами во вступлении к данной книге, на совести «императрицы» Марии и ее матери Леониды. Хотя, конечно,

им с этим согласиться очень сложно по причине общей политической неадекватности вышеозначенных особ.

Рыцарская Монархия

Итак, для преодоления современной постсоветской бесформенной и политически импотентной Эрефии нам нужен не просто некий царь-государь типа болгарского Симеона, или румынского Михая, или Майкла – короля бензоколонок, озабоченных проблемами уютного европейского общежития, но истинно русский национальный вождь. Более того, прежде всякой монархии нам нужен именно национальный вождь. Можно спорить, кем он должен быть: русским Наполеоном или русским Хомейни, ведь задачи, которые встанут перед ним, потребуют от него быть и Наполеоном и Хомейни в одном лице, и даже более того. Он должен будет водить русский народ в «Синайской» пустыне, пока не вырастит принципиально новое духовное поколение, способное во всей полноте воспринять монархизм как неотъемлемую часть Церковного предания. Только после испепеляющего жара пустыни из глины и навоза современного постсоветского русскоязычного этнографического материала может блеснуть металл новой аристократии Последних времен, готовый к последнему Крестовому походу за Троном для Русского Царя.

Диагноз для подавляющего большинства наших соотечественников сегодня – духовная кома. Духовная же стойкость – удел единиц. Истинный природный русский монархизм далек от проблем сегодняшней политической жизни. Он вне ее. Он не может быть с ней связан по причине инаковости своей природы. Монархическая идеология – это всегда – ныне и до скончания века – таинственная и нерушимая связь крови, веры и почвы. Сегодня монархическая реставрация в России, коли такая случится, на радость «кирилловской братве», будет являть собой, прежде всего и только, окончательную смерть русского монархического идеала. Более жестокой исторической пародии в стране миллионов, погибших за Веру, Царя и Отечество, себе даже сложно представить. Царь во главе продажной постсоветской бюрократии станет вернейшим союзником всех антитрадиционных, антихристианских сил в мире. Лучшего подарка для антихриста и не помыслить. России жизненно необходима духовная и национальная революция в душах и умах, и только после, если будет на то воля Всевышнего, мы можем надеяться заслужить Монарха. Механическая монархическая реставрация без деятельного покаяния в жестком режиме национальной терапевтической диктатуры сегодня будет очередным и самым непростительным вызовом Богу, после которого наступит наша государственная и национальная смерть.

В этой связи не может не настораживать активная деятельность «кирилловских легитимистов», которые ныне «кучкуются» в многочисленных дворянских собраниях столичных и уездных городов. С одной стороны, крайне умилительно смотреть, как бывшие советские интеллигенты, неудачники и физически ущербные люди, представляющие собой продукт всевозможных смешанных браков, в результате которых в СССР ожидали появления на свет советского человека (и таки дождались!), тужатся изображать из себя утонченных аристократов, каковых они видели в фильме Бондарчука по роману графа Толстого «Война и Мир». Самое смешное и горькое – это их пышные титулы и бесконечные награждения орденами друг друга. Не получили, видимо, достаточно наград при Советах, – наверстывают.

Россия распята, Царство в руинах, а они инфантильно резвятся на балах-маскарадах. Забыли, оболтусы, что аристократ только тот, кто с оружием в руках отбивает свою родину у духовных наследников каганата и орды. И эти шуты гороховые, постсовковые ничтожества, прихвостни любой власти, сидящей за кремлевскими стенами, имеют наглость называться российским дворянством! Но, с другой стороны, понимаешь, что многих этих «дворянствующих» придурков пытаются использовать втемную или открыто те силы, которым чужды всякие безобидные игрища в дворянство и цели которых прагматичны и жестоки.

Крайне знаковым моментом является и чрезвычайно крепкая спайка легитимистов и региональной бюрократии. Продажность и лукавство второй не пугают первых, а глупость первых не смущает вторую. Примечательный факт: в одном из «Вестников» московского дворянского собрания целая полоса посвящена поздравлениям с очередным юбилеем одного высокопоставленного церковного лица. Ничего предосудительного в самом этом факте нет: поводом к нему послужило якобы дворянское происхождение последнего. Удивительно, как это происхождение помогало вышеупомянутому иерарху находить общий язык с советскими властями, всегда непоколебимо оставаясь на вершине властной пирамиды. Впрочем, таких примеров из советской действительности мы можем привести еще несколько. Особенную пикантность данной дружбе монархического дворянского собрания (или, вернее, «fan club» Марии Владимировны и ее сына Георгия) с иерархом

придает отношение последнего к самой монархической идее.

Автор был свидетелем примечательного события. В 1999 году в Белоруссии, в городе Крайске, стараниями местного священника был восстановлен храм Святителя Николая. Священник являлся искренним ревнителем памяти последнего Императора и просил правящего архиерея освятить вновь отстроенный храм в честь святых Царственных мучеников. На эту просьбу он получил жесткий отказ, однако затем случилось нечто странное. Владыка приехал утром в Крайск и, к радости собравшихся, освятил храм двумя антиминомсами в честь святителя Николая чудотворца из Мир Ликийских и Царя Николая со всем его святым семейством. По поводу столь радостного события была устроена праздничная трапеза. Когда священник благодарил владыку за то, что тот пошел навстречу его просьбе, тот неожиданно строго прервал его и возгласил, что реабилитация Церковью семьи **граждан Романовых** отнюдь не означает реабилитации монархизма, и строго обвел собравшихся взглядом комиссара, заподозрившего революционную измену. Конечно, ныне таких владык в России меньшинство, и самым пикантным во всей этой истории является странная дружба дворянского собрания Марии Владимировны именно с владыкой-антимонархистом.

Все это заставляет предположить, что они каким-то образом нашли общий язык по иным вопросам, и принципиальный антимонархизм владыки не смущает принципиальных до истерики «легитимных» монархистов кирилловского разлива. Кто-то из них поменял свои взгляды на традиционную монархию в России. Думаете, владыка? Очень сомнительно. Иначе откуда в среде дворянского собрания такая искренняя любовь ко многим нынешним и недавно ушедшим властям предержащим, чиновникам самого высокого ранга, обеспокоенным отнюдь не возрождением Отечества, но обслуживающим американский доллар, укрепление которого в мире и падение Русского Трона – суть события взаимосвязанные.

Вообще дворянские собрания в России обеспечили себе сытую жизнь не только дружбой с властной элитой и пресмыкательством перед недавно ушедшим на покой «всемирно избранным». «На местах» дворяне успешно и не без пользы дружат с местной бюрократией. Легальное существование прокирилловских дворян куплено ценой поклонения любой местной власти, поклонения добровольного и принудительного, просто за блага мирские. Можно догадаться, что им мерещатся за восстановлением Трона с тушкой Марии Владимировны на нем – горы золотые. Что это, если не духовная капитуляция и предательство исторической России? Как можно дружить и уживаться с наследниками тех, кто сокрушил святой Русский Трон? Что может быть общего у этих продажных шутов с истинным аристократизмом, в коем воинская непоколебимость в истине и личное мужество есть наиглавнейшие условия?

Важным моментом для понимания того, что представляет собой сегодняшнее дворянское движение легитимистов «кирилловского пошиба», является большое количество представителей еврейской национальности в их рядах. С одной стороны, ничего удивительного тут нет. Запахло деньгами – не очень большими, но дармовыми, и тут как тут «вечные дворяне золотого тельца». Их в этом и обвинять нельзя, это у них в крови. С другой стороны, мы являемся свидетелями конца того процесса, который начался еще в XIX веке, о чем писалось выше, когда богатые представители еврейства целенаправленно похищали «голубую кровь» сначала у представителей королевских династий, затем у высшей аристократии, а затем и просто у всех дворянских родов.

После революции в России среди еврейских комиссаров одно время считалось высшим шиком взять себе в жены не успевшую убежать, голодную и запуганную аристократку. Крайне показательно, что большинство нынешних членов дворянских собраний ведут свою «дворянскую» родословную исключительно по женской линии.

Легитимизировать свое высокое дворянское происхождение от «дворянской прабабушки» они пытаются через навязывание нам признания Георгия Гогенцоллерна в качестве Романова, ведя его родословие по материнской линии и стыдливо умалчивая об отцовской, вполне реальной, с наследственными правами на Германский престол.

Теперь у нас, да и в Европе, осталось крайне мало аристократических родов, с кем еврейство не смогло бы породниться. В основном это касается мелкопоместного уездного дворянства и их чудом уцелевших в России потомков. Дьявольская операция по внедрению евреями во все королевские дома и славные фамилии своей крови сейчас закончена. Отныне они застрахованы на случай возможных монархических реставраций от любых случайностей национального возрождения народов под водительством истинно национальной аристократии. Таковой более нет, и доказательством тому – специфическое лицо современного постсоветского российского дворянства.

И вовсе не случайным выглядит прискорбный факт того, что их «императрица» Мария Владимировна на всех официальных фотографиях и на официальных приемах появляется неизменно в глубоко декольтированном платье и всегда без креста. Этот факт мы не устаем повторять по той простой причине, что в нем фокусируется вся глубина отпадения от православия и русскости этой

династической ветви Императорского дома. При этом и она, и ее сын ничтоже сумняшеся объявляют себя хранителями истинного благочестия и чуть ли не гарантами его сохранности. Достаточно прочитать интервью Георгия Михайловича, данное им российским газетам по поводу своего 25-летия. Каково дворянство, такова и императрица. Или лучше скажем так: «Каков проект высшей знати золотого тельца, таково и его ручное дворянство с декоративными монархами». Удивительно, почему же многие иерархи нашей Церкви не видят очевидного и водят странную дружбу с этим семейством?

Читатель может подумать, что мое злобствование касательно наших маскарадных дворян вызвано некой сословной завистью. Ничего подобного. В отличие от подавляющего большинства нынешних дворян по бабке, которая «согрешила с собакой-водолазом», автор сих злобных выпадов является потомком одного из древнейших в России родов, и притом по прямой мужской линии! Однако называться дворянином Российским нынче это не дает никакого права.

Для автора гораздо важнее не то, что в его роду были дворяне или крестьяне, а то, что все достоверно известные ему предки, а их немало, были великороссами. Если в России и будут еще дворяне, то только те, кто подвигом всей жизни во имя России православной докажет за собой право на столь почетный титул, и никак иначе! И совершенно без разницы, были ли в роду у них дворянские предки или нет.

Столь безрадостная картина современного монархического движения нисколько не отменяет самой возможности, пусть даже и в плане политического, да и не только, чуда воскресения исторической России и монархической государственности. На вопрос, как, когда и кем будет произведено это чудесное действие, нет прямого ответа. Не банальные слова, но самая простая для понимания истина заключается в том, что как великая государственность, так и монархический строй рождаются и умирают, прежде всего и раньше всего, в душе каждого отдельно взятого человека. Если сегодня Иванов решит про себя, что отныне он живет в исторической России, что он гражданин Православной супердержавы, если восстановит в себе, не без определенного духовного и интеллектуального усилия, монархическое правосознание и всей душой возжелает в России Царя Православного, и это свое решение он будет гордо нести по жизни вопреки тому, что кругом него иная политическая реальность, а его самого считают чудачком; если завтра его друг Петров вдруг перестанет над ним смеяться и, подивившись его твердости и смелости бросить вызов всем и победить, последует его примеру, то воскресение Православной России началось. И воскресение это может стать быстрым и неожиданным, как весенняя гроза. Смешно даже думать, что нынешний трухлявый мировой порядок под эгидой США сможет ему противостоять, если к Иванову и Петрову присоединится Сидоров. Нерушимый СССР рухнул всего лишь от того, что эти трое, не сговариваясь, более не пожелали жить в нем. Если они сговорятся стоять за монархию в России вместе и до смерти, то они будут втроем сильнее, чем все рыхлое, мещанское сообщество Эрефии с банкирами и олигархами. Монархическая и национальная Россия еще не воскресла только потому, что Иванов, Петров и Сидоров трусят сделать решительный шаг вперед. А ведь достаточно первого шага с упованием на помощь Господа, и невероятное станет политической реальностью перед изумленными глазами сытого за наш счет «цивилизованного» мира, которому казалось, что он давно застрахован от подобных «неприятностей», заплатив за свой страховой полис огромной суммой зеленой ровно нарезанной бумаги и кровью наших дедов и отцов.

Как видим, механизм прост, и не надо никаких террористических актов. Нужна воля и смелость отдельного человека жить в иной реальности и не принимать ту, которую ему навязывают. Но свою правду нужно отстаивать с кулаками. Многократно повторенный хук в челюсть бюрократа с обещанием и впредь вести с ним диалог на повышенных тонах сделают больше, чем закупка оружия и метание бомб. Достаточно просто в рамках закона бить морду чиновникам, отстаивая свое право на Родину, и национальная революция, в невозможности которой свято уверены большевики и меньшевики, либералы и укорененные в безмятежном воровстве бюрократы всех мастей, свершится.

Главный враг русского народа – это не орды с гор и не «банковский» этнос, которого в России, по официальным данным, осталось всего 230 тысяч персон, а его собственные предатели, с которыми надо вести непримиримую борьбу. Никакой национальной вражды, никаких еврейских погромов, просто раздави трусливого мещанина в себе и в ближнем, и Россия станет национальной. Все очень легко и одновременно – почти невозможно. Вырождение народа нашего зашло так далеко, что на подобные поступки (и ведь невесть какое геройство) способны считанные единицы. Так что уповать нам приходится и на чудо, однако вера в чудесное преображение русского народа даже на краю могилы нас не покидает и покинуть не может.

Святые старцы, видевшие крушение России и моря русской крови, предсказывали, что по милости Божией она возродится в последние времена. Перед глазами этих старцев были страдания и кровь миллионов людей. В такое время кажется невозможным жить, а они верили и веру завещали нам. Веру в последнее и славное наше Воскресение. Нам ли малодушничать, когда перед нами не

озверевшие комиссары в пыльных шлемах, а трусливая чиновничья сволочь, которая из страха предаст и своего высокого покровителя, и свои коммерческие интересы, и вообще все, что угодно. Святые духоносные отцы предсказали, что если мы только найдем в себе смелость сделать первый шаг навстречу уготованной нам исторической судьбе, то Господь дарует нам Государя, который таинственным образом будет происходить по женской линии из дома Романовых, что вновь свяжет нас с поколением наших предков, давших клятву в 1613 году, в единый народ перед лицом Всевышнего.

Почему же Государь должен будет только по матери происходить из дома Романовых? А кто же будет его отец? И какому роду наследует грядущий Монарх по мужской линии? Сие есть, несомненно, провиденциально скрытая от нас тайна. Впрочем, на некоторые недоумения можно найти ответы, если исходить из того, что для Божественного замысла о нашем народе важна, насколько нам дано судить, не просто реставрация монархии на территории России, но восстановление пред приходом антихриста в качестве духовного маяка истинно Православного Царства, где основным Законом будут не законодательные акты, собранные в увесистые тома, но единственно Закон Божий.

И, обращаясь к Священному Писанию, мы вполне можем усмотреть тот единый Божественный архетип установления царской власти в народе Божиим, данный нам в Откровении. В Моисеевом законодательстве читаем: «Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой дает тебе... и скажешь: „поставлю и над собой царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня“, то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев своих поставь над собою царя...» (Втор. 17, 14–20).

Итак, Господь Бог предъизбирает народу своему Царя, и Царь тот будет по крови из народа того. Для нас здесь важнейшие указания на действительно таинственное появление Царя, который будет выбран не прямым голосованием Земского собрания или еще какого-либо органа, не будет механически наследовать Романовым, но будет по матери связан с сим родом, а по крови – несомненно русским человеком от «среды братьев наших»! В этом видится одно из неперменных условий возрождения истинной монархии в России. Грядущий монарх должен не только по духу, но и по крови быть русским. Так мы распознаем истинного Царя.

Как тут не вспомнить мистический роман генерала Петра Краснова «За чертополохом». Там грядущий русский Царь, носящий славянское имя Всеволод и отчество Михайлович (что прямо связано с предсказанием о том, что грядущий Царь будет Михаилом Вторым, как бы замыкая исторический круг правления Романовых, начатый Михаилом Первым), появляется с Тибета, где Тибет есть, несомненно, символ некоего тайного и недоступного места. В этом фантастичном пришествии из таинственной страны, страны горной, если не прямо Горней, приоткрыта нам, возможно, сокровенная тайна пришествия грядущего Царя из чертогов Небесной Руси. А в имени молодого Царя у Петра Краснова нам видится чудесный символический смысл.

Его славянское имя, соединяясь с родовым отчеством Романовых, предвосхищает мысль о несомненной русскости последнего Монарха.

В фантастическом романе современной писательницы Елены Чудиновой «Ларец» таинственный Русский Царь есть потомок сына Василия Третьего и Соломонии Сабуровой, родившегося в Покровском монастыре Суздаля и тайно увезенного оттуда. Факт этот имеет под собой историческую реальность. Теоретически можно представить, что потомки этого сына от законного брака Государя всея Руси с бедной Соломонией дожили до наших дней. Писательница приводит нас на Алтай, где среди староверческих скитов прятались потомки законного наследника престола Московской Руси.

Опять недоступная горная страна. Что это: плоды изысканной писательской фантазии, помещающей своих героев в малодоступные регионы земли для удобства и правдоподобия изложения своих захватывающих, но лишь воображаемых событий, или, быть может, авторы вполне неосознанно доносят до масс отблески еще непостижимой для нас сокровенной реальности? Тем более что поиски сокровенного монарха не чужды исконной православной традиции, сохраненной у старообрядцев.

Еще раз вернемся к книге Юрия Соловьева «Могила Рюрика и возвращение государя», где автор настаивает на том, что Рюрик, погребенный под сопкой на реке Луге, есть прямая историческая аналогия скрытого монарха, по типу короля Артура, спящего на острове Авалон, короля Карла и короля Фридриха, спящих в недрах священных для немцев гор. И ведь не случайно же, по легенде, вместе с Рюриком были захоронены 12 его верных витязей. Чем же это не двенадцать рыцарей Круглого стола короля Артура? Безусловно, божественный архетип числа двенадцать берет свое начало от двенадцати апостолов Спасителя. Тем важнее для нас указание на то, что у легендарного разбойника Кудеяра, по преданию, было двенадцать разбойников-подельников, а ведь именно в Кудеяре видели наши предки сына Василия III и Соломонии Сабуровой. Может быть, действительно двенадцать рыцарей, будто двенадцать месяцев из сказки, сторожат время у одра спящего монарха, наследника священного Рюрикова рода?! Возвращаясь к нашим староверам, хочется напомнить читателю, что вот уж более тысячелетия ищет христианская Русь потаенную страну Беловодье, где, по

древним преданиям, сохранилась истинная Церковь в первозданной чистоте, ждущая Второго и славного Пришествия Господа и имеющая во главе непорочных епископов древнего благочестия со времен апостольских.

Ищут и находят! И речь здесь идет не только о таинственном скрытом граде Китеже. Во второй половине XIX века священник Аркадий объявил старообрядцам Приуралья, что он посетил сокровенную страну Беловодье в Индии.

Но для нас особенно ценно другое сообщение из старообрядческой среды. Солдаты из староверческих семей, вернувшись из Персидского похода 1826 года, рассказывали о Святой Церкви, хранимой Христом до Второго Пришествия, и о **таинственном царевице из рода Романовых**, сыне Алексея Михайловича, который со стрельцами и казаками ушел в сокрытие и основал в Персии свое святое царство, верное Христу. Не в этом ли свидетельстве черпали свое вдохновение Петр Краснов и Елена Чудинова?

Как бы то ни было, ясно одно. Будущего Царя предъизберет Господь из среды истинно верных ревнителей Православия, имеющих по мужской линии родство с Романовыми, а может быть, и с Рюриковичами. Тогда такой Царь, объединив в себе две царственные фамилии, две династии, действительно станет Монархом конца исторического цикла, в полноте заключая в себе все права на священный Трон Святой Руси.

Крайне сомнительно, что последний Романов будет как-то связан со всеми сегодняшними Романовыми, живущими в «Европах». Он скорее возникнет из некоей потаенной линии этого святого для нас рода. Более чем вероятно, что Русский Царь не появится на современном политическом небосклоне. Он не может быть продуктом современной политической системы. Он будет вне системы.

Действительно, православному человеку должно быть очевидно, что Русский Царь появится не из аристократических салонов и тусовок Европы и Америки. Он может и должен быть укрыт до времени под видом самого обычного и неприметного человека, и **не обязательно непременно живущего среди людей!** Неприметного до поры.

Он может прийти с Тибета, из Сибири, но он точно не будет ангажированным европейским франтом с безукоризненными манерами аристократа в рыбном ресторане и мещанина в жизни, довольного собой и сытой жизнью в тупом и удобном современном мирке манкуртов.

Русский Царь, как нам предсказано, будет человеком истинной веры и сильной, негибимой воли. Он будет истинно русским человеком, таким, каким вслед за ним должен стать каждый из нас. Без сомнения, он будет происходить от Романовых по женской линии, да не отменится клятва предков наших 1613 года за себя и за нас, их потомков. Ожидание такого Царя не есть пассивный процесс. Он появится тогда, когда будут готовы к этому его потенциальные верные подданные, чье объединение в современном обветшалом мире упадка не мыслится вне орденских структур. Орденская идея заключается в том, что, в соответствии с древним византийским чином венчания на Царство, с Василевсом совенчались и высшие сановники Империи, как бы разделяя меру царского служения, являясь мистической и социальной опорой Трону, Богом помазанной элитой – хранительницей монархической государственной идеи как неотъемлемого Церковного предания, и имеющей юридически обоснованное право признавать легитимность монарха и его наследника и свидетельствовать о ней.

Вот задача современного русского ордена – подготовить монархическую элиту, которая, может, и не будет возглавлена в будущем Царем земным, но уже возглавляема Царем небесным и имеет на небесах своего предстоятеля – царя Николая Александровича.

Не наше право взвешивать возможность появления Царя, но наша прямая обязанность его всячески готовить. Задача этого последнего рыцарства есть сборы в поход за Троном. Как и древним искателям чаши Грааля, нам не гарантирован успех, но не отправиться в этот поход для нас – бесчестие и предательство.

Да и поиски чаши Грааля из некой метафоры древних времен европейского Средневековья могут неожиданно стать для нового русского дворянства самой актуальнейшей реальностью. Ведь, по предсказаниям духоносных отцов, может наступить тот день, когда большинство иерархов на наших глазах уже совершенно отпадет от Православия. Вопрос о причастии святой Крови станет для нас столь же жгуче актуальным, как и для паладинов древности, взалкавших Вечной Жизни через приобщение Чаши.

Таким образом, Крестовый рыцарский поход за святыней станет для нас вскоре не только красивым символическим образом из древней легенды, но живой мистической потребностью нашей религиозной жизни. И это не случайно. История христианских этносов Европы со всеми ее историческими битвами и исканиями, легендами и символами найдет свое смысловое завершение в последнем Русском Царствии. И тогда станет ясно, что повышенный интерес русских интеллектуалов к легенде о Граале в последнее время есть не просто праздный интерес исследователей тайн, но

предчувствие того, что всем тайнам суждено раскрыть свой истинный сокровенный смысл через финальный этап Русской истории, истории Христианской цивилизации, даровавшей народам путь к Спасению.

История свершается не ради династий. Субъектами истории являются народы, которые и предстанут на суд Божий, как сказано в Писании! Приход последнего Царя не станет актом некой исторической компенсации роду Романовых. Царь придет исключительно и только ради одной цели – чтобы русский народ смог выполнить до конца возложенную на него Свыше тяжелейшую историческую миссию.

Для того чтобы наметить этапы нашего Крестового похода за Троном, необходимо определиться с историческими ориентирами и начать с того момента, когда историческая Россия рухнула в бездну. Прежде всего мы должны отметить, что монархическое правосознание в России к 1917 году было почти на нуле. Много говорилось и писалось о том, что 2 марта 1917 года в России, возможно, оставался единственный человек, кто понимал священные основы монархической государственности. Им был святой Государь Николай II.

Скажем и о другом. Во время Поместного Церковного Собора в 1917–1918 годах не только не поднимался вопрос о покаянии за предательство Царя своим народом и всем священноначалием, но и вообще не обсуждался вопрос о восстановлении монархии. Все будто забыли о присяге законному Государю, все забыли, что монархическая государственность есть неотъемлемая часть Церковного предания и что февральская революция была совершена масонскими антихристианскими кругами. Забыли или не хотели вспоминать?!

Как бы то ни было и сколько бы споров ни велось вокруг церковных дел, нам необходимо помнить, что грех отступничества от помазанника Божиего русским народом начался с предательства 1917 года всеми сословиями русского общества, всеми иерархами, даже и Домом Романовых законного Государя. И грех этот не был до конца изжит ни Зарубежной Русской Церковью в 1981 году, в момент канонизации Царской семьи, и ни Русской Церковью Московского Патриархата и поныне. Грех этот будет довлеть над народом русским вплоть до полного покаяния, коим может быть только восстановление Трона Православных Государей.

Воскрешение истинного монархического правосознания у части русских людей началось только в 1921 году на съезде в Рейхенгалле, в Германии, где был основан Высший Монархический совет как правопреемник законной власти исторической императорской России.

Безусловно, монархическое знамя никогда не падало из рук русских людей. В мае-июне 1918 года священник Павел Флоренский в Сергиевом Посаде пишет работу о священных принципах монархической власти, за которую в те годы могли расстрелять на месте. В годы Гражданской войны знамя это держали истинные и непреклонные монархисты: генералы Келлер, Краснов, Кутепов, Дитерихс. В 1921 году издает свой знаменитый приказ № 15 Роман Федорович Унгерн фон Штернберг. Его азиатская дивизия шла на восстановление попранного Русского Трона под желтым императорским штандартом с ликом Христа и монограммой грядущего Царя Михаила Второго. В определенном мистическом смысле этот приказ касается всех современных истинных русских монархистов и не отменим до восстановления Трона. В этом же смысле наш «дальневосточный поход» продолжается.

Последним правовым актом Российской Империи принято считать Земский собор 1922 года в Приморье, проведенный усердием генерала Дитерихса. Собор определил дальнейшую судьбу России: когда русский народ вновь отвоюет свою Родину, то Земский собор утвердит на Троне законного Русского Государя. Иного не дано.

Всезарубежный съезд в эмиграции в 1926 году подтвердил принципы восстановления исторической государственности в России, принятые на Соборе в Приморье. Запомним, 1921, 1922 и 1926 годы – вот вехи восстановления нашего истинно православного понимания священных основ Русской монархии и путей ее нового обретения. Безусловно, реализация этих решений может произойти только в случае чудесного воскресения исторической России, после чего Земский собор должен быть созван с единственной целью – подтвердить права законного Государя и дать клятву новому Царю, которого Господь воздвигнет над русскими, от лица всего народа. Земский собор не может работать, как либеральный Избирком. Никогда и никого выбирать для трона он не должен и не может – у него нет таких полномочий. То, что они делегируются депутатам Свыше, – чудовищное заблуждение. Если такой опыт провести сегодня, как то советуют некоторые ретивые «соборники», то можно себе представить, какого Царя выберут бывшие секретари обкомов и горкомов! Царь в современной России возможен только милостью Божией и исключительно в плане сверхчуда, по молитвам наших святых и нас с вами. Но Земский собор должен соборно признать его и призвать на Царство. В этом сокровенном акте реализуется священное единство земли и Царя.

Вот суть современной монархической идеи, на платформе которой от начала стоял Российский

Имперский Союз-Орден, успешно работавший в Русском Зарубежье. На этих же началах поднялась и окрепла монархическая общественность в современной России. Рыцари монархической идеи в своем совершенном виде, сформулированном для грядущих поколений И.А. Ильиным, всегда остаются верными священному русскому политическому идеалу, выраженному в нашем святом, по словам свт. Феофана Затворника, трехцветном знамени, символизирующем сию идею через триединую формулу: Православие, Самодержавие, Народность.

Мы остаемся верными бело-сине-красному флагу, который, в соответствии с волей последнего святого Императора России, остается единым символом русского народа. Последний указ касательно использования флагов в торжественных случаях Государь издал 11 сентября 1914 года, и в нем предписывалось использовать исключительно бело-сине-красный флаг. Совсем не случайно мироточивая икона Государя имеет рамку именно этих национальных русских цветов.

Все здоровые монархические силы России, разделяющие истинную белую монархическую идею, свободную от желтой примеси «кирилловщины» и «красного» уклона в части соборного движения, должны объединиться под единым священным монархическим символом орденского служения нашей исконной православно-государственной идее.

Бело-сине-красный стяг с золотым византийским двуглавым орлом неповторимого иконографического типа последнего имперского периода, завещанного нам двумя последними Русскими Государями, да будут символом крепости и нерушимой верности нашей священному знамени монархического идеала, завещанному нам предками в первозданной лучезарной чистоте, который мы обязаны или укрепить около высокого Русского Трона, или передать нашим потомкам.

Глава IV. Орденская Русь

Попытка, опираясь на мысли, высказанные в частной переписке Л.А. Тихомирова и К.Н. Леонтьева, смоделировать синтез их идей и современного расклада социальных и политических сил в России, творчески осмыслить принципы идеи орденского служения священным государственным основам Православия и самодержавия в национальной России и возможности претворения их на современном этапе в политическую практику нашей жизни

Русская Элита

Мы живем во время, когда результатом духовной апостасии может стать окончательная гибель уникального национально-религиозного идеала, рожденного духовным гением русского народа, – Святой Руси!

На заре нашей истории носителями этого священного идеала были князья Рюрикова Дома, давшего Церкви величайший сонм святых – богатырей веры и духа, а также дружинники первых русских князей.

Военный слой молодого государства был его духовной элитой. Военный слой оставался духовным стержнем России до страшных дней февраля 1917 года. Это своеобразный национально-государственный код исторической России.

Символично для истории Отчизны, проведшей две трети исторической жизни в войнах за национальную и духовную независимость, что именно люди с мечом были первыми и самыми верными носителями идеала Святой Руси вплоть до времени великой Белой борьбы с большевизмом.

Наш современник, мыслитель и историк И.Г. Лавриненко писал в работе «Царь-рыцарь Павел I и обновление элиты»: «Как известно, первая аристократия появляется в боях и сражениях на заре времен, периодически включая в себя самых достойных сынов Отечества, рожденных теми или иными историческими эпохами. Однако, однажды появившись, давая начало родам, называемым благородными, аристократия не должна мумифицироваться, не должна терять тот дух, который ее создал. Аристократ должен быть готов каждую минуту пролить свою кровь и даже отдать жизнь свою за то, что выше жизни: за свою Веру, за своего Государя, за свое Отечество. Каждый аристократ должен постоянно подтверждать свой аристократизм, свое благородство, постоянно должен быть готов к бою. Короче говоря, он должен быть достоин своих предков. Потомок благородных родителей, не способный делом подтвердить свое благородство, есть псевдоаристократ, есть выродец».

Закономерно, что на протяжении всей европейской, и не только, истории аристократия рождалась, жила и возобновлялась исключительно в воинском строю. Такова ее природа. Только воинский строй есть гарантия того, что аристократия страны останется живым сословным органом,

элитой государства и народа. Однако, кроме природного измерения, у аристократии есть и сверхприродные свойства, игнорировать которые мы не можем. Не в качестве отрицания, но как необходимое дополнение к вышесказанному процитируем замечательного философа-традиционалиста Юлиуса Эвола, к чьим мыслям относительно орденской организации национальной элиты мы обратимся ниже. Эвола писал: «В последнем веке под знаменем эволюционизма уже предпринимались попытки толкования аристократии и „элитаризма“, исходя из принципов „естественного отбора“. Эти попытки свидетельствуют о полном непонимании характерных черт, присущих древним иерархическим обществам и сегодня признаваемых даже историками-позитивистами. Сюда же относится и буржуазно-романтическая теория „культы героев“, внесшая еще большую путаницу в и без того сомнительные стороны ницшеанского учения о сверхчеловеке. Все эти концепции и теории не преодолевают рамок индивидуализма и натурализма, на которых невозможно выстроить сколь-либо приемлемой доктрины истинной законной власти. Впрочем, сегодня даже те, кто признает саму идею „аристократии“, не способны преодолеть этих границ: они готовы признать за человеком право на исключительность и „гениальность“, лишь если его величие обусловлено свойственными ему индивидуальными качествами, но не способны признать их за тем, кто олицетворяет собой традицию и особую „духовную расу“, и чье величие, в отличие от первого, зиждется на принципе, идее, на высшей безличности».

Безусловно, изначальный «аристократизм» имел два источника, две составные части, существовавшие, используя индологическую лексику, в виде двух высших варн: жреческой варны брахманов и воинской – кшатриев. Вне всякого сомнения, в традиционных обществах простая воинская доблесть не вела человека автоматически в элитарные круги социума. Однако со временем сверхприродные наследственные качества аристократии могли раскрыться в полной мере лишь в тех институтах, которые наиболее долго сохраняли консервативную преемственность с традиционными институтами социума, в первую очередь – в воинском строю, где героические качества и идеальная составляющая волевого действия, базирующаяся на «принципах высшей безличности», проявлялись и будут проявляться впредь более всего.

По-особому эти же сверхприродные аристократические качества проявлялись и в Церковной среде. Там, наряду с дарованной Свыше, при подвижнической синергии аскета, благодатью святости немногих, существовал и особый тип священнослужителя, зримо наследовавшего «брахманскую» харизму аристократических предков, что проявлялось в особом духовном «аристократизме» избранных.

Пополнение элиты из более низких сословий шло уже за счет их личных, сугубо индивидуальных качеств. Это тем более актуально для нашего времени, когда сословная преемственность трагически нарушена. Освежение аристократического слоя за счет низов – процесс необходимый.

Аристократия буквально означает «власть лучших». Однако всегда следует иметь в виду особый критерий отбора этих лучших людей из разных социальных срезов. Систему отбора должны определять конкретные ценности. Именно они придают данному обществу или целой цивилизации особое лицо и характер. Замкнутая система, увы, не может долго существовать в изначальном качестве. Часто возникает необходимость обновить элиту того или иного государства, и нередко инициаторами такого обновления выступают обладатели абсолютной государственной харизмы, верховные хранители Высшей идеи и одновременно ее главный символ – монархи.

Однако процесс «ротации», периодического обновления, не должен происходить автоматически, порождаться индифферентным социальным динамизмом в отрыве от ценностной системы, изначальное породившей элиту данного социума.

Юлиус Эвола считает, что, несмотря на все усилия первоначальной элиты удержать исходную систему ценностей, историческая смена элит подвержена закону регрессии «каст». Мыслитель различал четыре стадии процесса регрессии в точном соответствии с четырьмя варнами древнеарийского общества. На первой стадии элита имеет чисто духовный характер, воплощая в себе все то, что можно назвать «божественным правом». Первая ступень элиты выражала собой идеал нематериального достоинства. Затем элита обретает черты воинской знати кшатриев. На третьей стадии ее сменяет олигархия, вырастающая на плутократической, капиталистической основе, правящая с использованием т. н. демократических институтов. И наконец, элитой становятся коллективистские предводители революции четвертого сословия. Современная ситуация в России подает повод к соблазнительному выводу о начале обратного регрессии процесса восстановления истинной элиты. Ведь на наших глазах, болезненно изжив четвертый этап, мы перешагнули в третий. Конечно, наш оптимизм может быть и преждевременным, но нам без него нельзя.

Необходимость оздоровительного обновления русской аристократии хорошо понимал первый русский Царь Иоанн Васильевич Грозный. Мечтами о создании новой элиты пламенели души вождей

многих европейских наций в XX веке. Без наличия истинной жертвенной и искренне верующей в Бога элиты спасение нашего Отечества видится делом невозможным, что признавали лучшие русские умы самой разной политической ориентации. И спасение Родины зависит, конечно, не от количества аристократии, а исключительно от качественного подбора людей, коим суждено стать новой элитой.

И.Г. Лавриненко пишет: «...Качество аристократии проверяется ее отношением к Смерти, готовностью к Самопожертвованию. Готовность отдать свою жизнь за то, что выше жизни, – есть тот критерий, которым проверяется аристократ. Кровь аристократа – есть хранилище аристократического Духа, и, разбавляя свою Кровь, аристократ слабеет своим духом. Однако трижды слабеет Духом тот аристократ, который предает свою Веру, своего Государя, свое Отечество; тот, который предает свою Кровь». Духовное разбавление страшнее физического, хотя второе зачастую также приводит и к первому. Дух, который сохраняется в аристократических семьях, есть лишь потенция аристократизма, но еще далеко не сам аристократизм, который может быть стяжаем героическими усилиями представителей всех сословий и страт общества. И очень часто истинный аристократизм бывает испытан самым серьезным из возможных жизненных экзаменов – верностью до смерти! «Бог может и из камней восставить себе Рыцарей. А потому, по слову Божию, из среды самых простых людей... может вдруг появиться тот, кто станет укором вырождающейся аристократии! Тот, кто пробуждает стремление к Духу, стремление к Самопожертвованию, стремление к Смерти. К Смерти, утверждающей Жизнь в Духе и Истине», – пишет Игорь Лавриненко.

Кровь Героев, столь обильно пролитая за Святую Русь, оплодотворила землю Отечества, и рано или поздно из сынов земли Русской восстанут те, кто станет ее Новой Аристократией. Этих людей никогда не будет много. Лучших не бывает много или достаточно, их всегда мало. Соли не может быть более пищи, но «соль земли» должна сохраняться в недрах народных, чтобы предотвращать гниение народного организма. Раньше этой солью были аристократические роды. Они являлись носителями и хранителями национального мифа, являясь национальным ядром этноса. Но в XVIII столетии по всей Европе и впоследствии в России начался процесс размывания аристократии третьим сословием, а затем и вообще устранение традиционной элиты европейских наций.

Этот процесс точно описан в книге одного немецкого ефрейтора, вышедшей после Первой мировой войны: «Благодаря втягиванию высшего дворянства в круговорот финансового капитала, идеальные добродетели на деле подчинялись влиянию силы денег. Было ясно, что, раз вставши на этот путь, военная аристократия в кратчайший срок должна будет отступить на задний план перед финансовой аристократией. Денежные операции удаются легче, нежели военные операции на полях битвы. Истинного героя, истинного государственного деятеля вовсе не так уж прельщала возможность прийти в тесное соприкосновение с еврейскими банкирами. Да и с точки зрения чистоты крови этот процесс также имел глубоко печальные последствия. Дворянство постепенно лишалось чисто расовых предпосылок своего существования. Значительная часть благородного дворянства теперь скорее заслуживает эпитета „неблагородное дворянство“».

Современный публицист Сергей Марков продолжает ту же мысль: «Размывание устоев государства начинается с размывания его национальной элиты. Так было во всем мире... В России дворянство, бывшее становым хребтом и духовной опорой национального государства, а главное – носителем героической добродетели, точно так же было вовлечено в круговорот финансового капитала, быстро разорилось в подавляющей массе и стремительно деградировало, что в немалой степени было ускорено его прозападной, главным образом профранцузской, ориентацией. Эта духовная капитуляция национальной элиты, служивого сословия, долженствующего в первую очередь хранить и лелеять героическую добродетель и традиции доблести и славы предков, как ржа разъела весь национальный организм. Большевики только довершили процесс, обрушив подточенного болезнью колосса».

Нельзя упускать из вида и важнейший вопрос сакральной легитимизации элиты. Спускаясь по социальной лестнице сословий все ниже и ниже, политическая элита аккумулирует в себе все больше и больше антидуховных, «антитрадиционных» элементов, естественным образом теряя право на сакральную легитимизацию своей политической власти. Никакое другое сословие, как целокупная социальная организация этноса, ниже второго, то есть воинского, не может по своей природе наследовать функции духовного стержня традиционного государства.

Для общеевропейской истории вообще характерно следующее: чем ниже по иерархической лестнице сословий, тем национальные и религиозные ценности народа выражаются все менее ярко, окончательно исчезая в нижних слоях общества, не имевших реального представления о высших ценностях общенациональной духовной культуры. Именно эта безнациональная в высшем метафизическом смысле среда и была инициатором мелких и крупных языческих восстаний волхвов и кудесников против господствующего христианского дружинного слоя в древней Руси. Примером такого выступления были восстания черни во главе с волхвами в Ростовском крае в 1071 г.

Параллельные процессы происходили во всей Северной Европе.

Военная аристократия древней Руси была носителем родовых традиций – в отличие от черного люда. Контакты с иноэтническим элементом происходили в основном в низших сословиях. Таким образом, христианская дружина первых Рюриковичей была не только носителем духовного идеала Святой Руси, но и выступала в роли национального стержня, сохраняя свое этнобиологическое родовое лицо и являлась, по сути, расовым ядром зарождавшегося православного единого русского народа.

Мы не собираемся доказывать абсурдность утверждения о полиэтничности дружин первых князей. Этот вывод делают, только исходя из разрозненных материальных находок, предоставляемых археологией. Ни летописи, ни былины, ни предания не знают никакой полиэтничности. От начала дружина была этнически русской. Возвращаясь к национальной и религиозной идее этноса, заметим, что только после монгольского нашествия, после упорной многовековой борьбы духовный святорусский идеал стал достоянием всего русского православного народа, а не только аристократии.

Протоиерей Лев Лебедев писал в своей книге «Великороссия»: «В истории – жизни Народа как Личности движения высшей и низшей воли выявляются в настроениях правителей Народа, а также некоей решающей массы общества, которая всегда очень малочисленна по отношению к общей массе народа, но в ней кристаллизуется и с огромной силой действует вся культура народа и его умственно-душевная сила».

Итак, народ состоит из трех основных сил, или начал: правителей, решающей массы и прочей массы большинства населения. Последняя категория людей может объединяться, разъединяться, подчиняться, бунтовать, голосовать, но она никогда ничего не решает и не созидает. Она накапливает и в идеале сохраняет неизменным то, что отлито в кристаллически ясные идейные формулировки элитой общества. Однако элиту эту, стержень любого этноса, мы не должны смешивать с решающей массой или руководящим слоем народа. Элита не имеет четко очерченных социальных границ и пронизывает все страты населения. Элита не может иметь количественные показатели, но качественные – обязательно. Решающая масса количественно тоже неопределима, и, в отличие от элиты, она не может даже интуитивно оценивать себя в качестве единого организма. Она каждый раз по-особому возникает и складывается в неустойчивые группы, которые часто называются «обществом». В последние времена эту массу пытаются искусственно и не без успеха организовывать, используя весь инструмент современных либеральных технологий. В основном это касается времени «демократических» выборов. Народ никогда не является и не может являться источником власти и права. Власть может быть дарована и освящена только Свыше, и она давалась законным европейским монархам через благодатные церковные таинства. В принципе желание масс перераспределить в свою пользу властные полномочия иначе как отступничеством от веры назвать нельзя. Отсюда и метафизическая невозможность никакого мирного существования Церкви в демократическом государстве с его апостасийными государственными властными институтами. Иноприродность Церкви современным государственным институтам сродни и иноприродности истинной духовной элиты народа тем, кто покушается ныне занять ее место. Однако современная российская действительность такова, что в любом случае, когда решающая масса сложилась в некую мозаику, именно она оказывает серьезное влияние на судьбу народа и государства, заявляя свои претензии на участие во власти, игнорируя сакральную сущность любой истинной власти (тем более – государственной), вполне довольствуясь ее нынешними суррогатами.

Протоиерей Лев Лебедев совершенно справедливо заметил, что решающая масса – это отнюдь не тот «ведущий слой», о котором писал Иван Ильин. Ведущий слой может входить в решающую массу, и тогда Народ следует по пути, predeterminedенному Свыше промыслом Творца. Если же элита оказывается в конфликте с решающей массой и не может оказывать на нее влияния, тогда катастрофа для нации неизбежна, и к ней массы ведет уже псевдоэлита. Современная ситуация диктует необходимость восстания истинной элиты, представителей и духовных наследников первых двух сословий, которые в современном мире оттеснены на периферию социума и порой влачат жалкое существование.

Старец Глинской пустыни Порфирий свидетельствовал об этих людях: «Со временем падет вера в России. Блеск земной славы ослепит разум; слово Истины будет в поношении, но за веру возстанут из народа неизвестные миру и возстановят попорченное».

В замечательной работе «Введение в философию бунта» современный православный философ и историк Р.Б. Бычков пишет: «Нам не нужны „массы“ – нам нужны „дифференцированные“ люди...» По словам того же Р. Быčkova, эти «дифференцированные» люди не должны обращать ни малейшего внимания на зримое неравенство сил. «Все т. наз. Новое Время силы Реакции проигрывали силам революции. Но это не навсегда. О том свидетельствует один от древних отцов авва Пимен: „сперва беги один раз, – потом беги, а далее – будь как меч“. Вслед за Р. Бычковым мы готовы повторить: „Мы

обращаем свое слово лишь к тем немногим, кому удалось переплавить свою „ветхость“, свой „труп“ в меч“.

В действительности современной России нужна особая аскетическая элита, готовая к суровой и напряженной жизни, презиращая праздность и роскошь, объединенная в такую орденскую сеть, которая не будет носить и следа организованной структуры. Это будет организация одиночек, имеющих различные понятия о тактике политических шагов, но организация, незримо скрепленная священными принципами, за которые люди готовы сражаться и умирать. Такую организацию невозможно разгромить или разложить «засланными казачками».

Удивительный духовный и политический баланс сословий, окончательно сложившийся на Руси во времена правления Иоанна Васильевича Грозного, длился недолго. Уже в конце XVII в. начался отказ аристократии от векового идеала. К XIX в. ведущий слой России окончательно порвал всю корневую систему, связывающую его с родной почвой. Одновременно началось и этническое размывание аристократии. Высшие сословия потеряли национальное лицо не только в религиозном и культурном плане, но и в чисто биологическом. Последний фактор обычно не учитывался в русской историографии XX в., однако он неразрывно, генетически связан с духовной апостасией правящего слоя России. На короткий момент исторического бытия носителями идеала Святой Руси стали низшие сословия. И несмотря на то, что из купечества и крестьянства вышло тоже немало святых нашей Церкви, оказалось, что низы не в состоянии удержать в чистоте священную Традицию и выступить в роли ее легитимных носителей. Пока господа развлекались «духовным» маскарадом во «франкмасонских ложах», черный люд удовлетворял свои специфические духовные запросы в многочисленных сектах, порождаемых зачастую истеричной средой духовно надломленных старообрядческих групп, исторически лишенных представителей высших сословий в своих рядах.

Россия неминуемо сползала к катастрофе 1917 года. Идеал России, ее душа остались без народного тела, так как тело это без духовного стержня распалось буквально на лошутки. Распад затронул не только сословия, семью; распадалась и продолжает распадаться личность русского человека. Именно этот процесс «гниения» предчувствовал в нас замечательный русский мыслитель К.Н. Леонтьев – певец многоцветной чистоты культурных и исторических этнотипов и враг либерального апокалиптического всесмещения. Грех кровосмесительства нашего дворянства страшен тем, что элита не может быть расово чуждой основному этносу государства, иначе конец исторического бытия народа неизбежен. Мы уже отмечали выше, что наша военная аристократия со времен Гостомысла и Рюрика была этнобиологической квинтэссенцией кровного единства восточных славян, выступая и как расовое, и как духовное ядро святорусского народа. Именно на этом фундаменте базировалось историческое право власти династии Рюрика и потомков дружинного слоя – некогда славного и воинственного русского дворянства. Наша аристократия всегда была связана со своим народом кровно, и через эту кровную связь народ приобщался к духовному и культурному наследию элиты. К февралю 1917 г. подобной связи давно не существовало. Россия погрузилась в пучину хаоса, как некогда Атлантида – в воды океана.

Иван Ильин писал: «Когда крушение коммунистического строя станет свершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, – русский народ увидит себя без ведущего слоя... То, в чем Россия будет нуждаться прежде всего, и больше всего, – будет новый ведущий слой... Вести свой народ есть не привилегия, а обязанность лучших людей страны... Россия может спастись только выделением лучших людей, отстаивающих не партийный интерес...» Иван Александрович считал, что Белая армия станет творческой основой, ферментом, цементом русской национальной армии, что в своих недрах она сделается орденом чести, служения и верности. И этот орден возродит не только русскую армию, но и русскую гражданственность – на основах верности, служения и чести. В определенном смысле, как начало новой орденской традиции в России, Белое движение, конечно, стало тем живительным ферментом для будущих поколений, о котором и мечтал Иван Ильин. Но возникает законный вопрос: на какой «социально-организационной базе» может состояться объединение лучших сейчас, в России XXI века? Где тот живой социальный организм, который в силах решить эту задачу в современной России? Ни силовые структуры, ни партии, ни общественные организации не способны стать центром притяжения лучших в силу одной своей органической сопричастности псевдогосударственному организму под двумя литерами: РФ. Остается Русская Православная Церковь. Однако, как справедливо указывает Р.В. Бычков: «...Церкви Русской нет как единого духовно-здорового вероисповедного и организационного единства. Церковь раздроблена на множество враждующих меж собой направлений и „юрисдикций“ (оставаясь, безусловно, Единой в своей мистической полноте. – *Авт.*), несогласных подчас в самых основах православного вероучения. Плюс ко всему прочему многие ортодоксально настроенные православные граждане подозревают, что церковно-административная власть в большинстве сих образований захвачена полутайными и полуживыми агентами «тайны беззакония». И единственное, что остается неокончательно

погубленным из всего русского, – есть Русская Кровь».

Замечательные слова русского мыслителя предугадывают нам существенный критерий, по которому будет подбираться новая русская элита. Кровь – это все, что у нас осталось и что делает нас сопричастными историческому великому русскому племени святых и героев. Не будет понимания этого важнейшего вопроса нашей борьбы – не будет и русского народа. И тогда бессмысленными станут упования на любые институты, сохраняющие хотя бы видимость преемственности к русской государственности. Не будет русского народа – не будет и Русской Православной Церкви. Поразительным примером в этом отношении является история Русской Церкви в Зарубежье. Как только из заграничной Церкви стала испаряться присущая ей русскость, она тут же потеряла всякое оправдание своего автономного существования вне Московской Патриархии. Интуитивно зарубежные иерархи почувствовали, что без реальной связи с Россией они тихо прекратят свое существование. Объединение с Патриархией стало единственной возможностью сохраниться на чужбине. На задний план отошли до сих пор сложные вопросы и противоречия между двумя основными частями Русской Поместной Церкви.

За всеми догматическими и политическими спорами, оказывается, скрывался главный фактор, позволявший Русской Церкви за границей осуществлять свою пасторскую, миссионерскую деятельность, а также незыблемо пребывать в «подвиге русскости» перед лицом мировой апостасии. В этой Церкви были лучшие сыны России, волею судеб оказавшиеся на чужбине.

Ушли поколения духовных богатырей, и РПЦЗ оскудела, ощутив острейший кризис своей жизни в отрыве от родины и от русского народа, пусть и не до конца излеченного от советчины. По воле Божией само объединение двух частей Русской Церкви поможет изжить остатки старых недугов и на родине, и за рубежом оной. И многое, очень многое в этом вопросе будет зависеть не от иерархии, а от паствы.

Мы берем на себя смелость утверждать, что не будет уже никакой надобности в продолжении Истории, последним субъектом которой являлся, пусть и тяжело больной ныне, русский православный народ или, лучше сказать, те этнические осколки, что от него остались.

Для тщедушной «православной общественности» расово-биологический вопрос национального бытия всегда казался чем-то недопустимо страшным, о чем еще советские власти запрещали даже думать. Есть среди нее и те, которые в штывы принимают любую попытку рассмотреть этот вопрос в свете православной традиции и современной ситуации, когда «тайна беззакония» перестает быть тайной, но стремится стать прямо-таки нормой жизни.

Первое, что приходит на ум противникам рассмотрения человеческого общества через принадлежность к определенным этнобиологическим и обусловленным этим фактором этнопсихологическим типам, – известная евангельская цитата, которую постоянно вырывают из контекста: что нет ни эллина, ни иудея, но все едины во Христе. (Между прочим, в данной цитате сказано, что при условии истинного единства во Христе стираются грани и между мужчиной и женщиной, однако в реальной земной жизни мы видим, что половые различия продолжают сохраняться, а попытки стереть границу между полами предпринимают столь далекие от Христа люди, что об этом даже стыдно и говорить.) Ну и, как, наверное, заметили читатели по собственному опыту общения в православной среде, настаивают на отсутствии различия между эллином и иудеем отнюдь не эллины, да и не ортодоксальные иудеи, а те, которые даже в Христианство пытаются протащить ветхие и вонючие одежды Богом отвергнутого иудаизма.

Предлагаю хорошенько вчитаться и усвоить следующие мысли Р.В. Бычкова: «Надобно ясно сознавать всем взыскующим „евангельского идеала, смысла и идеи жизни“, что „тайна беззакония“ имеет свою хорошо продуманную и неуклонно осуществляемую расовую подрывную „программу“. Не осознавши сего с достоуверенной полнотой, никак невозможно надеяться сколь-нибудь успешно противостоять погибельному шествию беззакония... Так, в первом издании БСЭ (1930-х годов) в статье „Расы“ читателю-христианину нетрудно расслышать голос, исходящий из самой сердцевины тайны беззакония: „Есть все основания предполагать, что в будущем характерное для человека смешение между расами усилится. После победы социализма во всем мире... рухнут последние препоны к межрасовой метисации. Еще Маркс и Энгельс писали, что „даже естественно возникшие родовые различия, например, расовые... могут и должны быть устранены историческим развитием“ (Соч., Т. 4, с. 143)... Среди народов СССР интенсивно разворачивается процесс смешения разнообразных расовых типов. Расовые ареалы исчезают на наших глазах. С течением времени границы между расовой и индивидуальной изменчивостью физического типа будут все более стираться, так как повсеместно возникнут новые, бесчисленных сочетаний „расовые признаки“, лишенные какой-либо географической локализации. Вместе с тем и сами расы постепенно перестанут существовать как реальные совокупности, связанные с определенной территорией“.

Декларируемое повсеместное стирание расовых границ есть, в христианской апокалиптической

перспективе, существеннейший элемент приуготовливаемого древней «тайной беззакония» царства сына погибели – антихриста. В оном темном царстве людская масса представляет из себя управляемое стадо (формально аналогичное стаду Христову), пастырем коего должен выступить также «формально аналогичный» Спасителю (вернее же – лишь имитирующий Христа) Его противоположность – «антитип» – антихрист. На уровне физиологии сему соответствует искусственное выведение смешанной расы людей – так называемой «серой расы».

В силу вышесказанного одной из задач будущей русской элиты будет непреклонное сопротивление творцам бесцветного человечества путем сохранения своей исторической расовой идентичности.

Надеемся, что здравомыслящие люди не увидят здесь никакой ксенофобии. С православной точки зрения крайне важным является сохранение своего этнического и культурного лица буквально всеми народами земли, в чем есть их безусловное благо. Именно навязываемое смешение народов и ведет к нарастанию напряженности и нетерпимости. Древние общества, хранящие свою чистоту, одновременно и понятия не имели о расовой ненависти, как не имеет никакой ненависти ребенок, похожий на своих родителей, к другому, похожему, в свою очередь, на своих папу и маму. Дети интуитивно ищут себе друзей и подруг, в чем-то неуловимо похожих на их родителей. Из этих интуитивных ощущений внутренней близости, выраженной внешними признаками, рождаются счастливые семьи. По этому же принципу рождались и народы со своим уникальным лицом и душевными свойствами, сохраняя которые никто никого не обижает и не делает ничего дурного.

Еще один немаловажный критерий, по которому в будущем будет выкристаллизовываться новая русская элита, – это деятельное противостояние разрушительному воздействию современной массовой культуры и образу жизни людей, готовых занять деятельную позицию, присущую воину, который охотно делает риск и дисциплину неотъемлемой частью собственного напряженного образа жизни, сглаживая на персональном уровне различия между мирной и военной жизнью.

Эвола писал: «...Способность того или иного индивида приспособиться к этому напряжению, полюбить его может стать основой для нового отбора, для создания новых, реальных и жизненных иерархий, которые получают естественное признание у каждого здорового человека. Понятно, что народы, сумевшие удовлетворительно реализовать указанные предпосылки, не только окажутся лучше подготовленными к войне, но и сама война обретет для них высшее значение».

История ставит перед нами вопрос о жизни и смерти нации. Мы должны четко определить и «запустить» механизм поиска и выделения лучших людей. Перед нами стоит грандиозная задача по формированию новой аристократии, духовной элиты русского народа, законных преемников национального идеала Святой Руси. Современный русский поэт Сергей Яшин в стихотворении «Орден» гениально просто означил русскую национальную идею начала XXI века в четверостишии:

Мистический орден,
Опричное братство.
Кто чистопороден,
Тот наше богатство.

Центрами притяжения лучших, по определению И.А.Ильина, не могут, да и не способны стать ни политические партии, ни иного характера и рода деятельности общественные организации. Необходима организация более высокого, духовного измерения, организация-магнит. Она, по словам М.О. Меньшикова, должна притянуть последних носителей благородного металла богатырской расы русичей, рыцарей веры.

Мысли этого публициста предреволюционной эпохи перекликаются с идеями современного журналиста А. Алексеева: «Что же делать? Собирать Русь. Несмотря ни на что, она жива. В данном случае речь идет не о территории, а об изначальном северно-европейском ядре русского народа, распыленного сегодня в огромной постсоветской биомассе».

Удивительна перекличка русских людей через пропасть в 80 лет. Русь жива. Волей Господа нашего Иисуса Христа на нас возложена миссия стоять под Крестом до конца времен, стоять не в качестве серой теплохладной запуганной массы денационализированных обывателей, но – святорусским народом с непоколебимой горячей верой в сердцах.

В попытке подменить собой истинную элиту народа по инициативе «сверху» истинные и мнимые потомки российского дворянства стали организовывать по городам и весям «дворянские собрания». Свою задачу «дворяне» видят в служении абстрактному Отечеству при любой власти, при условии, что власть эта признает их «за своих» и допустит до «кормушки» со всевозможными благами. Видно, они ничему не научились, поскольку ими полагается в основу «возрождения»

дворянства как раз то, что более многого другого и погубило историческую Россию. Что такое Россия без Истинного Православия, без Самодержавной монархии, без духовно и физически здорового русского народа? Отвратительный сатанинский фарс, которому представители истинной элиты служить не будут.

Отбор нового дворянства минует «дворянские собрания» либеральных вырожденцев, не способных доказать свое право благородства с оружием в руках, что всегда и определяло дворянина в России и Европе. Элита грядущей России всегда должна помнить, что Царство Божие не от мира сего. Мир сей лежит во зле, и потому не должно любить мира, «ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей...» (1 Ин. 2, 15).

Еще раз предоставим слово Игорю Лавриненко: «Мир, который ненавидит Господа, следует возненавидеть и нам. И, возненавидев, превратить в арену битвы, в арену постоянной борьбы со злом... Для этого нужны Воины Христовы, Рыцари Духа... Нужны лучшие. Нужны аристократы. Нужна элита. Но ее немного найдется среди аристократов по крови. Многие из них предательством Русской Идеи уже осквернили свою некогда благородную кровь. Нам нужны новые аристократы – Аристократы Духа. Аристократы, получившие Дух свыше. Ибо никто не вливает «вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое (Мф. 9, 17).

Молодая кровь бурлит, как молодое вино. Стать такими новыми мехами для вина гнева Божия – честь для каждого Русского человека. И эта честь не продается. Ее нельзя купить. Она может быть только дарована Свыше. И только тому, кто в эту высь устремлен... Дух битвы очищает кровь! Наш долг возродить славные идеалы Белой Христианской Европы и восстановить затронутую честь». Да, наш долг обрушить Крестоносный Меч отмщения на тех, чьи отцы незаконно узурпировали власть в Православной России, кто подло продолжает пользоваться этой властью для разрушения и уничтожения остатков некогда самой величественной Империи в истории человечества! Исполнить священное отмщение и отвоевать свою Родину могут только бойцы, спаянные в **духовную кольчугу** священными узами братства по оружию, братства последних Крестоносцев.

С сожалением нужно признать, что большинство наших современников уже не способны воспринимать священные понятия и идеалы не только духовно, но и психологически. За рекордно короткий период масса русского населения прошла важнейшие ступени контрреволюции: от человека духовного – через человека разумного – до человека неразумного. Процесс продолжается, угрожая оставить от последнего словосочетания лишь прилагательное. Сбываются мечты творцов (или фальсификаторов) плана «Ост» Гиммлера, Розенберга и их товарищей по партии. Ими планировалось искусственное снижение рождаемости русских. Для русских людей не допускалась возможность получения высшего образования. Гиммлер подчеркивал: «Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуеврейского типа... Эта масса расово неполноценных тупых людей нуждается... в руководстве». Заметьте, речь не шла о поголовном уничтожении евреев или русских. Все было гораздо более прозаичным. Нацисты ставили перед собой ту же большевистскую цель: на месте государства русского народа и союзных ему народов и племен создать управляемую территорию, населенную той самой расовой смесью, которую в своих документах коммунисты гордо именовали новой исторической общностью людей, советским народом, по-простонародному «совком».

Вот именно эту ситуацию мы и видим сейчас в постсоветской России в изумительной завершенности. Вышеуказанные примитивы сейчас обсели всю властную пирамиду. Они везде – от президентского окружения до прямоходящих и иногда членораздельно говорящих избранников примерно голосующих толп идиотов, и особенно – в Думе – этом священном чучеле давно издохшего «козла отпущения» либеральной политической власти, которое каждые четыре года наполняют свежими опилками во избежание дурного запаха.

Однако удивляет поразительная неосведомленность лидеров Третьего Рейха о состоянии дел в предвоенной Советской России. Еще в 1899 году в казанском журнале «Деятель» владыка Антоний Храповицкий дает убийственную характеристику массе, еще недавно бывшей великим русским народом: «Это уже не народ, но гниющий труп, который гниение свое принимает за жизнь, а живут на нем и в нем лишь кроты, черви и поганые насекомые, радующиеся тому, что тело умерло и гниет, ибо в живом теле не было бы удовлетворения их жадности, не было бы для них жизни». Вот так: кроты, черви и поганые насекомые.

При очень большом желании и в случае имеющегося досуга каждый может сам подставить под вышеуказанные твари, прикровенно обозначенные Владыкой, представителей означенного выше примитивного полуеврейского типа, инородцев разного цвета и причудливых оттенков и, конечно, толпу «совков»: худых и обиженных, сытых и довольных, которые имеют наглость называть себя русскими.

Теперь все усилия должны быть направлены на то, чтобы те немногие, кто жив для Русской Идеи, нашли друг друга и стали тем «новым дворянством», которое волевым усилием вернет себе Родину. В этой титанической работе главное – не ограничиться лишь призывами к единению и соборности. Да, соборность присуща русскому духу, без нее нет русского человека, нет и не будет России. Все усилия духовного, политического или организационного характера будут направлены в пустоту без соборного единства русского народа в Церкви Христовой. Но не стоит обманываться ожиданием широкого народного политического движения. Не стоит уповать и на социальный взрыв недовольных, который якобы станет началом национального и духовного пробуждения народных масс. «Поход» за колбасой никогда не перерастет в Крестовый поход к Гробу Господню. Необходимо четко высказать главную идею: соборное единство будет по необходимости иметь элитарный характер. От того, насколько крепка будет эта элита русского народа, насколько четко она выговорит и осознает для себя задачи современности в свете векового идеала Святой Руси, – зависит будущее России.

Нельзя забывать, что священное бремя быть третьим, избранным для служения Истине народом – после иудеев и греков, – требует от живущего в истории, а не на ее обочине русского народа подвига.

Много ли людей готово сейчас сделать девизом своей жизни идеал Святой Руси, который был, есть и будет святым и тернистым путем духовной брани? Очевидно, что немного. Но только на этом пути русский человек может раскрыть дары Божии, которыми он столь щедро наделен. За этой могучей кучкой верных – будущее России. Именно поэтому сейчас нужна тщательная работа по отбору и объединению людей. Эпоха «призывных наборов» в многочисленные русские партии прошла. Для объединения нового типа нужен новый критерий отбора. Смысл его заключен в крылатой фразе, брошенной в изумлении иностранцем посреди бранного поля: «И один ты в поле воин, если ты по-русски скроен». Не материя, а дух, не деньги и технические средства, а духовная и политическая воля являются решающими в этой борьбе.

Наш знаменитый и убежденный противник У. Черчилль говорил: «Все великие дела решаются не машинами и приборами, но силой воли». Русская история тому ярчайшее подтверждение.

Важные мысли по поводу формирования национальной элиты высказал и современный русский публицист зарубежья Вл. Нилов. Отвечая на вопросы главного редактора «Исторической газеты», он заметил: «Элита стоит в таком же отношении к русской „интеллигенции“, как гений – к злодейству: они несовместимы, они исключают друг друга. Сам вопрос „отношения к русской интеллигенции (элите)“ явно указывает, что истинная роль „интеллигенции“ – тайна за семью печатями для большинства людей. Необходимо постоянно напоминать слова Ивана Солоневича: „Русская интеллигенция есть самый страшный враг русского народа...“ Далее Вл. Нилов разъясняет свою позицию: „Элита подразумевает цвет нации, ее ум, волю и национальное сознание вождей народа, который она возглавляет на пользу и благо государства. Русская интеллигенция есть полная противоположность понятию элиты. П. Струве еще до революции писал о том, что „русская интеллигенция безгосударственна, безрелигиозна, беспочвенна“. В ответ на вопрос „что делать?“ Вл. Нилов предложил цитату Бисмарка: «Нация – это единицы выдающихся личностей перед большим количеством нулей, благодаря которым нули и превращаются в многозначное число“. Итак, народ может стать силой, если его возглавят личности, объединенные идеей борьбы за Святую Русь наперекор всему цивилизованному миру апостасии, вооруженному ракетами и компьютерами.

В России национально-мыслящая и национально-чувствующая прослойка исторически составляла меньшинство образованного слоя. Еще 77 лет назад князь Н. Трубецкой писал о том, что не оружие, а национальное сознание элиты есть единственное эффективное средство противостояния внешней агрессии.

Из пропасти революционного хаоса к нам звучит призыв: «Создание и воспитание русской национальной элиты должно быть № 1 на месте приоритетов». Слишком позднее понимание этой непреложной истины стоило нам очень дорого.

Элита как духовное, культурное и политическое тело хранит и идеологически оформляет в соответствии с историческим временем священные основы национального бытия, ценностные и мировоззренческие ориентиры этноса и государственной нации в целом, обуславливает идентичность исторической преемственности идеалов многих поколений народа. Элита определяет национально-государственное оформление этноса, его культурное и цивилизационное лицо. Национальная элита связана живой связью с народом, но не сводима лишь к выражению народной культуры на более высоком интеллектуальном уровне. Элита сама – генератор идей, волевой творец культуры. Элита также не сводима к политическому истеблишменту. Она не имеет сегодня и четко выраженных социально-сословных характеристик. Еще раз напомним, что ее социальная база потенциально находится в самых широких слоях общества.

Мы обязаны понимать, что именно такой элиты у русского народа нет. Есть люди – маяки

русской культуры, художники, писатели, есть храбрые офицеры и солдаты, есть замечательные священники и монахи, а элиты – нет. Нет того единого духовного и организационного поля, где все эти люди могли бы осознать себя единым и живым организмом, душой и мозгом нации. Современный православный приход тоже не может ставить перед собой несвойственную ему задачу по формированию элиты, которая от лица православного народа будет призвана действовать на политическом поле в неправославном мире светского государства, как этого ожидают некоторые соотечественники.

У истинной элиты должно быть одно отличительное свойство – воля к власти. Та самая воля, которая двигала нашими предками, когда они создавали величайшую в мире Империю, и которая почти полностью утрачена в массе безвольных потомков некогда стального племени русских!

Церковная ограда и орденская организация

Безусловно, русский народ может существовать в истории только как Православный народ, народ-Церковь. Вне Православной Церкви народ наш не может быть не только Великим, не только государственным, но и, в течение одного поколения, как показывает история, теряет свою Русскость, легко смешивается с иноверцами и инородцами и пополняет ряды «совков» или «рассеян» – передового отряда чаемой масонами «серой расы».

И вот тут перед нами встает весьма болезненный, но и самый важный вопрос нашего национального и личного спасения – вопрос об истинном Православии различных юрисдикций и их отношения к незримому, единому мистическому телу Поместной Русской Православной Церкви. Этот вопрос отнюдь не сводится к проблеме воссоединения Русской Зарубежной Церкви и Московского Патриархата. Это даже не еще более серьезный вопрос, связанный с поныне не решенной проблемой преодоления раскола XVII века в нашей Русской Церкви.

Конечно же, границы Церкви не совпадают с границами многочисленных современных православных юрисдикций. Они значительно шире. Для мятущихся душ нужно помнить одно: будь верен Церкви Христовой – не какой-либо юрисдикции или приходу, не любимому духовному лицу и известному иерарху, а Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, основанной самим Христом. Единой в своей исторической жизни и сверхисторическом совершенстве и полноте, чьей мифопоэтической «иконой» для русского народа является невидимый город праведников – Китеж, таинственно и прикровенно стоящий над задумчивыми водами озера Светлояра. Верность Русской Православной Церкви – это вопрос о той Священной Хоругви, вокруг которой только и может быть собрана новая национальная элита многострадального и почти уже мертвого русского народа. Нам надлежит помнить и о том, что в силу апостольского преемства в общем строении церковной жизни епископат знаменует собой лик апостольский. Но, как известно, в числе избранного лика апостолов Христовых не обошлось без Иуды-предателя. Факт этот предзнаменует собой то, что и в лике преемников апостолов, православных епископов, к концу времен вызреет и проявит себя некоторым образом «коллективный Иуда», содействующий скорейшему воцарению на земле антихриста. Этот факт – не досужий домысел «взбунтовавшихся» мирян, но своего рода откровение наших духоносных и святых отцов.

Мы живем во время, когда «тайна беззакония» начинает разлагать церковную среду. В XVI веке Опричина Грозного Царя прообразовала собой предконечное разделение Церкви верных от церкви предателей, в котором любому русскому человеку необходимо сделать единственно правильный выбор. Предание Церковное находит мало обнадеживающих слов применительно к лжехристианам последних времен, но по отношению к «архиерейскому чину», в среде которого измена Христу видится в свете Священного Предания чуть ли не тотальной, никаких «смягчающих вину обстоятельств» Преданием не предусмотрено.

О том, что измена Богу при skonчании времен усугубленным образом проявит себя именно в архиерейской среде, пророчествовали многие – и древние, и относительно новые – подвижники благочестия. Как писал св. Феофан Полтавский, духовник последнего русского Государя: «Времена тихие и спокойные кончились. Впереди горе ждет людей и тяжкие страдания. Прежде всего, будет мировая война, как и сказано в Евангелии: „восстанет бо язык на язык и царство на царство“ (Мф. 24, 7). За преумножение беззаконий, за богоотступление, которое Господь нарек „мерзость запустения стоящу на месте святе“ (Мф. 24, 14), иными словами, это – Церковь, за грехи в первую очередь епископата, а затем и священничества, как и начальствующих лиц в государстве, за все это Господь попускает... В Церкви бедствия дойдут до того, что верными Богу останутся только два, много – три иерарха. Я не говорю от себя. А то, что я слышал от богодухновенных старцев, то и передал... Господь помилует Россию ради малого остатка истинно верующих. В России, говорили старцы, по воле народа

будет восстановлена Монархия, Самодержавная власть. Господь предызбрал будущего Царя. Это будет человек пламенной веры, гениального ума и железной воли. Он прежде всего наведет порядок в Церкви Православной, удалив всех неистинных, теплохладных архиереев. И многие, очень многие, за малыми исключениями, будут устранены, а новые, истинные, непоколебимые архиереи встанут на их место. По женской линии он будет из рода Романовых. Россия будет мощным государством, но лишь на малое время...»

Здесь мы вплотную подходим к проблеме орденой организации православных христиан последних времен. Смысл существования православного ордена – не тайного, но открыто стоящего за истину, что не исключает тайного членства из тактических соображений, – как раз и заключается в том, чтобы в нужный момент сплотиться вокруг верных истинному православию иерархов и стоять до конца в верности монархическому принципу. Именно и только принципу, но не конкретным претендентам на престол, даже и тогда, когда Грядущий Монарх еще прикровенно скрыт от верующих сердец!

Из последних пророчеств имеет смысл привести в качестве яркого примера отступления иерархии сказанное в 1922 году Оптинским старцем Анатолием (Потаповым), в котором говорится: «Ереси распространятся повсюду и прельстят многих. Враг рода человеческого будет действовать хитростью, чтобы, если возможно, склонить к ереси и избранных. Он не будет грубо отвергать догматы святой Троицы, Божества Иисуса Христа и достоинства Богородицы, а незаметно станет искажать переданные Святыми Отцами от Духа Святого учения Церкви, и самый дух Ее и уставы, и эти ухищрения врага заметят только немногие, наиболее искусные в духовной жизни. Еретики возьмут власть над Церковью, всюду будут ставить своих слуг, и благочестие будет в пренебрежении... Посему, сын мой, как увидишь нарушение Божественного чина в Церкви, отеческого предания и установленного Богом порядка, – знай, что еретики уже появились, хотя, может быть, и будут до времени скрывать свое нечестие или будут искажать Божественную веру незаметно, чтобы еще более успеть, прельщая и завлекая неопытных в сети. Гонение будет не только на пастырей, но и на всех рабов Божиих, ибо бес, руководящий ересью, не потерпит благочестия. Узнавай их, сих волков в овечьей шкуре, по их горделивому нраву, властолюбию...» В приведенных выше словах старца самой ключевой является фраза «еретики возьмут власть над Церковью»! Процесс этот, по всей видимости, начался давно, если уже вообще не подходит к страшному концу. И перед людьми, понимающими глубокую болезнь нашей иерархии, возникает сложный вопрос, куда идти? Зачастую начинается болезненное кочевание по юрисдикциям в поисках «истинного» Православия. Но поскольку, по верному слову преп. Исаака Сирина, «и самое совершенство совершенных не совершенно», то данный путь может обернуться для ищущего «дурной бесконечностью» с печальным концом духовного ступора. Зачастую такое путешествие кончается тем, что «ревнитель» истинности искренне начинает себя самого считать последним «вместилищем» искомой Истины, что ведет к духовной смерти еще при жизни. Кроме всего прочего, подобные перемещения людей из одной юрисдикции в другую рискуют вырождаться в самый банальный и антиканоничный «бунт мирян».

Церковь устроена иерархически, и, несмотря на обстоятельства тотальной измены епископата, попытки наладить ход церковной жизни снизу приводят в конечном итоге к еще большему расстройству всего организма. В иерархическом церковном устройстве Вселенского Православия существовало лишь одно лицо, имевшее законом определенную «юрисдикцию» над епископами. Этим лицом являлся Вселенский Император, Православный Царь, названный виднейшим русским канонистом проф. Н. Суворовым «церковноустройственным фактором» и «верховным субъектом правообразования в Церкви».

Православный Государь являлся «внешним епископом Церкви», получавшим особые благодатные дары Божии в чине особого царского миропомазания. Одному лишь ему были преподаны от Господа сила и власть смирять горделивое властолюбие и низменные поползновения митроносных особ, каковые, увы, случались. Такова от века роль Православного Царя, удерживающая «тайну беззакония» в лоне самой Церкви. Таковой эта роль и была кодифицирована в Основных Законах Российской Империи, где сказано: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей Веры и блюститель правоты и всякого в Церкви святой благочиния». Ряд современных православных авторов указывает на очень важный факт, необходимый для правильного уяснения проблемы всеми православными людьми: «Православие есть, в видимой сфере, не что иное, как двуединство Церкви и Царства и что по отъятии „Удерживающего“ самое Православие (в земном, разумеется, аспекте) перестает существовать как единое целое, а существует в виде все более и более дробящихся церковных групп (или, как они предпочитают себя называть, „юрисдикций“), постоянно враждующих между собой и комично настаивающих на своем эксклюзивном тождестве с „Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью“ Символа Веры. Ибо написано: поражу пастыря и рассеются овцы» (Мк. 14, 27).

Князь Н.Д. Жевахов в воспоминаниях поместил письмо одного из своих духовных друзей, содержащее ряд справедливых суждений по этой проблеме. «Я опасаясь, – писал этот друг 8 ноября 1922 года, – что без Православного Монарха, при соборном строе, наша Церковь рассыплется и появится столько церквей, сколько будет поместных соборов. Отчасти что наблюдается и теперь. На развалинах русской Церкви, кроме бесчисленных сект, до жидовствующих включительно, мы имеем: старообрядческую, единоверческую, никонианскую, живую, красную, якобы „древне-апостольскую“ и украинскую церковь. Итого уже шесть! Что же будет дальше?!»

Вот трагический результат предательства своего Царя. Начало отступления архиерейского от церковно-монархического предания можно видеть в деятельности «князей церкви» уже в XVII веке, но катастрофические размеры это предательство приобрело в марте 1917 года. В февральском перевороте были замешаны многие из тогдашних известных архиереев. Вспомним многочисленные молебны о «благоверном Временном правительстве»! И это при живом помазаннике Божиим! И уж конечно, как следствие февральского предательства и молчаливого отступничества от монархического предания почти всего Собора 1917–1918 годов, прозвучали печально известные слова лжеприсяги Советам: «ваши радости – наши радости». Но если кто-то безапелляционно настаивает на том, что в Русской Церкви за рубежом Отечества все было распрекрасно и благочестиво, то он глубоко заблуждается. Уместно вспомнить показательный эпизод из церковной жизни Русского Зарубежья. В январе 1927 года несколько деятелей русского монархического движения (среди которых были такие известные лица, как, например, генерал А. Нечволодов или Н. Степанов) направили в Зарубежный Синод свое «Обращение» в связи с разоблаченным ими усилением абсолютно недопустимого масонского влияния на руководство Зарубежной Церкви. Сложно сейчас говорить о серьезности угрозы внутреннего перерождения зарубежной иерархии в тот период, к тому же для нас важен сам вывод, сделанный авторами «Обращения». Многим современным ревнителям Зарубежной Церкви необходимо помнить, сколь нелегким был путь канонизации Царской семьи в русском рассеянии. Важно знать, что даже будущий, во многих отношениях замечательный первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Виталий был сначала против канонизации. Лишь настойчивая просветительская деятельность членов Российского Имперского Союза-Ордена вкупе с немногими верными Истине иерархами переломила общее мнение в этом вопросе.

У всякого верного чада Церкви в связи с этим возникает болезненный вопрос, полный недоумения: а что же в данной неутешительной ситуации делать нам, простым прихожанам разных храмов недружелюбных меж собой юрисдикций? Неужели спасемся в пассивном ожидании? Конечно, нет! А что же предпринять, чтобы, не дай Бог, не погрешить против своей совести и остаться на твердой канонической основе православного фундамента нашей нравственности и чести? Отвечу. Не первый раз Церковь переживает подобные настроения. Другое дело, что в древности они не столь сильно угрожали самому существованию православной веры в православных империях. Сейчас – иное дело. Но лекарство, приготовленное для нас отцами Церкви, действительно и поныне. В Церкви, как учил св. Иоанн Златоуст, должно господствовать свободное исследование истины. Церковь же должна проверять личные мнения христианина исходя не из логических посылок, а из внутреннего интуитивного проникновения в смысл Божественных истин.

«Последнее откровение или озарение идет от Божественного Основателя Церкви и присуще одинаково как ученым, так и невеждам», – писал в комментариях на апостольские послания Златоуст (На 1 Тим. Бес. II, 1, 2, XII, II.). И если мирянин живет жизнью Церкви, то он, несомненно, обладает и присущей ей истиной. В силу этого мирянин обладает таким же правом на учительство в Церкви, как и иерархия! Различие лишь в степени и объеме допустимого учительства, но никак не в сущности его.

Уже одна эта мысль позволяет нам обрести твердые канонические основания для активной деятельности в деле охранения чистоты Веры, а также вести указанную творческую деятельность на путях поиска организационных возможностей, позволяющих решать эту сложнейшую задачу.

Ничто не ново под луной. Народ церковный уже во времена св. Иоанна Златоуста «до безумия был занят житейскими попечениями», по словам самого святого, и погрязал во всевозможных пороках. В клир вторгались «беззаконники и откупщики». Уже тогда Златоуст видел, сколь необходимы были внешние средства в деле познания и удержания церковной Истины, Св. Писания и Предания. Клер и миряне стоят в одинаковом отношении к этим источникам христианского ведения, тот и другой для них равно доступен и понятен.

Перед нами еще один монолит в основании важного дела самоорганизации мирян перед лицом всеобщей апостасии в рамках орденских православных братств и союзов. «Не ожидай другого учителя, – говорил Златоуст своей пастве. – Есть у тебя слово Божие, – никто не научит тебя так, как оно. Ведь другой учитель иногда многое скрывает то из тщеславия, то из зависти. Послушайте, прошу вас, все привязанные к сей жизни, приобретайте книги – врачество души. Если не хотите ничего другого, приобретайте, по крайней мере, Новый Завет, Деяния Апостольские, Евангелие – постоянных наших

наставников» (На Колос. Бес. IX, 1, XI, I).

Святитель полагал, что, вследствие неимения наставника в вере, мирянину необходимо самому напрягать свой ум к познанию Истины и не грех просить откровения у Бога! Нельзя мирянину рассчитывать на готовое христианское мировоззрение, получаемое напрямую от священника. Мирянин должен сам его для себя выработать при помощи тщательного, самостоятельного чтения и изучения Священного Писания. Народ церковный не имеет права бессознательно принимать учение, хотя бы последнее преподавалось людьми, принадлежавшими к церковной иерархии. Иначе получается вера в авторитет лиц, проповедующих определенное учение, а не в само учение, в его непосредственное содержание. Живая церковная жизнь при таком положении вещей замирает. Народ со своей стороны не вносит никакого приращения к церковному телу, а клир, замкнутый в себе, не живет соками церковного тела и отпадает от него, как засохшая ветвь от дерева живого.

Не эту ли печальную картину выпало нам наблюдать в преступном пассивном безразличии?! Св. Иоанн Златоуст особенно энергично восставал именно против пассивности народа даже в доктринальной стороне христианства и приветствовал деятельное участие мирян в хранении и защите истинного церковного учения! Ведь клирики – тоже люди, со своими слабостями и немощами, следовательно, нельзя признавать их непогрешимыми и с детской наивностью принимать их учение как небесное откровение, лукаво оправдывая свою лень и бездеятельность надуманными, квазицерковными правилами слепого послушания «батюшкам». Никакой особой сложности для верующих мирян в вопросах веры не существует. Например, критерием истинности того или другого проповедника должно быть согласие его с Священным Писанием. Чтобы не впасть в погибельную ересь, народу следует не полагаться на священных пастырей, но составлять на основе Священного Писания определенное мнение о священных предметах Веры, которое в своей основе было бы согласно с учением предшествующих поколений Церкви Христовой.

Безусловно, при таком энергичном участии церковного народа не будет места в Церкви ни «католическому папизму», ни протестантской всенародной иерархии. Клер у нас не господствует над народом церковным, но является его «старшим братом», «советником в делах веры», а не «самодержавным властителем». «Как сознательно-христианский, церковный народ не может не принимать широкого участия в церковном управлении клира», – писал Златоуст (На Тит. Бес. I, 4, XI, II). Серьезно занятый делами о вечном спасении, народ обязан живо интересоваться правоспособностью клира вести его к этой вожденной цели человеческого бытия и в случае необходимости брать бразды правления Церковным кораблем в свои руки. Отсюда естественно происходит то убеждение, что народ не имеет никакого права оставаться равнодушным как к избранию членов клира, так и к прохождению ими своего высокого служения. Златоуст, хотя и не одобрял беспорядков, которые нередко происходили при избрании клириков, безусловно признавал выборное начало иерархии как необходимый принцип церковного благоустройства. При соблюдении сего древнего правила мы смогли бы избежать той ужасной деградации среди клириков, которую можем наблюдать сегодня, когда клир стал неподконтрольной мирянам корпорацией церковной бюрократии.

Возвращение к этим порядкам немыслимо без самоорганизации церковной общественности в деле защиты Веры и священных основ Церкви и государства. Принципиальным вопросом является и то, что Святитель всегда признавал необходимым для блага Церкви такой порядок вещей, при котором епископ не мог управлять Церковью по своему «произволу», «не давая никакого отчета», но чтобы управление его было «народным». Из этих слов св. Златоуста хорошо видно, что народ должен следить за тем, чтобы епископская кафедра была занимаема «законно», следовательно, ему нужно быть знакомым с апостольскими правилами, **стать хранителем живого предания Церкви Вселенской.** Сейчас это – насущная необходимость и главное обоснование существования особого православного братского союза-ордена мирян и клириков перед лицом растущей мировой Ипостасии.

Понимая, что настоящие церковные порядки должны выходить из полноты древних времен, и как трудно одной иерархии сохранить тождественность в веках церковных установлений, народ должен сам отстаивать их ценность, целостность и неприкосновенность. Признавая выборное начало иерархии, согласное апостольским постановлениям, миряне всякого епископа, поставленного «законно», путем народного избрания, должны поддерживать, а занявшего кафедру иначе – отвергать. В этом кроется определенный залог здоровья церковного организма. Конечно, народ не в силах лишить клирика священной степени в случае нарушения последним церковных законов, он может только просить об этом высшую иерархическую власть и отказаться от всякого общения с нарушителем норм церковной жизни. Святой Иоанн Златоуст искренне верил, что только при самодеятельности церковного народа возможна правильная приходская жизнь. Более того, святитель считал каждого христианина «священником, пророком и царем» (На 2 Кор. Бес. III, 5, 7, X, II. На Евр. Бес. XI, 3, XII, I.), но в нравственном, а не в протестантском смысле.

М. Новоселов, описывая церковную ситуацию в предреволюционной и пореволюционной России, писал следующее: «За последнее время нередко приходилось слышать голоса скорбного недоумения по поводу того обстоятельства, что наша иерархия запуталась в вопросе о стиле, а равно и в способах разрешения живоцерковного вопроса, – в то время как верующий народ обнаружил больше и ясности взгляда, и стойкости убеждения. Проскальзывает, а иногда открыто высказывается мысль, что „церковь заблудилась“. Это нелепое и во многих отношениях крайне вредное отождествление иерархии с Церковью – обычное, к сожалению, явление в нашем обществе».

Ныне ничего не изменилось в лучшую сторону. Больно это признавать, но большое количество наших иерархов, в России и за границей, со времен Собора 1917–1918 гг., блуждает в потемках собственных ошибок и маловерия, во мраке нераскаянного греха за попустительство убийства помазанника Божиего – Русского Царя. Только организованный в орденском братстве мир способен в этой сложнейшей ситуации стать хранителем Церкви Христовой, защитником ее белых риз.

Надежды русской патриотической общественности долгое время возлагались на Русскую Зарубежную Церковь. Впрочем, раздавались и предупреждающие голоса, что слепая вера в непогрешимость Зарубежной Церкви была отчасти сродни общей русской болезни преклонения перед границей. Там, дескать, и солнце ярче, и сахар слаще, и Церковь лучше. До поры была лучше, но время это минуло.

Вернемся к процитированному выше «Обращению» к Зарубежному Синоду.

Видимо, в наши дни сбываются худшие прогнозы русских патриотов Зарубежья, прежних и нынешних, касательно перерождения РПЦЗ. Но семена плевел среди пшеничных колосьев были посеяны в русской церковной иерархии давно, еще до революции! Не распознанные вовремя, они стали заглушать добрые злаки, стремясь в наши дни окончательно засорить посев Истины. Время само диктовало необходимость братского объединения мирян, и не только в деле орденского служения сохранения истинного Православия.

Обращаясь к заявлению русских монархистов в 1927 году, о котором было сказано выше, мы можем процитировать текст документа в передаче архиепископа Феофана Полтавского: «При этом они заявляют, что если не найдут поддержки в борьбе за чистоту Православия у Синода, то будут вынуждены „с верными Православию пастырями искать путей спасения Русской Церкви помимо Синода и даже вопреки ему“, по примеру православных братств южной России в XVI–XVII веках». Иными словами, авторы видели для себя возможность, ввиду явного отступления иерархов от Истины Православия, воспользоваться историческим русским опытом для сохранения Веры в орденских братствах верных клириков и мирян. Это не востребованный нами, но весьма актуальный в наши дни опыт Русского православного Зарубежья.

По примеру православных братств, чья борьба происходила в условиях тотальной измены епископата, русская православно-монархическая борьба в современной России встает перед необходимостью искать путей спасения Русского Государства и Русской Православной Церкви.

И путем спасения Отечества и Церкви будет неминуемо путь орденского, братского единения всех честных и верных пастырей любых юрисдикций с лучшими из мирян, не сложивших оружия и готовых идти до победы Русского Дела.

Многие православные люди приходят в ужас от одного только определения «орденское» для грядущего русского братства. Другие уверены, что коль скоро братство будет тайным, то оно неминуемо обратится в полную противоположность от начала задуманного благого мероприятия и обязательно станет антихристианским, как случилось, например, с орденом тамплиеров. Эти страхи вполне обоснованны, однако мы заявляем, что у русского ордена нет и не будет тайных задач и планов, какие были у масонских лож. Мы не скрываем, что наш глава от начала был, есть и будет Господь наш Иисус Христос, и мы пребудем до конца верными чадами Его Церкви. Говоря о значении тайны, мы, как христиане, обязаны прежде всего вспомнить Тайную Вечерю Спасителя и то, что из той же потаенной от иудеев Сионской горницы, как из скрытого семени, в день Сошествия Святого Духа возросла наша Церковь! В отличие от масонов и отца их диавола, мы не лжем своим рыцарям долга и веры. Наша цель от начала известна всем, и мы не намерены ее укрывать! Мы не утверждаем лукаво, как то любят делать тайные масонские агенты, что нас нет. Мы есть и будем до конца времен сражаться за Святую Русь. Мы – белое рыцарство Христа и Православного Русского Царя, и имена наши ведает Бог. Мы – те, кто борется против духа разделения, против тех, кто раздирает хитон Церкви, растаскивая Единую Святую по автокефалиям, юрисдикциям и сектам. Но наши устремления до времени должны зреть в тайне, чтобы молодые побеги новой национальной силы не могли быть уничтожены в зародыше.

Любая тайная организация современности или вообще организация непартийного типа имеет одну особенность, которая позволяет ей выживать и развиваться в условиях жесткого подавления инакомыслия современным (весьма нетерпимым, как бы ни утверждалось обратное) либеральным

государством. Орден – это неформальный союз единиц, объединенных не столько организационно, сколько идейно. Это молчаливый, неписанный закон индивидуумов, готовых до известного времени и предела бороться за идею в совершенно автономном режиме каждый на своем месте. Это сообщество борцов, руководствующихся древним девизом: «И один ты в поле воин, если ты по-русски скроен!» Это – организация без определенных границ и очертаний, которая не боится административного нажима, официальных запретов и провокаторов. Это братство людей, упорно созидających на поле духовной и культурной консервативной революции. Каждый на своем месте работает по своему плану и до своей маленькой, но очень важной победы. Из этих маленьких побед в будущем обязательно вырастет одна большая победа. Впрочем, орденская идея не исключает возможности создания и существования внутри орденской системы организаций и союзов традиционного типа с официальным статусом и прозрачной структурой, временных или постоянных.

Как бы то ни было, орден в таком виде есть братство единоверцев, не подвластное разрушительным воздействиям системы. И в такой орденской организации наших сил и воли мы уподобляем себя древним христианам, которые без нужды не выставляли на всеобщее обозрение враждебному миру язычников ни свою жизнь, ни таинства своей веры. Первохристиане всегда сохраняли тайну своей общинной жизни, если только речь не шла об открытом исповедничестве и мученичестве, когда сама вера требовала от них подвига. И тем не менее из тайного мрака катакомб выросла Церковь и, во всем своем величии и блеске, Вечная Христианская Империя.

Теперь о самом слове «орден», столь непривычном для «ортодоксального» православного уха. Латинское слово «ordo» можно перевести русским «послушание». Орден и тайные организации в истории Европы – не всегда одно и то же. Изначально это разные явления. Ордена зарождались в лоне католической церкви, и ничто не предвещало их антихристианского перерождения, пока они оставались в лоне этой церкви. Историческое масонство в XVII и XVIII веках поглощало те орденские и цеховые структуры, которые самостоятельно прошли путь разрыва с христианством в эпоху гуманизма. Вырождение орденских организаций Запада было прямым следствием отпадения их от единого тела Вселенской Церкви в латинскую ересь, в которой заложена потенция прогрессирующей деградации. Ордена как сообщества единоверцев известны и на Руси. Опираясь на этот, доселе не востребованный, опыт предков, мы могли бы продолжить борьбу за Священные идеалы. Тысячелетнее стояние в Истине Православия вселяет в нас исторический оптимизм, который мы можем подкрепить примерами нашего прошлого. Исторический успех православных братств Украины и Белой Руси вселяет в нас уверенность в победе. Идеолог борьбы братств против экспансии католиков и предательства епископата святой Иоанн Вышенский говорил: «Не попы нас спасут, или владыки, или митрополиты, но веры наша таинство». Для современных мирян и клириков необходимо помнить, что для противостояния современному апостасийному миру мало считать себя православным и быть идейным монархистом. Надо исповеднически утверждать себя верноподданным грядущего Последнего Царя – «Удерживающего» и последнего русского Царя Николая, по нашим грехам ушедшего в вечность с трона земного, чтобы обрести трон на небесах одесную Царя Небесного. Без этого нет истинной православной веры. предавший земного Царя, который есть «земная икона» Царя Небесного, не может более быть верным Христу.

В свете перечисленных фактов для думающего человека нет ничего поразительного в том, что Московская Патриархия столь долго не желала канонизировать Царственных мучеников. Увы, но грех цареступничества – и это глупо скрывать – в наибольшей степени развел именно эту, бывшую под тотальным прессингом властей, «юрисдикцию», что заставляет еще раз с горестью вздохнуть о многих замечательных батюшках и монахах, волею земных судеб вынужденных пребывать в церковной организации Московского Патриархата, находившегося в болезненном советском и постсоветском состоянии.

Для более точного диагноза того состояния, в котором сейчас пребывает Русская Православная Церковь всех без исключения юрисдикций, мы должны вернуться к кровавым событиям 1917 года. Вследствие политического заговора не только от государственной, но и от церковной жизни был устранен, а затем и ритуально убит Православный Царь. Поместный Собор Русской Православной Церкви, проходивший под государственной защитой заговорщиков из Временного правительства, фактически молчаливо оправдал злодеев. Избрание патриарха Тихона автоматически обращало на его главу церковную анафему и Соборную клятву 1613 года, данную русским народом на верность до скончания времен царям из рода Романовых как Помазанникам Господним, священным Возглавителям и хранителям Церкви и народа Божия. Патриарх искупил этот грех своей мученической кончиной, но на всех нас лежит тяжким бременем клятвopеступление наших дедов и отцов, всего Поместного Собора!

Современный мыслитель, укрытый под псевдонимом Николай Козлов, пишет:
«Цареотступничество духовенства и монашества положило начало клерикальной революции,

приведшей к устранению из церковно-канонической практики всего царского чина в лице Царя, назначаемой им синодальной оберпрокуратуры и носителей проистекающего из царской воли ктиторского ставропигиального права, к уничтожению достоинства народа Божия как „царского священства“, „царей и иереев Богу“ (Ап. 1, 6). Древние права избрания и назначения священников и епископов, созыва церковных соборов, церковного суда и приношения жертвы, принадлежавшие в Церкви совокупно народу Божию и реализовывающиеся исключительно Священной особой Православного Государя, были революционно узурпированы клиром. С октября 1917 года произошла вторичная узурпация. С того момента Совет по делам религии большевистской власти решал все канонические вопросы церковного строительства и жизни – смещение и назначение епископов и священников, регламент и порядок уставных богослужений. Традиции большевистского „синода“ живы и поныне. В церквях Московской Патриархии из уставных богослужебных текстов вымарываются любые напоминания о священном праве Царей возглавлять и направлять церковную иерархию. „Лишенная канонического иерархического чиноположения в Церкви по царскому чину, имеющему свою каноническую иерархию, возглавляемую и утверждаемую Священной Особой Православного Государя, благочестивый мирянин, сын Церковный и государев богомолец оказался бесправным субъектом церковно-канонических отношений, утратив принадлежащее ему каноническое достоинство ревнителя веры и благочестия, защитника и хранителя Святой Церкви...“ Симфония царской и священнической власти в управлении Церковью Христовой, народом Божиим, составлявшее каноническую основу церковной жизни, оказалась разрушенной», – справедливо определяет нынешнее трагическое положение Русской Церкви Н. Козлов. Отделение Церкви от государства на практике вылилось в «профанирование» и революционную ломку всех канонов, упразднение государева чина из церковно-канонических отношений, имевшее началом и концом вероотступничество духовенства, выразившееся в умалении, а затем и в полном отрицании экклезиологического и канонического значения власти помазанника Божия, Православного Царя.

Автор этих строк был свидетелем того, как несколько лет назад в Белоруссии, при освящении храма в городке Крайске в честь св. Николая Мирликийского и св. Царя Николая и его семьи, митрополит Владимир, Экзарх Белой Руси, в слове на освящение храма сказал, что актом прославления Царя в сонме святых Московская Патриархия «отнюдь не реабилитирует монархию». Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, бывший председателем Комиссии по канонизации святых и председателем комиссии по наследию о. А. Меня, заявил накануне прославления Царственных мучеников, что канонизация Царской семьи не означает канонизацию монархии. Эти два указанных иерарха, Бог им Судия, даже и не подозревают о том, что монархия не нуждается в какой-либо реабилитации. А вот многие из высшего священноначалия в духовной реабилитации нуждаются остро.

Впрочем, это наследственная болезнь и грех нашей церковной иерархии, корнем своим имеющая февральское предательство законного Царя. Тогда члены Св. Синода, ни один из которых не был в прошлом революционером, а все как один якобы стояли на страже Веры, в столь трудный для России час единодушно утверждали, что изменения, сделанные ими в богородичне в начале утрени, определены тем, что Временному масонскому правительству повелела править... Сама Пресвятая Богородица!

Необходимо вспомнить и внесенные по инициативе этих иерархов правки в дореволюционные печатные богослужебные книги, которые сохранились в храмах, не закрытых богоборцами. «Справщики» старательно вымарывали слово «Царь», причем и применительно к Царю Небесному, и делали это отнюдь не большевики или скрытые чекисты.

Для сомневающихся напомним, что на языке Священного Писания Царь называется помазанником или Христом Господним соответственно одному из трех священных достоинств Иисуса Христа как архиерея, пророка и царя, прообразом или живым изображением которого является в Ветхом и Новом Заветах ветхозаветный или Православный Царь. Учение Церкви о священном достоинстве и особом месте и значении в деле Божественного Домостроительства Православного Царя закреплено в церковных канонах и анафематизме, читаемой в неделю Православия: «Помышляющим, яко Православнии Государи возводятся на Престол не по особливому о них Божию благоволению и при помазании дарования Святаго Духа к происхождению великого сего звания в них не изливаются, и тако дерзающим противу их на бунт и измену: анафема, анафема, анафема».

Без какого-либо соборного определения отказавшись от молитвенного возношения имени свергнутого Государя, сначала пореволюционный Синод, а затем и Поместный Собор 1917–1918 гг. оказались вне канонического общения в его мистической полноте с Русской Православной Церковью, исстари анафематствовавшей изменников Священной Монархии. Этот страшный грех лег тяжким грузом не только на «сергианствующий» Московский Патриархат, но и на Зарубежную Церковь, хотя, конечно, в несколько меньшей мере. В этом корень того парадоксального явления, когда все епископы

Зарубежной Церкви, так или иначе оказавшиеся после Второй мировой войны в пределах СССР, были лояльны советской власти. Ни один «зарубежный» епископ, попав в зону влияния оной власти, не отличился исповедничеством, которое они же требовали от простого священства Московской Патриархии, как неоднократно указывал на этот прискорбный факт Никита Струве.

В учет ими не принималось даже и то, что каноническая незаконченность (если не всецелая незаконность современной структуры Московской Патриархии во главе с Патриархом) заключается, между прочим, и в том, что канонические симфонические отношения между царской и священнической властью в управлении Церковью нуждаются во взаимном утверждении их легитимности. Царь назначает патриарха, которого рукополагают епископы, а патриарх миропомазует на царство законного Царя, который сам в присутствии народа и синклита собственноручно возлагает на свою главу царский венец в знак божественной инвеституры царской власти, которая не передается, а только утверждается молитвами первосвященника. «Священное достоинство царского чина имеет начало в боговенчанном Царе как в своем плотоносном священноначальнике, передаваясь от самого Царя царскому синклиту и иерархически до последних государевых людей и подтверждается молитвами Церкви», – пишет Н. Козлов.

Лишь на последнем, уже тайном совещании 15 августа 1918 года участники Поместного Собора смогли четко определить те границы, в которых Церковь готовилась существовать в условиях богоборческой власти, после зверского ритуального убийства Царской семьи. Эта Истина должна была стать путеводной нитью для всех, кто готов в труднейших условиях внешней тьмы держаться верной Православной стези.

Архимандрит Константин Зайцев писал в Русском Зарубежье: «...Два положения, определяющих сознание Русского Православия, получили ясную формулировку. Во-первых, Церковь отказывается от каких-либо суждений о своем будущем, почему в силе полной остается только вопрос о верности Церкви в ее исходной преемственности. Во-вторых, не имеет Церковь суждения применительно к современности и о гражданском сознании русского человека, и требует Церковь от каждого русского человека только одного: не действовать во вред истинной Церкви. Другими словами, Церковь, оставаясь в своей исходной преемственной подлинности, отчуждает себя от вновь возникающего мира, а от русского человека, таковым желающим остаться, требуется только одно: осознания себя верности Церкви именно этой, исходной, в своей преемственности сохранившейся и принципиально отчуждившейся от современного мира. Перед нами идеология катакомбная!»

Конечно, и такой уход от мира не спас катакомбную Церковь от жесточайших преследований извне и от еретических крайностей внутри. Но тем не менее именно принципиальная сокрытость истинной Церкви в священных водах Светлояра призывает нас не кочевать по плотским и зримым юрисдикциям, а быть верными прихожанами истинного Храма, православной общиной града Китежа.

Однако что же было делать всем тем благородным русским людям и верным пастырям, которые силою обстоятельств стали клириками и прихожанами Московской Патриархии, находящейся под Советами, или иной юрисдикции, когда литургическая практика их свидетельствовала об отступлении от монархического предания исконной Греко-русской Церкви?

Для очень многих «метания духа» были излечены словами архимандрита Константина Зайцева, писавшего: «...вопрос этот был очень острый – я знал, что, оставаясь со своей паствой, что было по прямому завету Христа в Евангелии, я тем самым фактически переходил из общения с Зарубежной Церковью ко прямому и непосредственному общению с Русской Церковью Патриаршей, с Московской Патриархией. И когда для себя я этот вопрос решил, то я понял, что это был принципиальный вопрос – о том, что Божественная благодать Евхаристии, то есть Причастия, выше церковных юрисдикций, то есть подчинения тому или иному Синоду, Собору или епископу. Уже встав на этот путь, я с него не сходил и никогда не сошел, потому что Церковь была для меня выше, чем земные пути. Божественная природа Церкви, выражающаяся в иерархии и в таинствах, была для меня выше, чем человеческая природа Церкви, которая может иногда ошибаться... я сказал открыто и прямо владыке Иоанну (святой Иоанн Шанхайский. – *Авт.*), что я не могу по совести своей бросать камнем, как это делали многие в Зарубежье, в Русскую Православную Церковь, ее Патриарха и ее иерархов. Знаете, что он мне сказал? Он мне сказал: «Я каждый день на проскомидии поминаю патриарха Алексия. Он патриарх. И наша молитва все-таки остается. В силу обстоятельств мы оказались отрезаны, но литургически мы едины. Русская Церковь, как и вся Православная Церковь, соединена евхаристически, и мы с ней и в ней. А административно нам приходится, ради нашей паствы и ради известных принципов, идти этим путем, но это нисколько не нарушает нашего таинственного единства всей Церкви».

Давайте же и мы не нарушать таинственного единства Церкви, помня, однако, что она началась в Вечности и в ней же имеет свое продолжение. И видя, как современные иерархи, пренебрегая большинством нашей Церкви, взирающим на нас из Вечности, рвут нити таинственного единства,

бесстыдно разоряя каноны и предавая забвению священные предания, мы имеем полное право если не бросить камень, то уже поднять его с земли и пригрозить. Если же сомнительная догматическая верность «патриаршей» воле и навязанная «социальными доктринами» дисциплинированность паствы для нас важнее преданий церковных, то мы что угодно, но не Православные Христиане.

Сегодня, как никогда раньше, мы видим реальную возможность осуществления того, о чем говорил православный американец Серафим (Роуз): «Все церковные организации в конце концов поклонятся антихристу». Растолковывая эти слова, он говорил, что «Церкви, в силу того, что являются организациями (не как мистическое Тело Христово!), вынуждены будут подчиниться единому мировому руководителю, чтобы быть „признанными им для продолжения своего существования“. Тем самым, по словам о. Константина Зайцева, „верность Христу принимает формы уже исповеднические“, и „подвиг Русскости“, орденский по своей сути, т. к. по силам лишь избранным, становится подвигом рыцарской верности Вере отцов, „готовой обратиться в мученичество“.

Но вернемся к историческим истокам тяжелой болезни нашего церковного нестроения. Предательство Государя фактически всей иерархией Русской Церкви в марте 1917 года, юридически закрепленное формулой умолчания о свершенном преступлении на Поместном Соборе, имело трагические последствия для духовного здоровья всего русского народа. История становления Московской Патриархии тяжелым грузом лежит на совести всех православных людей, прихожан «патриархийных» храмов, к которым принадлежит и автор данной книги, и требует от нас сугубой метанойи.

Вначале будущие первые лица «патриаршей иерархии» дружно отпали в ересь обновленчества. Увидев, что обновленцы пользуются поддержкой советской власти, их тотчас же признали. Таковыми отступниками оказались митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский), архиепископ Евдоким (Мещерский) и епископ Костромской и Галичский Серафим (Мещеряков). 16 мая 1922 г. ими был опубликован «Меморандум трех», где выражалось полное признание обновленческого ВЦУ как единственной канонически законной Верховной Церковной Власти, все распоряжения которой законны и обязательны. К этой группе примкнул и епископ Ямбургский Алексей (Симанский) – будущий советский Патриарх. Следующим этапом отпадения от Церкви явилась знаменитая декларация 1927 года митрополита Сергея (Страгородского), которую часто рассматривают в отрыве от обновленческой ереси вышеуказанных апостатов, что в корне неверно. Декларацию о верности большевикам-христорборцам, кроме митрополита Сергея, подписали члены созданного совместно с НКВД (и без согласия епископата, т. е. незаконным путем) «Синода» Патриархии: митрополит Тверской Серафим (Александров), известный как прямой агент НКВД; архиепископ Вологодский Сильвестр (Братановский) – «бывший обновленец»; архиепископ Хутынский Алексей (Симанский) – тоже, как Сергей и Сильвестр, присягнувший обновленцам и вновь пришедший к Патриархии, естественно, через «покаяние»; архиепископ Самарский Анатолий; архиепископ Звенигородский Павел – управляющий Псковской епархией, пришедший из старообрядческой секты «беглопоповцев»; епископ Сумской Константин – управляющий Харьковской епархией; епископ Серпуховской Сергей. Всего – девять человек. Против «Декларации» и такого «Синода» выступило подавляющее большинство (многие десятки) архиереев, находившихся в России: в тюрьмах, лагерях и ссылках, откуда почти никто из них не вернулся.

Если «Декларация» Сергея и спасла чьи-нибудь жизни, то только его самого и узкого круга приближенных к нему лиц. Репрессии против духовенства продолжались после «Декларации» с невиданной силой.

В 1935 году из тюрьмы вышел законный местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр, которому Сергей обязан был передать все церковное управление.

По свидетельству о. Льва Лебедева, Сергей пишет письмо в НКВД, где предупреждает чекистов, что в случае перехода власти к Петру «рухнет здание сотрудничества» Церкви и советской богоборческой власти. Через несколько дней митрополита Петра опять арестовали и в 1937 году расстреляли.

Всякому честному человеку понятно, что от подлинной и законной церковной власти Московской Патриархии, какой она была сразу после смерти патриарха Тихона, откололась группа во главе с Сергием. Многие из группы Страгородского затем еще горько пожалуют о своем легкомысленном конкордате с Советами, который, логикой вещей, заставлял их уступать одну позицию за другой, часто идя на крайне сомнительные сделки с собственной совестью.

В 1927 году епископ Ижевский Виктор (Островидов) писал по поводу «Декларации» (Послания) Сергея так: «...От начала до конца оно исполнено тяжелой неправды и есть возмущающее душу верующих глумление над Святой Православной Церковью и над нашим исповедничеством за истину Божию. А через предательство Церкви Христовой на поругание „внешним“ оно есть прискорбное отречение от Самого Господа Спасителя. Сей же грех, как свидетельствует слово Божие, не меньший

всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повергает человека непосредственно в бездну гибели...»

Как мы указывали выше, «меньшими» грехами ереси обновленчества творцы «Декларации» себя также «премного изукрасили». Ничего не скажешь, тяжелое наследие несет на себе эта часть Русской Поместной Церкви. Безусловно, сейчас в Церкви есть огромное количество замечательных монахов, иереев и мирян, которые являются истинно православными русскими людьми. Есть и иерархи, заслуживающие всяческого уважения. Они сделали великое дело, когда буквально заставили Московскую Патриархию присоединиться к почитанию царя Николая Второго как святого мученика. К почитанию, которое было соборно определено Русской Православной Церковью за границей в 1981 году. Но мы все еще далеки не только от совершенства, но и от простого выздоровления от многочисленных недугов.

Отец Лев Лебедев с прискорбием писал в своей неоднозначной книге «Великороссия» о том, что: «Качество веры изменилось до неузнаваемости. В людях попроще, из той социальной среды, где и по сей день искренне полагают, что заброшенный храм весьма удобен как сортир, в людях из этой среды вера давно превратилась в некое церковнообразное язычество, где все сводится к делу „жертвоприношений“ Богу с тем, чтобы он не наказал или подал просимое. В людях более высокого культурного уровня, наряду с этим, заметна и жажда „духовных переживаний“. Но если нет подлинной Благодати Духа Святого и вызываемых ею высоких чувствований, то их пытаются изобразить, то есть искусственно воссоздать. И получается „прелесть“ в виде экзальтации разных степеней, приводящей сплошь и рядом к психическому и умственному расстройству той или иной степени. Так что теперь среди верующих интеллигентов самые усердные – это всегда, обязательно и непременно – душевно (или нервно) больные люди. На этой почве особенно пышным цветом расцвели в „патриархии“ явления ложного „старчества“ и „обожествления“ молодых архимандритов сбесившимися истеричками. В отличие от св. Иоанна Кронштадтского, архимандриты (игумены, иеромонахи и иные „благодатные батюшки“) не гонят таких прочь от себя, а всячески поощряют, иногда создавая из этих поклонниц настоящие банды, терроризирующие морально (а то и телесно!) остальных верующих. Это страшное явление имеет явно антихристов характер. Одна из почитательниц такого архимандрита очень точно сказала: „Наш Бог – батюшка!“

Жажда иметь «живого бога», человека-бога, которого можно было бы кумиротворить в жизни, – вот что за этим стоит. Эпоха «культов личностей» не прошла даром. Сколько сотен, тысяч (!) душ по всей России безнадежно испорчено этими новоявленными «старцами», «благодатными» наставниками и «чудотворцами»! Старчество подлинное прекратилось давно...»

Страшные слова Льва Лебедева могут прямо-таки привести нас в состояние апатичного ожидания трагического конца. У каждого из нас, читающих эти строки, на память приходят множество примеров подобного духовного помрачения верных чад Московской Патриархии.

Но и это еще не все. Дальше, как говорится, больше. Опять же по свидетельствам о. Льва Лебедева, с начала 1960-х годов одновременно начинают развиваться два злейших еретических учения в лоне все той же Патриархии – богословие революции и экуменическое учение. Оба связаны с личностью митрополита Никодима (Ротова), у которого было большое количество искренних почитателей. В шестидесятых «никодимовцы», для начала, стали стыдливо избегать упоминаний о дьяволе и бесах, а сам Никодим вместо слова «грех» элегантно выражался «наши несовершенства». Тот же гражданин Ротов, питавший некоторую слабость к священническому облачению, поставил вопрос ребром перед Всеправославным совещанием на острове Родос, готовившим новый 8-й Вселенский Собор, о том, что пора признать масонство одной из положительных религий, чтобы появилась возможность установить с ним экуменическое общение.

Снова дадим слово отцу Льву Лебедеву: «С 1960-х годов, как мы видели, рядом еретических учений, соответствующих тем учениям, что были в древности осуждены Соборами и отцами, наипаче – экуменической ересью и связанной с ней практикой совместных молитв с еретиками... определенные иерархи, такие, как патриарх Алексий Первый, митрополит Никодим, и несколько им подобных оказались явно отсеченными от Православия, лишенными сана. В этом случае (т. е. явного еретичества) не требуется даже соборного решения об извержении из сана, по слову 15-го правила Двукратного Константинопольского Собора и по замыслу 3-го правила Третьего Вселенского Собора; лишение сана происходит мистически естественным путем, что и дает право и даже обязывает каждого священника или мирянина выйти из подчинения такому епископу или патриарху, не дожидаясь никакого соборного решения о нем...»

Может быть, оценки о. Льва и других критиков Московской Патриархии советского периода очень уж категоричны, но ясно одно: все мы, прихожане храмов Московской Патриархии, должны сознавать, что без покаяния в грехе, который исторически получил наименование «сергианского», наша Церковь как минимум лишается всякого нравственного авторитета.

Сложно сказать, насколько «чистые» ризы Русская Православная Церковь сохраняет вне пределов России, за границей, вынужденная вступать в отношения с прямо антихристианскими властителями Запада, и в разрозненных катакомбных группах у нас на Родине. Для нас главное, что Православие сохраняется в душах многочисленных русских людей, а значит – надежда на Воскрешение в России Поместной Церкви Божиим Промыслом у нас не отнята.

Все эти прискорбные факты Церковной истории после злосчастного 1917 года приведены здесь не для того, чтобы люди валом уходили из Церкви. Отнюдь нет. Болезнь Церкви, если она не смертельна, а этого и быть не может, – просто сигнал для нас начать покаянный Крестный ход нравственного очищения. И ход этот надо начинать изнутри, из души каждого отдельного человека. Неустроение нашей церковной жизни, грехи и проблемы не решат за нас те, кто вне Церковной ограды. Их решим мы, объединившись в нерушимое орденское братство верных истинному Православию.

При всех зловещих предзнаменованиях конца Вера наша и надежда на кратковременное воскресение России не могут быть тщетными. Наш современник, замечательный православный мыслитель М.В. Назаров справедливо отмечает: сам факт того, что Россия даже в таком истерзанном и больном виде еще является субъектом истории наших предпоследних времен, доказывает нам, что миссия русского народа-Церкви и, соответственно, Поместной Русской Православной Церкви до сих пор не исчерпана. В случае синергии, нашего духовного катарсиса и Благодатной помощи Всевышнего, по предсказаниям духоносных отцов, Россия может воскреснуть и восстать из гроба, как Лазарь Четверодневный.

Но катарсис наш немыслим без оздоровления изнутри Церкви, которая в тяжелейшие сталинские годы репрессий через полное признание большевизмского режима получила от Бога, по слову Апостола, «действие заблуждения», так что «стали верить лжи». И как это ни больно, но нельзя не сказать и о том, как многие «верующие» прихожане относятся к этой серьезной проблеме.

Дадим еще раз слово отцу Льву Лебедеву – тому, кто выстрадал эту тему всей своей подвижнической жизнью и имеет право говорить открыто и жестко, на что мы сами не дерзаем, дабы не обидеть ненароком верных: «...они вполне довольствуются видимостью вместо реальности, обозначением вместо совершения, внешностью, а не сущностью. Прошедшие сами школу комсомольско-партийно-общественного советского оборотничества, когда на людях – одно, а в мыслях (и тайных делах) – другое, и привыкшие думать, что „так и надо“, они вполне приемлют государство-оборотень, церковь-оборотень, оборотня епископа или священника. Для таких „верующих“ важно лишь, чтобы оборотничество было достаточно точным, то есть чтобы все, делаемое в „патриархии“, изображалось, обозначалось в соответствии с внешним православным чином, уставом. Чин, обряд стали центром веры. Принадлежность к православному обряду сделалась главным и, пожалуй, единственным условием „спасения в Бозе“ (через Церковь) в глазах верующих „совков“, не желающих и слушать о том, что такое „спасение“ может оказаться мнимым». Этим объясняется прискорбный факт в нашей новейшей истории, который нас значительно отдалил от действительного возрождения.

На рубеже 1990 года состоялось историческое решение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей о приеме под свой омофор всех тех в СССР, кто не желает оставаться в отступнической и еретической «советской церкви». В это время вышли из подполья чудом сохранившиеся общины истинных и ложных катакомбников, но массового обращения русских людей к Зарубежной Церкви не произошло. Подавляющее большинство верующих и сейчас считает за честь сохранять верность Московской Патриархии. Впрочем, последняя тенденция на сближение Патриархии и «зарубежников» снимает этот вопрос, но не отменяет главной проблемы – нравственного здоровья нашей Церкви. Грех «серианства» волей-неволей сделал Патриархию времен СССР духовным соучастником большевизма, покаяния в чем мы соборно и церковно не принесли. Этот же наследственный грех долгое время не позволял пастырям возвысить свой голос в защиту исчезающего русского народа, не позволяет зачастую и сейчас смело вставать в оппозицию властям, когда это диктуется нравственно осознанной необходимостью.

Все, кому не безразлична судьба русского народа, долгое время полагали, что Русская Зарубежная Церковь – это единственная Поместная Русская Православная Церковь. Последние события в Руси Зарубежной не позволяют нам более столь оптимистично взирать и на эту церковную юрисдикцию. В лоне Московской Патриархии были и есть еще вполне искренне обратившиеся к Богу люди и сердцем страдающие за паству владыки и батюшки. Будучи зачастую в меньшинстве в своем подвижническом рвении, они немного могут сделать, хотя и проявляют порой образцы гражданского мужества, подвижничества и самоотвержения. Но, объединившись, такие люди смогут многое, если не все, даже временно оставаясь на том месте, куда их призвал Господь для подвига стояния в истине. Среди них и должна проводиться орденская работа по духовному объединению, ведь стержнем

русской орденой идеи на современном этапе является верность Истинному Православию отцов, даже в условиях всеобщего отступничества от истинных основ веры, что уже было в истории Церкви в Западной Руси.

В современных условиях, когда в России нет Царя, а держава русской государственности таинственно принята Богородицей, в чем верующее сердце верно убеждается, взирая на образ Владычицы «Державной», мы должны руководствоваться Царской волей. С одной стороны, она неотделима от личности самого Государя, но с другой – должна быть исполняема верными и в его отсутствие. В определенном, сокровенном смысле мы вправе рассматривать таинственную Опричнину Царя Иоанна Васильевича как инструмент исполнения его Державной Воли до конца времен. В своем завещании, составленном во время тяжелой болезни, Царь писал: «А что есми учинил опришнину, и то на волю моих детей...» Опричное служение не пресеклось на Руси в момент ее «официального упразднения» в 1572 году. И при последних Рюриковичах, и при первых Романовых Опричнина мыслилась учреждением никак не «спекулятивным», но в высшей степени «оперативным», как это ни покажется парадоксальным современнику. Говоря о ней, мы не хотели бы вызывать у читателя в памяти устойчивый стереотип зловещей организации террора. Об этой организации сегодня написано немало интересных и честных исследований, для нас же важен ее глубинный архетип как совершенно определенной орденой организации, возникшей в лоне Православной традиции.

Для того чтобы полнее определить тот особый монархизм, который должен быть исповедуем истинным православным орденом, мы должны обратиться к замечательным словам современного автора Г. Николаева, приведенным в книге «...И даны будут жене два крыла». В частности, Г. Николаев пишет: «Невозможность (а мы бы даже дерзнули сказать – кощунственность) любых форм политического монархизма – от легитимизма до соборничества – очевидна для каждого, кто вдумается в пророческое обетование о ризе, которая сама придет к Державной иконе. Ибо пока скипетр и держава Русского Царства не сокрыты от предстоящих и молящихся, смысл явления самой иконы – по-прежнему – еще и в том, что русский народ лишен монархической государственности и продолжает в самоослеплении считать себя Верховной властью... С юридической точки зрения, Россия после 2 марта 1917 года (и до сих пор) живет в состоянии непрекращающейся параномии (но не аномии, т. е. беззакония, причем понятого как угодно широко), а Русская Церковь (о какой бы из двух юрисдикций мы ни говорили) – в состоянии параканоничности, имея своим основанием и краеугольным камнем (после февральско-мартовского предательства и апрельской „самоликвидации“) отнюдь не Поместный Собор 1917–1918 гг. и даже не кровь новомучеников, но услышанное и исполненное „моление о чаше“ Святого Царя, искупившего русский грех и спасшего Виноград сей от неизбежного вырождения в церковь лукавующих („хамократическую церковь“, по бесстрашному выражению о. Павла Флоренского). Историческая Россия невосвратимо мертва, и мы живем не надеждой на ее воскрешение, но чаянием мета-постистории, когда

...делом единым милости Господней
Исхищена будет Русь из преисподней.
Гонители, мучители постыдятся;
Верные силе Божией удивятся,
Как восстанет Русь во славе новой,
И в державе новой невестой Христовой.

Но, возможно, возразят нам, разве не были сказаны слова: «Государь взял вину русского народа на себя, и русский народ прощен»? Да, ответим мы вслед за старцем Иосифом Афонским, однако, «хотя и прощается грех, остается епитимия, соответствующая падению». Предстоя на коленях, со склоненной главой перед Державной иконой и образом Святых Царственных Страстотерпцев, мы, уповая на милость и силу Божию, чаем движения воды в том «мертвом море», которое, по неложному безусловному пророчеству, преобразившись, пребудет и во времена антихристовы (т. е. после отъятия Удерживающего) «громادным вселенским океаном народным» – Русским Царством».

Вот тот единственно верный монархизм Верных, который четко проводит границы между нами как орденом и внешним миром, готовым до бесконечности играть во «взрослые» политические игры и с упоением принимать участие в баталиях легитимистов-«кирилловцев», давно отпавших от единственно верной православной точки зрения на Православного Государя как таинственно предъизбранного помазанника Божия, с «соборниками», по-большевистски упорно считающими себя единственным источником Власти, которую они, через процедуру голосования, готовы передать понравившемуся толпе «пролетарийцев» царю «из народа».

Будто бы и не к этим «монархическим» активистам обращены были слова архимандрита

Константина (Зайцева). «Убог наш монархизм, – писал еще до войны (Второй мировой) архимандрит Константин, – поскольку он не выходит за пределы размышлений утилитарно-политических! Безсилен он перед фактом духовного распада России. Восстановление Российской монархии не есть проблема политическая.

Парадоксально может это звучать, но в настоящее время реальным политиком может быть только тот, кто способен проникать в мистическую сущность вещей и событий. Только духовное возрождение России может вернуть ее миру... Россию надо «крестить». Только наново крещенная Русь может снова стать Православным Царством. Возможно ли это новое рождение духовное? В этом – вопрос бытия России как исторической Личности, которая известна нам из истории и которая кончила свою внешнюю, государственно-организованную жизнь с падением Трона ее Царей. Другого пути восстановления Исторической России нет. И это проблема не только наша, русская. Это и проблема мировая, вселенская. Ибо от того или иного решения ее зависит и судьба мира, точнее говоря, зависит вопрос о возрасте мира и о близости наступления Восьмого Дня».

Восстановление истинной монархии невозможно одним человеческим произволением без Божиего на то благоволения. Монархия в России предмет не чистой политики, но, несомненно, предмет богословия в соответствии с нерушимыми Церковными преданиями! В условиях не только Церковных внутренних нестроений и предательств, но и идиотического сумбура в головах активистов «патриотического» лагеря существование православного монархического ордена как хранителя не только православных и исторических русских государственных преданий с определенной иерархической структурой и легитимной преемственностью к еще существующим осколкам единого некогда государственного, юридического и духовного пространства, называвшегося Российской Империей, более чем оправдано всей сложившейся в России ситуацией!

Именно народ Божий, русский народ в своей сверхисторической совокупности, является хранителем веры и благочестия в эпоху тайного отступления высшей церковной иерархии. Русский Церковный народ, в истинно-православном понимании сущности народа Божиего и в своем сверхисторическом единстве, есть иерархически организованная совокупность сословий, спаянных единством крови и олицетворенных в личности национального вождя – грядущего Православного Царя.

Мы – именно сверхисторическое, надвременное единство всех поколений – прошлых, настоящих и будущих. «В этом особое осознание универсальных религиозных ценностей и особое служение им», – пишет один из авторов «Опричного братства». Мы, Русский народ, есть особая мистическая общность людей, призванных Богом для достижения определенного замысла, превышающего задачи определенного исторического момента. Исполнение этой священной миссии предусматривает и особую форму объединения избранных и верных – форму Ордена грядущего Императора!

Православные братства и особенности русской орденской идеи

Наша жизнь складывается в условиях, напоминающих историческую ситуацию, в которой оказались православные южнорусских и западнорусских земель в XVI веке. История западных русских земель, вошедших в состав Речи Посполитой, свидетельствует о том, что «опришный образец» Грозного Царя получил новую жизнь в условиях существования православного населения в чуждой и агрессивной католической среде. Дело в том, что в католическом польско-литовском государстве на протяжении всего периода исторического существования этого политического образования большинство населения было православным. Сохранились достаточно многочисленные приходы, а гонения на русское православие сменялись периодами религиозной терпимости. Типологически этно-конфессиональная ситуация середины XVII столетия в Речи Посполитой напоминала наше нынешнее российское безвременье. Именно тогда, в далеком XVII веке, русские люди в Белоруссии и на Украине создавали первые прототипы современных православных орденских структур – православные братства. Именно в то нелегкое время сохранили православие на русском Западе.

Вспомним, что тогда же через приходы католические миссионеры улавливали сначала священников, а затем и часть прихожан в Унию. Эта опасность и побудила западноруссов перенести центр духовной и национальной жизни из приходов в братства.

Не секрет, что приход в современной России пока не может стать очагом не только духовного, но и национального возрождения русского народа. В силу особенностей постсоветской духовной разрухи он зачастую дублирует – иногда в гротескных формах – «раздрай» и разногласия, царящие в «демократическом» социуме.

Несмотря на провозглашенное при советской власти отделение Церкви от государства, Церковь как социальная структура связана с государством не просто многими нитями взаимосвязей, но и

прямо-таки удавкой финансовых отношений. И очень часто финансы начинают властно диктовать приходу свои правила существования в мире, где теперь все продается и покупается. Кроме этого, попытки установления единоличной и авторитарной власти в Православной Церкви, притязания высших иерархов говорить от лица «всей полноты Церкви», подменяя авторитетом сана соборный дух Господа, служат расстройству земного церковного организма.

Грустные и прискорбные примеры эти служат, несомненно, без всяких толкований, наилучшим доказательством того, что иерархия, как ни велико ее значение для церковного домостроительства, не может почитаться естественным устоем православия и правоверия, единственным и бесконтрольным руководителем в деле веры. Потому глубоко верно и основано на историческом опыте, на общецерковном самосознании понимание того, что точно выразил в 1894 году Н.П. Аксаков в работе «Духа не угашайте»: «...хранитель религии (веры или благочестия) – у нас есть само тело Церкви, т. е. самый народ, по мысли восточных патриархов, потому именно в Церкви ни духовенство, ни патриархи, ни соборы не могли внести что-нибудь новое, потому что защитник, охранитель веры, религии, православия есть само тело Церкви, т. е. самый народ. Мысль глубоко православная и вполне соответствующая историческому опыту Церкви, вполне выражающая содержание этого опыта».

Уже упоминавшийся нами выше современный историк и православный публицист Николай Козлов считает, что судьба России решится в духовно-ратном поединке опричного воинства с антихристом, и победа над «сборищем сатанинским», по предсказанию святых отцов, свершится помимо или опричь церковной иерархии, что, по мысли историка, является свидетельством приятия и благословения той жертвы бедной вдовы, которая, невзирая на подаяния от богатых и знатных, вложила все свое «пропитание» в церковную сокровищницу.

Напомним и одно из значений слова «опричина». Так называли на Руси вдовий удел Великих княгинь, а по предсказаниям старцев, последний Русский Царь будет происходить по женской линии из рода Романовых. И не в том ли еще один потаенный смысл нарождающейся орденской опричины, чтобы защитить этот вдовий опричный удел Великих княгинь романовской крови до таинственного прихода суженного Свыше супруга и Царя?

Таким образом, формированием органического единства лучших людей должна заниматься организация, но не чисто политического свойства и характера, а своего рода духовный орден. Организация с четкой иерархией ценностей, вертикально устремленных к Духовному идеалу Православия.

Хочется сразу же предупредить о том, что поиски таких людей в среде советской и постсоветской «творческой» интеллигенции могут быть почти бесплодными. История становления этого странного шизофренического сообщества замечательно описана у о. Льва Лебедева в его «Великороссии»: «Бедная интеллигенция! Она навсегда останется не понятой народом и презираемой своими соблазнителями. Очень немногие из интеллигентов сумеют разобраться в сущности вещей и вернуться к Православной Вере и подлинной народности. Но основная часть русской интеллигенции так никогда и ни к чему определенному и не придет! Она обладает, и по сей день, поразительно убогоньким мышлением. Которое не идет дальше обожания (культа!) „культурных ценностей“, в круг которых свалено все – от цирковых кривляний до икон Рублева (!) и трепетно-экзальтированного почитания еврейства. Последнее примечательно. Один из самых первых признаков „интеллигентности“ для русских интеллигентов – „любовь“ к евреям!»

К этому набору интеллигентности в постсоветское время прибавилась отвратительная лживость, потрясающая продажность и патологическая трусость, безволие и шизофрения не только в плане идеологической каши в голове, но и как сугубо медицинский диагноз. Впрочем, оставим мертвецам хоронить своих мертвых.

Несмотря на постигшую нас национальную трагедию, мы ни на мгновение не сомневаемся, что если все нынешние русские по крови люди, или хотя бы их здоровая и активная часть, обратили свои духовные взоры к Царствию Небесному, а не к земному, пришли в Церковь Истинную с чистым и покаянным сердцем, немедленно произошло бы и земное возрождение России.

Итак, наше спасение в орденской организации. Не устанем повторять для пугливых, что орден – не всегда тайная организация с тайными намерениями. Напротив, в христианской традиции Запада орден – это структура с четкими целями в рамках особого христианского послушания, и закрыта эта структура только от вступления в нее недостойных. В западной традиции духовенство и рыцарские ордена соединяли с церковью те же узы, которые связывали рыцарство и рыцарские ордена с Империей. Они зиждились не только на политической идее, но и на этической, духовной и даже аскетической основе. Это был особый, не созерцательный, но воинский аскетизм. Ордена являлись историческим развитием тех принципов, которые закладывались в древних «мужских союзах».

Именно «мужские союзы» были изначальными носителями тех принципов, которые отличались истинной политичностью в отличие от противоположных физико-социальных начал. Военно-

монашеские ордена Запада, как и Опричнина Грозного Царя, появились в дополнение к сугубо монашеским именно в тот момент, когда Христианскому миру явилась необходимость вести священную войну с неверными.

Идеальный образ столь нелюбимых ныне христианской общественностью тамплиеров, коих мировое масонство записало в свои духовные предтечи, описал Бернард Клервосский: «Тамплиеры идут в бой не с опущенной головой, но с осторожностью, предусмотрительностью и миролюбием, как настоящие сыны Израиля. Но стоит начаться сражению, как они не медля бросаются на врага, не зная страха... Один из них может обратить в бегство тысячу, две, десять тысяч врагов... Кроткие, как ягнята, и свирепые, словно львы, они соединяют в себе монашеское смирение с рыцарской доблестью».

Р.Б. Бычков верно замечает, что «Восточное Христианство во все времена своей истории имело куда меньший вкус к „формализации“, „заорганизованности“, нежели Христианство Западное. Именно этим объясняется то, что в анналах нашей Истории мы не находим слова „орден“. Однако это не значит, что ничего подобного западнохристианским орденам у нас не существовало. Во времена, когда поднимали голову „служители скверны“, православный Восток также разворачивал знамя священной войны. Так, к примеру, не чем иным, как военно-духовным Орденом, была знаменитая, не раз поминаемая нами выше, Опричнина Царя Иоанна Грозного».

Православным рыцарством многие склонны считать казачество (исследования на этот предмет см. в книге Р. Багдасарова «За порогом»). Некий аналог католическим орденам можно усмотреть и в православных братствах. Мы должны сразу сказать, что современная русская орденская структура должна быть организацией православных монархистов, чья цель, в отличие от масонов, не тайная, а явная. Мы сражаемся за Святую Русь и за восстановление Трона. Нам по необходимости придется скрывать свое членство в подобных структурах в условиях повсеместной апостасии, но это будет тайна сродни той, которая помогла выжить первым христианам в катакомбах языческого Рима.

Особенность такой организации состоит в том, что в ней на первое место выходят идеальные мотивы служения Истине, а все остальные поведенческие мотивации индивидуума носят подчиненный характер. Орден – это поле объединения новых людей и вождей, способных возвести преграду на пути мировых сил зла и создать вокруг себя иную атмосферу иной действительности, в которой не замедлят возродиться священные формы русской государственности. Создание нового государства и новой культуры неизбежно останется призрачной мечтой, если предварительно не будет решен вопрос о новом русском человеке. И пока этот вопрос действительно далек от своего решения, грезить о какой-то национальной революции в умах и сердцах современных россиян – бесполезно.

Орден должен стать генератором особого мировоззрения. Мировоззрение же не есть нечто индивидуальное. Оно зиждется не на книжных знаниях, но на врожденной восприимчивости к определенным принципам. Речь должна идти не о теоретических выкладках, но об особой предрасположенности к определенной поведенческой мотивации, которая влияет не только на область мышления, но затрагивает сферу чувств и воли, определяет характер и «проявляется в реакциях с уверенностью инстинкта». Мировоззрение берет свое начало в религии, являясь ее органическим продолжением, определяющим облик цивилизации в целом. Объединение людей сходной восприимчивости, генерирующих и транслирующих мировоззрение, может и призвано стать социальным катализатором тех процессов, которые имеют своим истоком непостижимый в своей полноте Божественный промысел о судьбах нашей многострадальной Родины.

Мы стоим только у начала того трудного пути по воскрешению освященной православной верой культуры в ее истинном понимании: культуры, опирающейся на культ, и никак не иначе. Чтобы представить себе, в каком социальном поле разворачивается наша борьба, давайте вчитаемся в слова Ю. Эволы, сказанные им по поводу плачевного состояния умов и душ современного человечества: «Одним из наиболее плачевных последствий общедоступности „свободной культуры“, всячески поддерживаемой либеральным мышлением, является то, что люди, не способные верно оценить происходящее, чей ум еще не обрел надлежащей формы, своего „мировоззрения“, в духовном плане оказываются полностью безоружными перед лицом различных влияний. Эта опасная ситуация, прославляемая как прогрессивное завоевание, является следствием совершенно ложного допущения, согласно которому современный человек достиг куда большей духовной зрелости по сравнению с жившими в так называемые времена „мракобесия“, а следовательно, способен к самостоятельному суждению и действию (на том же допущении строится и полемика современной „демократии“ против всякого принципа авторитета). Это чистое заблуждение: никогда раньше в мире не было такого количества лишенных внутренней формы, открытых любому внушению и идеологической отраве людей, которые, даже не догадываясь о том, подчиняясь психическим влияниям, порождаемым царящей вокруг интеллектуальной, общественной и политической атмосферой, и становятся их слепым орудием. Эти краткие замечания... поясняют, на каком уровне должен ставиться и решаться

вопрос о преодолении буржуазности, поскольку нет ничего хуже интеллектуалистской реакции против интеллектуализма. Когда туман рассеется, станет совершенно ясно, что именно „мировоззрение“, вне всякой „культуры“, должно объединять и разъединять людей, пролагая непреодолимые духовные границы; станет понятно, что и в политическом движении мировоззрение играет основополагающее значение, так как лишь оно способно выкристаллизовать определенный человеческий тип и, следовательно, задать особый настрой данному обществу... Успех консервативно-революционного действия, по сути, зависит от того, способна ли противоположная идея – традиционная, аристократическая и антипролетарская – оказать столь глубокое влияние, чтобы проложить путь новому реализму и, действуя как мировоззрение, сформировать особый антибуржуазный тип, который станет основой новых элит, преодолев кризис всех индивидуалистических и ирреалистических ценностей».

Отсюда с неизбежностью следует, что мы должны не только твердо придерживаться наших принципов, но и научиться жить в обществе, где почти все идет вразрез с нашими идеалами. Нам необходимо поставить заслон роковым процессам контрселекции. Смешанная масса серой расы размножается на теле полуживого русского государственного организма подобно раковой опухоли. Доступными на данный момент средствами необходимо создать предпосылки для необходимой кристаллизации и консолидации того слоя, который в будущем сможет выработать свойства, позволяющие твердо удерживать власть наиболее достойным и во всех отношениях (и в биолого-расовом отношении тоже!) чистым носителям Идеи. Мы должны научиться жить в ощущении затянувшегося междуцарствия, когда Трон пуст, но принцип, символ остается, сохраняет свой священный престиж, авторитет, даже если на данный момент нет никого, кто мог бы воплотить его во всей полноте, – высокий Трон, то есть духовный центр нашего сверхполитического организма. Мы живем в напряженном ожидании, когда определенное стечение обстоятельств, не зависящих всецело от нашей воли, но имеющих несомненную сверхчеловеческую природу, сделают наши чаяния чудесной политической реальностью Последних Времен. А пока перед нами задачи исключительно практического свойства, которые предельно четко определил гений итальянского народа Юлиус Эвола: «Несмотря на неблагоприятные условия, в качестве перспективы можно выдвинуть идею Ордена... Но для этого требуется нечто большее, чем голый энтузиазм молодых бойцов, пытающихся развернуть пропагандистскую работу (хотя они, несомненно, заслуживают уважения). Необходимы особо подготовленные люди, занимающие или могущие тем или иным образом занять в будущем ключевые позиции (в государстве. – *Авт.*)... Если взять за точку отсчета буржуазное общество и цивилизацию, мы считаем, что следовало бы привлечь к делу людей, которые... не считают своими ценности этого общества и цивилизации... В (эту) группу могут войти потомки древних европейских родов, сумевшие выстоять в этом мире, чья ценность определяется не только их именем, но также личными достоинствами. Мы согласны, что отыскать подобных людей довольно не просто... Иногда необходимо просто пробудить в крови то, что еще не потеряно безвозвратно, но только дремлет в ней. Наиболее ценным в подобных людях является наличие врожденных склонностей, «расы» (в элитарном, а не расистско-биологическом понимании этого слова), что позволяет им действовать и реагировать четко и уверенно. Они не нуждаются в теориях и отвлеченных принципах, так как по самому своему рождению хранят верность тем принципам, ценность которых была очевидна для любого благородного человека до победы революции третьего сословия и всего, что за ней последовало... Более значительное подразделение Ордена, на наш взгляд, могут составить люди, соответствующие человеческому типу, который формируется благодаря отбору и испытаниям преимущественно воинского характера и особой подготовке. Экзистенциально этому типу присуща способность «развенчивать басни»; они легко распознают обман и лицемерную ложь во всем цепком наследии идеологий, бессовестно использованных не столько для уничтожения той или иной европейской нации, сколько для нанесения удара всей Европе. Таких людей отличает нетерпимость ко всякой риторике, безразличие к любому интеллектуализму и политике политиканов и партократий, реализм высшего типа, способность действовать четко и решительно.

В недавнем прошлом их можно было встретить в элитарных воинских формированиях, сегодня – среди представителей десантных и других спецподразделений, особые подготовка и опыт которых способствуют возникновению указанного типа... Примкнув... к делу, эти люди могли бы стать «ударной силой» Ордена в наиболее активных аспектах его деятельности.

Если между двумя этими группами (представителей аристократических родов, интеллектуалов, с одной стороны, и людей действия, с другой. – *Авт.*) будут налажены прямые, взаимодополняющие контакты – что на самом деле не так уж сложно, как может показаться, – главная задача будет решена». На первом месте для людей подобного объединения будет стоять Вера, затем – верность орденским принципам духовного братства и, наконец, – нация в целом.

Важное значение играет и личность вождя, стоящего в центре и на вершине ордена. К

сожалению, такого человека сейчас не видно. На первых порах никто не способен распознать в том или ином человеке его потенциальных качеств будущего вождя, подчас – и он сам. Конечно, преимущества, которые несет с собой наличие с самого начала человека, чей авторитет и престиж признаются окружающими, очевидны, но скорее всего такой человек появится далеко не сразу, а лишь по мере возмужания организации.

Для России орденская идея немыслима вне Православной традиции, поэтому политический орден в религиозной сфере должен строго находиться в Церковной ограде. Исторически русская элита, и вообще политическая элита православных царств, была связана с личностью Царя – помазанника Божия – особыми священными узами через церковное таинство. В «Разговоре о священнодействиях и таинствах церковных» блаженный Симеон, архиепископ Фессалоникийский, пишет о древнем обычае Церкви при венчании и миропомазании Царя на царство освящать установленными чинопоследованиями вместе с Царем и приводящих его к миропомазанию государственных сановников и военачальников как свидетельствующих и подтверждающих его законное избрание лиц.

«В прежние времена посвящение совершалось после Царя и над другими сановниками. Ибо после избрания и царского определения они приводились в церковь, были поставляемы пред святыми вратами напротив престола, и патриархом совершаемы были молитвы и благословения», – писал архиепископ Симеон. Таинственный смысл этого священнодействия заключался в том, что Православный Государь не был просто первым чиновником в государстве, но являлся начальником особого церковного чина – особых государевых людей, опричнины верных и державных стражей Святой Руси и Церкви.

«...Архиерейский елей (миро для священного миропомазания) составляется из различных благовонных веществ: смирны, кинамона, тростника и рани, – говорит блаженный Феодорит, – но ни одно из них не дает само по себе такого благоухания, а смешение и соединение всех производит самый благовонный состав». Итак, прилично сему (пророк Давид) уподобил братское согласие. Ибо совокупность многих правых действий производит благоухание совершенной добродетели», – писал Евфимий Зигабен.

Такой совокупной добродетелью, которой как драгоценным миром таинственно помазуется на особое церковное служение Православный Царь, и является духовно-воинское братство, именуемое в русской традиции Опричниной со времен Царя Иоанна Васильевича. Эти витязи царской службы должны стать священным примером для творческого осмысления орденской традиции в России.

Переходя к задачам современности, отметим, что для Русского Воскресения необходимо иметь четкое представление о том, что главная цель ордена – необходимость существовать и действовать «в миру», а не келейно или живя в некоем отгороженном от политической жизни страны скиту.

Политическая цель ордена – это приход к власти не случайных людей, но нравственно безупречной русской элиты, готовой жертвенно воплощать в жизнь идеалы Белой идеи, как понимали ее лучшие умы России после катастрофы 1917 года. По самой своей природе орден есть воинская организация, требующая от своих членов ратного подвига, но, как справедливо пишет современный русский мыслитель И.Г. Лавриненко: «...Меч надо заслужить. И заслужить его можно только Святостью, Святостью, которая немыслима без Верности и Чести, без Жертвенности и Любви. Являясь провозвестником Симфонии властей духовной и мирской, орден, выступая от лица последней, призван воссоздать священный принцип Симфонии в его монархо-патриаршей полноте.

Исследователь феномена Опричнины в русской истории Николай Козлов пишет: «Верность Самодержавию остается уделом немногих избранных русских людей». Речь, конечно, должна вестись о тех, кто воспринимает Самодержавие в его мистической полноте, а не политиках-противоборщиках – легитимистах и соборниках. Старец Глинской пустыни Порфирий пророчествовал о падении и восстановлении Самодержавного царства в России: «Со временем падет вера в России. Блеск земной славы ослепит разум. Слова истины будут в поношении, но за веру восстанут из народа неизвестные миру и восстановят поправное». Николай Козлов ссылается на предвозвещение царя-пророка: «Высок над всеми языки Господь... воздвизая от земли нища, и от гноища возвышая убога, посадити его с князи людей своих» (Пс. 112, 7–8). «Не следует ли, – пишет он, – в библейских прорицаниях на нища и убога видеть предсказание династического восстановления из генетического худородства по молитвам святых священного семени Православных Царей, о пребывании которого до времени в сокровенной неизвестности возвещает Премудрость: „Яко яблонь посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов“ (Песн. 2, 3). Каким-то образом этот праведник, муж скорбей, седмерицею искушенный в пещи смирения, презираемый всем миром, но знаемый у Бога наследник крови древних царей в духовно-генетическом поединке с антихристом... наследует царский меч, наследственную благодать царства».

В этой связи только православный орден может поставить перед собой и решить задачу по формированию новой монархической национальной элиты, освященной Небесным покровительством

Царя-мученика Николая Александровича. Элиты, готовой стать верной опорой новому Трону. Иеромонах Дионисий (Алферов) предупреждает: «...Еще остается вероятность, хоть и небольшая, восстановления на ограниченной территории и на малое время православного Русского Царства. Промыслом Божиим могут быть внезапно созданы благоприятные для этого условия, которых пока нет. И нам теперь нужно подготовить определенное число людей, разделяющих идеи православной монархии. Для этого нет нужды заниматься лихорадочной и навязчивой агитацией. Опыт показывает, что когда русский человек искренне и горячо обращается к православной вере, то и эту часть церковного предания (о монархии) он принимает без всякого предубеждения и ожесточения. По мере своего воцерковления и духовного роста он становится и монархистом».

Уточняя мысль иеромонаха Дионисия, отметим, что не всегда человек, даже русский, придя в Церковь, становится истинным монархистом. Зачастую и монархизм этих людей носит политизированный, нецерковный характер. Только орденовая структура может взять на себя задачу воспитания истинных монархистов в условиях, когда все юрисдикции Русской Православной Церкви переживают период нравственного упадка и когда от каждого русского человека зависит будущая судьба последнего и славного Царства.

Орденская идея, западный традиционализм и наши задачи

Оценивая политическую актуальность орденской идеи для современной российской действительности, нам нельзя обойти своим особым вниманием верные мысли о воскрешении элиты, принадлежащие уже цитировавшемуся нами известному европейскому традиционалисту Юлиусу Эволе.

Юлиус Эвола утверждает, что «государство не является воплощением „общества“. Лежащее в основе социологического позитивизма понимание государства как „общества“ или „общности“ является показателем вырождения, натуралистического упадка». Продолжим эту мысль нашим скромным комментарием в приложении к сегодняшнему дню. Русское государство в период своей истинной традиционной истории мыслилось не только как социально-политическая структура, сформированная определенным этносом для определенной социально-экономической и политической деятельности в дольном мире, но и как максимально возможное отображение мира горнего. И не случайно идеалом, к которому стремилась данная общественно-политическая структура, являлась Святая Русь, мыслимая Святой обителью не только живых поколений, но и поколений ушедших, предстоящих в вечности престолу Божию.

Точно таким же было и восприятие своей этнической самости, национальной самоидентификации, нашедшей свою великолепную словесную форму выражения в былинах, где русский народ называется не иначе, как святорусским!

Сегодняшняя рационалистическая концепция государства в самых различных мировоззренческих системах современности полностью отрицает «анагогическую» цель государства как власти, имеющей свои истоки в горнем мире и воплощаемой в мире дольном исключительно монархической формой правления.

Эвола пишет: «Истинные политические цели по большей части носят самодостаточный (не производный) характер; они связаны с идеями и интересами, далекими от мирного существования, чистой экономики и материального благополучия; они соответствуют высшему измерению жизни, особому достоинству. Противоречие между политической и общественной областями является основополагающим. Оно носит характер „категории“, и чем более ярко выражено их противостояние, тем выше метафизическое напряжение в государстве, тем устойчивее его структуры, тем ближе его образ к организму высшего типа». Таким образом, мы должны себе четко представлять, что организации духовного, орденского типа не могут складываться на базе любых современных общественно-политических форм, юридически и экономически инкорпорированных в современные государственные структуры.

Вернемся к Эволе. «Согласно одной из современных школ, государство ведет свое происхождение от семьи; тот же образующий принцип, на основе которого складывалась семья, gens, по мере своего расширения и обобщения приводит к зарождению государственности. Однако это низведение государства до чисто натуралистического уровня становится возможным лишь благодаря спорному допущению, лежащему в самом начале рассуждения. А именно, предполагается, что на заре древней цивилизации, в том числе индоевропейского типа, семья составляла чисто физическое единство, в котором ни священное начало, ни иерархический принцип не играли решающей роли... В действительности дело обстояло прямо противоположным образом». Безусловно, главными функциями главы семейства были жреческие.

Императоры гордого Рима являлись главными понтификами (исполнителями культа) народа. В этом и состояло их «естественное», а скорее – сверхъестественное право на светскую власть. Понимание этого вопроса сугубо необходимо для правильного понимания перспективы восстановления монархии в России, перспективы, которая является главным нервом русской орденской идеи современности!

Орден должен стать провозвестником складывания нового господствующего класса, новой опоры Трону.

Эвола приводит в этой связи интересную мысль: «...Будет уместно привести слова одного из наших современников, сказанные еще в сравнительно недавнем прошлом: „рождение господствующего класса есть Божественное таинство“.

Есть у истинной элиты и еще одно, но важное отличительное свойство. По слову святителя Николая Сербского, сказанному им по поводу борьбы сербов за Крест честной и свободу златую, истинный сын народа должен воинствовать, как Архангел, и жить, как святой. В этом и будет его инаковость по отношению к толпе, к массе. В этом – вся суть подлинной элитарности христианской культурной традиции.

Никогда истинное правящее сословие не может сложиться под воздействием социальных и тем более экономических факторов. Таинство Божией благодати и воинская доблесть – вот священная завязь элиты любого этноса. Само государство в дольнем мире вырастает из тайных мужских союзов древности, являющихся устойчивым архетипом для любой орденской организации, ставящей своей задачей возрождение священных основ государственности. «Государство подчинено мужскому началу, общество и в более широком смысле народ, *demos* – женскому», – утверждает Юлиус Эвола. Для того чтобы точно представлять себе положение вещей в современной России, мы должны проследить особую золотую нить отечественной истории – историческую роль аристократии в государственном строительстве священной империи Рюрикова Дома. Следуя за этой нитью от начала династии варягов до того исторического периода, когда священная идея государственности была четко выражена в понятии божественного права Царя, и на смену старому правящему слою, образованному в стародавние времена под воздействием силы обряда, пришла новая аристократия, структурированная в особый политический класс или даже орден (что мы видим, без сомнения, на примере Опричнины Иоанна Грозного), мы должны осознавать, что основой новой элиты служили такие качества, которые принципиально не сводимы к общественным ценностям и экономическим факторам.

Когда «золотая нить» инициатической преемственности элиты прерывается, начинается и упадок государственной идеи. Наряду с этим упадком и затуханием чистого принципа верховной власти и авторитета начинается профаническое перевертывание всех взаимосвязанных принципов, некогда освященных авторитетом законной власти! Все обращается в свою противоположность; за счет этого мир черни, мир толпы, погрязший в путах материи, получает доступ в самые высокие сферы политики.

В этом основной смысл любой демократии. В этом вся суть глубоко антигосударственной системы осквернения и вырождения политического начала не только современной России, но и всего постиндустриального мира. В отрыве от священного источника такие некогда священные понятия, как «нация» и «Отечество», принадлежат теперь не политическому, а сугубо натуралистическому уровню. Впрочем, сама нация в своем земном измерении совокупности всех живущих есть, безусловно, величина сугубо биологическая, и только, в то время как истинное понимание нации должно исходить из основополагающего факта неразрывной мистической связи поколений ушедших, живущих в мире горнем, и поколений живых мира дольнего.

Только существование элиты, обеспечивающей преемственность и священную связь поколений, делает из этнографического материала – нацию! Для нации ее политическое ядро должно являться тем же, что и душа для тела: оно придает ей облик, персонифицирует ее, объединяет и делает сопричастной высшей жизни. Эвола пишет: «...Нация существует и способна заселить любое пространство, пока способна воспроизводить одну и ту же „внутреннюю форму“, то есть пока она несет на себе ту благодать, ту печать, которую налагают на нее высшая политическая сила и ее носители...»

Русский народ, давно оставшийся без своего внутреннего душевного содержания, без формообразующей элиты, уже дожигает в чаде бесцельного с метаисторической точки зрения современного существования и свое биологическое тело. Только орденски сплоченная элита может стать новой душой для народа, рискующего бесславно сойти с исторической сцены, так и не исполнив своего предназначения, данного нам Свыше и трезвенно понимаемого через пророчества святых отцов.

Особенную опасность в деле возрождения народа через воскрешение элиты нужно видеть в неистовом кумиротворении нашей эпохи, когда патриотически настроенная общественность начинает боготворить фетиш нации, а некоторые «волхвы и кудесники современности» дерзают даже говорить

от имени этого истукана.

Эвола предупреждает: «Лишь когда напряжение (духовной жизни. – *Авт.*) спадает, различия затушевываются и круг людей, сплоченных вокруг высшего символа верховной власти и авторитета, слабеет и распадается, – только тогда нация, являющаяся не чем иным, как следствием высших формирующих процессов, может обрести самостоятельность и обособиться почти до видимости собственной жизни. Именно этим путем на первый план выходит «нация» как народ, коллектив и масса, то есть нация в том смысле, каковой это понятие стало обретать со времен Французской революции. Подобно твари, поднявшей руку на своего Творца, она отвергает всякую верховную власть, если последняя не является выражением и отражением «воли нации».

Политическая власть из рук класса, понимаемого как орден и «мужской союз», переходит к демагогам или «слугам нации», к демократическим руководителям, «представителям» народа, которые удерживаются у власти, ловко потакая «народу» и играя на его низменных интересах».

В Германии, где всегда жили позиции родовой аристократии, традиции и опыт сохранения элиты во времени были осмыслены именно с аристократических и родовых позиций. В тридцатых годах в Германии возникало множество орденских и псевдоорденских организаций и союзов. Сплачивала их идея, которую обобщенно можно изложить следующим образом.

Нельзя повторять ошибки воинских союзов прошлого, которые хотя и могли продлить свое существование в пределах нескольких сотен лет, но затем, вследствие отсутствия притока достойной крови и традиций кровного родства, неизбежно погружались в небытие. Орденская организация будет долговечной и действенной только тогда, если она живет глубоким почитанием предков далекой седой старины и убеждена в долгой исторической жизни своего народа. Осознание значимости крови и кровного родства есть святой завет хранить чистоту народного типа в истории. Только то поколение, которое осознанно занимает свое место в цепи ушедших и грядущих поколений своего народа, правильно воспринимает масштабность стоящих перед ним исторических задач.

Нельзя опять не вспомнить слова замечательного мыслителя О. Шпенглера, ставшего свидетелем порабощения народов и культур деньгами. Он писал: «Силу может ниспровергнуть лишь другая сила, и перед лицом денег никакой иной силы не существует. Деньги будут преодолены и упразднены только кровью». И конечно, речь шла не о крови старой выродившейся аристократии европейских народов, но о новой аристократии духа, рожденной в окопах мировых войн.

Нарождающийся орден новой русской элиты должен по необходимости изжить застарелую болезнь «патриотовщины» – преклонения перед массой, хронического ожидания чуда избавления «матушки России» из российской глубинки, от боготворимой ими спившейся толпы, которая, конечно, при любой переписи населения предстанет на бумаге «Великим русским народом». Эта толпа не случайно использует столь любимый ими женский символизм Родины, избегая слова «Отечество»! В этом кроется явный признак того, что толпа эта давно лишена творческого, волевого, мужского начала, присущего великим народам.

Эвола подтверждает вышесказанное следующим пассажем: «Причина этого кроется в том, что сам *demos*, женственный по природе, не способен иметь собственной ясной воли... разница заключается именно в низости и раболепии тех, кто сегодня окончательно утратил свое мужское достоинство, свойственное представителям высшей законности и данного свыше авторитета... мы видим представителей того человеческого типа, который имел в виду Карлейль, говоря о мире слуг, желающих, чтобы ими правил лжегерой, а не господин». Эвола уверен, что ныне любая по численности масса населения может быть сплочена на короткое время с использованием специфических технологий, которые он называет «выродившимся реализмом политиканов».

Используя лозунги, призванные пробудить низменные материалистические чувства стадного национального эгоизма, так называемой «национальной солидарности», основанной на общности интересов желудка алчущих масс, творцы известных приемов воздействия на слабые мозги обывателей действительно могут лишь возбудить мимолетное стадное чувство «идущих вместе» – неважно, куда и зачем.

Многие наши патриоты и монархисты видят цель, а равно и средство к проявлению собственной политической воли именно в бессмысленном возбуждении подобного стада. Им кажется, что участие в выборах и устройство массовых демонстраций – это и есть реальная политика. Всех, кто не согласен с их мнением, обвиняют в нежелании заниматься политикой вовсе и причисляют к конформистам. Наивные создатели кандидатских диссертаций, вопящие о национальной революции в узком кругу безопасных собутыльников, в пивном угаре даже не подозревают: то, что им видится политическим действием, перестало быть таковым еще в середине XX века.

В демократическом балагане все роли распределены и публика расселась, не хватает только «злодеев» второго плана, чтобы приятно попугать зевающего зрителя. На эту роль «пивные национал-революционеры» со свастикой на рукавах и старческой одышкой при резких движениях очень даже

сгодятся.

Юлиус Эвола предупреждал всех, кто искренне заблуждается насчет такой «политической» активности в деле мобилизации масс. Все эти мобилизационные технологии ниже реального политического уровня в его изначальном, мужественном и традиционном понимании. Они, по сути дела, неприменимы в деле сплочения новой национальной элиты, так как взяты на вооружение нашим противником и опробованы им не раз. При этом технологи и поводыри толпы научились использовать и тот материал, с которым еще в начале XX века работали консерваторы. Эвола предупреждает: «С этой точки зрения... становится очевидной недостаточность обычной идеи „нации“ как принципа и необходимость в ее политическом дополнении при помощи высшей идеи, которая должна стать настоящим пробным камнем, то есть тем, что разделяет или объединяет.

Поэтому основная задача заключается в том, чтобы разработать соответствующее учение, твердо придерживаясь четко продуманных принципов, и на основе этого образовать нечто подобное ордену... Элита, несущая в себе различия на том уровне, который определяется понятиями духовного мужества, решимости и внеличностности, в плане, на котором «естественные» связи теряют свою силу и значимость, станет новым принципом неоспоримого авторитета и верховной власти, сумеет разоблачить крамолу и демагогию в любом обличье, остановит движение, нисходящее с вершины и восходящее от основания, и сможет, подобно семени, дать рождение политическому организму и нации, слитым в достоинстве, напоминающем то, которое было создано ранее великой европейской политической традицией. Все прочее суть болото, дилетантство, нереальность и ложь».

Эти слова великого мыслителя особенно хорошо надо уяснить тем ретивым апологетам немедленного политического действия, которые плохо представляют себе ту ситуацию, в которой мы живем, и мечтают о революции, о которой читали в советских книгах и смотрели в многочисленных фильмах о «залпах „Авроры“», о всенародном восстании, которого никогда не было. Единственное отличие этих мечтателей от Павки Корчагина в том, что они мечтают не о пролетарской буре, а о национальном восстании.

Господа революционеры забывают о том, что само понятие национальности настолько размыто среди обывательской толпы, что более уже никогда не станет для масс красной тряпкой в руках опытного матадора. Отныне любое политическое действие в высшем понимании этого волевого акта должно начинаться, прежде всего, с личного подвига выхода из потока бессмысленных причинно-следственных фантомов, навязываемых нам через СМИ, подвига противостояния массовой обезличенности и пошлости даже на бытовом уровне. Для этого нужно не одно интеллектуальное усилие, а еще и нравственное обновление, без чего интеллектуальные пассажи становятся ложью даже в самой привлекательной научной оболочке.

История всегда делается меньшинством, где участие толпы, временно сбитой в мнимое единство, предусмотрено лишь на этапе, когда основной поворот исторической значимости в потоке событий уже совершен и необходимо инициировать массовое «одобрение» всего того, что для масс абсолютно непонятно, а зачастую – и прямо чуждо их пожеланиям. Лишь меньшинство, осознавшее свою идеальную цель как высшую ценность, обладает радикальной волей к действительно революционному возрождению народа. В связи с этим и сам термин «национальная» к нашей революции духа должен быть принимаем с существенными оговорками. Безусловно, вопрос о власти рано или поздно должен быть поставлен русским движением, но не раньше, когда созреют первые плоды побед на поле идейного противостояния и кристаллизации элиты.

Обратимся к современным образчикам патриотической политической мысли. Один из авторов «Опричного братства св. преп. Иосифа Волоцкого» опубликовал «Катехизис национал-революционера». К сожалению, в «Катехизисе» смешаны акценты разных уровней противостояния и используются устаревшие идеологические штампы, не имеющие под собой реального духовного и идейного наполнения. Автор пишет: «Национал-революционер – сознательный борец за идеалы Русской нации и Белой расы».

Нельзя удержаться от возражений. У белой расы как биологической единицы нет и ранее не было никакой единой идеи, как и осознанного единства, вытекающего только лишь из биологических предпосылок. Раса – лишь необходимая ступень в иерархической лестнице восхождения человечества к богочеловеческой потенции. Неумение найти духовный первоисточник чаемого единства Иафетова племени есть несомненная детская болезнь левизны в национальном лагере.

Что касается идеи, носителем которой призвана быть русская нация, то неплохо было бы эту идею в «Катехизисе» для начала раскрыть. В практической части, посвященной становлению орденской национал-революционной структуры, автору не откажешь в глубине проработки тактических вопросов организации нового политического организма.

Он, в частности, пишет: «Национал-революционному движению не нужны ни абсолютные руководители, ни просто рядовые. Каждый борец должен быть руководителем по отношению к

стоящим ниже его и рядовым по отношению к тем, кто находится выше. Даже представитель самого низшего звена должен подчинять себе кого-нибудь и стремиться к тому, чтобы подчиняющиеся ему соратник или группа соратников подчиняли себе других. Не обязательно организационно – речь может идти о подчинении духовном, а иногда (идеальный вариант) об их комбинации. Этим достигается создание постоянно удлиняющейся цепи соратников... И наоборот, даже самый высокий руководитель – Вождь обязан беспрекословно служить Богу и Нации, признавая безусловное превосходство духовных, сверхчеловеческих реалий. Этим достигается создание универсальной вертикали, каждая точка которой устремлена наверх, к Богу».

Единственное замечание автору следует сделать опять в отношении нации. Не Государь (Вождь) служит нации. Он не всенародно избранный президент. Царь поставляется и помазуется от Бога, и именно нация должна служить своему Государю, который есть фокусная световая точка, в которой сошлись все энергетические векторы движений нации в своем устремлении к Небесам.

Государь есть мистическая квинтэссенция нации, священный проводник, связывающий этнос с Вседержителем. Утверждать обратное – значит повторить предательство черни в 1917 году, отрешившись и предавшей святого Царя и попытавшейся в своем предательстве обвинить самого Государя, который по революционным понятиям того времени вдруг из помазанника Божиего должен был стать слугой народа.

Еще одна мысль автора «Катехизиса» должна по справедливости быть признана ценной: «Ни в коем случае нельзя ставить любые отношения выше Дела». Семья, работа, учеба – все должно быть в соответствии с интересами Борьбы. Наш идеал – воин-монах, беспощадный к себе и другим.

Современный православный публицист Александр Елисеев предупреждает, что без прихода к власти православно-фундаменталистских национальных сил немислимо не только возрождение Отечества, но и само сохранение Православия в его изначальной чистоте. Тот же автор, в унисон со многими нашими мыслями, пишет, что без мощной национал-революционной, орденской политической партии приход к власти невозможен. Не очень понятно, что вкладывает Елисеев в понятие «партия», но если он подразумевает под ним то же, что и современная политология, то мы должны предупредить и автора, и читателей, что тут наш путь приходит к развилке: или орден, или партия.

Проследим далее за ходом мысли уважаемого автора, чьи работы всегда яркие, но не всегда продуманные. В одном из изданий «Опричного братства св. преп. Иосифа Волоцкого» А. Елисеев дает свое видение орденского строительства и участия в политической жизни орденской организации: «Политический аспект присутствует в жизни... И коли так, то заниматься политикой надо, для чего и потребны политические организации.

Естественно, православная политическая организация не может представлять собой классическую западную «клубную» партию парламентского типа или большевистскую сверхцентрализованную махину. Она должна быть орденом национальных революционеров – православных рыцарей. И партийности тут не избежать – слово «партия» переводится с английского как «часть», но ведь национал-революционеры и являются частью нашего безбожного, секуляризованного общества (лучше бы не являлись! – *Авт.*). Вот эта-то часть и должна быть объединена в политическую организацию орденского типа. Именно политическую, ибо главный вопрос политики – вопрос о власти, и власть нам нужна – для устранения от нее всех врагов нации и создания национал-христианского порядка».

Позволим себе небольшой комментарий с частными возражениями. Мы, безусловно, готовы подписаться под последним предложением, за исключением пассажа о врагах нации. На самом деле наши враги вовсе не против нации как определенной исторической категории, возникающей в буржуазном мире. В общем-то их задача и состоит в том, чтобы на обломках русского этноса слепить искусственную буржуазную нацию россиян. Если мы выступаем за иерархию ценностей, обусловленную нашим православным мировоззрением, то понятием «нация» мы должны пользоваться крайне аккуратно.

Далее, автор действительно не хочет видеть в партии орденского типа классическую партию западного образца. Но в связи с этим мы должны сделать не очень приятный вывод – Елисеев не совсем понимает, что такое орденская организация. Политическая задача взятия власти в России или где бы то ни было – не есть крайняя задача и единственная цель существования орденской структуры. Выражаясь проще, эта задача в деле создания орденской структуры не главная. Истинная политика прежде всего требует воссоздания устойчивой национальной элиты, стержня возрождения русского этноса как единственного хранителя Истинной Веры в предапокалиптическое время, возрождения и творческого применения традиционных принципов структуризации социума и выстраивания иерархической вертикали. Если без этого базиса просто взять власть, то это будет означать неминуемое поражение и сдачу всех позиций безо всякой надежды на еще один исторический шанс.

В неоднократно публиковавшихся статьях, посвященных орденской идее, я подчеркивал (как делаю это осмысленно и в этой работе) следующую особенность нашей политической системы: как только любая группа национально мыслящих людей попытается поиграть с ней в «политические» игры, все священные идеалы и благие помыслы будут немедленно дискредитированы и опошлены. Всякая попытка политической легализации своей деятельности, погоня за «юридическим лицом» неминуемо оборачивается запрограммированным поражением национальных сил.

Есть и другой вариант развития событий, столь зримо проявившийся у нас и во Франции. С 2000 года власть в Российской Федерации энергично воспользовалась патриотическим понятийным аппаратом, столь долго вырабатываемым в кругах национально мыслящих интеллектуалов, гонимых и не признанных в ельцинский период. И вдруг из Кремля заговорили на их языке. И, о чудо, – народ подхватил это новое слово власти, как никогда не слышимое прежде откровение. Будто и не писали обо всем этом многочисленные патриотические издания более двенадцати лет. А вот из рук власти патриотизм приняли, как прежде радостно приняли перестройку и реформы. Во Франции Жан Мари Ле Пэн долгие годы боролся за национальную Французскую идентичность, за культуру Франции. Четверть населения всегда его поддерживала, но только четверть. Остальные, по указке правительственных СМИ, считали его фашистом и даже помыслить боялись, что он не фашист, а единственный честный политик в стране. Но вот приходит правительственный министр Саркози и в своей предвыборной президентской гонке берет на вооружение все программные тезисы Ле Пэна. И думаете, он в глазах французов становится фашистом? Нисколько. Он уважаемый политик – и новый президент Франции.

Так устроена толпа. Она раболепно смотрит в рот имеющейся в наличии власти и голосует за нее даже вопреки очевидным собственным интересам. Но власть вынуждена считаться и с мнением тех, кто вышел из толпы и имеет свое мнение, хотя в критический момент всегда готова это мнение узурпировать.

Уважаемый мною А. Елисеев, невнимательно прочитав в моих предыдущих работах размышления на эту тему, поспешил в одной из своих статей объявить меня врагом политического прямого действия. Возникает впечатление, что автор слабо представляет себе механизм современной политической машины, созданной системой. Кроме всего прочего, не совсем понятно, как можно выступать за духовное орденское единство и поносить своих единомышленников, чем занимаются некоторые авторы, чьи труды, за исключением этого досадного минуса, имеют для борьбы несомненную ценность. По этой причине я решил представить более пространственные рассуждения на эту тему для тех, кто не в состоянии правильно понимать ход чужих мыслей.

Я не являюсь противником политической борьбы. Более того, я призываю отказаться от устаревших штампов и осознать наконец, что политическая борьба современности давно разворачивается на другом поле. Парламентская болтовня, выборы и даже подготовка вооруженного восстания – это удел слабоумных. Новейшая американская доктрина противостояния ориентирована на борьбу за Ценности, и борьба эта разворачивается на поле людских душ! Вот где надо наступать и побеждать во что бы то ни стало. Нам нужна революция в душах и мозгах народа и только затем – переворот во властных структурах. Нам необходима работа по тщательному отбору и консолидации лучших русских людей. Их появление во властных структурах без преждевременной огласки и одновременная работа по революции в загаженных мозгах нашего народа, выделение из его массы критической группы активного меньшинства – вот наши задачи.

«Взятия Зимнего» и орущих толп революционных матросов более не будет. Нас ждет долгий путь, хотя, возможно, времени на него отведено Провидением совсем немного. Я, впрочем, не призываю отказаться и от обычной политической деятельности патриотических сил, если правильно поставить акценты. Вопрос, что сейчас главнее: души людей или победа на региональных выборах? Наверное, души. Тактически мне видится более целесообразным без лишнего шума устанавливать на ключевые посты властной пирамиды людей, которые будут объединены в единый (скорее духовный, но и отчасти политический) организм орденской структурой.

Политическую власть сегодня скорее можно взять не стрельбой и уличными беспорядками, а тихо, «ночью», когда город спит. Громогласные заявления о национальной революции без предварительной подготовительной орденской работы представляются банальной провокацией. Конечно, очень желательно так политически обработать «улицу», чтобы она была всецело наша, но сегодня это вряд ли возможно. У нас не революционная ситуация, и мы не в состоянии вывести на улицы более ста человек. Призыв к национальной революции сейчас и немедленно из уст национальных публицистов звучит, как ревность не по разуму. Орден никогда и не приходит к власти через улицу. Это наивное романтическое воображение «революционеров», питаемое фильмами из детства типа «Ленин в Октябре», подсказывает им неверные решения. Орден – это скала, айсберг, скрытый до времени в водах повседневности. Сейчас нельзя под реальной политикой понимать

митинговщину и участие в выборах. Орден – это работа вверху и везде, тщательная и незаметная для посторонних глаз. Кроме того, мы все прекрасно понимаем, что называть русской нацией те жалкие осколки, что остались от некогда великого народа, никак нельзя. Новой генерации русских еще предстоит стать нацией нового типа, нацией веры и верности перед лицом всемирной апостасии.

Соответственно, без наличия русской нации все разговоры о национальной революции становятся до поры до времени беспочвенными розовыми иллюзиями. Из этих неоспоримых фактов и должна исходить любая национальная организация орденского типа. Для четкого понимания границы, которая проходит между политикой ордена и политикой для толпы, вслед за Ю. Эволой проследим становление общеевропейских политических организмов. «Итак, основой всякого истинного и устойчивого политического организма является организация, подобная Ордену, „мужскому союзу“, держащая в своих руках принцип империи, для членов которой – согласно формулировке Саксонского Кодекса – честь состоит в верности...

«Нация» всегда будет чем-то расплывчатым, тогда как в рассматриваемой нами ситуации необходимо заострить внимание на изначальном основополагающем противоречии. С одной стороны стоит масса, которой, независимо от перемены настроения, всегда движут почти одни и те же простейшие влечения и интересы, связанные с удовлетворением чисто физических потребностей и стремлением к чувственным наслаждениям. По другую – люди, отличающиеся от первых как свидетели иных законности и авторитета, дарованных идеей и стойкой и безличной преданностью этой идее. Для подобных людей только идея может быть настоящей родиной (для нас – идея Святой Руси, одновременно таинственно и вполне зримо привязанная к совершенно определенной географической территории, чьими границами являются не только условные линии политических разграничений, но и земли, за пределами которых верующее сердце уже не знает святынь, храмов и мощей святых подвижников, которые являются истинным основанием Священной Империи с названием кратким Русь. – *Авт.*). Их объединяет или разделяет не то, что они рождены на одной земле, говорят на одном языке, а в их жилах течет одна кровь, но принадлежность к общей идее (для русского человека исторически обусловлено то, что без общей крови, языка и земного Отечества он не может найти себе соратников-борцов за Святую Русь. – *Авт.*).

Истинная задача и необходимое условие для возрождения «нации», обретения ею формы и сознания, состоит в том, чтобы выявить и отделить то, что обладает лишь мнимым единством во всеобщем смешении, а затем вычленить ядро мужской субстанции в виде политической элиты, вокруг которой должна начаться новая кристаллизация... С этой точки зрения становится очевидной недостаточность одной идеи «нации» (а значит – и национальной революции. – *Авт.*) как принципа, и необходимость в ее политическом дополнении, то есть в высшей идее, которая должна стать пробным камнем, тем, что разделяет или объединяет. Поэтому основная задача заключается в том, чтобы, строго придерживаясь четко продуманных принципов, разработать соответствующее учение, на основе которого будет создано нечто подобное Ордену. Основой этого Ордена станет элита, выстроенная в иерархию на том уровне, который определяется понятиями духовного мужества, решимости и безличности, где натуралистические узы теряют свою силу и значение. Именно она станет носителем нового принципа незыблемого авторитета и верховной власти, сумеет разоблачить крамолу и демагогию в любом обличье, остановит движение, ведущее с вершины вниз и восходящее вверх от основания. Она станет тем зародышем, который даст жизнь политическому организму и объединенной нации, обладающим тем же достоинством, какое было присуще прежним державам, созданным великой европейской политической традицией».

Как видно из мыслей Эволы, для ордена важна политика, важны политические действия. Но какая политика и какие действия, в какой приоритетной последовательности?!

Политика ордена должна максимально дистанцироваться от системы и идти параллельным с ней курсом. Ввязывание в политические игры по правилам «системы» означает непонимание целей и задач орденской работы. Щупальца системы не должны иметь ни малейшего шанса проникать в организм ордена, а вот мы должны вращаться в систему и делать это незаметно для нее. В силу этих необходимых условий легальное существование орденской структуры не представляется возможным. Однако, как мы уже говорили выше, существование тайного ордена вовсе не отменяет существования действующих партий легального характера, участвующих в «политической» жизни системы. Но характер деятельности этих партий не должен ставить под вопрос само существование национально организованных сил в случае запрета властями ее легальной деятельности. Посему партии традиционного типа должны носить подчиненный по отношению к ордену характер.

В современной действительности много примеров, когда респектабельные партии оказываются лишь филиалами закрытых боевых организаций типа Ирландской Республиканской Армии или Аль-Каиды, которые не нуждаются ни в каком юридическом оформлении своей деятельности, но от этого их политическая реальная сила не умаляется. Эвола пишет: «Строго говоря, слово „партия“ означает

„часть“. Поэтому идея „единственной партии“ представляется противоречивой и ошибочной, так как часть не может заменить собой целого или преобладать над целым. На практике понятие „партия“ принадлежит парламентской демократии и означает объединение, защищающее данную идеологию в противовес другим идеологиям, отстаиваемым другими группами, за которыми система признает равные права и законность. В этих рамках „единственной партией“ становится та партия, которой тем или иным способом – „демократически“ или насильственным путем – удастся захватить власть в государстве, после чего она запрещает все прочие партии и, используя государство в качестве своего орудия, навязывает нации свою сектантскую идеологию».

Устранение подобной опасности Эвола видит в следующем теоретическом сценарии развития событий: «...Идея, согласно которой контроль над государством должен находиться в руках группы определенных людей, составляющих не партию, но меньшинство или политическую элиту, представляется не просто вполне законной, но даже фактически необходимой для любого политического строя». Иными словами, даже если к власти приходит политическая партия, для более успешного отбора и консолидации политической элиты она должна перестать быть партией и строить свою деятельность на совершенно других принципах.

Эвола видит идеалом такую трансформацию пришедшей к власти партии, при которой власть переходит к самым опытным членам партийной организации, которые могли бы составить особый орден, особое политическое сословие, стремящееся не стать государством в государстве, а занять и укрепить его ключевые позиции, отстаивая не свою частную идеологию, но становясь безличным воплощением чистой идеи государства. Особый характер подобного переворота Эвола связывает с формулой органичного антипартийного государства, а не с однопартийностью. По мысли философа-традиционалиста, речь должна идти о возвращении к традиционному типу государства. Однако трудно себе представить в реальности, каким образом люди, приходящие к власти в составе политической партии, вдруг перерождаются в орден. Скорее можно представить обратный результат, когда орденская структура, устранив всех конкурентов от власти, превращается в партийную касту, рассматривающую свои государственные должности как наследственную кормушку.

Такая опасность есть, но есть и политические технологии, с помощью которых опасность эту можно минимизировать. В любом случае не видно другой альтернативы, кроме той, что к власти в России может и должен приходить именно орден – с четко сложившейся иерархической структурой и с отработанным механизмом отбора лучших людей из всех слоев общества.

Надо ясно представлять, что орденская сплоченность и сплоченность партийная, единые по виду, имеют принципиально различную природу. «Если центр системы, ее основополагающий символ по самой своей природе пробуждает и приводит в движение в человеке, прежде всего, высшие способности и возможности, которые признаются всем обществом и спланируют его, этот процесс имеет „анагогический“ характер и приводит к интеграции индивида. Поэтому имеется существенная разница между сплоченностью, лежащей в основе политической системы воинского, героического, феодального (и орденского. – *Авт.*) типа – то есть имеющей духовную и священную основу, – и той сплоченностью, что возникает в движениях, выдвигающих наверх народного трибуна, диктатора или правителя бонапартистского типа», – писал Юлиус Эвола.

В силу этих причин мы не видим возможности для политической организации партийного типа донести русский идеал государственности до самых вершин власти в изначальной чистоте и незамутненности. Само постепенное восхождение по ступеням политической пирамиды, выстроенной системой, потребует признание легитимности существования именно этой властной пирамиды, хотя бы только поначалу и из тактических соображений. Но чем выше уровень, которого достигает политическая партия, тем в большей мере ее внутренняя структура начинает трансформироваться в соответствии с требованиями системы. Таким образом, легитимизация партии в рамках системной политической организации не вопрос исключительно нравственного характера, но принципиальный вопрос того, какая партия придет к власти, начав восхождение на властную пирамиду в качестве национально-государственной.

Уверяю вас, в случае самого фантастического исхода этого дела, когда система вдруг даст сбой и такая партия действительно доберется до власти, она будет представлять собой далеко не тот изначальный слой патриотов русского дела. Это будут опытные партийные функционеры, которые, безусловно, еще на начальном этапе своей политической карьеры смекнут, что от их личной адаптации к требованиям системы зависит и их политическое будущее, и личное благополучие. Никакого духовного ордена с воинским стилем из этих людей не выйдет.

В силу естественного отбора, специального сита, встроенного в качестве фильтра в политическое поле системы, до верха пирамиды дойдут только худшие. Этот факт многократно проверялся на практике, и его необходимо учитывать всем русским организациям, особенно тем, кто все-таки видит себя игроком на политическом поле системы.

Для орденой организации нужен иной путь реализации политической воли. Принципиальное непризнание легитимности современной власти захвативших Россию сил влечет за собой и естественное неприятие любой формы «юридического лица» от этой власти. Мы сами возложим «корону» себе на голову, вырвав ее из рук любого «демократического папы» от «избиркома». Принятие любого статуса из рук «системы» означает признание легитимности самой «системы», чего категорически нельзя допустить.

Заканчивая это пространное объяснение того, что я понимаю под орденой работой и реальной политикой, я хотел бы отдать должное не раз упоминавшемуся А. Елисееву и процитировать его прекрасные мысли относительно «каноничности» существования тайной орденой структуры в Православной стране (так и хочется взять последнее утверждение в скобки, так как Православной Россия была лишь до февраля 1917 года) и участия православных людей в подобных структурах. Подобные опасения, связанные с оправданием такой каноничности, часто высказывают православные люди. Полемизируя с известным православным писателем Ю.Ю. Воробьевским (заметим, что это полемика единомышленников, а не антагонистов! – *Авт.*), Елисеев не соглашается с «ортодоксальным» отвержением возможности организации орденой структуры.

Он совершенно справедливо не приемлет тезис о том, что православным орденом является вся Церковь. «Общеизвестно: сами религиозные ордена возникают как объединение наиболее ревностных членов Церкви, желающих посвятить себя особому служению», – четко определяет орденой цели и задачи А. Елисеев. Он также не соглашается с огульным отрицанием принципа функционирования тайного общества – в православии, дескать, все должно исповедоваться открыто. «Давайте отделим... мух от котлет, – пишет Елисеев, – одно дело – учение Церкви, в котором не может быть никакой тайной доктрины. Все православное богословие открыто для всех – пожалуйста, бери, читай хоть св. Дионисия Ареопагита с его апофатическим описанием Божества, хоть св. Григория Паламу, который касается сложнейшей проблемы обожения человека (только вот поймешь ли ты что-нибудь и нужно ли это тебе?). И совсем другое дело – тайные действия в отношении врагов Веры и Нации. Коли есть враг, то и должна быть какая-то тайна от него». Как говорится, нечего прибавить! Все сказано.

Не откажу себе в удовольствии процитировать и еще один пассаж того же автора. Забегая вперед, скажу, что подобные мысли уже неоднократно высказывались достаточным количеством авторов, но у А. Елисеева они выражены наиболее ярко и точно. «Православие и политика не делимы. Вот почему нужно создать особый стиль, стиль православной политики. Она должна быть окрашена в мужественные, героические, рыцарские цвета. Ее стихия – огонь, ее мощь – гроза, очистительная, суровая, опричная гроза. Православие (современное. – *Авт.*) вообще нуждается в Реформации – Реформации стиля. Слишком много у нас коленопреклонений и плача. А сейчас нужнее всего твердость, воля и мужество. Не надо ничего убирать и выкидывать – надо добавлять. Чем посрамит догматическую основу нашей Веры создание особых воинских ритуалов? Чем помешает канонической чистоте православия написание воинских церковных песнопений? Как потеснит Церковь создание мощной орденой партии, состоящей из бойцов, беззаветно ей преданных (не пузатым и вороватым членам Митрополитбюро, а мистическому Телу Христову)? Святую Русь спасут не занудные трусоватые «общественники», а молодые бойцы православной революции», – обращается ко всем, кто не лишен способности к самостоятельному мышлению, А. Елисеев.

Орденой организация и русская традиция

Как уже неоднократно отмечалось во многих исследовательских трудах, в лице опричного воинства Грозного Царя мы вправе видеть первую русскую организацию классического орденой типа, которые бытовали в Западной Европе. Однако этот факт вовсе не означает того, что и сами принципы построения орденой структуры были заимствованы Иоанном Грозным с Запада.

Существует в корне ошибочное мнение, что к созданию Опричнины приложили руку немцы из окружения царя, увлекшие его будто бы рассказами о Тевтонском и иных западных орденах. Орден, который неоднократно был побиваем предками Иоанна Васильевича, был ему хорошо известен и без рассказов не образованных немцев. Сама задача Опричнины в корне отличалась от задач тевтонцев. Царь создавал в России новую элиту, проникнутую особым пафосом служения не местническим родовым интересам, но Святой Руси, Руси в форме Самодержавного царства священной династии Рюрика и Владимира Святого. Впрочем, мы так же не вправе полностью вырывать опричину из контекста общеевропейской христианской истории. Известно, что святой Доминик основал нищенствующий орден братьев-проповедников, получивший впоследствии название ордена доминиканцев. Это имя часто обыгрывалось словосочетанием «*Domini canes*» – «Псы Господни». В свое время именно доминиканцам и братьям ордена францисканцев была доверена Святая

Инквизиция, призвание которой заключалось в очищении всего Христианского мира от ересей, колдовства и сатанинских сект. В этом мы находим черты несомненного сходства с Опричниной Грозного Царя. Однако у Опричнины были и другие, не менее важные задачи. В ее недрах, по замыслу Царя, должна была вызреть новая русская аристократия, верная Богу и Престолу.

Исследователь Николай Козлов пишет об Опричнине: «На языке священного Писания древнерусской Опричнине соответствуют понятия „избрания“ или „остатка“, посвященного Богу, того малого числа праведников (даже и до десяти человек), ради которых Господь обещал пощадить и всех живущих на земле и которых, по словам апостола Павла, „не стоит весь мир“. В церковно-каноническом смысле Опричнина означает то же, что и ставропигия – право креста. На Руси опричными назывались крестовые церкви русских митрополитов, в которых по первосвященническому благословению изменялось чинопоследование богослужения – „правились кресты“, – чего не дозволялось делать в соборных церквях.

Областью применения крестового права в державном (государственном) строительстве явилась Опричнина благоверного Государя и Царя Иоанна Васильевича Грозного – «государева светлость опричнина», по выражению русских летописей. Здесь для нас, потомков, готовый пример, основа для творческого воплощения опричной идеи в больной и умирающей России начала XXI века.

За полвека до польско-литовской католической интервенции благоверный Грозный Царь, применяя крестовое право русских государей, устроил опричное войско и новый государев двор – новую русскую аристократию – из трехсот самых верных дворян, затем из тысячи лучших и, наконец, из шести тысяч «выбором ото всех городов». Государь выделил из состава земства опричные земли преимущественно в северных областях и поместил на них верное опричное дворянство, «возгнев и утвердив в опричном народе крестовое право ревнования по благочестию и казни государственных преступников государевых сопостат помимо царского суда», – объясняет Н. Козлов.

Именно благодаря Опричнине ратное ополчение Северной Руси, состоявшее из поколения русских людей, которые росли и мужали в период опричных мероприятий Царя, освободило от поляков Москву и заложило фундамент великой империи Романовых.

По точному определению того же Николая Козлова: «Священное воинствование Опричнины совершалось наведением праведного суда Божия на клятвопреемников и престолонаследников царевубийства». Божественное избрание по предведению и возвышение из недостойности в достоинство «царей и иереев», совершаемое через священное и таинственное сораспятие Кресту Господню, соответствует тому сокровенному смыслу, который заключен в феномене опричного служения Богу и Государю, в феномене отбора остатка для «стана святых и города возлюбленного».

Эмблемой Опричнины стала песья голова. Знак этот полон таинственного смысла. Самое удивительное – это то, что символизм песьей головы тесно связан с древним индоевропейским искусством воинского ревнования и стоит в одном ряду с воинской обрядностью арийских язычников, избиравших себе тотем (медведя, волка, кабана или пса) и соответствующую воинскую поведенческую модель. Одним из самых известных, по исторической литературе, феноменом подобного священного неистовства был феномен берсерков («медвежьих воинов») – неуязвимых в своем священном воинском иступлении бойцов.

В святоотеческой же аскетике псами Господними именуются те сакральные силы, которые имеют своим источником или силы естественного гнева, принадлежащие исключительно душевной человеческой природе, или же божественную ревность по благочестию и особому состоянию бессмертного духа. «Дарование естественной раздражительной силы в избранных сосудах Божиих бывает так велико, что позволяет действовать природным гневом – этой нетелесной силой души, как неким непобедимым и крепким оружием, как видно из жития св. мученика Христофора, изображаемого на православных иконах в одежде воина с песьей головой, – пишет Николай Козлов и добавляет: – О песьеголовых воинах древности – понимать ли это выражение иконографических буквально или в качестве уподобительного иносказания – имеется немало исторических и легендарных свидетельств, которые приводятся, в частности, в книге Франко Кардини „Истоки средневекового рыцарства“. Так, например, тот ссылается на Павла Диакона, который рассказывал, что лангобарды, столкнувшись однажды с превосходящими силами противника, сделали вид, будто в их лагере находятся „песьеголовые воины“. Они распространили слух, что песьеголовые воины настолько свирепы, что питаются только кровью, за неимением крови врагов пьют собственную. Неясно, означает ли выражение „пьют собственную“ указание на кровь соплеменников или их собственную кровь.

Представления о песьеголовых, разумеется, восходят к сочинениям Плиния Старшего и Исидора Севильского. Правда, в данном случае ссылки на ученых авторитеты не могут помочь делу. Почему лангобардами был распушен слух именно о воинах с песьими головами? Почему они были уверены, что противник обязательно испугается? И главное, почему вздорному слуху поверили? Неужели его

посчитали бы правдой, испугались бы подробностей насчет свирепости и кровожадности песьеголовых, не будь у лангобардов и их противников уходящих в глубь традиций общих корней».

Корни этой традиции уходят в индоевропейскую древность и сохранены были не только у лангобардов, но и у словенорусов. В критическое время нашего национального бытия, когда под угрозой было само существование Православного единого Русского царства – последнего оплота Вселенского Православия, – русским Самодержцем с благословения освященного собора Русской Церкви «выбором ото всех городов» была призвана для защиты духовных основ государства духовно-военная сила – потомки дружинников первых князей, потомков варягов, что по-церковнославянски значит «передовые», составившие орденское опричное братство, сила, принявшая в качестве священного символа духовной власти собачью голову и метлу, сила, которая «перебрала» Русскую землю и искоренила государственную крамолу, «оставив на устрашение врагам Христовым образец христианского духовного могущества на все времена до скончания века». «Не о таком ли духовно-военном явлении православного воинства, уготовляемого Богом, „путесотворяющим стезю гневу Своему“ (Пс. 77, 50) в последние времена на конечную брань и погубление антихриста... в силе и крепости песьеголовой опричнины Грозного русского Царя таинственно возвещает 77-й псалом?!» – предугадывает Николай Козлов.

Исторически опричнина не окончилась сразу и неожиданно, как о том любят рассуждать светские ученые. Летом 1572 года, во время тяжелой болезни, Царь Иоанн Васильевич Грозный, готовясь к смертному часу, составляет завещание, в котором благословляет детей своих, Иоанна и Федора, одного Русским Царством, а другого уделом. В завещании Царь писал: «А что есми учинил опришнину, и то на волю моих детей, Иоанна и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов...» Готовый образец никогда не отменялся и не предавался остракизму и последующими самодержцами. Включение опричнины в царское завещание как творение державной воли перед лицом вечности Грозного Царя ставит ее наряду с прочими достоинствами и привилегиями царской власти в число объектов государственного и наследственного права, целиком зависящих от державного смотрения, как справедливо говорит об этом Н. Козлов.

Ни один из русских царей, будучи законным правопреемником опричнины, не усвоил себе опричного права, что не отменяет самого факта наследственно непрерывной цепи правопреемства, которое может быть актуализировано законным скипетродержателем Грядущего Царства. А до той поры опричнина продолжает прикровенно оставаться благодатным останком державного наследия Российской Империи, усвояемым живущими исключительно по праву священного ревнования. Избранная часть державного достоинства, добытая и разделяемая по праву ревнования и призвания свыше, получила в русском летописании замечательный эпитет: «государева светлость Опричнина».

Вопреки морю лжи образ Грозного царя встает во всем величии перед любым непредвзятым исследователем. Усилиями либеральных историков опричная инициатива благочестивого Царя Иоанна IV была оболгана, а религиозная боговдохновенная ревность братства опричников живших, во главе с самим Царем, как монашеская община в Великой Слободе, где Царь был их игуменом, была представлена карнавальным произволом группы насильников и убийц, действовавших исключительно из интересов наживы. Даже особый монашеский покрой одежды и головных уборов опричников будоражил воображение либералов, желавших видеть в этом или чудачество, или свидетельство того, что Царь организовал некую секту преступников с кошунственной парамонашеской обрядностью.

Только люди, всецело отпавшие от Церкви, могли усомниться в искренней вере Царя, в его верности Православию до гроба.

Не будем скрывать, многие деяния Царя носили оттенок излишней жесткости, даже жестокости, не всегда оправданной, как кажется нам, современникам. Но опричные деяния Грозного Царя совершались в целом в согласии с волей и устремлениями православного русского народа, одобрявшего в лице своих представителей из московских низов и соборного Духовенства Русской Церкви инициативы Грозного Царя по укреплению единого и могучего Царства.

В самом факте такого отношения к суровым починам Грозного Царя есть яркое свидетельство того, что и сама опричнина является сугубо русским духовным феноменом, не имевшим аналогий в западноевропейской истории.

Опричнина – это и православное братство, и рыцарский орден, и новая элита государства, и новый аппарат, и дружина, продолжавшая традиции ратоборчества за веру предков древних русских витязей. Это уникальное явление мировой истории. Духовное единство земщины и опричнины подтвердил созданный Царем Собор Всея Земли от всех сословий, который высказался за продолжение тяжелой Ливонской войны в ясном осознании ее целей и задач для Русского государства. В этой войне пал смертью храбрых и столь страшный для больного либерального воображения «злой опричник» Малюта Скуратов. Конечно, в опричном окружении Царя могли быть и случайные люди, но в целом те первые триста опричников, которые были наделены от царя правом

ревнования и знаками принадлежавшей им привилегии – собачьей головы и помела, – были известнейшими во всей Руси мужами лучших родов и пользовались непрерываемым нравственным авторитетом.

Церковный русский народ по-особому относился к памяти Грозного Царя, не обращая никакого внимания на байки интеллигентской исторической «мысли»-недомыслия. Никогда не прекращался поток ищущих державного заступления к раке мощей благоверного Грозного Государя, находящейся в Архангельском соборе Московского Кремля.

По церковному преданию, панихида, отслуженная у гроба Царя, решала дело в неправом суде в пользу невинно обвиненного. В Грановитой палате Кремля, в Москве, на стене есть царское изображение, писанное «иконным пошибом», где над головой Иоанна Васильевича венец, как у святого. «Полный месяцеслов Востока» архимандрита Сергия дает упоминание имени благоверного Царя в числе Московских чудотворцев, что указывает на исконное почитание москвичами благоверного Государя!

Один из столпов русской исторической мысли, Иван Забелин, писал, что Грозный Царь делал то, что должен был бы делать на его месте любой волевой православный государь, понимающий всю необходимость сохранения Московского государства не только ради его целостного могущества, но и как последнего Православного Царства, призванного стоять до конца времен. Не будь опричнины и ее праведного террора, Смутное время на Руси началось бы на сто лет раньше и закончилось бы для нас более трагически, чем в 1612 году. Забелин выносит свой приговор делу Грозного Царя. Он считал, что незыблемой крепостью государственного русского корабля перед лицом небывалых исторических бурь мы обязаны Иоанну Васильевичу Грозному! Веруем со всей нашей Церковью, что совершение памяти благоверного царя Иоанна Грозного, по почину наших далеких предков, а равно утвержденного им и неотмененного опричного чина в силах подавать поминающим благодатную помощь в исполнении подвига державного служения и защиты матери-Церкви, о чем свидетельствует традиция молитвенного поминовения Царя на Москве с конца XVI века.

Возрождение орденой опричнины стало жизненно необходимым условием выживания русского народа как исторического субъекта.

Конечно, такая работа требует творчества с большой буквы. Самостоятельное творчество, без оглядки на Запад, за последние 200 лет с трудом давалось русскому человеку. Запад для нас – и пугало, и судья.

Понятие ордена в уме русского интеллектуала прежде всего сопряжено с католической орденой традицией, или масонскими орденами. Можно предвидеть настороженность православной общественности к самой орденой тематике, к теме элиты. Но если у нас не появится организационно сплоченной национальной элиты, Россия исторически умрет. Тогда предчувствия наших великих умов, их озарения, прозорливость святых старцев о нашем возможном возрождении станут лишь укором из прошлого деградировавшим и выродившимся потомкам, не сумевшим воспользоваться последней исторической возможностью воплотить в жизнь Великий замысел Божий о России как Святой Руси.

Блестящий философ конца XIX века К.Н. Леонтьев и знаменитый автор теоретического труда «Монархическая государственность» Л.А. Тихомиров, актуального сегодня, как никогда прежде, первыми сформулировали задачу: создать русские духовные ордена. Это было началом философского и богословского осмысления православной орденой идеи. Лев Александрович Тихомиров писал: «Конечно, тут дело касалось не только какого-нибудь Иезуитского Ордена, а мысли наши бродили вот над чем. Борьба за наши идеалы встречает организационное противодействие враждебных партий. Мы все являемся разрозненными. Правительственная поддержка скорее вредна, чем полезна, тем более что власть, как государственная, так и церковная, – не дает свободы действия и навязывает свои казенные рамки, которые сами по себе стесняют всякое личное соображение. Необходимо поэтому образовать особое Общество, которое бы поддерживало людей нашего образа мыслей повсюду – в печати, на службе, в частной деятельности, всюду выдвигая более способных и энергичных». Константин Николаевич Леонтьев в письме своему другу И.И. Фуделю также писал: «Знаете что? Я знал одну великую игуменью (из дворян), она два года тому назад (в 1888 году) умерла всего сорока трех лет. Она говорила: „Нам нужны новые монашеские ордена, которые могли бы больше влиять в мире“».

Нет сомнений, что возникновение этого вопроса напрямую связано с процессом духовного одичания российской интеллигенции, обмирщения церковной иерархии и национально-государственным распадом Российской Империи. В эпоху Московского Царства, когда русский народ был единым организмом, народом-Церковью, вопрос об орденой организациях не мог возникнуть принципиально. Уникальная формула существования Московского Царства – Единая Вера, Единый народ, Единый Царь – была фундаментом зримого воплощения национально-религиозного идеала Святой Руси.

Именно сейчас, в период распада духовных основ национального бытия, ломок всех рамок и иерархических связей народного организма, вопрос о создании новых островков духовного и национального возрождения стал неожиданно актуален.

Как уже отмечалось выше, нам часто возражают, что подобными островками в наше время могут выступить церковные приходы и что дублирование их в виде братств и орденских организаций не имеет смысла. Позволим себе возразить, ссылаясь опять же на историю православных братств, о которых мы писали выше.

История западных русских земель, вошедших в состав Речи Посполитой, учит нас не бояться творчества, когда речь заходит о сохранении веры отцов. Как мы уже говорили, в католическом польско-литовском государстве на протяжении всего периода его исторического существования большинство населения было православным. Типологически та этно-конфессиональная ситуация напоминала наше нынешнее российское безвременье, вернее, нынешнюю фазу оттепели. Именно тогда, в далеком XVII столетии, русские люди в Белоруссии и на Украине создавали первые прототипы орденских структур – православные братства. В то нелегкое время именно братства сохранили православие на русском Западе, сохранили там Русь для потомков. Хотя по-человечески легче было пройти путь натурализации, ополячиться, получить все права полноценного гражданства и жить не тужить. Через приходы католические миссионеры улавливали сначала священников, а затем и часть прихожан в Унию. Униатам давались всяческие привилегии для пушшего соблазна верующих православных людей, живших в условиях серьезного поражения в правах. Опасность ухода населения, вслед за большинством пастырей, в униатский раскол и побудила западноруссов перенести центр духовной и национальной жизни из приходов в братства.

Мы вынуждены признать, что церковный приход и в наше время не может пока стать очагом не только духовного, но и национального возрождения русского народа. Причины такого бедственного положения были изложены выше. В силу особенностей постсоветской духовной разрухи приход зачастую дублирует в гротескных формах наш постсоветский хаос в душах и головах. Мы уже отмечали, что в демократическом государстве, где нет ничего святого, где все продается и покупается, Церковь вынуждена существовать и вести свои финансовые и правовые дела, которые, как мы уже говорили, есть слабо затянутая петля на шее. Но где гарантии, что петлю не будут затягивать еще грубее, и как жаль тогда будет иным расставаться с доходными церковными лавочками и магазинами.

От истории православных братств в Западной Руси перейдем к императорскому периоду Великой России. После опричнины и православных братств орденская идея возродилась в России в проекте императора Павла по обновлению элиты.

Дадим слово Игорю Григорьевичу Лавриненко: «Идея Павла заключалась в обновлении русской аристократии через приобщение к рыцарским традициям Мальтийского ордена. Аристократ, не получивший от Государя-Императора орден Святого Иоанна Иерусалимского, неизбежно должен был оказаться аристократом второго сорта, а точнее, ложным аристократом. Учитывая тотальную „масонизацию“ русской аристократии (что как раз свидетельствовало о ее вырождении), инициатива Императора Павла I была не просто актуальна, а насущно необходима для России. Мальтийский орден мог бы не только обновить дух русского дворянства, но и принести в него то орденское начало, которое могло бы стать противовесом масонским ложам... Это, кстати, не всегда понимали и доброжелательные современники Павла I. Даже сын Павла император Николай тоже никак не мог уяснить, почему его отец, будучи Русским Православным Царем, был провозглашен в Санкт-Петербурге Гроссмейстером Католического Ордена, зависимого от Святого Престола в Риме. Его вопросы продолжались до тех пор, пока известный русский дипломат барон Брюннов не объяснил ему истинное значение происшедшего: Император Павел надеялся собрать под знамена Мальтийского ордена все живые силы старой Европы, материальные и моральные, военные и религиозные, чтобы повсюду противопоставить социальный порядок и Христианскую цивилизацию, против идей разрушения, порожденных Французской революцией».

Необходимость создания орденских структур в качестве опоры Трону в XIX веке осознавали не только русские императоры и величайшие отечественные мыслители, но и широкие слои верного дворянства и простонародья. Идея эта буквально висела в воздухе. В царствование Императора Александра III, взошедшего на престол после чудовищного убийства его державного отца 1 марта 1881 года, в целях борьбы с революционными бесами была создана «Священная дружина» – учреждение, по целям и задачам напоминавшее Опричнину Иоанна Васильевича. Сама наградная система в Российской империи, статус высших орденов, предусматривала, что кавалеры этих орденов становились особым «рыцарским» – орденским! – сословием у престола. Речь идет о кавалерах орденов св. Андрея Первозванного, св. Александра Невского, св. Владимира и св. Георгия. Из переписки святой мученицы Царицы Александры Федоровны со святым Царем Николаем Александровичем мы узнаем, что мысль о возобновлении опричнины как нового ордена в поддержку

Церкви и Трона была не чужда нашим последним Монархам. Орденскими по типу организациями были и особые части Белой армии: корниловцы, марковцы, дроздовцы, каппелевцы. «По духу своему мы, пожалуй, первый тип русского ордена, – писал „евразиец“ Н. Алексеев. – Были ли у нас предшественники? Этот вопрос еще темен. Мне лично кажется, что за нами прощупывается старейшая традиция». Предчувствия не обманывали Н. Алексеева. За ними и нами в действительности не просто прощупывается, а реально существует богатейшая русская орденская традиция.

Мы уже указали на то, что в латинском понятии «ordo» заключалась масса смысловых оттенков. Для нас в «ordo» важным является идея сословного служения высшему идеалу. Именно поэтому мы вправе рассматривать будущие ордена как сообщества нового сословия, связанного идеей служения Церкви в мире как новое рыцарство, как орудие Церкви и верных ее чад на политическом, государственном поприще, но, конечно, в качестве неотъемлемой части Русской Православной Церкви. Сейчас нашей истинной Церкви особенно необходима структура, которая будет действовать во внешнем мире от ее имени. Этот союз Церкви и светских орденов призван стать провозвестником возрождения симфонии власти, духовной и светской. Орден как внешний орган Церкви – это прототип своего рода новой опричнины в смысле сверхсословной опоры Трону. Именно потому православный орден по определению может быть только сугубо монархической организацией, храня понимание монархии как политического идеала Православной Церкви.

Мы никого не удивим, если скажем, что в нашей Церкви есть не только немало противников святости Царя-мученика Николая II, но и людей, отвергающих монархию в качестве канонического идеала политического устройства для Церкви и православного народа. И в этом вопросе непонимание граничит с откровенной враждебностью. Но священная хоругвь Царя-мученика по необходимости будет знаменем становления православных орденов и братств в России вопреки любым попыткам противостоят этому!

Воссоздание русских орденских организаций не случайно началось в эмиграции. Именно в Русском Зарубежье люди стали особенно восприимчивы ко всему, что связывало их с исторической Россией. Потеря Родины до предела обостряла нервы и стимулировала напряжение всех интеллектуальных сил избранных, не желавших мириться с положением беженцев, лишившихся Отечества навсегда. В Праге русское сокольство «уподобляется в идейном смысле рыцарскому ордену в условиях нашего времени, где люди связаны между собой узами братства, дисциплины и клятвенным обещанием служить своему народу, а через него славянству и человечеству».

Орденская идея лежала в основе Национальной Организации Витязей в русском Зарубежье. Ну а действительно первая реально действующая (и ныне существующая) Православная орденская организация была основана в 1929 году как боевая единица Высшего Монархического Совета и получила название Российский Имперский Союз. Высший Монархический Совет был основан в 1921 году с целью упорядочить Монархическое движение и по возможности заложить основу для Русского Заграничного Правительства. Первым председателем боевого Российского Имперского Союза стал Николай Николаевич Рузский. Николай Николаевич родился в 1897 году, окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус и Императорское училище правоведения, стал офицером лейб-гвардии Конного полка. С 1918 года работал в антикоммунистической организации и был арестован ЧК. В 1921 году нелегально перешел финскую границу, а позднее перебрался в Париж, где и вступил в первую группу Российского Имперского Союза.

В 1932–1936 годах Имперцы издавали в Париже газету «Имперский клич», выходившую под лозунгом: «Мы русские, с нами Бог». Имперский Союз осознал себя орденской организацией и закрепил это понимание в уставных документах в тридцатых годах двадцатого столетия. Тогда к названию Союза прибавили сущностное определение – Орден! В «Заветах и тезисах», выпущенных в 1930-х годах, говорилось: «Российский Имперский Союз есть молодая, независимая, пореволюционная организация – Орден с лозунгом „Слово и дело“. В первой половине 1930-х годов Имперский Союз выступал единым фронтом с НТСНП (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения) и РОВСом (Российским Общевоинским Союзом), а в 1937 году совместно с Русским Национальным Союзом Участников Войны и с НТСНП образовал Национальный Центр в Париже. В начале 1938 года Имперцы примыкают к Русскому Национальному Фронту, откликнувшись на призыв К. Родзаевского из Харбина. Но уже в конце 1938 года Имперцы отказались от каких-либо Национальных Фронтов, назвав их „не что иное, как демократические комбинации под национальной вывеской, где всяким политиканствующим дельцам и „гоцлибердамам“ предоставляется широкое поле безответственной деятельности во вред России“. Относясь лояльно к национал-социализму и симпатизируя итальянскому фашизму, Имперцы всегда призывали русскую эмиграцию не подражать чужим идеям.

В призыве «К национальному единству», опубликованном в октябре 1938 года, Имперцы отмечали, что только национальное единство под девизом «За Веру, Царя и Отечество» и лозунгом «Мы русские, с нами Бог» позволит русской эмиграции принять ответственные решения в

предстоящих, близких исторических событиях. Имперцы всегда стояли и стоят сейчас на платформе твердых убеждений, что всякое объединение действий различных национальных организаций становится действительно плодотворным только тогда, когда между организациями налицо единство веры и доктрины. Русский Национально-революционный Фронт, по их мнению, должен расширяться путем привлечения к нему организаций, стоящих на платформе национал-революционного мировоззрения и открыто борющихся против мировых сил тьмы.

Не только Имперцы, но и все лучшие бойцы Русского национального Зарубежья понимали, что «установление единой генеральной линии национально-революционных организаций за рубежом – залог единства и мощи ведущего отбора Российской нации в светлый и недалекий час освобождения и возрождения Великой России!». Так было напечатано в журнале «Нация» в 1937 году, именно так мы должны ставить этот вопрос вопросов и сегодня. Для понимания орденской идеи опыт РИС-О очень важен. Уже на заре своей жизни в эмиграции Имперский Союз заклеили как ретроградский. Нужна была политическая воля и духовная зоркость, чтобы высоко поднять монархическую хоругвь, а впоследствии занять жесткую «антикирилловскую линию» в условиях не просто эмиграции, но и существования в мире «побеждающих» либеральных ценностей. РИС-О считали архаичной организацией без будущего различные политические ошметки кадетов, октябристов и прочих февралистов, имена и организации которых канули в Лету, а РИС-О жив.

У ордена славная военная история. Именно к нему можно отнести слова Игоря Лавриненко: «Они всегда держали в боевой готовности наши русские средства: Крест и Меч». Член, а затем и руководитель Российского Имперского Союза-Ордена Н. Сахновский воевал в составе Бельгийского Валонского легиона войск СС под командой глубоко верующего католика Леона Дегреля. Будучи комендантом в сельской местности на Кубани, он обратился к простым людям, напомнив им о враждебности для русских людей большевиков. Н. Сахновский не собирался обманывать людей мнимой альтернативой безропотного подчинения фашистской идеологии. Он прямо и честно заявил, что проливать свою кровь русские люди должны только за восстановление в России Православной Монархии. Девиз роты Сахновского был: «За Веру, Царя и Отечество». На призыв Сахновского откликнулись многие, и из добровольцев (!) был составлен целый батальон. Эти люди пошли за ним не из страха перед немцами: тогда началось немецкое отступление, и многим было ясно, что Германия войну уже не выиграет. Оружие батальон Сахновского получил только на Украине и, вырываясь из окружения в Корсунь-Шевченковской операции Красной армии, почти полностью погиб в героической рукопашной схватке. Однако сам Сахновский уцелел и позднее, живя в Аргентине, вел огромную работу в рамках РИС-О. Мы являемся наследниками его трудов!

Доставалось Имперцам и от «братьев по монархической борьбе» – легитимистов, последователей самозванного «императора» Кирилла Владимировича.

Идеология РИС-О оказалась единственной путеводной нитью для правой монархической эмиграции. Благодаря преданности самодержавной монархии его членов и многих русских людей в Зарубежье стала возможна канонизация Царской семьи в 1981 году Русской Православной Церковью за рубежом. Имперцы, хотя этого прямо и не требовалось уставом, часто принимали на себя обет безбрачия, избрав своим лозунгом девиз: «Наша невеста – Россия!» Тем самым молодые соратники Имперского ордена повторяли древнюю традицию богатырского подвига как аскетического церковного послушания и не только на словах, но и на деле становились новыми рыцарями-монахами национальной России.

Огромное историческое значение РИС-О для нас заключается в том, что это, фактически, последняя действующая организация Зарубежья, пережившая все политические потрясения XX в. и принесяшая Белую монархическую хоругвь в Россию только в 1998 г. Руководитель ордена К.К. Веймарн до своей кончины в октябре 2003 года зорко наблюдал за переменами на Родине, и только несколько лет назад было принято решение перевести орденскую работу в Россию.

Для нас, православных русских людей, Хоругвь РИС-О – это символ незыблемой верности православно-монархической традиции, символ правопреемства и духовного единения Руси Коренной и Зарубежной. *Nomen est Omen* – в имени предзнаменование. Первая русская организация с именем «орден» вопреки скепсису либералов пережила XX в. и принесла нам спасительную веру в возможность по благодати Божией возродить Святую Русь и высокий Трон.

Очевидно, что в эпоху апостасии суть орденского служения – подвиг богатырства за Идеал Святой Руси. О духовном богатырстве и ратоборстве замечательно писал в работе «Подвиг богатырства» Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. Необходимым духовным актом богатырей веры должно быть молитвенное стояние друг за друга. Взаимная молитва и соборное единомыслие – это действительно духовная кольчуга, которая, даст Бог, окажется крепче паутины, сплетенной для России антиорденом разнокалиберных врагов Православного народа.

Продолжая линию русской орденской традиции, нельзя не упомянуть и подпольный Орден

Русских Фашистов, созданный А. Ганиным в 20-е годы в подсоветской России. И если за громким названием и не стояло в принципе никакой реальной политической или террористической организации в современном смысле слова, уже сам факт постановки вопроса борьбы с большевизмом в рамках орденских союзов заслуживает внимания. Тем более что автор программного документа А. Ганин заплатил за него кровью.

В условиях, когда в России фактически нет сословий и разрушены все традиционные связи, наши надежды устремлены на Православную Церковь в ее мистическом единстве и армию, где, мы надеемся, до сих пор собраны лучшие силы русского народа.

Казачье движение пока носит двойственный характер. Оно или дублирует на местах специфические бюрократические структуры князьков-губернаторов, или носит маскарадный характер в крупных мегаполисах. Хочется верить, что истинное казачество еще заявит о себе.

Так или иначе, но именно в этих структурах должен начаться кадровый отбор в духовные ордена и братства. Именно эти люди составят новую аристократию России. От орды к ордену. Только такое, по словам идеолога Русского национального возрождения А. Билимовича, «вновь нашедшее себя воинство, с мечом, осиянным Православным Крестом, подымет борьбу за освобождение своей Православной Руси».

Крайне важно подчеркнуть принципиальное неучастие духовных орденов в т. н. современной «игровой» политической жизни России. Как мы уже говорили и считаем необходимым повторить снова, политическая система у нас устроена таким образом, что все священные идеалы немедленно будут дискредитированы и опошлены тысячеязычными СМИ. Всякая попытка политической легализации своей деятельности, погоня за «юридическим лицом» – капитуляция перед разрушителями России, в чьих руках сейчас политическая и экономическая власть.

Глубинное архетипическое сознание народа оживляется символами. В России все – от национального герба до детских игрушек – пропитано воинской символикой. Икона XVI века «Церковь воинствующая», изображающая ангельское воинство в одном строю с православными витязями, являет собой зримое выражение духовной основы бранной жизни русского человека, иконописным выражением православной орденской идеи.

Л.А. Тихомиров утверждал: «Над народами нет высшей власти. Каждый должен уметь стоять за себя. Для этого нужна сила. А важнейшим условием внутренней силы является способность организовываться. Одних духовных стремлений мало: для практической деятельности надобно, чтобы народ, ищущий политической независимости, во-первых, умел образовать более или менее прочное правительство, соединяющее вокруг себя лучшие силы страны. Народ, лишенный военных способностей, не может иметь притязаний на государственное существование». Таким образом, ратный фактор является необходимым составляющим элементом орденской идеологии, и на орденском знамени мы можем начертать четыре девиза нашей борьбы: Православие, Самодержавие, Национальное единство и Ратный подвиг богатырства.

Один из современных авторов журнала «Ориентация», выходившего в Новосибирске в 90-х годах, скрывшийся под инициалами В.И., замечательно описал стратегию орденского единения, ссылаясь на опыт первых христианских общин. «...Речь идет не о конструировании новой государственной системы, а о создании новых организмов на развалинах империи.

Ранние христиане не стремились изменять власть, они создавали островки нового образа жизни (во всяком случае, отличного от того, каким жили римские обыватели). Первые христиане жили в своем мире, они по-своему относились к людям, по-своему справляли праздники, по-своему устраивали досуг, по-своему воспитывали детей. В то время как все остальные граждане морально разлагались и растрачивали свою энергию на пошлые развлечения, христиане духовно крепили. Принцип был таков: здоровое отделяется от больного и начинает существовать как самостоятельный организм, предоставляя больному возможность умирать отдельно.

Иными словами, люди со здоровой психикой и духовно близкие должны создавать закрытые (для больных) объединения. Во всяком случае, именно так поступали христиане. Объединения эти не стоит путать с политическими организациями, ибо последние преследуют вполне конкретную материальную цель».

Ту же мысль продолжает по-своему и другой автор. «Дистанция от всеобщего вырождения и падения должна быть во всей нашей деятельности. Мы не должны общаться с теми, кто не похож на нас или не разделяет наших Идеалов, не должны усваивать их „культуру“ и жить по ее законам. Между нами и ими должна лежать непроходимая пропасть, кто не с нами – тот против нас!.. В нынешней ситуации наиболее перспективная форма сопротивления – это полная независимость от государства. Это реально как одиночке, так и малой группе – каждого невозможно контролировать. В группе не обязательно должен быть лидер, так как после его возможной нейтрализации все разваливается. Каждый соратник должен быть предельно самостоятельным. Приток новых членов

должен происходить под скрытым наблюдением старых товарищей.

Для обретения единства, взаимопомощи и самоотдачи необходимы совместные акции, проекты, взаимовыручка в беде. Идеи «невидимой империи» и Белого сопротивления без лидера должны преобладать сегодня», – пишет современный автор газеты «Русская фаланга».

Перед нами стоит задача организации духовного пространства в своего рода Арьяварту – страну благородных арьев, воспитывающих свою политическую элиту, которую, в итоге определенной работы, возглавит национальный вождь.

Для уточнения скажем, что полная закрытость такого сообщества невозможна и вредна. Та часть нашего народа, которая сегодня кажется кому-то неизлечимо больной, завтра окажется нашим ближайшим соратником. Народ наш на глазах меняется, и можно констатировать многие отрадные свидетельства этих перемен.

С осторожным оптимизмом можно говорить, что здоровая половина общества медленно, но верно растет, как росло в Римской империи количество христиан, вопреки гонениям, непониманию и неприятию многих, даже высших, интеллектуальных слоев общества Древнего Рима.

Орденское братство не должно замыкаться в секту, но наоборот – расширять то поле политической и социальной жизни, ту среду, которая станет приемлемой для тех таинственных перемен в жизни России, о которых мы молимся.

Национальный вождь сегодня не может появиться в политических партиях или государственных структурах. Вождь русского народа появится вне Системы как безусловный духовный лидер политически активной части православных русских людей, как венец кропотливой орденской работы, а может быть, по воле Божией, и как Православный Царь Руси.

А сейчас перед нами трудная и творческая задача: «Воспостройство на строго-православной традиционной основе рыцарского военно-духовного Ордена. Ордена, объединившего бы в своих рядах монахов по духу и воинов по оружию...» – как призывает нас Р. Бычков.

У нас – великие духовные ценности, сохраненные нашей Русской Православной Церковью. У нас – великая героическая история. У нас – замечательный язык и неповторимая культура. Если мы найдем в себе силу и волю встать и сражаться – за нами будущее, если нет – не только мы, весь мир рухнет в хаос предапокалиптического распада, сколь бы надежным и комфортным ни казался современный мир.

Еще раз выделим основные мысли работы, посвященной во многом спорной, непростой, но крайне актуальной теме орденского служения Православной национальной России.

В ходе историософского анализа орденской традиции в Христианском мире мы дали определение ордена как структуры особого типа с духовной самодисциплиной и духовной иерархией. Орден – особый вид религиозного подвижничества людей, объединенных в борьбе за идеалы.

Мы определили, зачем нужны были ордена раньше и зачем нужен орден сейчас, а также его цели и оперативные задачи.

Нами были проанализированы условия существования орденской структуры в политической жизни современной России.

Мы выявили, с полной очевидностью, соответствие орденской идеи и общеправославной практики приходской жизни православного соборного народа.

Мы рассмотрели орденскую структуру как базисную организацию для аккумуляции элиты. Ее необходимость в деле возрождения истинной Русской Государственности в современных условиях более чем очевидна. Возвращаясь к мыслям Юлиуса Эвола о возможности восстановления истинных, традиционных государственных структур в современном апостасийном мире тотальной энтропии под знаменами либерализма, а также повторяя многие мысли из наших печатных работ, посвященных орденской тематике и впервые появившихся в учебнике для Национальной Организации Витязей в 1994 году, еще раз отметим принципиальную необходимость орденской консолидации новой русской элиты в деле максимального способствования восстановлению Монархической России в ее новом, Имперском Величии перед лицом грядущего антихриста. Необходимость эта определяется тем, что основой любого традиционного и устойчивого политического организма является орденская организация в самом широком смысле этого понятия, организация, имеющая своим архетипическим предшественником древний «мужской союз». Такого рода организация исторически отстаивала принцип «Империи» как идеала государственного, и принцип «Иерархии» как сущностной категории внутреннего структурирования имперского социума. В атмосфере кризиса, всеобщей разобщенности, политического безволия и чудовищного нравственного упадка обращение к «нации» (которая и сама ныне является продуктом сомнительного качества, доставшимся нам в наследство от минувшей эпохи краха традиционной Русской Государственности) не способно решить задачу подлинного возрождения Отчизны.

«Нация» сегодня – механическое, но не органическое смешение разнородных элементов.

Современная ситуация в России требует разделения: с одной стороны – масса, в которой всегда действуют одни и те же инстинкты и одни и те же интересы, связанные с физическим уровнем бытия, стремлением к комфорту и чувственным наслаждениям, с другой – должны быть люди, знающие истинную цену авторитету и закону, которая имеет своим оценочным источником Идею. Стойкая и внеличностная преданность идее является для этих людей своеобразным паролем, позволяющим узнавать друг друга в толпе безликой биомассы. Идея для этих людей – их истинная Родина, и в нашем случае этой Родиной была, есть и будет для каждого благородного русского человека Святая Русь, корни которой в небесах, а нам по Благодати даровано иногда приобщаться святых плодов этого чудесного древа. Соотечественников такой священной сверхреальной Родины объединяет не столько факт принадлежности к одной и той же земле (почва), обладания одним и тем же языком или одинаковой кровью (кровь), но и принадлежность к одной Великой Идее, принадлежащей этой крови и этой почве, а вернее – организующей и иерархически выстраивающей эти необходимые для своего уровня начала. «Разделить и разъять то, что обладает лишь мнимым единством в коллективной смешанности разнородного, высвободить ядро мужской субстанции в виде политической элиты для того, чтобы вокруг него началась новая кристаллизация, такова истинная задача и необходимое условие для возрождения „нации“, обретение ею формы и сознания», – писал Эвола. Такова задача орденовой организации и в России: кристаллизовать вокруг себя живые и чистые силы русского этноса для служения Идее Святой Руси.

Главной задачей русской орденовой структуры современности должно быть трепетное хранение перед лицом апостасии иерархии мистического церковного единства и истинных церковных преданий, молитвенное ожидание предизбранного Богом Царя; хранение Русскости и заветов опричнины; традиций национальной жизни; выстраивание опоры грядущему трону в виде нового дворянства, верного чести и долгу служения Церкви и Святой Руси.

В качестве легитимизации нашей деятельности нам не нужна регистрация, но необходима только историческая преемственность к исконным русским орденовым, в самом широком смысле, структурам: каликам переходим, витязям, опричникам, православным братствам, казачеству, Белым корпусам, Российскому Имперскому Союзу-Ордену.

Мы утверждаем принципиальное отличие русской орденовой идеи от западных орденов и масонства. Открытость в провозглашении целей, истинная церковность, истинный монархизм в строгом соответствии с церковными преданиями, иерархия, основанная на свободном подчинении в соответствии с духовно-нравственными критериями оценки личности, – вот наше кредо. Отсутствие особых клятв, входящих в противоречие с вероучением Вселенского Православия и русскому монархическому идеалу, – вот наше нерушимое правило.

Орденское объединение есть законная реакция правого меньшинства на узурпацию власти неправым меньшинством. Впрочем, верна и другая пропорция. Правое меньшинство также имеет право оспаривать власть у неправого большинства.

Надо помнить, что орденовое объединение – не регулярная организация с собраниями и взносами, хотя оно может принимать и подобный вид. Орден был и будет всегда суровой жизненной школой, длящейся для адепта всю его жизнь. Наша стойкость и решимость отстаивать свою правду до конца требует предельного мужества и боевого духа не до пенсионного возраста, а до гробовой доски. Никакое прекрасноречие и конформизм не должны поколебать верность долгу, служения избранному пути. От человека орденовой закалки требуется всегда быть на боевом посту, обладать хорошей физической формой и непреклонной волей. То, что возможно в условиях мирной жизни, недопустимо для людей, вставших на путь орденового служения, на путь каждодневной изматывающей войны.

Орден – последняя попытка духовной и этнической консолидации живых элементов социума, некогда бывшего Великим Русским народом.

Вместо эпилога

Говоря о монархии и возможности ее возрождения на современном историческом этапе в России, мы не должны забывать главного. А главным является то, что народ обязан свято хранить верность своим вековым устоям и институтам, в которых он, народ, родился, рос и проходил свое историческое становление вплоть до возмужания. Хранить даже тогда, когда, кажется, в этом уже нет никакого рационально понимаемого смысла и вещественно осязаемой пользы. Этот непреложный закон жизни любого национального организма надо понимать в том смысле, что самое главное – верность не застывшим формам, которые действительно могут устаревать, но исключительно и только духу древних устоев и государствообразующих институтов. Ведь именно дух, понимаемый сколь угодно широко, но сохраняющий при этом абсолютную реальность своего выражения в

исторически обусловленных формах, сформированный в традициях определенной религии и всецело ориентированный на соответствующую традицию, отличает один народ и весь его духовно-душевный склад от другого народа, одну культуру от другой. Именно в этом отличии и заключается сама живительная сила этноса и его традиционных устоев в целом. Согласие и верность основным священным принципам национального бытия формируют истинный национальный организм в лице полноценного органического государства. Этнические, антропологические, культурные и психические особенности народа обретают смысл и гармонизируются в едином народном организме только при наличии духовного единства и верности священным духовным устоям этноса. Без верности традиции, которая представляет особый генетический код народа, люди, рожденные на одной земле и живущие в едином климате, в едином юридическом поле в принципе не отличаются, по словам известного итальянского мыслителя прошлого века Гвидо Де Джорджо, от «предметов, выпускаемых на одном и том же заводе, но значительно различающихся по форме и значению». Достоинство человека, его свобода и воля соотносятся напрямую с его принадлежностью не к серой атомарной массе населения, занимающего определенную территорию, пусть даже и большую, но исключительно принадлежностью к большому национальному организму народа. Народа, чье историческое значение и величие определяются его верностью духовным корням, его способностью к вечному обновлению в строгом соответствии с теми непреходящими духовными идеалами, которые стали для него истинно народной душой, с теми идеалами, которые пронизывают все стороны его жизни: частной, общественной, политической, религиозной. Во имя такого подлинного духовного единства, всегда торжествующего над всеми превратностями национальной судьбы, во имя настоящего счастья всего народа и каждого его члена мы обязаны сделать волевое усилие по возвращению к тем священным истокам, где начиналась наша национальная жизнь, к истокам, дающим народу возможность обновления на путях верности себе и своим традиционным устоям.

Да поможет нам Бог снова стать Великим народом Великой России!

Заключение

В самом конце, наверное, необходимо сказать то, с чего обычно начинают повествование, что говорится в начале, особенно когда заходит спор о приоритетах той или иной политико-экономической формации у нас в России, а именно – пару критических слов в адрес оппонента. Вот только оппонент давно не заслуживает того, чтобы о нем говорили в начале. Давным-давно, в далеком XIX веке, лучшими умами планеты был поставлен диагноз демократии и либерализму – тяжелая болезнь, ведущая государство и общество к летальному исходу.

Никакой разумной контраргументации из либерально-демократического лагеря не последовало. Более того, весь прошлый век красноречиво доказал верность этого диагноза.

Самые разрушительные на земле войны и революции с миллионными жертвами были спровоцированы демократическими режимами, которые в океанах крови европейцев добывали свой гешефт. Как свободные радикалы в иерархической структуре материи наносят смертельный ущерб всей системе в целом, так же и взращенные в либеральном мире идеи и люди, ими зараженные, те же либеральные, т. е. свободные радикалы, знаменосцы всяческих демократий, несут вырождение и смерть всему культурному человеческому сообществу.

Особые тому доказательства уже не требуются. Любому россиянину достаточно включить телевизор, чтобы окунуться в мутное болото политической и бытовой лжи, чудовищной коррупции всех эшелонов власти, разврата самого нечеловеческого свойства, зловещего роста преступности, наркомании и общей смертности, гибели нравственных устоев семьи, понятий о чести и верности, физического вырождения самого человека, наконец.

«Почему же тогда на протяжении последних двухсот лет демократия торжествует везде и всюду?» – спросит неискушенный читатель. Ответ прост – катиться под гору всегда легче. Потакание греху и слабостям дается человеку и человеческому сообществу проще, чем дисциплина, труд, культурное творчество, жертвенность во имя священных идеалов, которые могут быть только у высокоразвитых, действительно культурных наций, а не у скопища дегенератов и воров, в которое неуклонно превращается все белое человечество, несущее свои новые «ценности» отстающему Востоку на крыльях американских бомбардировщиков.

Представим себе на минутку то, что и представить-то страшно: обществом правит наркомафия, которая «подсаживает на иглу» все новых и новых людей. Но мы не догадываемся о том, что наркотики – это смерть. Более того, все СМИ в руках наркодельцов, и каждый день через телевидение и газеты нам токуют, что наркотики – это единственный правильный выбор всего прогрессивного человечества. Отказ же от них – это недостойный культурного человека акт, настоящий и страшный

фашизм. Общества, пытающиеся отказаться от наркотиков, «прогрессивные общечеловеки» безжалостно бомбят под радостные взвизгивания купленных на наркоденьги «правозащитников», позиционируемых всем нам не иначе, как совесть нашей нации.

Вот такое общество, без преувеличений, и есть современная система демократий. И образ наркомафии для невидимого правительства этого сообщества выбран не случайно. Дело даже не в том, что вся наркоторговля – дело рук не таинственных латиноамериканских картелей, а анонимов, которые и являются истинными кукловодами современного демократического истеблишмента. Главное, что матрица, эталон такого вот уничтожения традиционных обществ и культур был заложен наикультурнейшими англичанами и их изысканными европейскими союзниками во времена опиумных войн, когда в XIX веке весь Китай хотели посадить на опиумную «дурь». И это вам не печи Бухенвальда, не эксцесс, а хорошо спланированная «гуманная» политическая акция либеральнейших европейцев!

Мне могут возразить, что все безобразия в сегодняшней России – от недоразвитости наших демократических институтов. Ложь! У нас построена классическая эталонная демократия, даже более эталонная, чем на Западе. Там удалось избежать тотального уничтожения всех традиционных социальных институтов, у нас – нет.

Железная метла коммунизма вымела пол в доме под бывшим названием «Россия» не то что до фундамента, а прямо до земли. И вот на этом девственном грунте с 1991 года и возводится здание либеральной демократии, которой в последнее время «приспичило» подавать себя как суверенную. При сохранении этой самой суверенной из всех суверенных демократий Россия обречена, как бы ни распухал ее стабилизационный фонд. У смертельно больного человека очень часто распухают до чудовищных размеров давно отжившие органы.

Спасти Россию может только революционное возвращение к тем традиционным институтам, которые вполне реально воплотить в жизнь сегодня, сейчас.

По идее, возрождение монархии в России может идти двумя путями. Первый – эволюционный. Его цели, задачи, основные параметры указаны в последней главе. Но этот путь не быстрый и может затронуть лишь весьма небольшой слой людей в современном российском обществе.

Второй путь – революционный, под девизом: «Монарх – завтра».

Такое чудесное, ураганное появление индивидуально воплощенной Верховной власти способно быстро и эффективно начать структурировать общество в жизнеспособный исторический организм.

Причем, явившись из небытия как чудо, как стихия, монархия способна без всяких чудес и заклинаний сделать в плане реального улучшения жизни большинства людей много больше, проще и быстрее, чем сегодняшняя власть со всеми ее национальными проектами, куда вошли те функции государства, которые оно обязано всегда, по природе своей, честно исполнять, без экстренных мер и специальных авральных проектов. В этих функциях и заключен смысл государственности как орудия, инструмента Верховной власти. Без них государство – фикция, чем оно в сегодняшней Российской Федерации, по сути, и является.

Реальная монархия действительно может быть восстановлена в России уже завтра, и с этого момента начнется возрождение всех традиционных институтов. Вся структура общества будет приведена к органической жизнеспособной форме, а Церковь получит свое каноническое завершение в лице Самодержца, что станет началом ее действительного оздоровления и объединения ее юрисдикций-осколков, оставшихся от трагического падения Российской империи.

Но крайне необходимо, чтобы весенняя гроза монархического оздоровления шла параллельно с процессом консолидации истинной духовной элиты в России, что станет залогом воплощения именно идеальных форм канонической государственности, которые мы сможем смело и честно называть священным для нас именем – Россия.

Без этого России нет и не будет. А стоит ли нам жить без России и без надежды на ее Воскрешение?

На этот вопрос предстоит ответить каждому – за себя и за своих детей, перед которыми мы в ответе.

А перед предками все мы не только в ответе, но и в долгу!

И, согласившись со мной, читатель, как, впрочем, и я сам, задается мучительными вопросами: кем будет возможный Русский Самодержец? Где мы можем его обрести, и каким образом? Кто укажет нам грядущего Царя? Власть монарха – власть сугубо персонифицированная, династическая. Мы не вправе рассуждать о грядущем монархе отвлеченно. С политической точки зрения, необходимо дать исчерпывающий, исторически безупречный и рационально обоснованный ответ о том, кем будет Самодержец, откуда ожидать прихода Царя. Оставаясь исключительно на почве трезвой оценки политической ситуации, мы тем не менее вынуждены дать парадоксальный, даже иррациональный, но достоверно прагматичный ответ о том, что Царя нам укажет Господь и Сам выберет способ

очевидности избрания Государя свыше доказательства. Любая попытка по-иному смоделировать или просчитать ситуацию, опираясь на весь современный научный социально-политический понятийный аппарат, попытка анализировать такую возможность с точки зрения современной экономической ситуации или того хуже – интересов современных политических властных групп – будет утопической фантазией.

Естественный ход событий может лишь приуготовить приход Царя, но не приведет нас к Царству автоматически. Царство возможно в России только в плане Чуда, и вера в это Чудо – не прихоть неразвитого сознания, но исключительно позиция нравственно здорового, интеллектуально и духовно зрелого, трезвого жизненного оптимизма. Неверие в Чудо воскрешения монархии является следствием того, что наши современники привыкли понимать под рациональным, познавательным процессом свой навык худо-бедно готовить интеллектуальный винегрет из устаревших экономико-социальных мифов и понятий последних двухсот лет. Парадокс современной ситуации состоит в том, что современные рационалисты и прагматики верят в сказки с экономическим и финансовым сюжетом, а «чудаки и мистики» – в реальность чудес (или в чудесную реальность), которая и вселяет в нас бодрость духа и исторический оптимизм.

Царь – и об этом сказано нами не раз – появится оттуда, откуда никакие «прозорливые аналитики» никогда не будут ожидать его прибытия.

В Русской истории есть немало священных загадок. Одна из них связана с тайной смерти Императора Александра Благословенного. Более чем вероятно, что сибирский старец Федор Кузьмич и был ушедшим от мирской славы Императором Всероссийским. Но такой уход не был для России чем-то особенным, выходящим за привычные стереотипы поведения. Это для нашего мирского сознания он кажется чудом и «экстравагантщиной». Раньше в монахи уходили не только простые люди, но и знатные вельможи, зачастую – тайно. И это было нормой.

В нашей истории есть и более ранний пример ухода в монахи лица, имеющего все права на Трон. Речь идет о святом Михаиле Клопском, новгородском святом. По одной из версий его жития, он был внуком старшего сына Великого князя Семеона Гордого, но, уйдя в монахи, оставил Трон для Димитрия Донского. Как писала в свое время Ксения Мяло: «Такое постоянство образа Царя-отшельника или даже Царя (князя) мученика говорит как о настойчивости стремления уподобить Святую Русь, царствие земное, Царствию Небесному, осуществить в ней полноту идеального бытия, так и о постоянной неутоленности этого стремления».

Быть может, грядущий Монарх и придет к нам из затвора, из тайного скита, где он до времени неузнанным трудится простым послушником?

Царь в России явится не как законный итог определенных политических мероприятий, но лишь как не заслуженный нами дар Божий, подаваемый нам по Благодати в случае встречного волевого импульса к духовному выздоровлению нашего народа. В такой священной «синергетической среде» и может возродиться Русское Царство.

Причем именно приход Монарха может решить и тупиковые политические задачи современности. Например, только законный Монарх способен опять объединить великорусов, белорусов и малорусов в единый православный русский народ. Ведь лишь он – отец крещенного в православную веру народа имеет священное и не оспоримое никакими самостийниками и зачумленными «оранжистами» с майдана право опять собрать его в единую семью, каковым этот народ и вошел в Историю из Днепровской Купели – единым и неделимым.

Можно предположить и еще одну парадоксальную, но только на первый взгляд ситуацию. Чем спокойней и сытнее будет житься народу в Российской Федерации, тем больше шансов у Монархии быть восстановленной. Насытив или устав насыщать свои самые необходимые или же избыточные материальные потребности, человек волей-неволей по-особому смотрит в небеса, хотя бы раз в жизни. Каждый осмысленный взгляд, оторванный от бренности земной и обращенный к звездному небу, взгляд любого человека – это уже его голос, его первый «бюллетень» за восстановление священных основ бытия в бренном мире, его голос за Монархию.

Достаточно вспомнить, что все революционные перевороты проистекали от сытости и желания перемен тех, кто способен был их совершить, а участие в них обездоленных масс – всего лишь фон для главного сюжета исторической драмы. На голодный желудок революции не делались. Голодный желудок отрывает человека от политики, что прекрасно осознали большевики, устроив голодомор тридцатых годов.

В России, где все-таки идет неуклонный процесс возрастания интереса к собственной истории и корням своей цивилизации, где традиционные устои возрождаются, где растет национальное самосознание русского народа, приобретающее даже крайние формы национализма (что простительно и понятно, учитывая столь долгий срок подавления в СССР всего исконно русского), будут автоматически возрастать и монархические настроения. Но они не будут иметь внешний

«законнический» тип юридического осмысления прав того или другого претендента на Трон, а будут отражать позиции глубинного архетипа народной души и его представлений о Верховной власти или в виде Царя-богатыря, или Царя-святого.

Именно такой монарх воплощает в себе архетипические черты «Белого Царя», духовно и кровно единого со своим народом. Такое единство с православным народом невозможно представить, если будущий Царь будет иметь сытое лицо арабского шейха или лощеного английского аристократа.

Скептик, прочитав эти строки, пожмет плечами и фыркнет что-нибудь вроде: все это – «утопизм» или тому подобное.

Но разве сегодняшняя политическая ситуация в России – не насильственно пролонгированная утопия? Ведь всем умным людям давно уже ясно, что многопартийная демократия, созданная на Западе двести лет назад в совершенно особых исторических условиях, уже сотню лет как себя изжила. Партии давным-давно стали избирательными клубами, но нисколько не политическим выражением различных социальных классов и экономических доктрин. Особенно искусственный характер носит процесс созидания в России партий и партийных блоков, ведь тех незыблемых границ социума и тех страт, которые могли бы выражать свои интересы через политические партии, давно нет. Партии – это обветшалые лохмотья истории, которые крайне нелепо выглядят, когда их натягивают на себя современные политические силы. Партийная демократия на Западе – это всего лишь старинная, весьма затратная и непрактичная политическая традиция, от которой не могут отказаться только по причине того, что современные технологии управления толпой крайне нуждаются в «дымовых завесах». А такие традиционные институты, как палаты лордов и общин, парламенты и прочие «говорильни», идеально подходят для того, чтобы при управлении людскими массами сохранялась видимость преемственности власти на законных основаниях. Давно уже доказана утопичность ожидания от парламентских структур и партийной возни эффективного управления крупными государственными образованиями. Порой вся энергия, весь государственный ресурс уходили на поддержание баланса политических сил при парламентской борьбе и приводили экономику страны к печальным последствиям. Для примера можно привести не только малые страны, но и Францию, которая при королях была сильнейшим государством Европы и мира, а при демократии скатилась ниже первой пятерки. Чем крепче была в Британии власть парламента, тем меньше становилась в размерах Британская империя. Сейчас заговорили о том, что палата лордов – верхняя палата парламента – институт отжившего свой век Средневековья. Конечно, это так. Только вот что характерно: заговорили об этом именно тогда, когда Британия окончательно потеряла статус мировой державы и стала прихвостнем своей бывшей колонии – США. Но несмотря на всю утопичность современных политических систем, их неповоротливость и неспособность решать задачи периода насильственной глобализации, весь мир устами политиков, как под гипнозом, бормочет о том, что именно эта форма политического устройства есть столбовая дорога человечества.

Для России парламентская демократия, представленная партиями, которые вообще не являются выразителями никаких политических тенденций, интересов и чаяний народов России, а служат исключительно целям обслуживания той властной структуры, которую иначе как крипототалитаризмом и назвать нельзя, – это насильственно воплощенная в жизнь утопия. Чего стоят только последние политические и технологические новинки в России. Власть административным усилием создает партию «Справедливой России», давая повод уже не только шутникам подозревать, что партия власти «Единая Россия» есть «Россия несправедливая». Вспомним, что еще не так давно существовала «Партия жизни». И действительно, когда партии не имеют социально-политической почвы для своей организации, когда нет группы, чьи интересы можно было бы выражать, уже участвуя в политике, но еще не определившись, с каким же политическим багажом они в этой самой политике участвуют, тогда нужно эту «социальную почву» выдумать. Ну, например, почему бы не выражать интересы тех, кому дорога жизнь, а не кошелек? А вдруг таких в России большинство? Это уже заявка на титул «партии власти», партии демократического большинства. Хотя большинство, как известно, – это «партия смерти», но оно не участвует в политической жизни, как, впрочем, и в жизни вообще. Все мы когда-то присоединимся к такому большинству, но пока этого не случилось, у нас есть выбор. И если мы выбираем жизнь, тем более – жизнь национальную и политическую, то, наверное, менее всего этим мы обязаны усилиям функционеров из «Партии жизни».

Нам не привыкать к тому, что небывалое бывает. Мы более семидесяти лет строили, иногда казалось, что успешно, «Город солнца» по рецептам утописта Кампанеллы. Жизнь этой утопии унесла, по самым скромным подсчетам, 60 миллионов жизней наших соотечественников. Культ солнечного круга, о котором пелось в детской песенке, оказался кровавым. Он безжалостно «скосил» и «смолотил» лучших представителей государствообразующего русского народа.

Новая утопия создала в стране такие условия, что ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что массовое вымирание России есть прямое следствие этой самой новой утопии, которую построили для

себя «Мальчиши-Плохиши», расправившись с «Мальчишами-Кибальчишами». А разве не утопичным является современная борьба с коррупцией не только у нас, но и во всех развитых странах? При современной системе ценностей, которую разделяет абсолютное большинство планеты, системе, которая навязывается через все доступные средства, начиная от СМИ и заканчивая массовой культурой, это борьба с самими собой. Если в обществе ни духовные ценности, ни нравственные ориентиры, ни традиция уже не играют никакой роли, если общим лозунгом стал – «Обогащайтесь!», если единственным ценностным мерилom стали деньги, то оправданным в глазах миллионов является именно то поведение, которое приносит максимум прибыли. А все антикоррупционные законы воспринимаются всего лишь как нечестные правила игры, назначаемые теми, кто также участвует в этой безудержной гонке обогащения, но старается всяческими юридическими ухищрениями отсечь массы от участия в этом соревновании стяжательного психоза. Деньги – вот современный бог людей, и если незаконные способы их приобретения более выгодны, то ничто – никакие законы и правила не остановят ни высокопоставленного чиновника, ни простого обывателя от применения именно этих способов. Даже повсеместно заявленное и общепринятое на словах правило западного либерализма «Fair play» на деле не работает. Вся борьба с нетрудовыми доходами чиновничества – это или имитация государственной жизни давно уже негосударственного организма, или утопические мечтания тех, кто еще не понял, по каким правилам живет современный постгосударственный социум. Самое ужасное, что мы свыклись с жизнью в мире искаженных жизненных основ, с жизнью в чудовищной социально-политической утопии, считая ее нормой.

И после всего этого кто-то будет утверждать, что возрождение монархии в России – миф? Да нет же! Это – единственный рецепт излечения страны от кровавого недуга утопизма, единственная политическая позиция, которая заслуживает права называться трезвой и прагматичной. В то же время это позиция, революционная по своей сути. Монархическое сознание требует от человека революционного преобразования себя в ментальном и духовном смысле, а через это – и преобразования окружающих людей, всего общества. Оно призывает относиться к власти и ее законности не сугубо юридически, но совершенно мистически. И такое отношение может быть оправдано лишь в том случае, если Верховную власть представляет избранник небес, помазанник Божий, Государь.

Современный монархизм – это, прежде всего, религиозная революция.

Новый человек никогда не создавался политическими движениями, но только глубинными духовными революционными потрясениями. А Россия нуждается, прежде всего, именно в человеке нового типа, в личности с абсолютным приоритетом духовного над всем материальным. Безусловная вера в свободу человеческой души, в силу духа преодолевать материальный, экономический детерминизм дает нам основания верить, что такое поколение людей не есть лишь пустые мечты. Россия нуждается в Личностях. Только качественно иные «чрезвычайные» люди, способные нестандартно мыслить и действовать, а главное, умеющие нестандартно жить, могут исправить ситуацию коренным образом. Не удивительно ли, что вся наша история полна примеров проявления великолепных и блестящих талантов и личностных качеств русского человека? Вся история до 1917 года, хотя личности не иссякли и после крушения исторической России.

Но вот что характерно, и не только для нас, но и для всего мира. Демократия пришла к власти под лозунгами защиты прав личности, но именно личности исчезли с политического горизонта тех стран, где их права гарантировала хваленая демократия. Взамен она стала плодить духовных пигмеев, поскольку в современной затхлой духовной атмосфере личности просто не могут появляться. Такая атмосфера ядовита для всего великого и прекрасного, что заложено в человечестве, но она очень благотворна для развития человеческой плесени. Только духовная и нравственная дисциплина общества, построенного на религиозных принципах, производит на свет Личность с большой буквы. Акт самопроизвольного послушания, личной, духовно осознанной дисциплины дает человеку внутреннюю установку преодолеть в себе все животное, чтобы высвободить истинно человеческие силы характера. Дисциплина укрепляет личность. Давно подмечено, что лучшие и личностно неповторимые черты мужского характера выковываются воинским строем. Религиозная дисциплина государственности рождает народ личностей, вседозволенность и комфортабельная анархия плодят животное стадо.

Нужно набраться терпения и ждать Государя. И укажет нам его не корона на голове, какой бы драгоценной она ни была или казалась.

Царя укажет меч в камне! Вы уверены, что такое невозможно?

Вы будете поражены.

Издательство: Издатель Быстров, 2007 г.
Твердый переплет, 480 стр.
ISBN 978-5-9764-0086-3
Тираж: 5000 экз.
Формат: 84х108/32